МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

№ 2 / 2016

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

№ 2 / 2016

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

Основан в 2015 году

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

* * *

* * *

Email редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: http://histformat.com/

ISSN 2411-9415

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

Established in 2015

SCIENTIFIC PUBLICATION

* * *

* * *

Email: mail@histformat.com
Website: http://histformat.com/

ISSN 2411-9415

* * *

Международный научный журнал «Исторический формат» посвящён публикации результатов актуальных научных исследований по истории России и других стран мира. Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях.

The international science magazine «Historical Format» is dedicated to the publication of the results of relevant scientific research on the history of Russia and other nations. The magazine publishes original articles in Russian, English, French and German, presenting the results of scientific research on historical themes, as well as notifications of research conducted under the umbrella of the magazine or with its direct participation.

Die internationale wissenschaftliche Zeitschrift «Historisches Format» veröffentlicht die aktuelle Ergebnisse der wissenschaftlichen Forschung der russischen Geschichte und der Geschichte der anderen Länder. Die Zeitschrift veröffentlicht Publikationen zu historischen Themen in russischer, englischer, französischer und deutscher Sprache, sowie die Berichte über die unter der Leitung oder mit Teilnahme der Zeitschrift verlaufenden wissenscahftlichen Veranstaltungen.

La Revue internationale scientifique «Format historique» est consacrée à la publication des résultats des recherches scientifiques actuelles sur l'histoire de la Russie et d'autres pays du monde. La Revue publie des articles originaux sur les résultats des recherches scientifiques en russe, anglais, français et allemand et aussi l'information sur des activités scientifiques organisées sous la tutelle de la Revue ou avec sa participation.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS:

ОТ РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги и читатели!

Наконец, перед Вами новый долгожданный номер «Исторического формата». Мы планировали выпустить его немного раньше, но обстоятельства вынудили нас задержаться на месяц. Надеемся, что это не слишком критично, тем более что в разгаре сезон летних отпусков. Впрочем, некоторые уже начали волноваться: почему нет нового номера? Поэтому спешим всех заверить – всё в порядке, журнал снова открывается на Ваших экранах.

Редакция «Исторического формата» выражает благодарность всем, кто поддержал журнал на краудфандинговой платформе «Планета.ру», и персонально:

Горбачева Варвара Борисовна
Игнатьев Вадим Александрович
Костяной Сергей Александрович
Курин Николай Александрович
Медведев Андрей Всеволодович
Назаров Валерий Евсеевич
Овсянников Максим Валерьевич
Пайор Евгений Викторович
Рычков Александр Константинович
Шавлак Елена Геннадьевна
и другим нашим читателям, пожелавшим сохранить анонимность.

С этого выпуска в состав Общественного попечительского совета журнала «Исторический формат» вошёл большой энтузиаст и член Академии ДНК-генеалогии *Дмитрий Вячеславович Вотрин*. Напоминаем, что вступить в Общественный попечительский совет может любой желающий, оказывающий редакции журнала существенную поддержку. Кого это интересует, просим писать на наш мейл. По-прежнему принимаются и рассматриваются рукописи к публикации (правила оформления указаны в конце номера), которые следует направлять по электронной почте: **mail@histformat.com**

Всеволод Меркулов,
кандидат исторических наук,
главный редактор

25 ИЮНЯ – ДЕНЬ ДРЕВНЕЙ РУСИ

25 июня 860 года Древнерусское государство впервые заявило о себе и утвердилось на международной арене, одержав победу над Византийской империей. Летописи сохранили наиболее раннее задокументированное свидетельство существования русской государственности, для которой события 860 года имели огромное значение. Недаром «Повесть временных лет» ставит в прямую связь с походом на Константинополь то, что «нача ся прозывати Руская земля».

В 2010 году в Санкт-Петербурге и Старой Ладоге состоялась крупная международная конференция «Начала Русского мира», приуроченная к 1150-летию того исторического похода русов на Константинополь. На конференцию съехались учёные из России, Украины, Белоруссии, Швеции, Греции и других стран. Историки предложили установить 25 июня ежегодный **День Древней Руси**. Редакция международного научного журнала «Исторический формат» присоединяется к этой инициативе и посвящает этой дате второй номер за 2016 год.

Приглашаем Вас поддержать традицию и ежегодно 25 июня отмечать памятный День Древней Руси.

Редакция журнала
«Исторический формат»

УДК 94(47).025

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА И ВВЕДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА НА РУСИ

Кауркин Р.В.
Высшая школа экономики в Нижнем Новгороде
Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12
e-mail: rad-kaurkin@mail.ru
Researcher ID: M-3624-2015
http://orcid.org/0000-0003-3724-0975
SPIN-код: 3946-8733

Авторское резюме

В статье рассматривается проблема влияния внешнеполитических планов князя Владимира на решение о введении Христианства на Руси. Показана тесная связь этого исторического акта с общеполитическим контекстом развития Восточной и Южной Европы, с отношениями Руси, Болгарии и Византии. Лишь с учетом дунайской политики русских князей Святослава и Владимира акт Крещения Руси из «исторически немотивированного» превращается в логически выверенный политический шаг.

Ключевые слова: Русь, Византия, Болгария, христианство, внешняя политика, Владимир.

PRINCE VLADIMIR'S FOREIGN POLICY AND THE CHRISTIANIZATION OF RUS'

Radislav Kaurkin
Higher School of Economics in Nizhny Novgorod
25/12 Bolshaya Pecherskaya Street, Nizhny Novgorod, 603155, Russia
e-mail: rad-kaurkin@mail.ru

Abstract

The author examines the impact of Prince Vladimir's foreign policy on his decision to convert Rus' to Christianity and shows that the Christianization of Rus' was driven by the general political development of Eastern and Southern Europe and by Rus' relations with Bulgaria and Byzantium. Only when taking into account the Danube politics of the Russian princes Svyatoslav and Vladimir can the historical act of the adoption of Christianity by Rus' be viewed not as historically unmotivated, but as a logical political step.

Keywords: Rus', Byzantium, Bulgaria, Christianity, foreign policy, Prince Vladimir.

* * *

Вопрос о причинах крещения кн. Владимира и возведение им христианской религии в Киевской Руси в ранг государственной до сих пор остается одним из проблемных в исторической науке. И связано это с тем, что, несмотря на подробное описание этих событий в Повести временных лет (ПВЛ), в ней присутствует целый ряд алогизмов. Повествование буквально соткано из противоречий (Кузьмин 1988:

14). В большей мере в этом виновата позднейшая прогреческая цензура, которой подвергалась летопись (Карташев 1993: 107). Однако, несмотря на всю «былинно-сказочность», «легендность» ПВЛ, в ней сохранились отголоски реальных событий, ход которых воссоздается при учете внешней политики Владимира Святославовича. Не умаляя ни в коей мере значение внутриполитических и социальных причин, необходимо отметить, что, вероятнее всего, факторы, в большой степени определившие выбор веры и время крещения Руси, были все же внешнеполитическими.

А.Н. Сахаров отмечал в свое время, что детальное обращение к комплексу международных аспектов крещения позволяет не только существенно углубить наше понимание этого исторического явления в целом, но и прояснить некоторые спорные вопросы, касающиеся истории крещения Руси и места России в системе тогдашних государств (Сахаров 2004: 64). Иначе непонятно, ради чего необходимо было кн. Владимиру насильственно проводить религиозную реформу и обострять отношения с подчиненными восточнославянскими племенами (Фроянов 1995: 90). Ведь «уже крещение киевлян показало, с какими колоссальными трудностями предстоит столкнуться великому русскому князю при обращении в христианство населения страны. Как для большинства киевлян, так и для большинства жителей Руси поворот князя от язычества к христианству не был понятен. Практика показала, что заставить широкие народные массы креститься можно лишь под угрозой применения к ним репрессий» (Рапов 1988: 250). Яркий тому пример - крещение Болгарии при царе Борисе I, которое привело к широкому народному восстанию в 865 г. в десяти комитатах.

В ПВЛ внешняя политика кн. Владимира отражена следующим образом: 978 г. - отправление послов в Константинополь «к царю с предупреждением: «Идут к тебе варяги, не держи их в городе, иначе причинят тебе зло, как и здесь, но рассели их по разным местам, а к себе не пускай ни единого» (Лаврентьевская летопись 1993: 77); 981 г. - «Пошел Владимир к полякам и занял города их: Премышль, Червен и другие» (Лаврентьевская летопись 1993: 79); 983 г. - «Пошел Владимир на ятвягов, и победил, и взял землю их» (Лаврентьевская летопись 1993: 79); 985 г. - «Пошел Владимир на болгар... и победили болгар... И заключил мир Владимир с болгарами и клятву дали друг другу» (Лаврентьевская летопись 1993: 80); 987 г. - направлены посольства к волжским болгарам, «к немцам» и в Византию с целью узнать, «у кого какая служба и кто как служит Богу» (Лаврентьевская летопись 1993: 94); 988 г. - «Пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий...» (Лаврентьевская летопись 1993: 97); 992 г. - «пошел Владимир на хорватов» (Лаврентьевская летопись 1993: 104).

События 978 г. говорят о том, что между Киевом и Константинополем существовали не просто дипломатические, а доверительные отношения, о чем не единожды писали историки.

Поход 981 г., вероятно, преследовал не просто возврат Червенских городов, а выход в верхнее течение Днестра, благо среднее и нижнее течение его и реки Прут было взято под контроль усилиями князей Олега и Игоря во время войн с угличами и тиверцами (Греков 1953: 454, 456).

После удачного похода на ятвягов в 983 г. почти весь Северный Буг оказался на территории Древнерусского государства.

По поводу болгарского похода 985 г. существуют две точки зрении: одна из них утверждает, что кн. Владимир ходил на камско-волжских болгар, другая на дунайских. Скорее всего, верна вторая (Мавродин 1945: 302). Подтверждением этого является, в частности, тот факт, что в Сокращенном летописном своде 1495 г. написано: «Ходи на Болгары на Низовские» (ПСРЛ. XVII: 313). А именно так именовались в Древней Руси болгарские города в низовьях Дуная (Сахаров 1991: 101). В Иоакимовской летописи, которой пользовался В.Н. Татищев, также названа Дунайская Болгария: «Владимир, собрав воинство великое... пошел на болгоры и сербы... Болгоры же… совокупившись со сербы, вооружились противо ему. И по жестоком сражении победил Владимир болгоров и сербов и поплени земли их, но по прозьбе их учинил мир с ними...» (Татищев 1963: 57-58). При этом летописец перепутал болгарские имена - комитопул Самуил, фактический правитель страны в то время, назван Симеоном, который правил Первым Болгарским царство с 893 г. по 927 г. Такая ошибка вполне вероятна для начала XVIII века (Кузьмин 1988: 192).

Общий схематичный подход в описании под 987 г. совета «бояр и старцев градских» (Лаврентьевская летопись 1993: 94) и поездки посольства с целью узнать, «кто как служит Богу» (Лаврентьевская летопись 1993: 94), нарушен при посещении Царьграда (Кузьмин 1988: 30), когда киевлян с почестями принимают императоры Василий и Константин, одарив их по-царски. Можно предположить, что за этим стояли какие-то удачные для обеих сторон переговоры, что подтверждается положительной реакцией князя и его совета «бояр и старцев», приведенной летописцем в конце повествования за этот год.

И вдруг в следующем – 988 г. – князь Владимир идет походом на Корсунь. Почему? Летопись не сообщает. Как замечает А.Г. Кузьмин, к задачам выбора меры или места крещения поход не мог иметь никакого отношения (Кузьмин 1988: 31). Если это так, то напрашивается единственный вывод: византийская сторона не выполнила условий договора или соглашения, обозначенного в ПВЛ под 987 г.

После походов 981 г. и 983 г. вполне логичным представляется и поход на хорватов в 992 г. с целью усиления позиций Руси на торговых путях рек Прута и Серета. Таким образом, под контролем Древнерусского государства оказались торговые пути по рекам Северный Буг, Южный Буг, Днестр, Прут, Серет, а часть юго-западной границы подходила к Дунаю.

Какая же связь между этими – западными – походами кн. Владимира и возведением христианства на Руси в ранг государственной религии? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо предварительно выяснить время крещения самого князя, а также церковно-догматическую ориентацию киевской Десятинной церкви.

Митрополит Иларион и Иаков Мних в своих произведениях отрицают роль греков в решении князя Владимира переменить веру (Иларион 1989: 181), что явно противоречит провизантийской линии ПВЛ. Более того, по «свидетельству монаха Иакова и преподобного Нестора Печерского, Владимир крестился в 987 г.; именно первый из них говорит, что Владимир, умерший в 1015 г., прожил после крещения

28 лет, а второй прямо указывает, что оно было в лето 6495 от сотворения мира» (Голубинский 1901: 130), то есть до похода на Корсунь.

Что же касается проблемы ориентации Десятинной церкви, то из всего многообразия мнений предпочтительнее, на наш взгляд, «охридская версия». При этом более точна позиция А.В. Карташева о канонической зависимости русской церкви от «Охридской архиепископии» (Карташев 1993: 120), нежели точка зрения М.Д. Приселкова о прямой подчиненности восточнославянского христианства болгарской кафедре (Приселков 1913: 23, 36). Не мог кн. Владимир, с одной стороны, проводить политику, чтобы Русь не попала в вассальную зависимость от Константинополя (Рыбаков 1988: 27), которая следовала из тогдашних богословско-юридических воззрений византийцев при принятии христианства от них, а с другой - согласиться на подчинение болгарскому патриарху.

Из всего вышесказанного можно сделать предположение, что кн. Владимир, продолжая внешнюю политику князей Олега и Игоря и закрепляя влияние Руси в междуречье от Северного и Южного Буга до Прута и Серета, готовил себе позицию для повторной попытки реализовать идею кн. Святослава - продвинуться в Подунавье с целью установить контроль Руси на пути «из варяг в греки» от Днепра до Дуная. На «возобновление дунайской политики Святослава» кн. Владимиром в это время достаточно аргументировано указывает и А.Н. Сахаров (Сахаров 2004: 73-75).

Этому способствовала политическая ситуация в регионе. После того, как кн. Святослав в 971 г. ушел из Болгарии, император Цимисхий, поставив своих наместников в северо-восточной и южной части страны, переименовав часть городов на греческий манер, захватив всю болгарскую казну и царскую семью, с триумфом возвратился в Византию. «На едущую впереди колесницу были возложены болгарские символы царской власти: багряные одеяния, венцы, а также священная для болгар икона Богородицы. Сам Цимисхий верхом на коне в сопровождении блестящего эскорта следовал за колесницей. Корона болгарских царей была отдана им в храм св. Софии, а затем в императорском дворце Борис сложил с себя царские знаки отличия... ему было присвоено звание магистра. Так империя отпраздновала победу над Болгарией» (Сахаров 1982: 177). Первое Болгарское царство потеряло свою независимость.

В 976 г. из восставшей против иноземного владычества Западной Болгарии против византийцев выступили объединенные войска сыновей комита Николы-Давида, Моисея, Аарона и Самуила. Развернулось широкое антигреческое движение. Несмотря на гибель трех братьев - комитопулов, оставшемуся в живых Самуилу удалось к 989 г. освободить большую часть страны от войск императора - вплоть до городов Вирея и Сервия. Он перенес столицу из разрушенного греками Преслава в Охрид. Туда же переехал и болгарский патриарх. На царский трон был возведен брат убитого болгарского царя Бориса - Роман, оскопленный по приказу императора во время греческого плена. Несмотря на явные успехи Самуила в борьбе с империей, ему не удалось к этому времени восстановить государство в прежних его границах.

В самый разгар болгаро-византийской войны кн. Владимир оказывает помощь Самуилу в битве при Сердике в 986 г. (Пашуто 1969: 73), а позднее помогает уже Василию II удержаться на троне и подавить восстание Варды Фоки в Малой Азии. Благодаря русскому отряду император громит восставших в 988 г. при Хрисополе и в 989 г. под Абидосом (Левченко 1956: 355-357). К этому же времени относится и подписание русско-болгарского (в 985 г.) и русско-византийского (987 (по альтернативной датировке – 988) г.) договоров (Христианство 1987: 105, 106). «В балкано-причерноморском регионе создалась совершенно новая ситуация» (Сахаров 2004: 77).

Летописец следующим образом характеризует русско-болгарские отношения: «И заключил мир Владимир с болгарами и клятву дали друг другу...» (Лаврентьевская летопись 1993: 80). В существовании русско-византийских переговоров тоже не приходится сомневаться. Более того, по мнению А.Н. Сахарова, в результате этих переговоров был заключен принципиально новый в русско-византийских отношениях договор: «Русь и Византия заключили договор, который большинство ученых относят к 987 г. – и далее, - Владимир в ходе развития событий заключает с Византией договор о «свойстве», но не о крещении» (Сахаров 2004: 74-75).

А исходя из практики брачных союзов того времени, можно сделать вполне логичное заключение, что кн. Владимир что-то потребовал в качестве приданого за царевной Анной. Не мог же он не воспользоваться столь выгодной для него ситуацией (Греков 1953: 475). Ведь предъявлял же Оттон I претензии на византийскую Южную Италию «в качестве приданого за одной из порфирородных представительниц правящего византийского дома, которую он в 968 г. просил в жены своему сыну - будущему императору Оттону II» (История Византии 1967: 215). Аннексированный Цимисхием в 971 г. Паристрион (История Византии 1967: 215), или часть его, вполне мог стать разменной монетой в русско-византийских и русско-болгарских отношениях того времени.

Василию II выгоднее было уступить в качестве приданного за свою сестру не какую-то хорошо освоенную империей территорию на русско-византийском пограничье, а уже вышедший из-под контроля мятежный Паристрион или же дать согласие на невмешательство Константинополя в устремления Руси. В пользу возможной договоренности между кн. Владимиром и Самуилом говорит, во-первых, то, что комитопул активно поддерживал кн. Святослава во время его пребывания в Болгарии (Краткая история Болгарии 1987: 91), а во-вторых, военные операции болгарских войск были ориентированы в основном на южное и северо-западное направления (История Византии 1967: 222). И, видимо, не случайно по крещению киевский князь принимает имя Василий - «базилевс», что было созвучно, по крайней мере в осмыслении современников, с его собственным именем - «владеющий миром». Подчеркнутая равнозначность могла быть сделана и по дружбе, и по вражде, и в качестве вызова (Кузьмин 1988: 189). Приобретение же титула, равного византийскому императору (Левченко 1956: 354), благодаря женитьбе на царевне Анне, помимо оправдания претензий киевского князя на подвластные когда-то

Византии земли, не нарушало уже ставшую привычной для дунайских славян традицию цареподчинения в случае утверждения там новой власти.

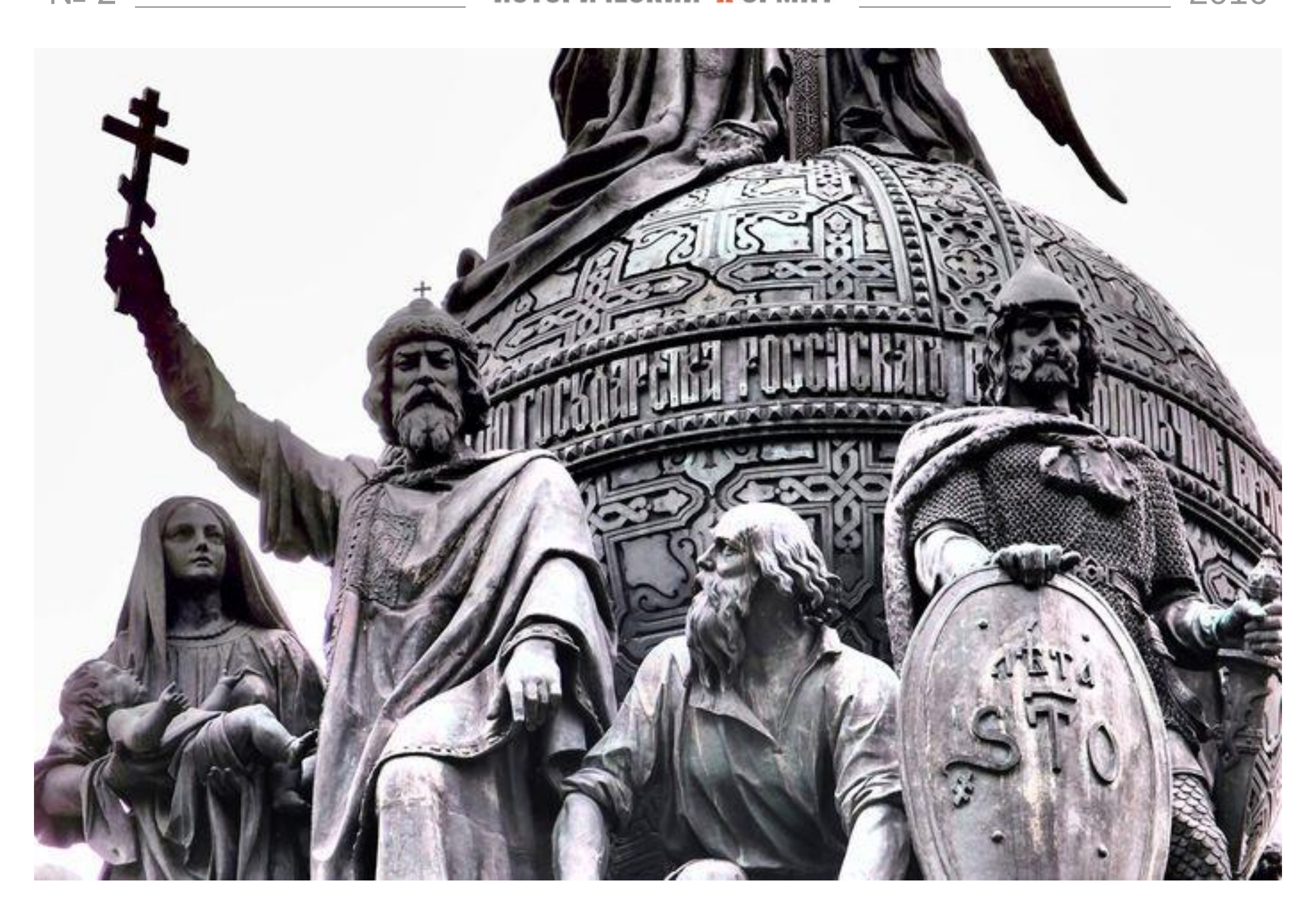
Готовясь закрепиться в Подунавье, кн. Владимир хорошо усвоил печальный опыт дунайского похода своего отца-язычника, когда миссия Никифора Эротика и епископа Феофила Евхаитского сыграла большую роль в нормализации греко-болгарских отношений в 968 г. (Сахаров 1991: 101). Поэтому он и возводит христианскую религию на Руси в ранг государственной, ориентируясь не на греческую церковь, а на болгарскую.

Как отмечает Д.С. Лихачев, кн. Владимир, перед тем как женился на Анне, принял решение креститься под влиянием самой умной из своих жен и единственной, которая была ему родственной по языку – болгарыне (Лихачев 1988. См. также: Филист 1988: 124).

Если более внимательно присмотреться к ПВЛ, то оказывается, что она далеко отстоит от ортодоксального христианства в его византийском толковании. Скорее всего, как отмечают исследователи, это влияние антиохийской школы, которое особенно заметным было на Балканах и в Подунавье (Кузьмин 1988: 29). Изучение «речи философа» ПВЛ (а именно она несет основную смысловую нагрузку в «выборе вер») показало, что на славянском языке это сочинение попало на Русь в его восточно-болгарской редакции и что область бытования «речи» совпадает с территорией, которую кн. Святослав мыслил в своей воображаемой империи (Кузьмин 1988: 29). Более того, отклонения от никеоцарегородского символа веры в конце «Сказания о крещении Владимира» также совпадают с западно-славянской традицией (Кузьмин 1988: 119).

Учитывая это, вполне убедительным представляется вывод А.Г. Кузьмина о том, что, «ратуя за полную самостоятельность русской церкви и непосредственную связь русского христианства с учением святых отцов, клирики Десятинной церкви в то же время постоянно питались сочинениями и идеями, приходившими из славянских стран, прежде всего тех областей, где более и долее всего сохранялось влияние кирилло-мефодиевской традиции» (Кузьмин 1988: 65). Именно такая - а не византийская - трактовка христианства была характерна для подунайских славян. И совершенно прав А.Н. Сахаров, который утверждает, что принятие Русью христианство было обусловлено наряду с другими причинами дунайской политикой Руси и династическими претензиями Владимира Святославовича (Сахаров 2004: 73).

Косвенное подтверждение того, что кн. Владимир готовился к долгому походу, мы находим в летописи под 988 г.: «И посадил Вышеслава в Новгороде, Изяслава в Полоцке, Святополка в Турове, а Ярослава в Ростове...» (Лаврентьевская летопись 1993: 104). Ведь именно так же поступил и кн. Святослав в 970 г. перед походом в Болгарию. Но, в отличие от своего отца, кн. Владимир оставляет киевский стол за собой. Возможно, это специальная демонстрация системы управления, при которой резиденцией князя остается Киев, а подвластные ему земли управляются с определенной долей самостоятельности его «наместниками», что должно было быть более приемлемо для западных славян, нежели претензии кн. Святослава на перенос столицы на Дунай.

Таким образом, кн. Владимир более основательно подготовился, нежели его отец. Во-первых, став императорским зятем, он мог претендовать на всю империю, что, несомненно, вызывало прямые аналогии с болгарским царем Симеоном, который став тестем Константина Багрянородного, провозгласил себя «царем и самодержцем» не только болгар, но и византийцев (Рапов 1988: 217); во-вторых, ориентация русской церкви на Охрид не просто повышала авторитет Руси на Балканах, а усиливала значимость Болгарской патриархии в противовес неприятия ее Византией, что несомненно ассоциировалось у современников с событиями начала столетия - временем расцвета Первого Болгарского царства (История Болгарии 1954: 74); в-третьих, утверждая новую систему государственного управления, кн. Владимир намечал отличную от кн. Святослава линию взаимоотношений между Киевом и периферийными землями, что, вне сомнения, должно было более импонировать подунайским славянам.

Ни Самуил, ни Василий II не могли противостоять Владимиру Святославовичу в то время, так как объединись последний с одним из них против третьего, и того ждало не просто военное поражение, а верная гибель.

В 991 г. Василий II посылает в Болгарию войска под руководством содунского стратига Григория Таронита с целью подавить выступление Самуила и, возможно, опередить кн. Владимира. Но сын кметя Николы разгромил византийскую армию и вторгся в северные районы империи (История Болгарии 1954: 95-96).

В 992 г. киевский князь идет походом на хорватов. Ни русские летописи, ни другие источники ничего не говорят о реакции византийцев на продвижение границ Киевской Руси на запад. Но бросается в глаза тот факт, что набеги печенегов на Русь

при кн. Владимире начинаются в 988 г. (год, когда Василию II становятся известны планы киевского князя) и продолжаются затем в 992 г., 996 г., 997 г. и 1015 г. Можно предположить, что не хорваты были конечной целью этого похода русских дружин, а Подунавье. Причиной же возвращения кн. Владимира в Киев явился крупномасштабный набег печенегов, о котором говорит ПВЛ в рассказе о Кожемяке. Ведь неспроста же после изгнания кочевников киевский князь «заложил город... и назвал его Переяславлем» (*Лаврентьевская летопись* 1993: 105) - именем, очень созвучным с дунайским Переяславцем, бывшим одно время столицей кн. Святослава (*Лаврентьевская летопись* 1993: 325. Комментарии).

Под 997 г. в ПВЛ отмечается, что «против печенегов... шла беспрестанная великая война» (*Лаврентьевская летопись* 1993: 107). И, хотя летописец останавливается подробно лишь на событиях 996 г. (битва под Василевом) и 997 г. (осада печенегами Белгорода), эпитет «беспрестанная» позволяет сделать проекцию и на «пустые» годы 993, 994, 995 г.г. В связи с этим уместно задать вопрос: а почему после 997 г. вплоть до 1015 г. печенеги не нападали на Русь? Ответ мы находим у Яхьи Антиохийского, когда он описывает события этого года: «Столкнулся он (Никифор Уран) с Комитопулом, вождем их (болгар), и победили их... И написал Комитопул царю Василию, унижаясь перед ним и обещая ему покорность и прося его, чтобы он оказал ему милость. И намеревался было царь согласиться на это, но случилось, что царь болгар, который находился в заключении у царя в Константинополе, умер. И дошла смерть его до его раба Комитопула, вождя болгар. И провозгласил он тогда себя царем» (цит. по: Приселков 1988: 141).

Таким образом, пока на болгарском престоле был оскопленный царь Роман, не проявивший склонности ни к гражданскому управлению, ни к роли полководца (Краткая история Болгарии 1987: 96), кн. Владимир имел шанс закрепиться в Болгарии. После же коронации Самуила и ухудшения русско-болгарских отношений киевский князь оставляет идею объединения подунайских славян с восточными, а Византия перестает на время разыгрывать традиционную «печенежскую карту» в политической борьбе против Руси.

О нормализации русско-византийских отношений говорит и образовании киевской митрополичьей кафедры в то время (Русское православие 1988: 19; Щапов 1986: 59), и треть пленных, которых Василий II отправил на Русь после разгрома болгар в 1016 г. (Христианство 1987: 86). Вероятно, это была компенсация кн. Владимиру со стороны Константинополя за отказ от подунайских претензий.

Таким образом, тесные, постоянные связи восточных славян с Подунавьем, которые не прерывались в течение нескольких веков - вплоть до описываемых событий, нарушились. И, если бы болгарские цари Борис II и Самуил проводили более дальновидную политику и не убоялись закрепления на Дунае кн. Святослава или кн. Владимира, мы бы имели в средневековой Европе несокрушимый этно-политический союз Болгарии и Руси. Прав был В. Водов, когда писал, что принадлежность славянскому миру в то время была более ощутимой реальностью, чем «христианство - концепция политическая и культурная» (Водов 1991: 136. См. также: Королюк1985: 214-215). Об этом, в частности, говорит успешная, хотя и на короткое время, попытка объединения Болеславом Храбрым в начале XI века западных

славян с целью противопоставить славянскую державу немецкой империи (Королюк 1964: 184-186).

Если для судеб Киевской Руси несостоявшийся союз не имел каких-либо отрицательных политических последствий, то для Первого Болгарского царства это событие оказалось роковым.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что лишь с учетом дунайской политики русских князей Святослава и Владимира акт Крещения Руси из «исторически немотивированного» (Сахаров 2004: 75) приобретает характер логически выверенного политического шага.

ЛИТЕРАТУРА

Водов 1991 - *Водов В.* Рождение русского христианства: обращение киевского князя Владимира и его последствия (XI-XIII вв.) // Русь между Востоком и Западом: культура и общество X-XVII вв. Ч. 2. М., 1991.

Голубинский 1901 - *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. I. Ч. 1. М., 1901.

Греков 1953 - *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953.

Иларион 1989 - *Митрополит Иларион.* Слово о законе и благодати // Альманах библиофила. Вып. 26. М., 1989.

История Болгарии 1954 - История Болгарии. Т. 1. М., 1954.

История Византии 1967 - История Византии. Т. 2. М., 1967.

Карташев 1993 - *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской церкви. Т. 1. М., 1993.

Королюк 1964 - *Королюк В.Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X-XI вв. М., 1964.

Королюк 1985 - *Королюк В.Д.* Славяне и восточные романцы в эпоху раннего Средневековья. М., 1985.

Краткая история Болгарии 1987 - Краткая история Болгарии. М., 1987.

Кузьмин 1988 - *Кузьмин А.Г.* Падение Перуна. М., 1988.

Лаврентьевская летопись 1993 - Се Повести временных лет (Лаврентьевская летопись). Арзамас, 1993.

Левченко 1956 - *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.

Лихачев 1988 - *Лихачев Д.С.* Крещение Руси и государство Русь // Новый мир. 1988. № 6.

Мавродин 1945 - *Мавродин В.В.* Образование древнерусского государства. Л., 1945.

Пашуто 1969 - *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1969.

Приселков 1913 - *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. СПб., 1913.

Приселков 1988 - *Приселков М.Д.* О болгарских истоках христианства на Руси // «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков. М., 1988.

ПСРЛ. XVII - Полное собрание русских летописей. Т. XVII. М.; Л., 1962.

Рапов 1988 - *Рапов О.М.* Русская церковь в IX – пер. трети XII в. Принятие христианства. М., 1988.

Русское православие 1988 - Русское православие: вехи истории. М., 1988.

Рыбаков 1988 - *Рыбаков Б.А.* Начальные века русской истории // Христианство и Русь. М., 1988.

Сахаров 1982 - *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. М., 1982.

Сахаров 1991 - *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. Изд. 2-е. М., 1991.

Сахаров 2004 - *Сахаров А.Н.* Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М., 2004.

Татищев 1963 - *Татищев В.Н.* История Российская. Т. II. М.; Л., 1963.

Филист 1988 - *Филист Г.М.* Введение христианства на Руси: предпосылки, обстоятельства, последствия. Минск, 1988.

Фроянов 1995 - *Фроянов И.Я.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995.

Христианство 1987 - Введение христианства на Руси. М., 1987.

Щапов 1986 - *Щапов Я.Н.* Формирование и развитие церковной организции на Руси в конце X – XII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1986.

REFERENCES

Vodov 1991 - *Vodov V.* Rozhdenie russkogo hristianstva: obrashhenie ki-evskogo knjazja Vladimira i ego posledstvija (XI-XIII vv.) [Birth of the Russian Christianity: address of the Kiev prince Vladimir and his consequence (the 11-13th centuries)], in: Rus' mezhdu Vo-stokom i Zapadom: kul'tura i obshhestvo X-XVII vv. Ch. 2 [Russia between the East and the West: culture and society of the 10-17th centuries. Part 2], Moscow, 1991 [in Russian].

Golubinskij 1901 - *Golubinskij E.E.* Istorija russkoj cerkvi. T. I. Ch. 1 [History of the Russian church. Volume I. Part 1], Moscow, 1901 [in Russian].

Grekov 1953 - *Grekov B.D.* Kievskaja Rus' [Kievan Rus'], Moscow, 1953 [in Russian].

Ilarion 1989 - *Mitropolit Ilarion.* Slovo o zakone i blagodati [Sermon on Law and Grace], in: Al'manah bibliofila. Vyp. 26 [Almanac of the bibliophile. Release 26], Moscow, 1989 [in Russian].

Istorija Bolgarii 1954 - Istorija Bolgarii. T. 1 [History of Bulgaria. Volume 1], Moscow, 1954 [in Russian].

Istorija Vizantii 1967 - Istorija Vizantii. T. 2 [History of Byzantium. Volume 2], Moscow, 1967 [in Russian].

Kartashev 1993 - *Kartashev A.V.* Ocherki po istorii Russkoj cerkvi. T. 1 [Sketches on stories of the Russian church. Volume 1], Moscow, 1993 [in Russian].

Koroljuk 1964 - *Koroljuk V.D.* Zapadnye slavjane i Kievskaja Rus' v X-XI vv. [The western Slavs and Kievan Rus' in the 10-11th centuries], Moscow, 1964 [in Russian].

Koroljuk 1985 - *Koroljuk V.D.* Slavjane i vostochnye romancy v jepohu rannego Srednevekov'ja [Slavs and east romanets during an era of the early Middle Ages], Moscow, 1985 [in Russian].

Kratkaja istorija Bolgarii 1987 - Kratkaja istorija Bolgarii [Short history of Bulgaria], Moscow, 1987 [in Russian].

Kuz'min 1988 - *Kuz'min A.G.* Padenie Peruna [Perun's falling], Moscow, 1988 [in Russian].

Lavrent'evskaja letopis' 1993 - Se Povesti vremennyh let (Lavrent'-evskaja letopis') [Xie Povesti temporary years (Lavrentyevsky chronicle)], Arzamas, 1993 [in Russian].

Levchenko 1956 - *Levchenko M.V.* Ocherki po istorii russko-vizantijskih otnoshenij [Sketches on stories of the Russian-Byzantine relations], Moscow, 1956 [in Russian].

Lihachev 1988 - *Lihachev D.S.* Kreshhenie Rusi i gosudarstvo Rus' [Christianization of Kievan Rus' and state of Russia], in: Novyj mir [New world], 1988, № 6 [in Russian].

Mavrodin 1945 - *Mavrodin V.V.* Obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva [Formation of the Old Russian state], Leningrad, 1945 [in Russian].

Pashuto 1969 - *Pashuto V.T.* Vneshnjaja politika Drevnej Rusi [Foreign policy of Ancient Russia], Moscow, 1969 [in Russian].

Priselkov 1913 - *Priselkov M.D.* Ocherki po cerkovno-politicheskoj istorii Kievskoj Rusi X-XII vv. [Sketches on church and political history of Kievan Rus' of the 10-12th centuries], St. Petersburg, 1913 [in Russian].

Priselkov 1988 - *Priselkov M.D.* O bolgarskih istokah hristianstva na Rusi [About the Bulgarian sources of Christianity in Russia], in: «Kreshhenie Rusi» v trudah russkih i sovetskih istorikov [«Christianization of Kievan Rus'» in works of the Russian and Soviet historians], Moscow, 1988 [in Russian].

PSRL. XVII - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. XVII [Complete collection of the Russian chronicles. Volume XVII], Moscow; Leningrad, 1962 [in Russian].

Rapov 1988 - *Rapov O.M.* Russkaja cerkov' v IX – per. treti XII v. Prinjatie hristianstva [The Russian church in IX – the first third of the 12th century. Adoption of Christianity], Moscow, 1988 [in Russian].

Russkoe pravoslavie 1988 - Russkoe pravoslavie: vehi istorii [Russian Orthodoxy: history milestones], Moscow, 1988 [in Russian].

Rybakov 1988 - *Rybakov B.A.* Nachal'nye veka russkoj istorii [Initial centuries of the Russian history], in: Hristianstvo i Rus' [Christianity and Russia], Moscow, 1988 [in Russian].

Saharov 1982 - *Saharov A.N.* Diplomatija Svjatoslava [Svyatoslav's diplomacy], Moscow, 1982 [in Russian].

Saharov 1991 - *Saharov A.N.* Diplomatija Svjatoslava. Izd. 2-e [Svyatoslav's diplomacy. Second edition], Moscow, 1991 [in Russian].

Saharov 2004 - *Saharov A.N.* Rossija: Narod. Praviteli. Civilizacija [Russia: People. Governors. Civilization], Moscow, 2004 [in Russian].

Tatishhev 1963 - *Tatishhev V.N.* Istorija Rossijskaja. T. II [History Russian. Volume II], Moscow; Leningrad, 1963 [in Russian].

Filist 1988 - *Filist G.M.* Vvedenie hristianstva na Rusi: predposylki, obstojatel'stva, posledstvija [Introduction of Christianity in Russia: prerequisites, circumstances, consequences], Minsk, 1988 [in Russian].

Frojanov 1995 - *Frojanov I.Ja.* Drevnjaja Rus'. Opyt issledovanija istorii social'noj i politicheskoj bor'by [Ancient Russia. Experience of research of history of social and political struggle], Moscow; St. Petersburg, 1995 [in Russian].

Hristianstvo 1987 - Vvedenie hristianstva na Rusi [Introduction of Christianity in Russia], Moscow, 1987 [in Russian].

Shhapov 1986 - *Shhapov Ja.N.* Formirovanie i razvitie cerkovnoj organizcii na Rusi v konce X – XII vv. [Formation and development of a church organiztion in Russia at the end of the X-XII centuries], in: Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. 1985 [The most ancient states in the territory of the USSR. 1985], Moscow, 1986 [in Russian].

Кауркин Радислав Вячеславович – Кандидат исторических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Нижнем Новгороде, научный сотрудник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

Radislav Kaurkin – Candidate historical sciences, Associate Professor of the Department of applied linguistics and cross-cultural communication of National Research University «Higher School of Economics» in Nizhny Novgorod, Research associate of Lobachevsky State University (Nizhny Novgorod, Russia).

E-mail: rad-kaurkin@mail.ru

УДК 903.08

ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ В ЗЕМЛЕ ПРУССОВ (КОН. IV – X вв.)

Кулаков В.И.
Институт археологии Российской академии наук
Россия, 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
e-mail: drkulakov@mail.ru
Scopus Author ID: 26038228300
SPIN-код: 3764-2260

Авторское резюме

Памятники декоративного стиля, созданные германскими ювелирами на рубеже эпох античности и средневековья, давно и продуктивно изучаются искусствоведами и археологами Европы. Прусская археология располагает к настоящему времени немалым банком данных находок, украшенных в зверином стиле. В кон. V - VI вв. прибывшие из Скандинавии мастера предназначали свою продукцию потомкам видивариев. Представители верхушки дружинного слоя прусского общества кон. V – нач. VI вв. ориентировались на скандинавские декоративные традиции. Скромные по своему оформлению трёхлучевые фибулы серий Krefeld и Гурзуф со звериными головками, восходящие к дунайским традициям, могли принадлежать менее высокопоставленным членам общества видивариев.

Ключевые слова: пруссы, археология, звериный стиль, видиварии.

ANIMAL DECORATIVE STYLE ON PRUSSIAN LANDS (AT THE END OF THE 4th – 10th CENTURIES)

Vladimir Kulakov
Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences
19 The Dmitry Ulyanov Street, Moscow, 117036, Russia
e-mail: drkulakov@mail.ru

Abstract

Decorations crafted by German jewelers at the turn of antiquity and the Middle Ages have long been productively studied by the art critics and archeologists of Europe. Prussian archeology has accumulated so far a considerable databank of the finds decorated in animal style. At the end of the 5th century and throughout the 6th century, masters arriving from Scandinavia produced their goods for descendants of the Vidivari. At the turn of the 5th-6th centuries the elite of the Prussian tribes were guided by Scandinavian decorative traditions. Modestly decorated three-beam fibulas of the Krefeld and Gurzuf series with animal heads, which can be traced back to the Danube traditions, might have belonged to the lower-ranking members of Vidivari society.

Keywords: Prussian archeology, animal style, Prussians, the Vidivari.

* * *

Памятники декоративного стиля, созданные германскими ювелирами на рубеже эпох античности и средневековья, давно и продуктивно изучаются

искусствоведами и археологами Европы. Благодаря исследованиям, проведённым в начале XX в. шведским археологом Бернхардтом Салином, звериный стиль получил свою внутреннюю стратификацию (Salin 1904). Современный уровень знаний об этом стиле позволяет выдвинуть предположение о том, что в переплетённых образах зверей и людей мастера-торевты передавали своё видение диалектики окружающего мира, своё восприятие взаимосвязи всех событий и их участников. Ведущий современный специалист по германскому декоративному искусству эпохи Великого переселения народов Гюнтер Хазелофф, разработавший типологию I Общегерманского звериного стиля (Salin's Stil I, кон. V первая пол. – VI вв.), установил генетическую связь между позднеримскими декоративными традициями и нормами германского звериного стиля. В частности, выяснилось то, что мужская маска в обрамлении двух звериных или птичьих морд, ведущий мотив раннего звериного декора, восходит к символическим изображениям божества на позднеримских деталях мужского убора (Haseloff 1981a: 139). С VI в. маска в обрамлении двух звериных или птичьих морд в германском декоративном искусстве превращается в изобразительный канон «Один и во́роны» и, как правило, украшает верхнюю часть ножки пластинчатых (пальчатых) фибул (Кулаков 2012а: 211). Эта композиция (так наз. «языческая икона») восходит к позднеримским прототипам, представлявшим образ божества Океана или Солнца в обрамлении фигур сопутствующих ему животных (нем. Trabanten), украшавшим в кон. IV – нач. V вв. верхние части различных металлических деталей мужского убора воинов римского лимеса в Западной Европе (Haseloff 1981a: 139). Как эта композиция, так и канон «Один и во́роны» являлись оберегами самих декорируемых изделий и, очевидно, их владельцев.

Шведский археолог Нильс Оберг ещё в нач. XX в. обратил внимание на находки памятников I Общегерманского звериного стиля в исторической Пруссии. Правда, им были кратко проанализированы лишь несколько предметов. Среди них особое внимание Н. Оберга привлекла бронзовая позолоченная накладка (?) с альмандиновой вставкой из погр. 78 могильника Kellaren/Kielary (woj. mazursko-warmińskie Polski) (рис. 1). Эта накладка была довольно грубо переделана в пластинчатую фибулу и в могиле сопровождалась двумя фибулами вар. 3а2 (Кулаков 1999: рис. 1), двумя пряжками с крестообразными язычками, тремя ланцетовидными наконечниками ремней и глазчатыми стеклянными бусинами. Н. Оберг отнёс данную находку к стилю Salin II и справедливо датировал погр. 78 могильника Kellaren/Kielary VII в. (Åberg 1919: 103). По моему мнению, находка из Kellaren/Kielary, представляющая собой две слитые по вертикальной оси головы хищной птицы, находится в ряду артефактов, отражавших проходившую во второй пол. VI - нач. VII вв. деградацию канона «Один и во́роны» и превращения этой композиции в уплощённую двухмерную маску зверя (рис. 2) с раскосыми миндалевидными глазами. В меровингскую эпоху в древностях на севере совр. Франции известны примеры изображения на фибулах слитых целых фигур хищных птиц (Mantel, Merleau 1998: fig. 7,9). Образ трёхмерной «Большой звериной головы» уже существовал в I Общегерманском зверином стиле и, восходя к римским прототипам, характеризовался оскаленной зубастой пастью (Haseloff 1981: 91, Abb.

56). В рамках изучения прусского материала представляет интерес прежде всего уплощённая звериная маска, составленная из пары орлиных профилей (их клювы иногда образовывали «улыбающуюся» пасть зверя, некую «демоническую» улыбку), но, в отличие от «Большой звериной головы», бывшая двухмерной и лишённая оскала. Такая деталь I Общегерманского звериного стиля сформировалась на фазе B его существования, к нач. VII в. (Roth 1979: 62, Fig. 4,f). Именно такие маски сопровождают большую часть артефактов, декорированных в зверином стиле и встреченных на памятниках археологии пруссов.

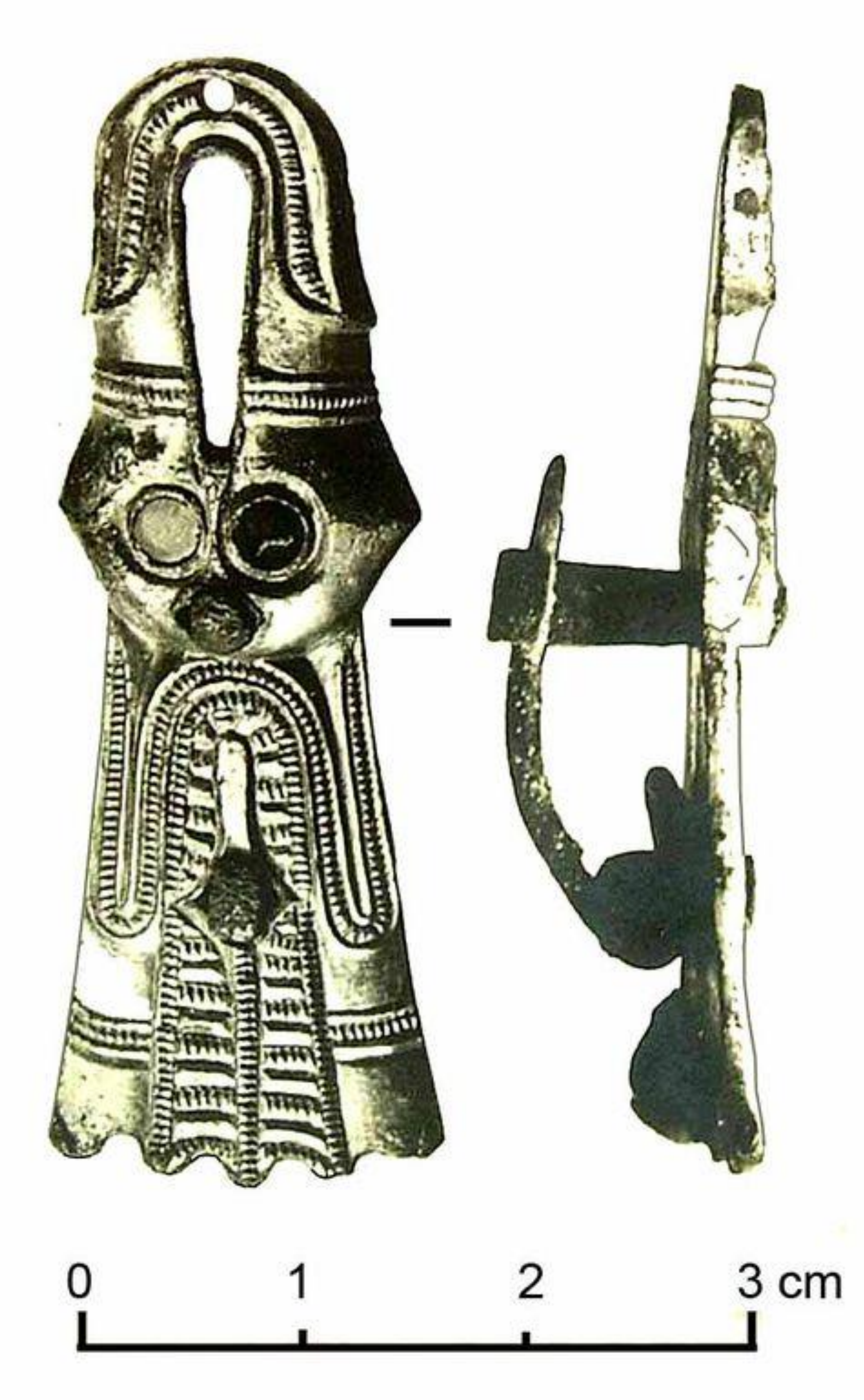

Рис. 1. Фибула из погр. 78 могильника Kellaren/Kielary (Voigtmann-Kartei).

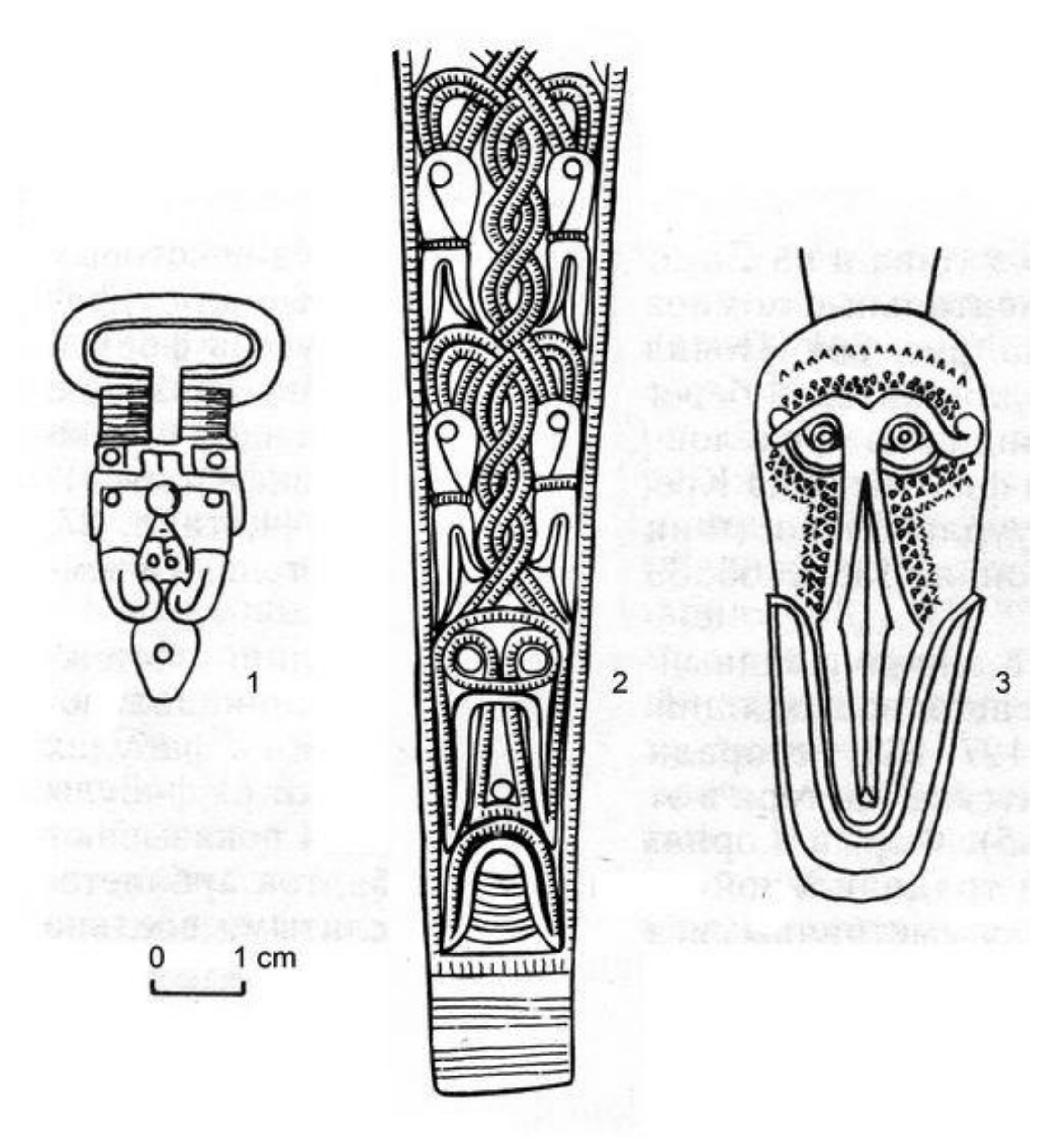

Рис. 2. Этапы превращения канона «Один и вороны» в маску зверя:
1 – пряжка из Skone, Sverige, кон. VI в.; 2 – часть оковки щита из погр. XII Vendel, Sverige, VI в.; 3 – часть накладки на щит из погр. Sutton-Hoo, England, 624-625 гг. (1, 3 – Кулаков 1990б; рис. 5,1,3; 2 – Karlsson 1983; fig. 26).

Каталог находок, украшенных в I Общегерманском зверином стиле, сделанных на территории земли пруссов

1. погр. Wa-1 могильника Warnikam-Первомайское (Багратионовский р-н Калининградской обл.) – трупосожжение (далее – КРМ) (раск. Р. Клебс, 1877, 1878, 1880 гг.) в виде группы кальцинированных костей, снабжённое обильным инвентарём. В его составе – «парадный» меч (Казанский 2010: 6) с деревянными обкладками рукояти, покрытыми серебряной пластиной, украшенной басменным декором в вар. Karlsson I D (Karlsson 1983: 146, 147) I Общегерманского звериного стиля (рис. 3, 4). Горизонтальные границы матриц не просматриваются, их ширина –

ок. 2 см. Меч подвешивался (?) к поясу с накладками, снабжёнными тиснёным орнаментом.

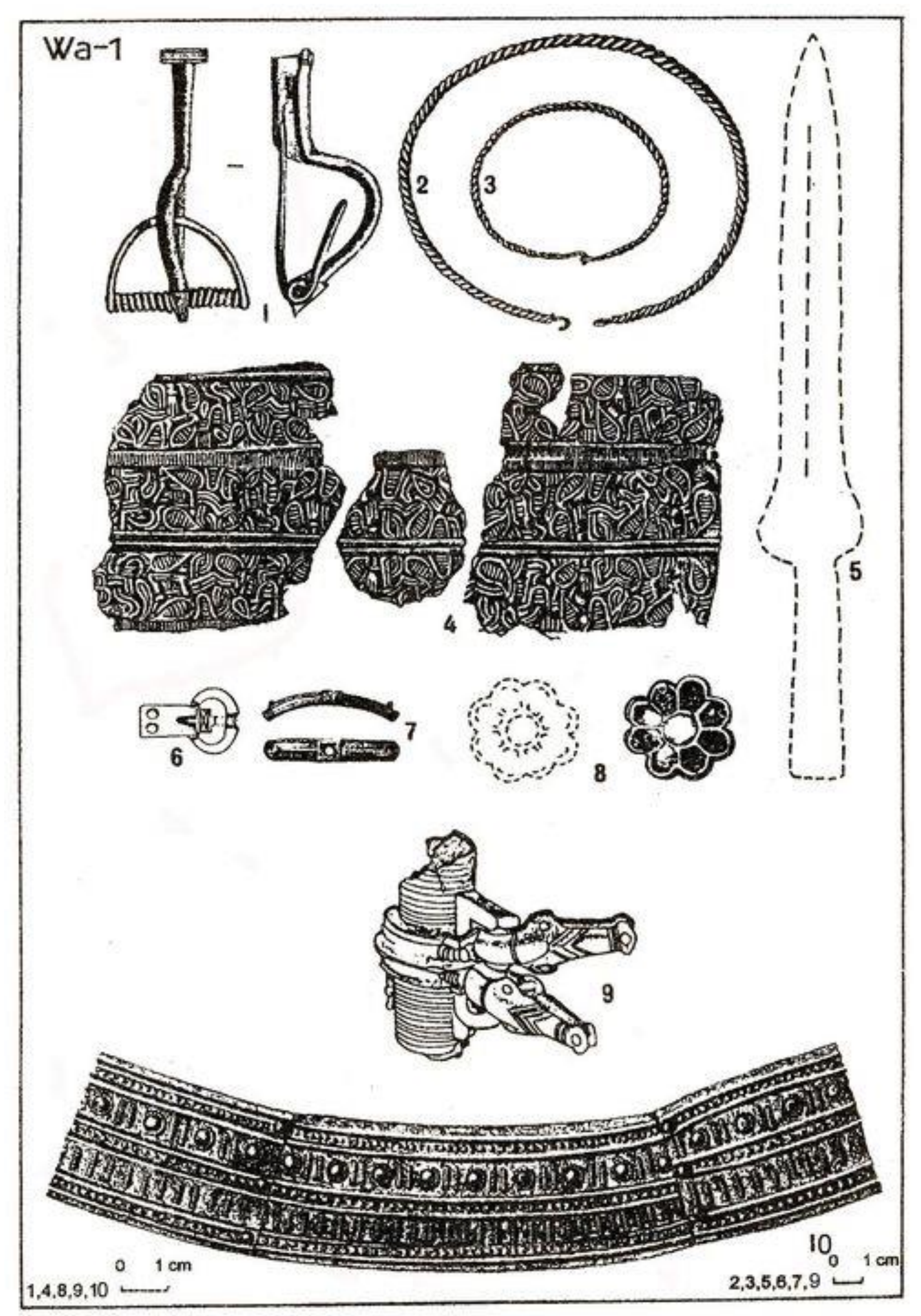

Рис. 3. Инвентарь погр. Wa-1 могильника Warnikam-Первомайское (Кулаков 1998; рис. 3).

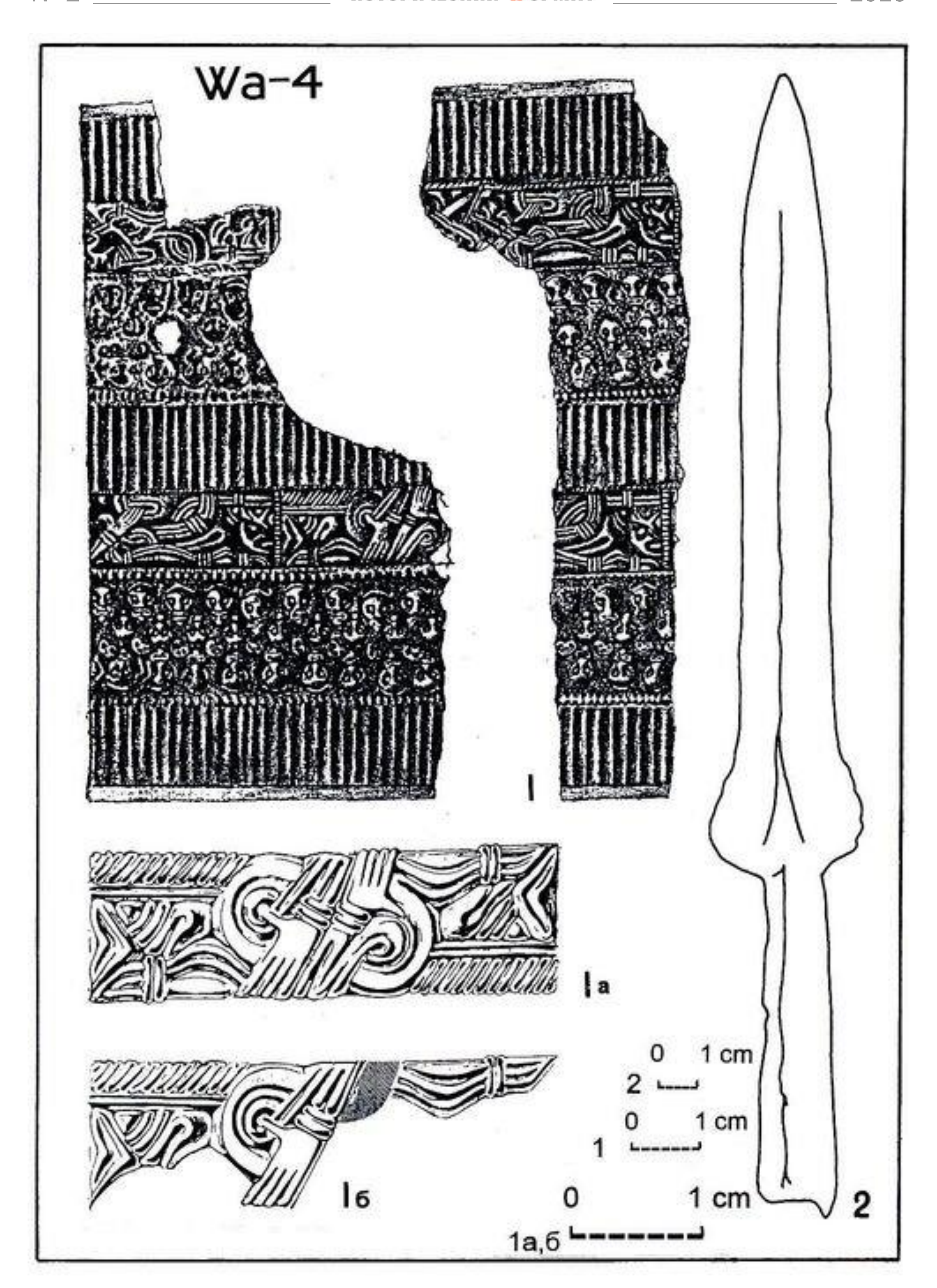

Рис. 4. Инвентарь погр. Wa-4 могильника Warnikam-Первомайское (Кулаков 1998; рис. 4).

В нижнем ярусе могилы представлено конское захоронение с удилами, снабжёнными бронзовыми держателями повода (рис. 3,10) в виде звериных морд (Кулаков 1997: 144). Погребение содержит останки дружинного вождя, снабжённого инвентарём в западноевропейских традициях ранней фазы эпохи Меровингов, датируется второй пол. V – нач. VI в. (Quast 2007: 57). Правда, встреченная в верхнем ярусе погр. Wa-1 серебряная арбалетовидная вар. 2а2 не позволяет отнести данный комплекс ко времени не ранее первой четверти VI в. (Кулаков 2003: 304).

2. погр. Wa-4 могильника Warnikam-Первомайское – трупосожжение, в нижнем ярусе – конское захоронение (?). В верхнем (?) ярусе могилы обнаружены обломки серебряной обкладки (рукояти «парадного» меча-спаты-?) и наконечник копья типа Kazakevičius II. Обкладка (рис. 4) украшена оттисками не менее трёх прямоугольных матриц, несущих стилизованные изображения в стиле Snartemo, представляющие лежащие фигуры животных и человека. Горизонтальные границы матриц просматриваются, но из-за фрагментарного состояния обкладки установимы лишь параметры ширины матриц (1,4 см). Промежутки между оттисками трёх упомянутых матриц заполнены или оттисками вертикальных линий, или множественными оттисками одиночной макси животного с ушами. Данный образец германского декоративного искусства занимает промежуточное положение между североевропейскими и лангобардскими версиями I Общегерманского звериного стиля ок. 500-550 гг. (Capelle, Vierck 1975: 118, Anm. 24), относится к вар. Karlsson I C (Karlsson 1983: 145, 146). Социальная принадлежность воина, погребённого в Wa-4, аналогична Wa-1 (Kulakov 2005: 140), датировка этого комплекса, возможно, несколько раньше погр. Wa-1.

3. Погр. б/№ могильника бывш. Warengen (Зеленоградский р-н) – урновая КРМ (раск. А. Хенниг, 1879 г.), содержало три фибулы, серебряную гривну, бронзовую монету, две бронзовые подвески, находившиеся на висках конского черепа (Hilberg 2009: 331), бронзовый спиралевидный перстень, три глиняные (?) пряслица (Jahn 2012). Одна из подвесок – выс. 5,3 см, бронзовая, позолочена, её лицевая сторона украшена рельефными изображениями в традициях I Общегерманского звериного стиля (рис. 5, 1).

4. Случ. находка на могильнике бывш. Rothebude (woj. podlaskie Polski) – бронзовая пряжка дл. ок. 5 см, имеет рамку В-образной формы и слабое расширение на язычке (Gaerte 1929: Abb. 227,i). Эти признаки позволяют отнести данную деталь мужского убора к вар. 1.2в, нач. VI в. (Кулаков 1990а: рис. 2). Обоймица пряжки выполнена в виде маски зверя в традициях I Общегерманского звериного стиля (рис. 5, 2). Типологически близкая этой находке пряжка (Казанский 2010: рис. 57,4) была обнаружена в восточной части Финского залива на о. Большой Тютерс (рис. 5,3).

5. Погр. 1 на могильнике Kr. Medenau/Логвиново (Зеленоградский р-н) – захоронение коня, разрушенное капониром 1945 г. (раск. К. Скворцова, 2012 г.), содержало обломки железных обоймиц для постромок, украшенные головками животных, три серебряных (?) позолоченных четверика конского оголовья с чернёными деталями, бронзовый умбон, обтянутый серебряной фольгой. Четыре обоймицы, отходящие крестообразно от центральной части четвериков (их разм. автором публикации не указан), оформлены в виде масок зверей в традициях I

Общегерманского звериного стиля (рис. 6, 1). В центральном выступе четвериков, имеющем квадратные очертания, имеется вставка альмандина (гранатового стекла-?). Комплекс датируется кон. V – нач. VI вв. (Skvortsov 2013: 357, fig. 4,2; Хохлов, Скворцов 2014: 156).

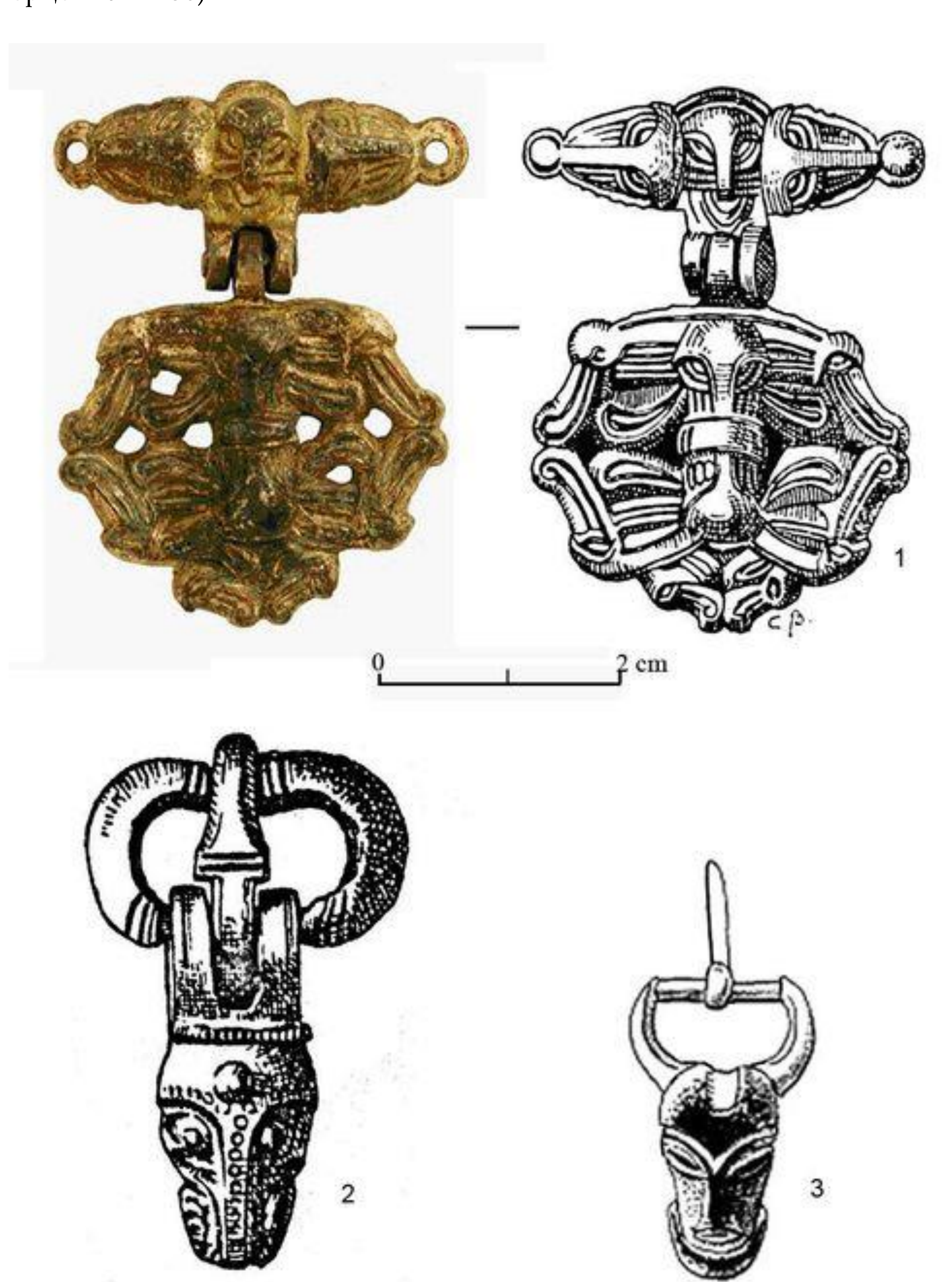

Рис. 5. Подвеска из Warengen (1), пряжка из Rothebude (2) и пряжка с о. Б. Тютерс. 1 – Katalog, 1897, Abb. 20; 2 – Gaerte1929; Abb. 229,i; 3 - Казанский 2010: рис. 57,4)

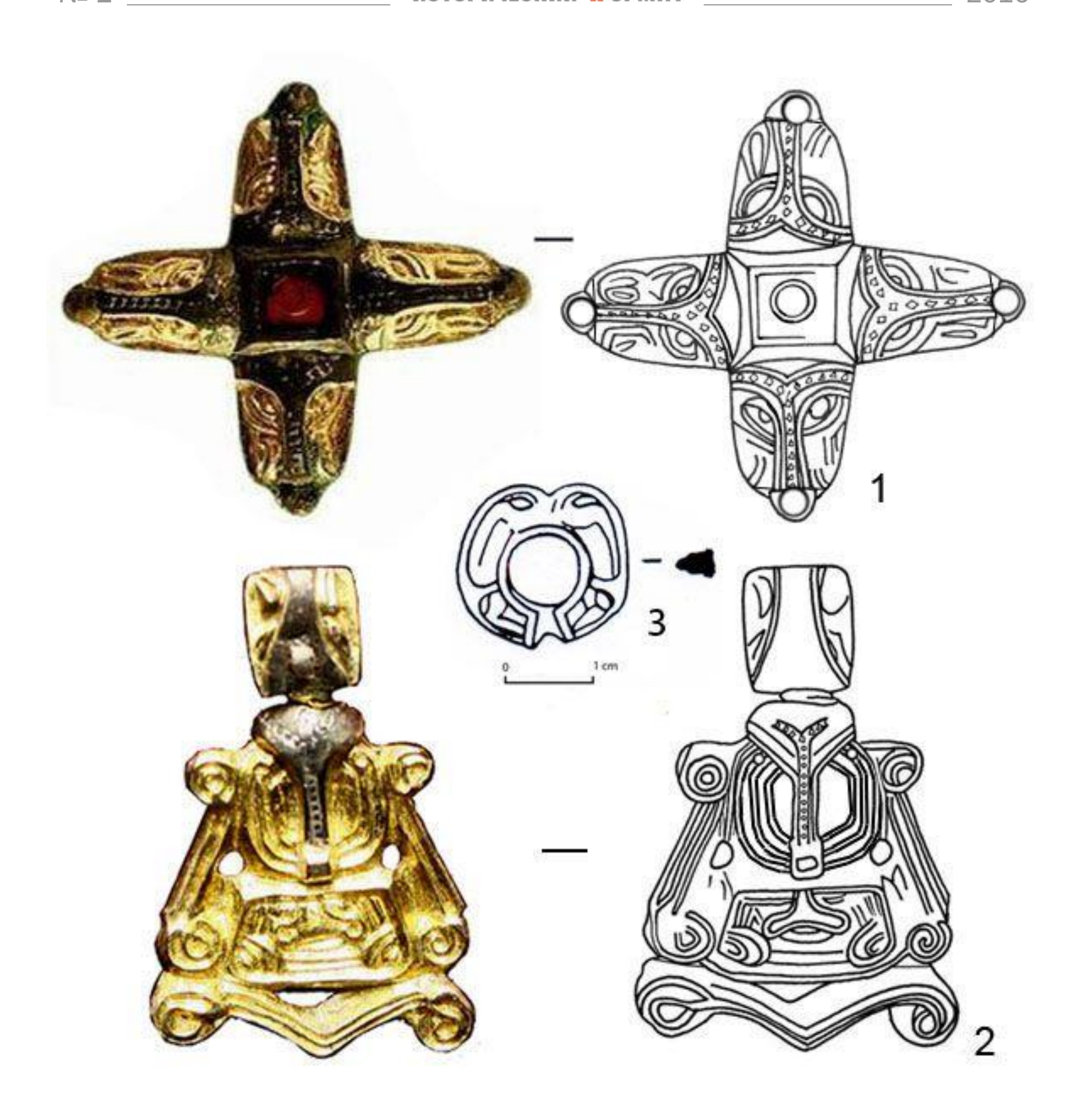

Рис. 6. Инвентарь разрушенного погр. 1 могильника Kl.Medenau/Логвиново: 1 – один из четвериков; 2 – подвеска; 3 – бронзовое кольцо пряжки из погр. H-37 могильника Hünenberg/Гора Великанов (1, 2 - Skvortsov 2013: 357, fig. 4,1,2; 3 – Кулаков 2014: рис. 22,15).

6. Погр. 1 (в каталоге - № 5) на могильнике Kr. Medenau/Логвиново (?) содержит (раск. К. Скворцова, 2012 г.), согласно отрывочным данным раскопщика (Skvortsov 2013: 357, fig. 4,2), серебряную позолоченную подвеску (её разм. автором публикации не указан) с симметричной композиции на лицевой стороне, имеющей чернёные детали и выполненной в традициях I Общегерманского звериного стиля (рис. 6, 2). Деградация этих традиций, реализованная в результате творчества мастера этой подвески, сопоставима с дериватизацией звериного стиля,

реализованной на кольце пряжки из погр. Н-37 могильника Hünenberg/Гора Великанов¸ относящегося ко второй пол. VI в. (рис. 6,3) (Кулаков 2014: с. 208).

Рис. 7. Четверик и подвеска из погр. 36 могильника Warten/Шоссейное (Skvortsov K., 2013, p. 358-360, fig. 5,4,5; Скворцов 2015: рис. 1,2).

7, 8. Погр. 36 на могильнике Warten/Шоссейное (Гурьевский р-н) – КРМ (раск. К. Скворцова, 2012 г.), в которой кальцинированные кости были помещены в деревянный ящик. Инвентарь (включая нижний ярус с захоронением пяти коней): серебряная позолоченная звериноголовая фибула с тремя «лучами» «типа Пурда» (поименован так Я. Ковальски и датирован им кон. V – нач. VI вв. – Kowalski 2000: 213), две бронзовые пряжки вар. 1.2а (кон. V – нач. VI вв. – Кулаков 1990а: 162), четыре бронзовых позолоченных четверика (разм. 5 х 5 см) конского оголовья, две бронзовые позолоченные подвески-лунницы выс. 5 см (четверики и подвески – с элементами I Общегерманского звериного стиля – рис. 7,1,2), два сделанных из серебряной фольги оковки луки седла, два бронзовых пинцета, наконечник копья, наконечник дротика типа Kazakevičius II, удила с бронзовыми и серебряными деталями типа Oexle I, многочисленные серебряные заклёпки, две бронзовые позолоченные подвески (Skvortsov 2013: 358-360, fig. 5). Находки из погребения 36 на могильнике Warten, которые «имеют ряд аналогий в материалах, происходящих из Скандинавии и с островов Балтийского моря», раскопщиком отнесены к кон. V – нач. VI вв. (Хохлов, Скворцов 2014: 153). Однако находящаяся вместе с ними в одном комплексе фибула серии Purda, относящаяся к сер. VI в. (Hilberg 2009: 188; Rudnicki 2015: 143), показывает более позднюю дату для этого комплекса. Для изделий, декорированных в зверином стиле и обнаруженных с этой фибулой, стоит, пожалуй, стоит расширить датировку в пределах нач. – первая пол. VI в.

9. Погр. 36 на могильнике Warten/Шоссейное (Гурьевский р-н) – КРМ, в нижнем ярусе – захоронение коня (?) с двумя кусками серебряной обкладки луки седла (рис. 8). Оба фрагмента накладки (их разм. автором публикации не указан) покрыты сделанными с внутренней стороны фольги оттисками трёх вариантов матриц. Они содержат изображения лежащих человека и животного, представленные в I Общегерманском зверином стиле (тип Snartemo) (Skvortsov 2013: 358-360, fig. 5,1; Хохлов, Скворцов 2014: 153).

10. Погр. б/№ (?) могильника Wilkieten/Vilkyčiai, Šylutė raj., Lietuva – бронзовая позолоченная пряжка с геометрическим орнаментом, выполненным на рамке пряжки и на её обоймице в манере Kerbschnitt. Навершием внешнего угла ромбической обоймицы является головка зверя (рис. 9) (Voigtmann-Kartei). Аналогичные по деталям корпуса и декору пряжки обнаружены в «княжеской» кургане 5 (кон. V – первая пол. VI вв.) могильника Taurapilis, Utėnos raj., Lietuva (Bliujienė 2013: 552, 384.1 pav,3,4).

11. Случ. находка у пос. Linkuhnen/Ржевское (Славский р-н), возможно, связанная с могильником – бронзовая перекладчатая крестообразная фибула (разм. 4,9 х 4,7 см). Фибула на концах мачт снабжена головками животных, выполненных в упрощённой версии I Общегерманского звериного стиля (рис. 10). Фибула была обнаружена в 2014 г. краеведом из г. Славска Вячеславом Кенть и сдана в фонды Славского историко-краеведческого музея. Дата фибулы неясна.

12. Погр. Y-149 могильника Yrzekapinis-Клинцовка-1 (Зеленоградский р-н) (раск. Кулакова В.И., 1986 г.) – в верхнем ярусе на грунтовой ступеньке у борта могилы обнаружены остатки поясного набора, включавшего серебряные и бронзовые накладки и наконечники ремня, серебряную щитовидную подвеску и

железную 8-видную пряжку. Бронзовые наконечники (дл. 5,7 см) ремня обладали орнаментом, литым по восковой модели (рис. 11), выполненный в манере Kerbschnitt. Погр. Y-149 датируется кон. VIII – нач. IX вв. (Кулаков 1999: 269, рис. 60).

Рис. 8. Обкладки луки седла из погр. 36 могильника Warten/Шоссейное (1,3) и оттиск одной из трёх матриц (2), представленной на фрагменте № 1 (Skvortsov 2013: 358-360, fig. 5,1).

Рис. 9. Пряжка из могильника Wilkieten/Vilkyčiai, Šylutė raj., Lietuva (Foigtmann-Kartei).

Рис. 10. Лицевая и оборотная стороны фибулы из могильника Linkuhnen/Ржевское (фото В. Кенть).

13. Погр. б/№ (?) могильника бывш. Kössnicken (Зеленоградский р-н) – стремя с бронзовыми золочёными (?) деталями, стилизованными в виде звериных голов (рис. 12). В фонды Калининградского областного историко-художественного музея поступил в виде обломка из форта № 3, в котором с января 1945 г. хранилась часть

экспозиции Музея «Пруссия». Как становится ясным из картотеки в архиве Рудольфа Гренца (рис. 13), стремя относилось к вар. Gosler AI,1, X в. (Goßler 2013: Abb. 3).

Рис. 11. Фото и прорисовка наконечника ремня из погр. Y-149 (Кулаков 1999: рис. 60).

В Каталоге отсутствуют звериноголовые трёхлучевые фибулы, собранные мною ранее в отдельной статье (Кулаков В.И., 2011, с. 109-122). Однако рассматривать памятники звериного стиля в прусском ареале без учёта этих фибул невозможно. Самой ранней находкой трёхлучевой фибулы с элементами звериного стиля является золотая, украшенная гранатами фибула из клада A в Hammersdorf/Młoteczno, относимая к концу IV – нач. V вв. н.э. (Hilberg 2009: 159). Правда, на бутылкообразных «лучах» этой фибулы звериные морды обозначены более чем условно, при помощи полосок скани. Однако сам этот факт свидетельствует о том, что мастер фибулы, творивший для варварских заказчиков на закате римской эпохи, считал необходимым присутствие звериных морд на крайних

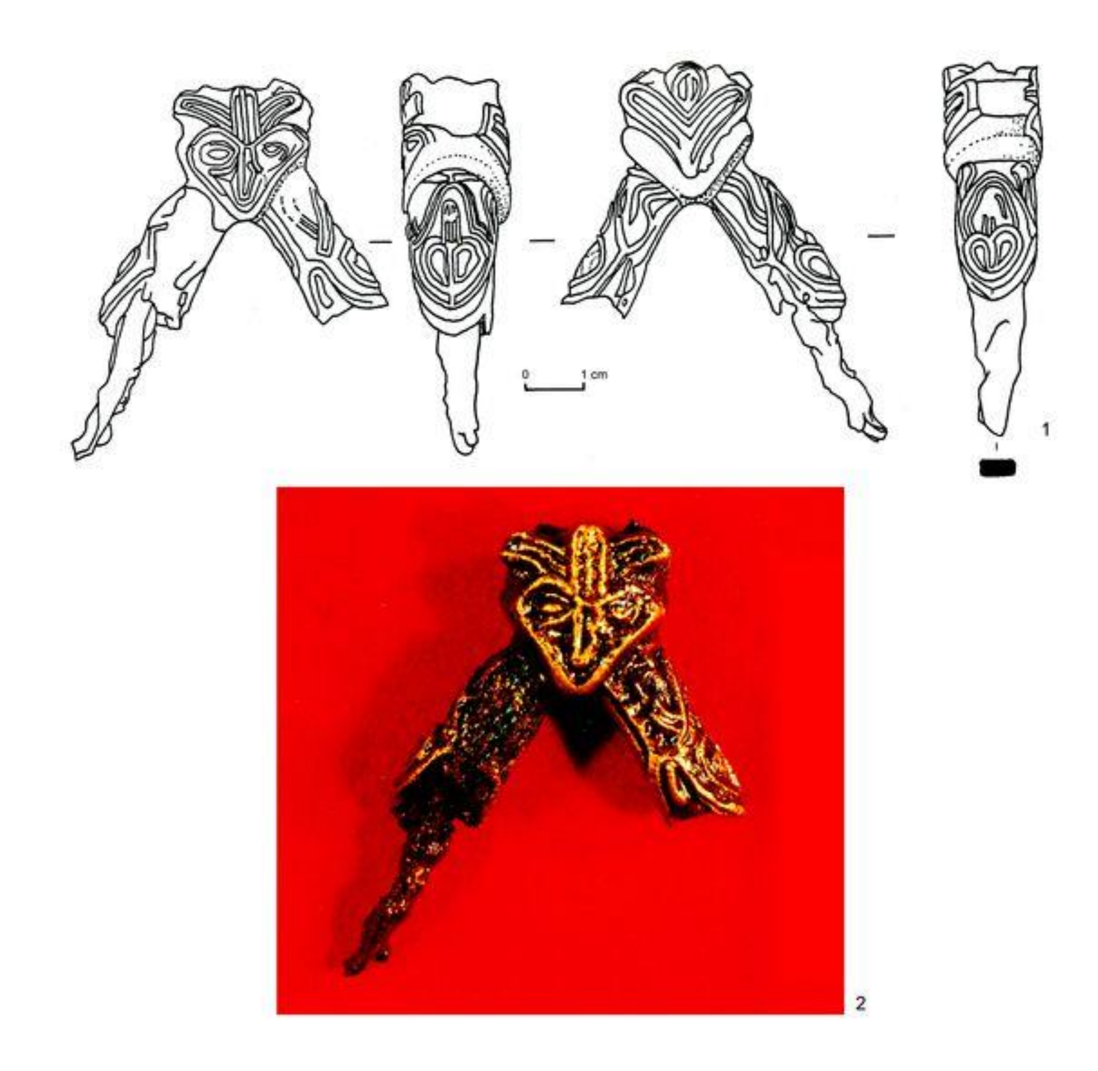

Рис. 12. Прорисовка обеих сторон (1) и фото одной из сторон (2) стремени из Kössnicken (фон Карнап-Борнхайм, Ибсен, Валуев 2005: с. 106).

точках корпуса фибулы. Примечательно, что на полукруглой пластине-держателе «лучей» при помощи скани представлены фигурки морских коньков (драконов-?). Ромбическая пластина фибулы украшена симметричной геометрической композицией с гранатовыми вставками. Эта фибула обладает генетическими признаками застёжек, от которых происходят звериноголовые трёхлучевые фибулы: наличие ромбической пластины, полученное от фибул серии Breitenfurt, спиралевидный орнамент на пластинах – от фибул серии Krefeld, характерных в первой пол. V в. для племён западной части германского ареала (Кулаков 1990б: 209). Родоначальницами всех этих пластинчатых фибул стали фибулы отдела Zwiebelknopffibeln («фибулы с лукообразными навершиями»), снабжённые полукруглой пластиной, перекрывавшей (для сохранности-?) три «луча» уже не с луковидными, а с бутылкообразными навершиями (Åberg 1919: Abb. 9). Подобные застёжки появились в вельбарском культурном ареале в сер. IV в. (Кулаков 2006: 71) и прежде всего стали прародительницами фибул серии Sisak, распространённых в Крыму и в Рейнской области (Kowalski 2000: tabl. 12). Также и пальчатые фибулы произошли от восточноготских фибул (Martin 1994: 548), в которых полукруглая

пластина прикрывала «лучи», венчавшие стержни с пружинами. Таким образом, трёхлучевые и пальчатые фибулы можно считать возникшими на заре эпохи Меровингов племенными украшениями, актуальными для групп северо-западных и восточных германцев. Примечателен факт существования в Галлии местных версий готских пластинчатых фибул, доживших здесь до нач. VI в. (Kazanski, Périn 1997: p. 210, fig. 10).

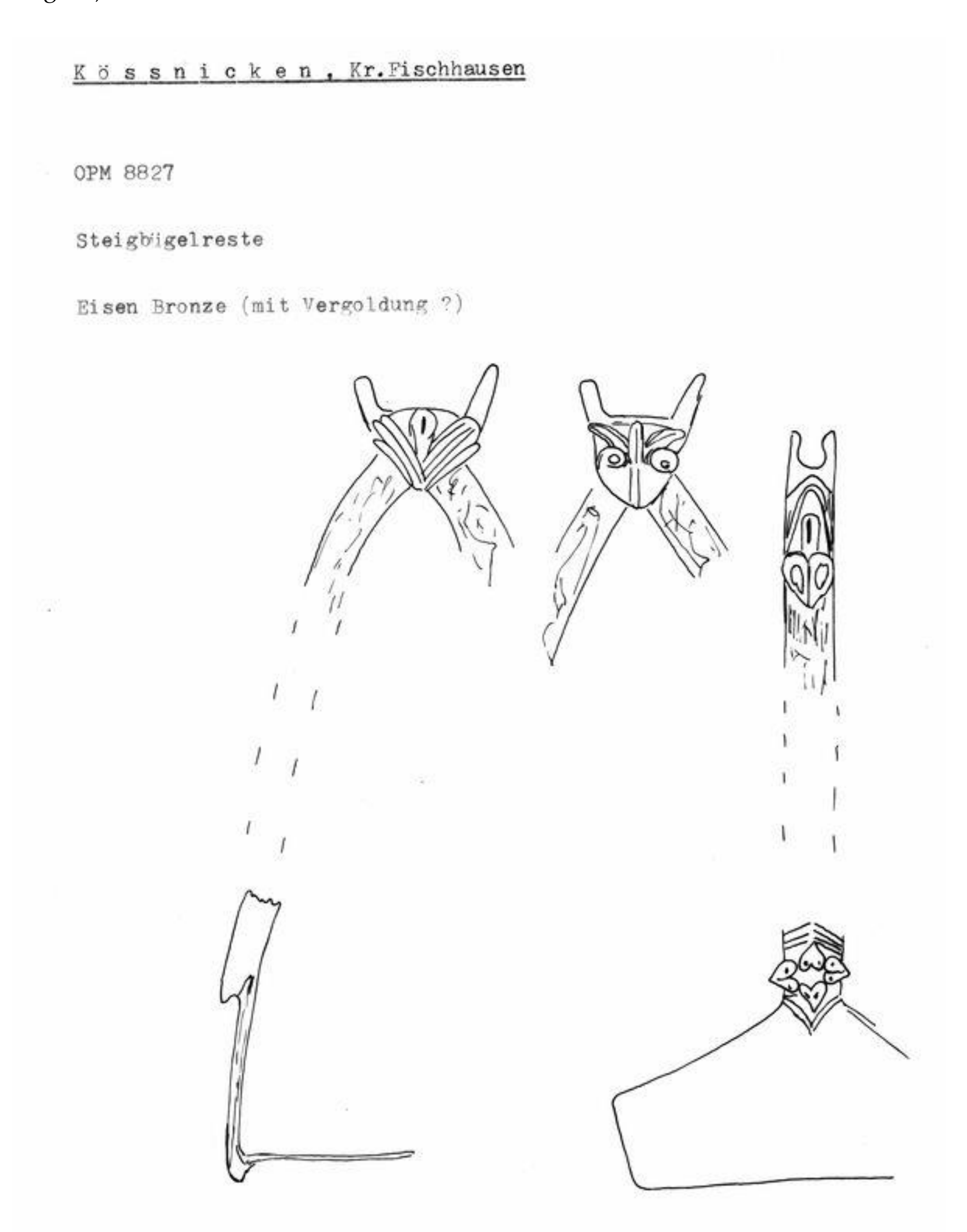

Рис. 13. Карточка с информацией о стремени из Kössnicken (Archiv R. Grenz).

Рис. 14. Скандинавские фибулы эпохи ранних Меровингов: 1 – Lunde, Norge; 2 - погр. A9 могильника Schakaulack/М. Липовка (1 – Karlsson 1983: fig 13; 2 - Кулаков 2011: рис. 2,4).

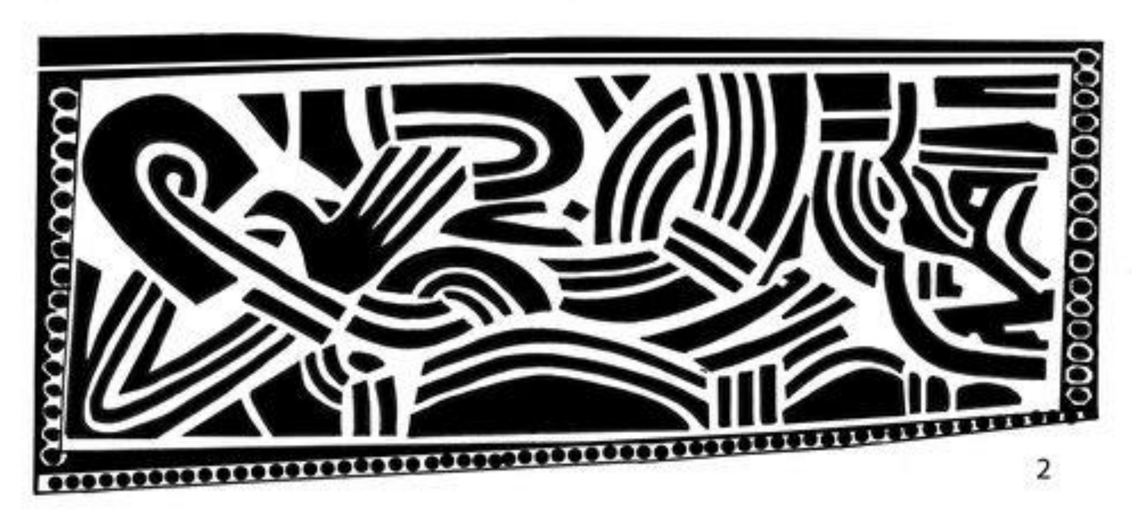
Позднее фибулы из Hammersdorf была изготовлена застёжка из погр. A9 могильника Schakaulack/М. Липовка (Полесский р-н) (рис. 14), датируемая второй пол. V – первой третью VI вв. и украшенная в стиле Nydam, что указывает на скандинавское происхождение этой находки (Hilberg 2009: 182, 183). Фибула из Schakaulack относится к южно-норвежскому типу Sjovold B2 (Sjovold 1993: 57, 58). Лучи этой фибулы и навершие её прямоугольной ножки оформлены в виде плоских масок зверя, окружённые (в виде рудиментов) головками хищных птиц (рис. 14). В данном случае перед нами – наиболее ранний случай уплощённых звериных масок, так характерных впоследствии для изделий звериного стиля в Пруссии. Подобные маски на скандинавских фибулах кон. V в. Гюнтер Мангельсдорф считал головками птиц (Mangelsdorf 2011: 99). Пример фибулы из Schakaulack/М. Липовка позволяет расширить рамки процесса деградации канона «Один и вóроны» в германской среде до времени ок. нач. VI в.

Перед тем, как перейти к анализу изображений на памятниках звериного стиля, обнаруженных в земле пруссов, необходимо выяснить условия их обнаружения. К сожалению, как это нередко бывает в археологии с уникальными артефактами, бóльшая часть памятников звериного стиля в Пруссии была добыта в ходе деятельности, весьма далёкой от методов профессиональной археологии. Благодаря этому мы не располагаем подробными характеристиками условий обнаружения упомянутых артефактов и местоположения их в комплексах. Основная часть звериноголовых фибул является случайными находками на прусских могильниках (Кулаков 2011: 118). Редчайшие для памятников археологии Балтии накладки с изображениями в стиле Snartemo, происходящие из погр. Wap-1 Wa-4 могильника Warnikam/Первомайское, были получены Р. Клебсом при помощи методов, не выдерживающих самой доброжелательной критики. Новейшие раскопки на этом могильнике помогли уточнить «методику» немецкого раскопщика: «Некоторые урновые погребения в конце XIX в. разбирались прямо в пределах урны. Случалось и то, что урны просто были изъяты из ям…» без доследования погребений вне этих сосудов. В ходе работ 2013 г. нам удалось установить наличие на территории могильника Warnikam/Первомайское следов двух новейших раскопов, разбитых по странам света (Кулаков 2015а: 179). Правда, до этого времени никто из археологов России Открытый лист на исследования данного памятника археологии не получал. О находках, сделанных на этих раскопах, научному сообществу России ничего не известно.

Лето 2012 г. выдалось для К. Скворцова весьма продуктивным. В течение буквально нескольких дней он на ряде могильниках Самбии и Натангии обнаружил серию уникальных находок, причём – исключительно из драгметаллов (№№ 5-9 Каталога). Ничем иным, кроме использования металлодетектора или другого запрещённого для археолога инструмента, настроенного на поиски этих металлов, такое «везение» сотрудника КОИХМ объяснить нельзя. Особый нюанс этой коллизии придаёт то, что К. Скворцов вскрывал погребения, обладая лишь Открытым листом на право археологических разведок (Кулаков 2013). В рамках действующей в России методики полевых исследований такой подход к раскопкам ценнейших археологических объектов совершенно недопустим. В результате

упомянутых браконьерских действий ценнейшая информация об условиях обнаружения уникальных образцов звериного стиля утрачена. Публикации этих предметов совершенно неинформативны (Skvortsov 2013: 352-364; Скворцов 2015: 69-71; Хохлов, Скворцов 2014: 156).

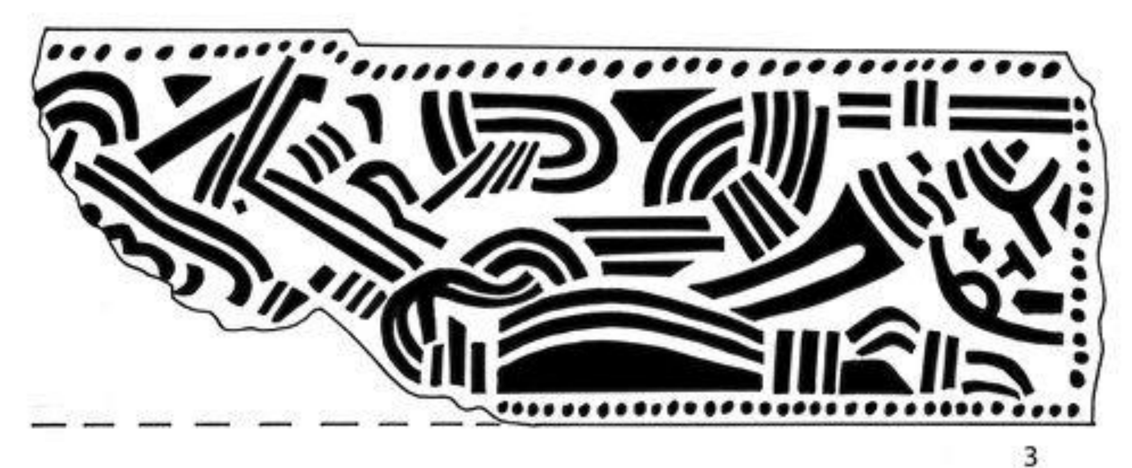

Рис. 15. Развитие образа лежащего человека в памятниках I Общегерманского звериного стиля: 1 – деталь обкладки ритона из погр. V Snartemo; 2 – деталь обкладки рукояти меча (?) из погр. Wa-4; 3 – деталь обкладки луки седла из погр. 36 Warten.

Анализ находок, украшенных в I Общегерманском зверином стиле, сделанных на территории земли пруссов

1. погр. Wa-1 могильника Warnikam-Первомайское - серебряная пластина, украшенная басменным декором в вар. Karlsson I D I Общегерманского звериного стиля (рис. 3, 4). Г. Хазелофф согласен с датировкой пластины из погр. Wa-1 VI в. и её происхождением с территории Норвегии или Дании. Кроме того, он считал, что у декора этой пластины нет связи с орнаментом пальчатых фибул мазурской культурной группы (Haseloff 1981b: 538). Удилам из этого комплекса, снабжённым бронзовыми обоймицами повода (рис. 3,10) в виде звериных морд, находятся аналогии в западноевропейских деталях конского снаряжения ранней фазы эпохи Меровингов (Храпунов, Казанский 2015: 182, рис. 7,2,5).

2. погр. Wa-4 могильника Warnikam-Первомайское – обломки серебряной обкладки (рукояти меча-спаты-?) (рис. 4) Данный образец германского декоративного искусства занимает промежуточное положение между североевропейскими и лангобардскими версиями I Общегерманского звериного стиля ок. 500-550 гг. (Capelle, Vierck 1975: 118, Anm. 24) и относится к вар. Karlsson I C (Karlsson 1983: 145, 146). Соответственно накладка из погр. Wa-4 была изготовлена ранее накладки из погр. Wa-1. На оттисках матриц, аккуратно покрывающих поверхность накладки, представлены как образы животного, так и фигура человека, обладающего отдельными чертами животного (вместо ноги - задняя лапа). Такого рода феномены характерны для германских декоративных стилей V – нач. VI вв. (Haseloff 1981a: 121). Серебряные позолоченные обкладки устьев ножен мечей-спат известны в древностях Ютландского п-ова VI в. Как и на накладках из погр. Wa-1 и Wa-4, декор на ютландских обкладках (правда, геометрический, а не звериный) располагается горизонтальными зонами (Quast 2004: Abb. 1).

3. Погр. б/№ могильника бывш. Warengen - пара подвесок с барельефными изображениями в традициях I Общегерманского звериного стиля (рис. 5, 1). Поверхность обоймицы подвески заполнена изображениями трёх уплощённых звериных масок, причём носовые части крайних масок пробиты отверстиями под заклёпки. Аналогии этим деталям в германском искусстве ранней фазы эпохи Меровингов, к которой относится подвеска из бывш. Warengen, отсутствуют. Корпус ажурной подвески имеет многоугольную форму, окаймлён профильными изображениями утиных (?) голов. Центральную ось подвески обозначает большая звериная маска. Пространство между краями подвески и её центром заполнено стилизованными изображениями частей морд животных. В обширном банке данных по I Общегерманскому стилю имеются лишь две аналогии этой подвески – Åsum, Sconia, Sverige и Baginton, Warwickshire, England (Vierck 1967: Abb. 62,1,8,9).

4. Случ. находка на могильнике бывш. Rothebude (woj. podlaskie Polski) – бронзовая пряжка вар. 1.2в, нач. VI в. (рис. 5, 2). В отличие об более чем абстрактных звериных масок подвески из Warengen маска животного на пряжке из бывш. Rothebude имеет вполне сформировавшийся вид. Специфические черты этой маски – полоса из оттисков круглого пуансона, обозначающая плоскости носа и бровей маски (крайне редкие в искусстве Западной Европы – Bakka 1958: figs. 26, 29), а также

полоса псевдо-жемчужного орнамента, отделяющая обоймицу от кольца пряжки (рис. 4,2). Подобного рода детали на памятниках звериного стиля в Западной Европе отсутствуют, зато они широко представлены на прусских звериноголовых фибулах серии Purda/Dattenberg. Мастера этих фибул переняли этот мотив в сер. VI в. (Кулаков 2011: 117) с мазурских фибул серии Schönwarling/Dattenberg, относящихся к первой пол. VI в. (Hilberg 2009: 188). Композиционно близкая пряжке из бывш. Rothebude пряжка с о. Б. Тютерс (рис. 5,3) имеет звериную маску с «демонической» улыбкой, основательно отличающуюся от маски на пряжки из бывш. Rothebude.

5. Погр. 1 на могильнике Kl. Medenau/Логвиново (Зеленоградский р-н) – три серебряных (?) позолоченных четверика конского оголовья с чернёными деталями. Четыре обоймицы, отходящие крестообразно от центральной части четвериков, оформлены в виде головок зверей в традициях I Общегерманского звериного стиля (рис. 6, 1). Своей крестообразной формой четверики из Kl. Medenau восходят к крестообразным четверикам из погребе5ния гуннского «вождя» в Jakuszowice (woj. świętokrzyskie Polski) (Godłowski 1995: Abb. 2,2,3) напоминают бронзовый позолоченный четверик из Proose, Harjumaa, Estonia (Quast 2004: Abb. 12,1), орнаментированный в I Общегерманском зверином стиле нач. VI в. На четвериках из Kl. Medenau центр перекрестия оформлен в виде пирамиды с усечённой вершиной, занятой вставкой альмандина (гранатового стекла ?). Обоймицы представлены в виде звериных масок типа масок на ножках фибул серии Purda/Dattenberg, относимых к сер. VI в. Носы масок на четвериках из Kl. Medenau пробиты отверстиями под бронзовые заклёпки. Данные четверики относятся к сер. VI в., что показывает несостоятельность датировки комплекса погр. 1 Kr. Medenau/Логвиново кон. V – нач. VI вв., совершенно неаргументированно данную ему его раскопщиком (Хохлов, Скворцов 2014: 156).

6. Погр. 1 на могильнике Kl. Medenau/Логвиново - серебряная позолоченная подвеска с чернёными деталями симметричной композиции на лицевой стороне, выполненной в основательно деградированных традициях I Общегерманского звериного стиля (рис. 6, 2). Контурами своего корпуса, имеющими форму деградированных утиных клювов, подвеска сер. VI в. из Kl. Medenau слабо напоминает гораздо более раннюю относительно её подвеску из Warengen, которая может быть отнесена к кон. V – нач. VI .вв. Центральная часть декоративной композиции подвески имеет аналогии в орнаменте равноплечной фибулы из погр. 44 могильника Werder/Czarny Ostrów (woj. mazursko-warmińskie Polski) (Hilberg 2009: 170, Abb. 5.66).

7. Погр. 36 на могильнике Warten/Шоссейное - четыре бронзовых позолоченных четверика конского оголовья с элементами I Общегерманского звериного стиля (рис. 7,1) с умбоном в центре. Подобная конструкция умбона известна по находке в помещении 1 поселения Helgö, Sverige (Казанский 2010: рис. 37,5). Декор на четвериках напоминает изображения на подвеске из бывш. Warengen. Умбон в центре четвериков покрывают крестообразно расположенные звериные маски. «Демоническая» улыбка на масках обоймиц перекрыта отверстиями под бронзовые заклёпки. Крестообразная структура центрального умбона четвериков из Warten напоминает структуру умбонов бронзовых позолоченных четвериков (правда

– не с звериными, а с человеческими масками) первой пол. VI в. из конского захоронения, обнаруженного на вершине кургана вместе с двумя людскими скелетами в 1902-1904 гг. в Veszkény, kom. Györ-Sopron, Magyar (Rybová 1988: 579, Taf. XIV,56). Декоративные полосы наносника и бровей у масок отсутствуют. Очевидно, датировка V – нач. VI вв., предложенная четверикам автором раскопок, соответствует действительности.

8. Погр. 36 на могильнике Warten/Шоссейное - бронзовые позолоченные подвески-лунницы с элементами I Общегерманского звериного стиля (рис. 7,2). Если обоймицы лунниц покрыты декором в манере Kerbschnitt, отдалённо напоминающим скопление звериных «глаз» в центре четвериков из погр. 36, то «рога» лунниц и их центральные части оформлены в виде парных голов хищных птиц. Ранее появления I Общегерманского звериного стиля такая композиция была реализована на луннице из позднегуннского княжеского захоронения в Jakuszowice (woj. świętokrzyskie Polski) (Levada M., 2011, fig. 2) и нашла отражение в памятниках стиля Sösdala (Salin 1904: Abb. 362; Kargapoltsev S., Schukin 2006: 289, fig. 2). Сама форма лунниц, известная в римском ювелирном искусстве уже в IV в. (Хамайко 2008: рис. 1,1), как в германской, так и в славянской декоративных традициях восходит к римским прототипам. Как по своей конструкции, так и по степени деградации звериного орнамента подвески и четверики из Warten/Шоссейное близки деталям конского снаряжения из погр. 13 могильника Hauskirchen (Österreich), где эти находки датируются временем кон. V – нач. VI вв. (Nowotny 2008: 316).

9. Погр. 36 на могильнике Warten/Шоссейное – два куска обкладки луки седла (рис. 8). Оба фрагмента накладки покрыты сделанными с внутренней стороны фольги оттисками трёх вариантов матриц. Они содержат изображения лежащих человека и животного, представленные в I Общегерманском зверином стиле (тип Snartemo) Важно отметить, что, в отличие от оттисков матриц обкладки в погр. Wa-4, оттиски из Warten размещены на декорируемом предмете основаниями друг к другу, головами в разные стороны. Такое хаотическое размещение оттисков разительно отличается от тщательно эстампированной обкладки из погр. Wa-4 (рис. 4). Возможно, мастер этих обкладок не был должным образом знаком с тонкостями звериного стиля. Не исключено то, что матрицы этих обкладок были получены путём торговли (Werner 1970: 74) и попали в руки балтского ювелира. Следует отметить, что перекрывающаяся и взаимно перекрытая оттисками прямоугольных матриц розеткообразная фигура в правом краю накладок (рис. 8) относится к набору фигур из банка данных балтского декора. Каждый из двух фрагментов обкладки был обнаружен согнутым в фигуру, имеющую П-образное сечение. Так обкладки покрывали лицевую и тыльную стороны луки седла. Раскопщик, публикуя фрагменты обкладки из погр. 36 на могильнике Warten, утверждал, что изображения «борющихся животных и людей» были частично (?!) сделаны «тем же мастером и теми же инструментами (…), что и тиснёные пластины из погр. 1 и 4 могильника Варникам» (Хохлов, Скворцов 2014: 155). Этот вывод не соответствует действительности. Как показывает анализ накладок из погр. 36 могильника Warten и из погр. 1 и 4 могильника Warnikam, изображения на накладках из погр. 1, относящиеся к вар. Karlsson I D, имеют мало общего с изображениями из других

упомянутых комплексов. Фигуры животных и людей (отнюдь не «борющиеся», а лежащие) накладок из погр. 36 могильника Warten и из погр. 1 и 4 могильника Warnikam действительно сходны, но не адекватны. Прежде всего различны размеры матриц, с которых эстампировались изображения. Матрицы из погр. Wa-4 шире и короче матриц из погр. 36 Warten. Связь между двумя изделиями лучше всего видна на неплохо сохранившихся оттисках изображения лежащей головой направо человеческой фигуры. Этот образ был довольно популярен во всевозможных орнаментальных полосах на ранней фазе развития I Общегерманского звериного стиля и использовался даже на окантовках пластин пальчатых фибул (Bakka 1958: fig. 7). В рамках указанного стиля в кон. V – нач. VI вв. деградация образа лежащего человека шла от вполне реалистической фигуры до весьма сложной композиции, включающей элементы туши животного (рис. 15), подтверждая тем самым правоту метода типологического исследования, успешно применявшегося адептами старой европейской археологической школы. Если матрица из погр. Wa-4 равномерно заполнена деталями изображения, а её плетение логично и обоснованно (рис. 15,2), то матрица из погр. 36 могильника Warten представляет собой распадающийся на отдельные элементы образ, плетение которого упрощено по сравнению с образцом из Wa-4 и теряет конструктивную логику (рис. 15,3). Лишь два признака объединяют эти матрицы: наличие канта из псевдо-жемчужного орнамента (на накладке из Snartemo он также представлен) и сюжет (лежащий человеко-зверь). Мастера этих накладок, скорее всего, могли пользоваться один и тем же образцом, но, очевидно, в разное время и обладая разными изобразительными способностями (не говоря уже об инструментарии).

10. Погр. б/№ (?) могильника Wilkieten/Vilkučiai, Klaipėdos raj., Lietuva – бронзовая позолоченная пряжка с растительным орнаментом, выполненным на рамке пряжки и на её обоймице в манере Kerbschnitt. Навершием внешнего угла ромбической обоймицы является головка зверя (рис. 9). Подобные пряжки в сер. V в. были распространены в восточноготской среде Среднего Подунавья (Bliujienė, Curta 2011: 39). В местном археологическом материале такие пряжки составляют так наз. «ромбическую группу» (Franzén 2009: 62) и частично встречены на памятниках археологии Северной Италии, отражая перемещение готов на запад и создание в 469/470 гг. государства Одоакра (Bierbrauer 1994: 142, fig. 30). Важно отметить, что звериная маска на имеющей дунайское происхождение пряжке из Wilkieten не имеет ничего общего с массивом звериных масок, представленных на изделиях, украшенных в I Общегерманском зверином стиле и обнаруженных на памятниках археологии пруссов.

11. Случ. находка у пос. Linkuhnen/Ржевское (Славский р-н), возможно, связанная с могильником – бронзовая перекладчатая крестообразная фибула, на концах мачт снабженная головками животных, выполненных в упрощённой версии I Общегерманского звериного стиля (рис. 10). Генетически эта находка связана с четвериками (№№ 5, 7 Каталога), почти точно совпадая с ними по своим размерам (рис. 16, 1,2). Правда, данный предмет не является деталью конского снаряжения, а выполнен мастером в виде фибулы. К тому же звериный декор на этой фибуле весьма упрощён. Создаётся впечатление об этой фибуле как об отливке матрицы

более сложного рисунка. Очевидно, данная находка – самая поздний памятник звериного стиля в земле пруссов.

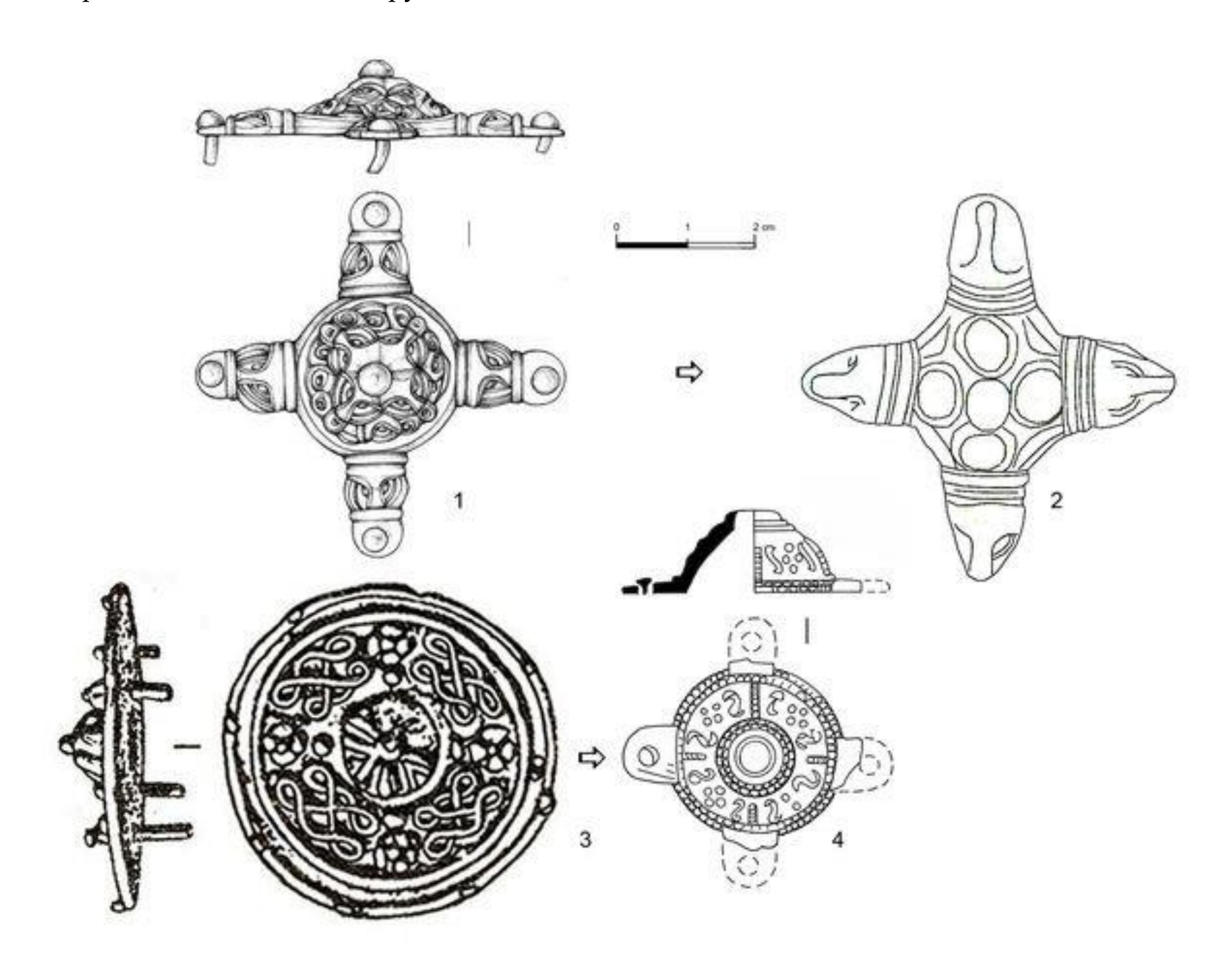

Рис. 16. Умбоны конского оголовья в прусской культуре:
1 – погр. 36 Warten/Шоссейное; 2 – случ. нах. на могильнике Linkuhnen/Ржевское;
3 – случ. нах. на могильнике Warnikam/Первомайское; 4 – погр. Y-152 могильника Yrzekapinis/Клинцовка-1 (1 – 2 - фонды Славского историко-краеведческого музея;
3 – Кулаков 1997: рис. 3,9; 3 - Skvortsov 2013: 358-360, fig. 5,1;
Хохлов, Скворцов 2014: 153; 4 – Кулаков 1992: рис. 1,у).

В местных древностях известны ещё две находки умбонов, выполнявших роль крепления ремней конских оголовий. На этих находках отсутствуют изображения зверей, однако представленные на них 8-образные и S-образные мотивы прямо связывают эти умбоны с памятниками, наследовавшими традиции стиля Sjörup (Karlsson 1983: 141, 142). Умбон из Warnikam/Первомайское в своей композиции и в деталях орнамента сохраняет линию развития круглых меровингских фибул (рис, 17, 1, 3) второй пол. VI – нач. VII вв. Их орнаментальные детали окончательно деградируют на поверхности умбона из погр. Y-152 могильника Yrzekapinis/Клинцовка-1, датируемого VIII-IX вв. (Кулаков 1999: 269).

12. Погр. Y-149 могильника Yrzekapinis-Клинцовка-1 (Зеленоградский р-н) – бронзовые наконечники ремня с рудиментами звериного орнамента (рис. 11). Данный тип находок хорошо известен в раннесредневековой Европе и относится к типу «Наконечники ремня с выступом», восходящим к ранневизантийским древностям VI в. Эти наконечники по своим параметрам и прочим признакам распадаются на три группы, поверхность предметов группы 2 украшена в традициях деградированного звериного стиля. Наконечники из погр. Y-149 непосредственно восходят к наконечникам меровингского времен и и датируются кон. VIII-IX вв. (Кулаков 2001: 186). Декор на лицевой поверхности наконечников из погр. Y-149 (рис. 11), представленный в манере Kerbschnitt, напоминает звериный орнамент на ножках фибулы лангобардского типа Montale/Weimar из погр. 147 могильника Daumen/Tumiany (woj. mazursko-warmińskie Polski) (Hilberg 2009: 236, 237, Abb. 7.19).

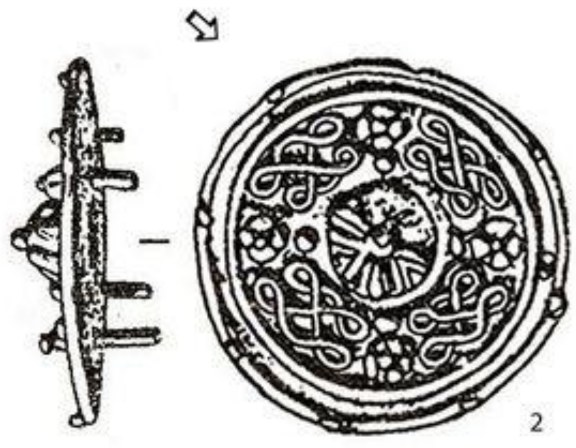

Рис. 17. Круглые меровингские фибулы с территории северо-восточной Франции (1, 3) и умбон из могильника Warnikam/Первомайское (2) (1 – Maurepas, Dep. des Yvelines, Françe; 2 – могильник Warnikam/Первомайское; 3 – Marchélepot, Dép. Somme, Françe) (1 – фонды ГМИИ, № Аар 824; 3 – Кулаков, Толстиков и др. 2007: 471).

13. Погр. б/№ (?) могильника бывш. Kössnicken (Зеленоградский р-н) – стремя с бронзовыми золочёными (?) деталями, стилизованными в виде звериных голов (рис. 12). Эта находка несёт образцы звериного стиля, никоим образом не связанные со стилистикой эпохи Меровингов и должна восприниматься, видимо, как местное воспроизведение скандинавских образцов. Это справедливо как относительно формы стремени, так и применительно к его декору. Правда, отдалёнными напоминаниями о традициях I Общегерманского звериного стиля являются манера Kerbschnitt, в которой выполнены маски зверей и оформление звериноголовых держателей боковых штанг стремени. Эти держатели выполнены ювелиром в традициях скандинавской «Большой звериной головы» (см. выше) с оскаленной пастью (рис. 12,1).

Кроме представленных 13-и предметов, украшенных звериным орнаментом, в массиве находок, сделанных в ареале раннесредневековой прусской культуры, имеются два предмета, которые орнаментированы в геометрическом стиле. Однако по времени своего изготовления этих находки совпадают с периодом существования находок, представленных в Каталоге и могут быть с ними типологически связаны.

А. Погр. б/№ могильника бывш. Grebieten/Окунево-1 (или Corjeiten/Путилово) (Зеленоградский р-н) – серебряная, частично золочёная круглая обоймица пряжки (рис. 18). Обнаруженная при неизвестных обстоятельствах К. Скворцовым летом 2012 г. обоймица пряжки (её кольцо и язычок отломаны) в публикации упомянута как «шайбовидная фибула из позолоченного серебра» (?) (Скворцов 2015: 70). Размер находки раскопщиком не указан, условия её находки и сопутствующий инвентарь неизвестны. Данная декоративная пряжка (отлита из серебра, частично позолочена, орнамент нанесён в манере Kerbschnitt) относится к типу Snartemo-Sjörup, язычок у таких пряжек орнаментирован в I Общегерманском зверином стиле. Такие престижные детали убора, распространённые в юго-западной Скандинавии ок. 400-475 гг. (Franzén 2009: 56, fig. 6), являлись аксессуаром убора местной знати.

Б. Фрагменты бронзовых обкладок ритонов, имеющих плетёный орнамент (рис. 19,1,2) из погр. 85 могильника Neudorf/Nowinka, (woj. elbląskie Polski) (Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011: pl. LIX,14). Данный орнамент, изготовленный при помощи чеканки линейным пуансоном с тыльной стороны пластины, представляет собой ритмическое повторение узлов из ленты, заполненной поперечными линиями (рис. 19,1) или же лишёнными их (рис. 19,2). Такой декор, восходящий к традициям I Общегерманского звериного стиля, характерен для скандинавских мастеров вендельского времени и датируется VI-VII вв. (Karlsson 1983: 169). Судя по паре фибул типа Sprossenfibeln, подтипа 4, обнаруженных в погр. 85 могильника Neudorf/Nowinka, его комплекс датируется нач. VIII в. (Кулаков 2003: 305).

Хронология предметов, декорированных в традициях I Общегерманского звериного стиля и обнаруженных в земле пруссов

Самой ранней находкой в нашем массиве является обоймица пряжки из могильника бывш. Grebieten (Corjeiten-?). Являясь важным аксессуаром убора (возможно – с долей культового значения) скандинавской знати разгара эпохи

Великого переселения народов, эта пряжка вместе с пряжкой из Proose, Eesti, является самыми восточными находками пряжек типа Snartemo-Sjörup. Дитер Кваст интерпретирует обнаруженную в местном погребальном сооружении (таранд) пряжку из Proose показателем того, что «местная «элита» посредством плотных контактов со Скандинавией обретала высококачественные изделия и укрепляла свой престиж за счёт чужеземных предметов» (Quast 2004: 268). К сожалению, из-за весьма низкокачественных методов «раскопок», при помощи которых К. Скворцов в 2012 г. добыл пряжку из бывш. Grebieten (как и прочие предметы, декорированные в зверином стиле), нет возможности сделать однозначный вывод о том, находились ли эти артефакты в могилах членов местной аристократии или же в погребениях аллохтонов. В погоне за призрачной славой Индианы Джонса упомянутый раскопщик пожертвовал бесценной научной информацией, ещё раз показав практически нулевой уровень своей профессиональной подготовки.

Рис. 18. Фрагмент пряжки из могильника Grebieten (Corjeiten ?).

Далее, к кон. V – нач. VI вв. относятся обкладка рукояти (ножен-?) меча-спаты из погр. Wa-4, золочёная подвеска из бывш. Warengen, золочёные четверики и подвески из погр. 1 могильника Kl. Medenau/Логвиново, золочёные четверики, подвески и серебряные обкладки седла из погр. 36 могильника погр. 36 могильника Warten.

К сер. VI в. можно отнести звериноголовую пряжку из Rothebude.

Позднейшими памятниками звериного стиля в земле пруссов являются обкладки ритонов, сохранившие от всего спектра звериного орнамента плетёный декор (нач. VIII в.), наконечники ремня из погр. Yrz-149 (VIII-IX вв.), стремя из могильника бывш. Kösnikken (X в.).

Полученная хронологическая линия поступления в землю пруссов предметов роскоши (сложная орнаментика и драгоценные металлы, из которых выполнены исследуемые находки, прямо свидетельствуют об этом) может быть интерпретирована следующим образом. Обоймица пряжки из могильника бывш. Grebieten (Corjeiten ?), попавшая на Самбию не позднее сер. V в. н.э., свидетельствует

о контактах германских племён, обитавших на п-ове Ютланд, с населением Янтарного берега. Эти контакты реализовались в рамках формирования в устье р. Вислы полиэтничной дружинной общности видивариев, включавших в свой состав выходцев с западных берегов Балтики (Кулаков 2003: 249).

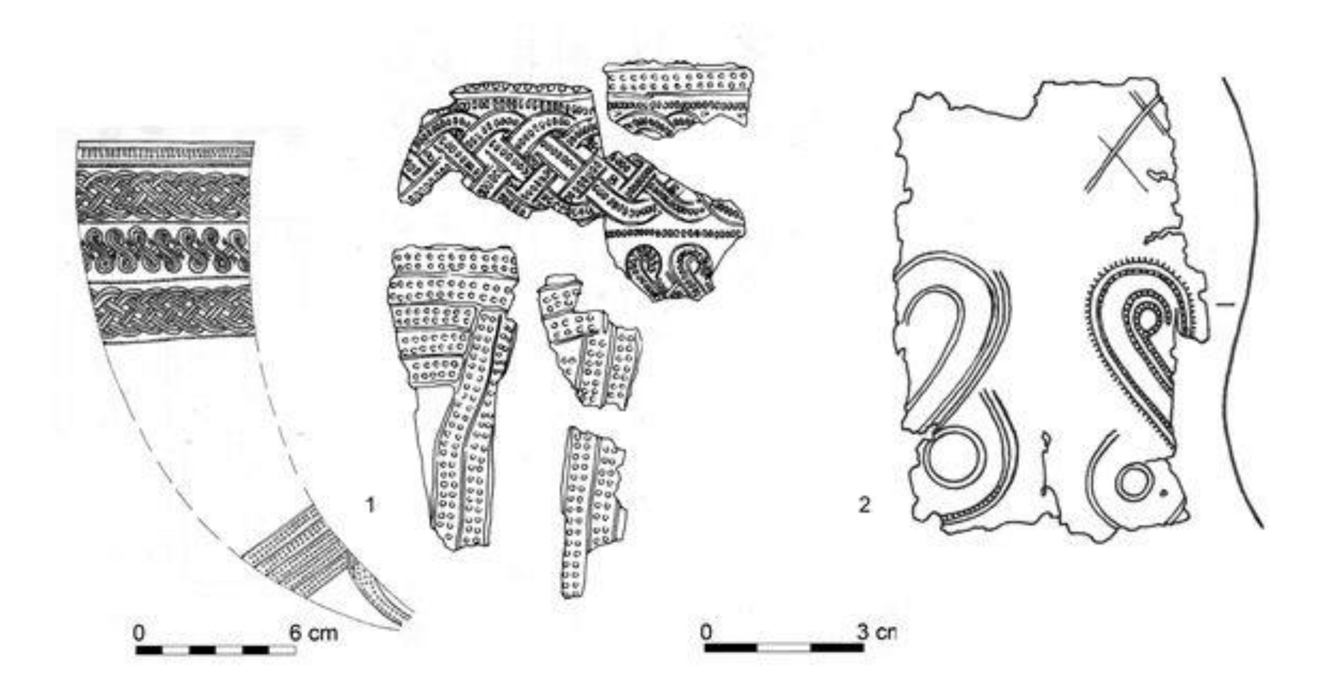

Рис. 19. Фрагменты обкладок ритонов:
1 – погр. 85 могильника Neudorf/Nowinka (woj. elbląskie Polski), 2 – место находки неизвестно, фрагмент обнаружен в форте № 3 Кёнигсберга, хранится в фондах КОИХМ. (1 – Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011: pl. LIX,14).

Небольшой, но весьма представительный массив деталей воинского убора, декорированных в рамках I Общегерманского звериного стиля, выявленный к настоящему времени в составе древностей пруссов, свидетельствует прежде всего о наличии в этом массиве неких стандартов:

1. Стандарт метрический: все литые изделия в своих размерах имеют длину не более 5,5 см. Этот размер максимально удобен для захвата матрицы или первичной отливки изделия при помощи двух пальцев левой руки. Таким образом, обрабатываемый предмет крепится на любой горизонтальной или слабо наклонной поверхности (верстак не обязателен), а правая рука резцом проводит необходимые операции в рамках манеры Kerbschnitt. Примечательно то, что этот стандарт реализуется и на звериноголовых фибулах серии Purda. Указанный метрический стандарт совершенно необязателен для изделий, обнаруженных в V-VI вв. в различных пунктах Скандинавии. Косвенно это свидетельствует о том, что значительная часть изученных прусских находок со звериным стилем принадлежит узкому кругу мастеров, возможно, работавших в ареале прусской культуры.

2. Стандарт иконографический: все четверики, подвески и пряжка из нашего Каталога, полученные путём литья с дальнейшей обработкой резцом, обладают

единой чертой. Подверженные наибольшим силовым воздействиям части предметов (обоймицы - места крепления ремней) снабжены в качестве оберегов изображениями плоской звериной маски. Она является финальным для эпохи Меровингов этапом развития канона «Один и вóроны» и на пальчатых фибул со звериным орнаментом находится в наиболее престижной верхней части фибул – на вершине ромбической пластины (кстати – наиболее подверженной слому). Также и в первой пол. V в. позднеримские мастера располагали так наз. «мотив Океана» (маску божества, охраняемая двумя мифологическими животными-спутниками) в верхней, наиболее престижной части своих изделий (Martin 2005: 346, Abb. 14, 20). Важно отметить, что четверики и подвески в массиве скандинавских и континентальных изделий со звериным стилем за редким исключением отсутствуют. Уплощённые звериные маски четвериков реализуются в нач. VI в. на трёхлучевых фибулах серий Krefeld и Гурзуф, распространившихся (торговым путём или при переселении групп германского населения) из Среднего Подунавья в ареал франков (Kazanski 1997: 295, fig. 14,8,10) и западных балтов. Звериноголовые фибулы (серия Purda), в первой пол. VI в. разработанные и изготовленные в юго-восточной Балтии ювелирами, хорошо знакомыми со скандинавскими декоративными традициями (Кулаков 2011: 117), при этом в Скандинавии композиционных аналогов не находят. Появившись сначала на ножках пальчатых фибул, затем звериные маски с «демонической» улыбкой (характерна для скандинавских изделий) были к сер. VI в. перенесены на трёхлучевые застёжки (Кулаков 2011: 116, 117). Мирослав Рудницки недавно заявил о том, что этот вывод сделал Ф. Хильберг (Rudnicki 2015: 143). К сожалению, молодой польский коллега плохо понял немецкий текст, указанный вывод у Ф. Хильберга отсутствует.

Обкладки рукоятей (ножен-?) мечей и луки седла из нашего Каталога находят массу аналогий в скандинавских древностях. Таким образом, выявлены два источника распространения традиций звериного стиля в исторической Пруссии на ранней стадии эпохи Меровингов – из восточноготского Подунавья и из северо-западной Скандинавии, т.е. из крайних точек Вислинского пути, по которому в эпоху пост-Недао ветераны гуннских войн возвращались на родину.

Наличие указанных стандартов позволяет предполагать, что четверики, подвески и пряжка могли быть изготовлены германскими (скандинавскими-?) мастерами, работавшими в земле пруссов в кон. V – нач. VI вв. Традиции звериного стиля, принесёнными этими мастерами, жили в юго-восточной Балтии, как показывают находки, собранные в Каталоге, вплоть до эпохи викингов.

В кон. V - VI вв. прибывшие из Скандинавии (?) мастера четвериков и подвесок «предназначали свою продукцию тем членами местного общества (прежде всего – в области Витланд), которые стремились посредством этих необычных для балтского мира элементов убора манифестировать свою причастность к германскому миру» (Кулаков 2011: 119), то есть являлись или считали себя потомками видивариев, участвовавших в сер. V в. в формировании прусской средневековой культуры (Кулаков 2003: 250). Археологическими индикаторами древностей видивариев являются трёхлучевые фибулы серии Krefeld с упрощенными очертаниями, поясные наборы в стиле Sösdala, гривны с заходящими утолщёнными концами. К этим индикаторам могут относиться и арбалетовидные фибулы с маской зверя,

появившиеся в земле пруссов в кон. V в. Позднее, ок. 510 г. н.э. литые звериноголовые арбалетовидные фибулы начинают производиться в Скандинавии для балтских потребителей (Кулаков 2012б: 140-143). Балтские носители ранних традиций прусской культуры отличаются использованием фибул со звёздчатой ножкой и ножей-кинжалов (Кулаков 2003: 250). Все эти адепты дружинных традиций в кон. V в. активно осваивали Самбию и восточную часть балтского мира, стремясь завладеть путями межплеменных торговых контактов (Kulakov 2006: 300). Представители верхушки дружинного слоя прусского общества кон. V – нач. VI вв. ориентировались на скандинавские декоративные традиции, о чём свидетельствуют находки из Warnikam и Warten. Признаки погр. Wa-1 Wa-4 свидетельствуют о том, что похороненные здесь знатные воины (вожди-?) были или западными балтами, или жили в преимущественно прусской среде. Хотя, как показывают находки франкского оружия в Поморье, возможно наличие небольших «гарнизонов» западных германцев меровингского времени по западному отрезку Янтарного пути, пролегавшего по южному краю Балтики (Kulakov 2005: 141). Скромные по своему оформлению трёхлучевые фибулы серий Krefeld и Гурзуф со звериными головками, восходящие к дунайским традициям, могли принадлежать менее высокопоставленным членам общества видивариев.

В среде следующего поколения носителей прусской культуры первой пол. VI в. распространяются звериноголовые трёхлучевые и арбалетовидные фибулы, украшенные плоскими звериными масками, ранее появившимися на четвериках и подвесках, и масками с «демонической» улыбкой. Эти фибулы являются материальными признаками тех потомков видивариев, которые ранее начали использовать в Пруссии детали убора с элементами звериного стиля. Связанные своим происхождением с Ютландом воины-переселенцы, известные в устье р. Вислы как «видиварии» и два поколения наследников их традиций, жившие в первое столетие существования прусской культуры, удивительным образом напоминают «кимбров» и «брутенов», под руководством братьев-князей Видевута и Брутена в 514 г. н.э. покинувших «Кимбрию» (Ютланд-?) и переселившихся на Янтарный берег (Кулаков 2015б: 85-91).

ЛИТЕРАТУРА

Казанский 2010 - *Казанский М.М.* Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // Stratum plus. Санкт-Петербург – Одесса – Кишинёв – Бухарест: Высшая Антропологическая школа, 2010. № 4. С. 1-111.

Карнап-Борнхайм фон, Ибсен, Валуев 2005 - *Карнап-Борнхайм К. фон, Ибсен Т., Валуев А.А.* Каталог // Коллекций Пруссия в фондах Калининградского областного историко-художественного музея. Шлезвиг: издательство Х.М. Хаусшильд ГМБХ, 2005. 112 с.

Кулаков 1990а - *Кулаков В.И.* Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V - начала VIII вв. (по материалам раскопок 1878-1938 гг.) // Barbaricum-1989. Warszawa: Institut archeologii Uniwersitetu Warszawskiego. 1990. С. 148-273.

Кулаков 1990б - *Кулаков В.И.* «Звериноголовые» фибулы балтов (V-VII вв.) // Советская археология. 1990. № 2. С. 204-214.

Кулаков 1992 - *Кулаков В.И.* Конское снаряжение пруссов X-XI вв. (проблема относительной хронологии деталей оголовья) // Lietuvos archeologija. Т. 9. Vilnius: Academia, 1992. С. 137-143.

Кулаков 1997 - *Кулаков В.И.* Варникам. Древности прусских вождей // Гістарычна-археалагічны зборник. № 12. Мінск: ВКП Арты-Фэкс, 1997. С. 143-171.

Кулаков 1999 - *Кулаков В.И.* Ирзекапинис // Stratum plus. Санкт-Петербург – Кишинёв – Одесса: Бизнес-Элита, 1999. № 5. С. 211-273.

Кулаков 2001 - *Кулаков В.И.* Уникальный экспонат Музея «Пруссия» // Lietuvos Archeologija. T. 21. Skiriama Reginos Volkaitės-Kulikauskienės 85-mečiui. Vilnius: Diemedžio leidykla, 2001. C. 183-190.

Кулаков 2003 - *Кулаков В.И.* История Пруссии до 1283 г. М.: Индрик, 2003. 364 с.

Кулаков 2006 - *Кулаков В.И.* «Варварские» подражания провинциально-римским фибулам с «кнопками» на фазах С1 и D1 // Archaeologia Lituana. Vol. 6. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2006. С. 66-78.

Кулаков 2011 - *Кулаков В.И.* Серии трёхлучевых фибул с маской зверя на ножке в исторической Пруссии // Stratum plus. № 5. Санкт-Петербург – Одесса – Кишинёв – Бухарест: Высшая Антропологическая школа, 2011. С. 109-122.

Кулаков 2012а - *Кулаков В.И.* Неманский янтарный путь в эпоху викингов. Калининград: ПЕН-Клуб, 2012. 222 с.

Кулаков 2012б - *Кулаков В.И.* Арбалетовидные фибулы со звериным орнаментом // Slavia Antiqua. T. LIII. Poznań: Towarczystwo Przyjaczól nauk, 2012. С. 131-163.

Кулаков 2013 - *Кулаков В.И.* Интервью в «Российской газете» от 18.04.2013 г. / Электронный ресурс: www.rg.ru/2013/04/18/reg-szfo/archeology.html (дата обращения - 01.06.2015).

Кулаков 2014 - *Кулаков В.И.* Hünenberg – «Гора Великанов». Могильник III-IV вв. на севере Самбии // Światowit Supplement Series B. Barbaricum. Tom 10. Warszawa: Drukarnia Janusz Bieszczad, 2014. С. 199-363.

Кулаков 2015а - *Кулаков В.И.* Методика раскопок старших представителей прусской археологической школы (могильники Dollkeim/Коврово и Warnikam/Первомайское) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Ч. 1. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2015. С. 178-189.

Кулаков 2015 - *Кулаков В.И.* Сообщение Симона Грунау о культовом центре Ромове-Рикойто // Предания, мифы и легенды Древней Пруссии – Tales, Myths and Legends of Ancient Prussia – Opowieści, mity i legendy starożytnych Prus. Ольштын, 2015. С. 79-106.

Кулаков и др. 2007 - *Кулаков В.И., Толстиков В.П., Фурасьев А.Г., Щукин М.Б., Ахмедов И.Р., Новикова Г.Ю.* Каталог. Франки // Эпоха Меровингов – Европа без границ. Археология и история V-VIII вв. Вольфсхаузен: Издательство «Минерва» Герман Харнунг, 2007. С. 449-543.

Скворцов 2015 - *Скворцов К.Н.* Социальная стратификация населения Самбийского полуострова в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов (по материалам погребальных памятников) // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы международной научной конференции. М.: ИА РАН, 2015. С. 68-71.

Фонды Славского историко-краеведческого музея.

Хамайко 2008 - *Хамайко Н.* Древнерусские лунницы XI-XIII веков: проблема происхождения и семантики // Наукові записки з української історії. Вип. 20. Переяслав-Хмельницький: Видавництво «Астон», 2008. С. 319-337.

Хохлов, Скворцов 2014 - *Хохлов А.Н., Скворцов К.Н.* Погребение всадника конца V – первой половины VI в. из могильника Шоссейное Калининградской области (предварительное сообщение) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 232. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 151-159.

Храпунов, Казанский 2015 - *Храпунов И.Н., Казанский М.М.* Погребение № 114 на могильнике Нейзац (предгорный Крым) и древности кочевников Северного Причерноморья второй половины V – первой половины VI в. // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 238. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 170-193.

Åberg 1919 - *Åberg N.* Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala-Leipzig: A.-B. Akademiska Bokhandel, 1919. 175 s.

Archiv R. Grenz, Archäologische Landesmuseum Gottorf. Schleswig.

Bakka 1958 - *Bakka E.* On the beginning of Salin's Style I in England // Aarbok Universitetet i Bergen. № 3. Bergen: A.S. John Griegs boktrykkeri, 1958. S. 5-83.

Bierbrauer 1994 - *Bierbrauer V.* Archäologie und Geschichte der Goten vom 1.-7. Jahrhundert. Versuch einer Bilanz // Frühmittelalterliche Studien. 28. Bd., Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1994. S. 51-171.

Bliujienė 2013 - *Bliujienė A.* Romėniškasis ir tautu kraustymosi laikotarpiai // Lietuvos archeologija. III tomas. Klaipėda: Klaipėdo universiteto leidykla, 2013. 750 s.

Bliujienė, Curta 2011 - *Bliujienė A., Curta F.* Exotic Lands, Quixotic Friends: Eastern Lithuania and the Carpatian Basin in Late Antiquity and the Early Middle Age (AD c 380 to c 620) // Medieval Archaeology. Vol. 55. Leeds: Maney Publishing, 2011. S. 29-64.

Capelle, Vierck 1975 - *Capelle T., Vierck H.* Weitere Modeln der Merowinger- und Wikingerzeit // Frühmittelalterliche Studien. 9. Bd, Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1975. S. 110-142.

Foigtmann-Kartei, um 1934, SMB-TK/Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin, PM-IXc1.

Franzén 2009 - *Franzén R.* The Image of Loki from Proosa in Estonia: a Migration Period high status buckle with an elevated circular fastening plate in the light of similar buckles recovered in Scandinavia // Fennioskandia archaeologica. Vol. XXVI. Helsinki: University of Helsinki, 2009. S. 53-80.

Gaerte 1929 - *Gaerte W.* Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg: Gräfe und Unzer, 1929. 406 s.

Godłowski 1995 - *Godłowski K.* Das «Fürstengrab» des 5. Jhs. und der «Fürstensitz» in Jakuszowice in Südpolen // Vallet F., Kazanski M. red., La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIIe siècle. Conde-sur-Noireau: C.E.E., 1995. S. 155-179.

Haseloff 1981a - *Haseloff G.* Die germanische Tierornamentik der Völkerwanderungszeit // Studien zu Salin's Stil I. Bd. I. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1981. 367 s.

Haseloff 1981b - *Haseloff G.* Die germanische Tierornamentik der Völkerwanderungszeit // Studien zu Salin's Stil I. Bd. II. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1981. 367 s.

Hilberg 2009 - *Hilberg V.* Masurische Bugelfibeln // Daumen und Kellaren – Tumiany i Kielary. Bd. 2. Neumunster: Wachholtz Verlag, 2009. 615 s.

Jahn 2012 - Jahn Chr. 2012, Электронный ресурс: http://www.prussia-museum.eu/ (дата обращения – 29.05.2016).

Kargapoltsev, Schukin 2006 - *Kargapoltsev S., Schukin M.* Nouvelles découvertes d'armes occidentals de l'é poque romaine tardive en Russie du Nord-Ouest // De l'Âge du fer au haut Moyen Âge. Archéologie funéraire, princes et elites guerrieres. Condé-sur-Noireau: Imprimer sur les presses, 2006. S. 289-294.

Karlsson 1983 - *Karlsson L.* Nordisk form om djurornamentik. Stockholm: Statens Historiska Museum, 1983. 196 s.

Katalog 1897 - Katalog des Prussia-Museums. Teil II. Königsberg: Ostpreussische Zeitungs- und Verlag-Druckerei, 1897. 50 s.

Kazanski 1997 - *Kazanski M.* La Gaule et le Danube a l'epoque des Grandes Migrations // Kazanski M., Reiral J., Friesinger H. red. Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Brno: l'Institut d'Archéologie de l'Académie des Sciences de la République tchèque, 1997. S. 285-319.

Kazanski, Périn 1997 - Kazanski M., Périn P. Les Barbares «orientaux» dans l'armée romaine en Gaule // Vallet F., Kazanski M., Périn P. red. Des royaumes barbares au regnum francorum l'occident à l'époque de Childéric et de Clovis (vers 450-vers 530). Saint-Germen-en-Laye: La Simarre, 1997. S. 201-217.

Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011 - *Kontny B., Okulicz-Kozaryn E., Pietrzak M.* Nowinka. Site I. The cemetery from the Late Migration Period in the northern Poland. Gdansk; Warszawa: Drukarnia Spartan, 2011. 296 s.

Kowalski 2000 - *Kowalski J.* Chronologia grupy elbląskiej i olsztynskiej kręgu zachodniobałtyckiego (V-VI w.). Zaruys problematyki // Barbaricum. T. 6. Warszawa: drukarnia Janusz Bieszcziad, 2000. S. 203-266.

Kulakov 2005 - *Kulakov V.* Légionnaires romains et guerriers mérovingies sur la côte d'Ambre // Voies d'eau, commerce et artisanat en Gaule mérovingienne. Namur: Musée archélogique de Namur, 2005. S. 133-144.

Kulakov 2006 - *Kulakov V.* Das Echo der Hunnenkriege ins Baltikum // De l'Âge du fer au haut Moyen Âge. Archéologie funéraire, princes et elites guerrieres. Condé-sur-Noireau: Imprimer sur les presses, 2006. S. 295-306.

Levada 2011 - *Levada M.* To Europe Via the Crimea: jn possible Migration Routes of the Northern People in the Great Migration Period // Inter Ambo Maria. Contacts between Skandinavia and the Crimea in the Roman Period. Kristriansand-Simferopol: DOLYA Publishing, 2011. S. 115-135.

Mangelsdorf 2011 - *Mangelsdorf G.* Der Halsring von Peterfitz, Hinterpommern. Beitrag zur zeitlichen und kulturellen Stellung der Goldringe mit verdickten und ergreifenden Enden des 6. Jahrhunderts in Skandinavien und südlich der Ostsee // Offa. Bd. 63/64. Neumünster: Wachholtz Verkag, 2011. S. 79-108.

Mantel, Merleau 1998 – *Mantel É., Merleau M.-L.* Aperçu des connainsances archéologiques recentes sur les cimetières mérovingiens du nord de la Seine-Maritime // Delestre X., Périn P., red. La datation des structures et des objets du yhaut moyen âge: méthods et résultats. Conde-sur-Noireau: E.U., 1998. S. 233-250.

Martin 1994 - *Martin M.* Späte Völkerwanderungszeit und Merowingerzeit auf dem Kontinent // Fibel und Fibeltracht. Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. 8. Lief. 5/6. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1994. S. 541-582.

Martin 2005 - *Martin M.* Krefelder Schwerter, Kerbschnittgürtel und Frühmerowingische Tierfibeln – drei Fundgruppen, zwei Epochen, ein Problemkreis // Voies d'eau, commerce et artisanat en Gaule mérovingienne. Namur: Musée archélogique de Namur, 2005. S. 319-359.

Nowotny 2008 - *Nowotny E.* Die Ornamentik der Zaumzeugbeschläge von Hauskirchen, Grab 13 // Kulturwandel in Europa. Langobarden – Awaren – Slawen, Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 2008. S. 309-318.

Quast 2004 - *Quast D.* Ein skandinavisches Spathascheidenmundblech der Völkerwanderungszeit aus Pikkjärve (Põlvamaa, Estland) // Jahrbuch des RGZM. 51. Jg., Mainz: RGZM, 2004. S. 243-279.

Quast 2007 - *Quast D.* Zwischen Steppe, Barbaricum und Byzanz. Bemerkungen zu prunkvollem Reitzubehör des 5. Jahrhuinderts n.Chr. // Acta Praehistorica et Archaeologica. Bd. 39. Berlin: Verlag Marie Leidorf GMBH, 2007. S. 35-64.

Roth 1979 - *Roth H.* Kunst der Volkerwanderungszeit. Berlin: Propyläen Verlag, 1979.

Rudnicki 2015 - *Rudnicki M.* Uwagi na temat zapinek tipu Purda // Hoffmann M., Karczewski M., Wadyl S. red., Materialy do Archeologii Warmii i Mazur. Białystok-Olsztyn-Gdańsk: Ośrodek badań Europy Środkowo-Wschodniej w Białymstoku, 2015. S. 141-146.

Rybová 1988 - *Rybová A.* Grabfunde aus Mahren, Niederösterreich, dem Burgenland und Ungarn // Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg: Verlag GNM, 1988. S. 559-588.

Salin 1904 - *Salin B.* Die altgermanische Thierornamentik: typologische Studie über germanische Metallgegenstände aus dem IV. bis IX. Jahrhundert; nebst einer Studie über irische Ornamentik. Stockholm: K.L. Beckmans Büchdruckerei; Berlin: in Kommission bei A. Asher, 1904.

Sjovold 1993 - *Sjovold D.* The skandinavian relief Brooches of the Migration Period. An Attempt at a new Classification, Norske Oldfunn. Vol. XV. Oslo: Institut for arkeologi, kunsthistorie og numismatikk oldsaksamlingen, 1993. 132 s.

Skvortsov 2013 - *Skvortsov K.* «The Amber coast masters»: some observations on rich burials in the Sambian-Natangian Culture ca. AD 500 // Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Skandinavia towards the Black Sea, Kristiansand-Simferopol: "DOLYA" Publishing House, 2013. S. 352-364.

Vierck 1967 - *Vierck H.* Bemerkungen zum Verlaufsweg finnisch-angelsachsischer Beziehungen in sechsten Jahrhundert // Suomen Museo lehti. Vol. 1. Helsinki: Suomen museoliitto, 1967. S. 54-63.

Werner 1970 - *Werner J.* Zur Verbreitung frühgeschichtlicher Metallarbeiten (Werkstatt – Wanderhandwerk – Handel – Familienverbindung) // Early Medieval Studies. Vol. 1. Stockholm: Boktyckeri ab Thule, 1970. S. 65-86.

REFERENCES

Åberg 1919 - *Åberg N.* Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit [East Prussia during an era of great resettlement of the people], Uppsala-Leipzig, A.-B. Akademiska Bokhandel Publ., 1919, 175 p. [in German].

Archiv - Archiv R. Grenz, Archäologische Landesmuseum Gottorf [Archive of the Archaeological National Museum Gottorf], Schleswig [in German].

Bakka 1958 - *Bakka E.* On the beginning of Salin's Style I in England, in: Aarbok Universitetet i Bergen, № 3, Bergen, A.S. John Griegs boktrykkeri, 1958, pp. 5-83 [in English].

Bierbrauer 1994 - *Bierbrauer V.* Archäologie und Geschichte der Goten vom 1.-7. Jahrhundert. Versuch einer Bilanz [Archeology and history of the Goths in the 1-7th centuries], in: Frühmittelalterliche Studien. 28 Bd. [Early medieval researches. Release 28], Berlin; New York, Walter de Gruyter Publ., 1994, pp. 51-171 [in German].

Bliujienė 2013 - *Bliujienė A.* Romėniškasis ir tautu kraustymosi laikotarpiai [Antiquities of the Roman time and period of great resettlement of the people], in: Lietuvos archeologija. III tomas [Lithuanian archeology. Volume III], Klaipėda, Klaipėdo universiteto leidykla Publ., 2013, 750 p. [in Lithuanian].

Bliujienė, Curta 2011 - *Bliujienė A., Curta F.* Exotic Lands, Quixotic Friends: Eastern Lithuania and the Carpatian Basin in Late Antiquity and the Early Middle Age (AD c 380 to c 620), in: Medieval Archaeology, Vol. 55, Leeds, Maney Publishing, 2011, pp. 29-64 [in English].

Capelle, Vierck 1975 - *Capelle T., Vierck H.* Weitere Modeln der Merowinger- und Wikingerzeit [Modeling of an era the Merovingians and eras of Vikings], in: Frühmittelalterliche Studien. 9 Bd [Early medieval researches. Release 9], Berlin; New York, Walter de Gruyter Publ., 1975, pp. 110-142 [in German].

Foigtmann-Kartei, um 1934, SMB-TK/Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin, PM-IXc1 [Card file of 1934, Museum of the prehistoric period and early history, Berlin, PM-IXc1] [in German].

Fondy Slavskogo istoriko-kraevedcheskogo muzeja [funds of the Slavsky local history museum] [in Russian].

Franzén 2009 - *Franzén R.* The Image of Loki from Proosa in Estonia: a Migration Period high status buckle with an elevated circular fastening plate in the light of similar buckles recovered in Scandinavia, in: Fennioskandia archaeologica, Vol. XXVI, Helsinki, University of Helsinki Publ., 2009, pp. 53-80 [in English].

Gaerte 1929 - *Gaerte W.* Urgeschichte Ostpreussens [Background of East Prussia], Königsberg, Gräfe und Unzer Publ., 1929, 406 p. [in German].

Godłowski 1995 - *Godłowski K.* Das «Fürstengrab» des 5. Jhs. und der «Fürstensitz» in Jakuszowice in Südpolen [«A royal grave» of the 5th century. And «the royal residence» in Yanushovitsa in the south of Poland], in: Vallet F., Kazanski M. red., La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIIe siècle [The Roman nobility and barbarous leaders in the 3-8th centuries / under edition Vallet F., Kazanski M.], Conde-sur-Noireau, C.E.E. Publ., 1995, pp. 155-179 [in German].

Hamajko 2008 - *Hamajko N.* Drevnerusskie lunnicy XI-XIII vekov: problema proishozhdenija i semantiki [Old Russian lunnitsa of the 11-13th centuries: problem of an origin and semantics], in: Naukovi zapiski z ukraïnskoï istoriï. Vip. 20 [Scientific works on the Ukrainian history. Release 20], Pereyaslav-Hmelnitsky, Vidavnictvo «Aston» Publ., 2008, pp. 319-337 [in Russian].

Haseloff 1981a - *Haseloff G.* Die germanische Tierornamentik der Völkerwanderungszeit [German animal ornament of the period of great resettlement of the people], in: Studien zu Salin's Stil I. Bd. I [Style researches Salin. Release I], Berlin; New York, Walter de Gruyter Publ., 1981, 367 p. [in German].

Haseloff 1981b - *Haseloff G.* Die germanische Tierornamentik der Völkerwanderungszeit [German animal ornament of the period of great resettlement of the people], in: Studien zu Salin's Stil I. Bd. II [Style researches Salin. Release II], Berlin; New York, Walter de Gruyter Publ., 1981, 367 p. [in German].

Hilberg 2009 - *Hilberg V.* Masurische Bugelfibeln [Mazursky fibulae], in: Daumen und Kellaren – Tumiany i Kielary. Bd. 2 [Burial grounds Daumen and Kellaren. Release 2], Neumunster, Wachholtz Verlag Publ., 2009, 615 p. [in German].

Hohlov, Skvorcov 2014 - *Hohlov A.N., Skvorcov K.N.* Pogrebenie vsadnika konca V – pervoj poloviny VI v. iz mogil'nika Shossejnoe Kaliningradskoj oblasti (predvaritel'noe soobshhenie) [Burial of the rider of the end of V – the first half of the 6th century of a burial ground Highway the Kaliningrad region (the preliminary message)], in: Kratkie soobshhenija Instituta arheologii. Vyp. 232 [Short messages of Institute of archeology. Release 232], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2014, pp. 151-159 [in Russian].

Hrapunov, Kazanskij 2015 - *Hrapunov I.N., Kazanskij M.M.* Pogrebenie № 114 na mogil'nike Nejzac (predgornyj Krym) i drevnosti kochevnikov Severnogo Prichernomor'ja vtoroj poloviny V – pervoj poloviny VI v. [Burial No. 114 on a burial ground Neyzats (the foothill Crimea) and antiquities of nomads of Northern Black Sea Coast of the second half of V – the first half of the 6th century], in: Kratkie soobshhenija Instituta arheologii. Vyp. 238 [Short messages of Institute of archeology. Release 238], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2015, pp. 170-193 [in Russian].

Jahn 2012 - Jahn Chr. 2012, Electronic resource: http://www.prussia-museum.eu/ (Date of access – 29.05.2016) [in German].

Kargapoltsev, Schukin 2006 - *Kargapoltsev S., Schukin M.* Nouvelles découvertes d'armes occidentals de l'é poque romaine tardive en Russie du Nord-Ouest [New finds of east weapon of a late Roman era in the Northwest of Russia], in: De l'Âge du fer au haut Moyen Âge. Archéologie funéraire, princes et elites guerrieres [The Iron Age and the Middle Ages. Archeology of burials of princes and military elite], Condé-sur-Noireau, Imprimer sur les presses Publ., 2006, pp. 289-294 [in French].

Karlsson 1983 - *Karlsson L.* Nordisk form om djurornamentik [Scandinavian form of an animal ornament], Stockholm, Statens Historiska Museum Publ., 1983, 196 p. [in Swedish].

Karnap-Bornhajm von, Ibsen, Valuev 2005 - Karnap-Bornhajm K. von, Ibsen T., Valuev A.A. Katalog [Catalog], in: Kollekcij Prussija v fondah Kaliningradskogo oblastnogo istoriko-hudozhestvennogo muzeja [Collections Prussia in funds of the Kaliningrad regional historical and art museum], Shlezvig, izdatel'stvo H.M. Hausshil'd GMBH Publ., 2005, 112 p. [in Russian].

Katalog 1897 - Katalog des Prussia-Museums. Teil II [Catalog of the museum of Prussia. Release II], Königsberg, Ostpreussische Zeitungs- und Verlag-Druckerei Publ., 1897, 50 p. [in German].

Kazanski 1997 - *Kazanski M.* La Gaule et le Danube a l'epoque des Grandes Migrations [Gallia and Danube during an era of great resettlement of the people], in: Kazanski M., Reiral J., Friesinger H. red. Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum [New researches of late antiquity and the Middle Ages in Danube the region / under edition Kazanski M., Reiral J., Friesinger H.], Brno, l'Institut d'Archéologie de l'Académie des Sciences de la République tchèque Publ., 1997, pp. 285-319 [in French].

Kazanski, Périn 1997 - *Kazanski M., Périn P.* Les Barbares «orientaux» dans l'armée romaine en Gaule [«East» barbarians in the Roman army in Gallia], in: Vallet F., Kazanski M., Périn P. red. Des royaumes barbares au regnum francorum l'occident à l'époque de Childéric et de Clovis (vers 450-vers 530) [Barbarous kingdoms in the state of the western francs during Childeric and Hlodviga's era (about 450-530)], Saint-Germen-en-Laye, La Simarre Publ., 1997, pp. 201-217 [in French].

Kazanskij 2010 - *Kazanskij M.M.* Skandinavskaja mehovaja torgovlja i «Vostochnyj put'» v jepohu pereselenija narodov [Scandinavian fur trade and «East way» to an era of resettlement of the people], in: Stratum plus, St. Petersburg – Odessa – Chisinau – Bucharest, Vysshaja Antropologicheskaja shkola Publ., 2010, № 4, pp. 1-111 [in Russian].

Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011 - *Kontny B., Okulicz-Kozaryn E., Pietrzak M.* Nowinka. Site I. The cemetery from the Late Migration Period in the northern Poland, Gdansk; Warszawa, Drukarnia Spartan Publ., 2011, 296 p. [in English].

Kowalski 2000 - *Kowalski J.* Chronologia grupy elbląskiej i olsztynskiej kręgu zachodniobałtyckiego (V-VI w.). Zaruys problematyki [Chronology of elblansky and olshtynsky groups of zapadnobaltsky antiquities (5-6th century). Review of a perspective], in: Barbaricum. T. 6 [Barbaricum. Volume 6], Warszawa, drukarnia Janusz Bieszczȧad Publ., 2000, pp. 203-266 [in Polish].

Kulakov 1990a - *Kulakov V.I.* Mogil'niki zapadnoj chasti Mazurskogo Poozer'ja konca V - nachala VIII vv. (po materialam raskopok 1878-1938 gg.) [Burial grounds of the western part of Mazursky Poozerya of the end of V - the beginning of the 8th centuries (on materials of excavation of 1878-1938)], in: Barbaricum-1989, Warszawa, Institut archeologii Uniwersitetu Warszawskiego Publ., 1990, pp. 148-273 [in Russian].

Kulakov 1990b - *Kulakov V.I.* «Zverinogolovye» fibuly baltov (V-VII vv.) [«Zverinogolovye» of a fibula of Balts (the 5-7th centuries)], in: Sovetskaja arheologija [Soviet archeology], 1990, № 2, pp. 204-214 [in Russian].

Kulakov 1992 - *Kulakov V.I.* Konskoe snarjazhenie prussov X-XI vv. (problema otnositel'noj hronologii detalej ogolov'ja) [Horse equipment of pruss of the 10-11th centuries (problem of relative chronology of details ogolovya)], in: Lietuvos archeologija. T. 9 [Lithuanian archeology. Volume 9], Vilnius, Academia Publ., 1992, pp. 137-143 [in Russian].

Kulakov 1997 - *Kulakov V.I.* Varnikam. Drevnosti prusskih vozhdej [Varnikam. Antiquities of Prussian leaders], in: Gistarychna-arhealagichny zbornik. № 12 [Historical and archaeological collection. No. 12], Minsk, VKP Arty-Fjeks Publ., 1997, pp. 143-171 [in Russian].

Kulakov 1999 - *Kulakov V.I.* Irzekapinis [Irzekapinis], in: Stratum plus, St. Petersburg – Chisinau – Odessa, Biznes-Jelita Publ., 1999, № 5, pp. 211-273 [in Russian].

Kulakov 2001 - *Kulakov V.I.* Unikal'nyj jeksponat Muzeja «Prussija» [Unique exhibit of the Museum «Prussia»], in: Lietuvos Archeologija. T. 21 [Lithuanian archeology. Volume 21], Skiriama Reginos Volkaitės-Kulikauskienės 85-mečiui, Vilnius, Diemedžio leidykla Publ., 2001, pp. 183-190 [in Russian].

Kulakov 2003 - *Kulakov V.I.* Istorija Prussii do 1283 g. [History of Prussia till 1283], Moscow, Indrik Publ., 2003, 364 p. [in Russian].

Kulakov 2005 - *Kulakov V.* Légionnaires romains et guerriers mérovingies sur la côte d'Ambre [The Roman legionaries and soldiers the Merovingians on the Amber coast], in: Voies d'eau, commerce et artisanat en Gaule mérovingienne [Waterways, trade and crafts in Gallia Merovingov], Namur, Musée archélogique de Namur Publ., 2005, pp. 133-144 [in French].

Kulakov 2006 - *Kulakov V.* Das Echo der Hunnenkriege ins Baltikum [Echo of gunnsky campaigns in Baltic], in: De l'Âge du fer au haut Moyen Âge. Archéologie funéraire, princes et elites guerrieres [Iron Age and Middle Ages. Archeology of burials of princes and military elite], Condé-sur-Noireau, Imprimer sur les presses Publ., 2006, pp. 295-306 [in German].

Kulakov 2006 - *Kulakov V.I.* «Varvarskie» podrazhanija provincial'no-rimskim fibulam s «knopkami» na fazah S1 i D1 [«Barbarous» imitations the provincial-Roman fibula with «buttons» on the phases C1 and D1], in: Archaeologia Lituana. Vol. 6 [Lithuanian archeology. Volume 6], Vilnius, Vilniaus universiteto leidykla Publ., 2006, pp. 66-78 [in Russian].

Kulakov 2011 - *Kulakov V.I.* Serii trjohluchevyh fibul s maskoj zverja na nozhke v istoricheskoj Prussii [Series three-beam fibul with a mask of an animal on a leg in historical Prussia], in: Stratum plus, № 5, St. Petersburg – Odessa – Chisinau – Bucharest, Vysshaja Antropologicheskaja shkola Publ., 2011, pp. 109-122 [in Russian].

Kulakov 2012a - *Kulakov V.I.* Nemanskij jantarnyj put' v jepohu vikingov [Neman amber way to an era of Vikings], Kaliningrad, PEN-Klub Publ., 2012, 222 p. [in Russian].

Kulakov 2012b - *Kulakov V.I.* Arbaletovidnye fibuly so zverinym ornamentom [Arbaletovidny fibula with an animal ornament], in: Slavia Antiqua, T. LIII, Poznań, Towarczystwo Przyjaczól nauk Publ., 2012, pp. 131-163 [in Russian].

Kulakov 2013 - *Kulakov V.I.* Interv'ju v «Rossijskoj gazete» ot 18.04.2013 g. [Interview in «The Russian newspaper» of 18.04.2013], Electronic resource: www.rg.ru/2013/04/18/reg-szfo/archeology.html (Date of access - 01.06.2015) [in Russian].

Kulakov 2014 - *Kulakov V.I.* Hünenberg – «Gora Velikanov». Mogil'nik III-IV vv. na severe Sambii [Hünenberg – «The Mountain of Giants». A burial ground of the 3-4th centuries in the north of Sambiya], in: Światowit Supplement Series B. Barbaricum. Tom 10 [Supplement Series B. Barbaricum. Volume 10], Warszawa, Drukarnia Janusz Bieszczad Publ., 2014, pp. 199-363 [in Russian].

Kulakov 2015 - *Kulakov V.I.* Soobshhenie Simona Grunau o kul'tovom centre Romove-Rikojto [Simon Grunau's message on the cult center Romov-Rikoyto], in: Predanija, mify i legendy Drevnej Prussii – Tales, Myths and Legends of Ancient Prussia – Opowieści, mity i legendy starożytnych Prus [Tales, Myths and Legends of Ancient Prussia], Olsztyn, 2015, pp. 79-106 [in Russian].

Kulakov 2015a - *Kulakov V.I.* Metodika raskopok starshih predstavitelej prusskoj arheologicheskoj shkoly (mogil'niki Dollkeim/Kovrovo i Warnikam/Pervomajskoe) [Technique of excavation of the senior representatives of Prussian archaeological school (burial grounds of Dollkeim/Kovrovo and Warnikam/ Pervomajskoe)], in: Lesnaja i lesostepnaja zony Vostochnoj Evropy v jepohu rimskih vlijanij i Velikogo pereselenija narodov. Konferencija 4. Ch. 1 [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe during an era of the Roman influences and Great resettlement of the people. Conference 4. Part 1], Tula, Gos. muzej-zapovednik «Kulikovo pole» Publ., 2015, pp. 178-189 [in Russian].

Kulakov i dr. 2007 - *Kulakov V.I., Tolstikov V.P., Furas'ev A.G., Shhukin M.B., Ahmedov I.R., Novikova G.Ju.* Katalog. Franki [Catalog. Francs], in: Jepoha Merovingov – Evropa bez granic. Arheologija i istorija V-VIII vv. [Era the Merovingians – Europe without borders. Archeology and history of the 5-8th centuries], Volfskhauzen, Izdatel'stvo «Minerva» German Harnung Publ., 2007, pp. 449-543 [in Russian].

Levada 2011 - *Levada M.* To Europe Via the Crimea: jn possible Migration Routes of the Northern People in the Great Migration Period, in: Inter Ambo Maria. Contacts between Skandinavia and the Crimea in the Roman Period, Kristriansand-Simferopol, DOLYA Publishing, 2011, pp. 115-135 [in English].

Mangelsdorf 2011 - *Mangelsdorf G.* Der Halsring von Peterfitz, Hinterpommern. Beitrag zur zeitlichen und kulturellen Stellung der Goldringe mit verdickten und ergreifenden Enden des 6. Jahrhunderts in Skandinavien und südlich der Ostsee [Peterfitz necklace, from Pomerania. Research of chronological and cultural provision of gold rings with the reinforced and squeezed ends of the 6th century

in Scandinavia and the Southern Baltic], in: Offa. Bd. 63/64 [Offa. Release 63/64], Neumünster, Wachholtz Verkag Publ., 2011, pp. 79-108 [in German].

Mantel, Merleau 1998 – *Mantel É., Merleau M.-L.* Aperçu des connainsances archéologiques recentes sur les cimetières mérovingiens du nord de la Seine-Maritime [The review of archaeological researches cemeteries on era the Merovingians in the north of Seine-Maritime], in: Delestre X., Périn P., red. La datation des structures et des objets du yhaut moyen âge: méthods et résultats [Comparison of structures and objects of the Middle Ages: methods and results / under edition Delestre X., Périn P.], Conde-sur-Noireau, E.U. Publ., 1998, pp. 233-250 [in French].

Martin 1994 - *Martin M.* Späte Völkerwanderungszeit und Merowingerzeit auf dem Kontinent [The end of an era of great resettlement of the people and time the Merovingians on the continent], in: Fibel und Fibeltracht. Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. 8. Lief. 5/6 [Suit of ancient Germans. Release 8], Berlin; New York, Walter de Gruyter Publ., 1994, pp. 541-582 [in German].

Martin 2005 - *Martin M.* Krefelder Schwerter, Kerbschnittgürtel und Frühmerowingische Tierfibeln – drei Fundgruppen, zwei Epochen, ein Problemkreis [Swords, suits and belts of an era the Merovingians], in: Voies d'eau, commerce et artisanat en Gaule mérovingienne [Waterways, trade and crafts in Gallia the Merovingians], Namur, Musée archélogique de Namur Publ., 2005, pp. 319-359 [in German].

Nowotny 2008 - *Nowotny E.* Die Ornamentik der Zaumzeugbeschläge von Hauskirchen, Grab 13 [Decoration of a bridle, grave 13], in: Kulturwandel in Europa. Langobarden – Awaren – Slawen [The Vendel culture in Europe. Lombards – Avars – Slavs], Bonn, Rudolf Habelt Verlag Publ., 2008, pp. 309-318 [in German].

Quast 2004 - *Quast D.* Ein skandinavisches Spathascheidenmundblech der Völkerwanderungszeit aus Pikkjärve (Põlvamaa, Estland) [The Scandinavian medallion of an era of resettlement of the people from the natural boundary of Pikkjärve (Põlvamaa, Estonia)], in: Jahrbuch des RGZM. 51. Jg. [Year-book of the Ministry of RGZM. Release 51], Mainz, RGZM Publ., 2004, pp. 243-279 [in German].

Quast 2007 - *Quast D.* Zwischen Steppe, Barbaricum und Byzanz. Bemerkungen zu prunkvollem Reitzubehör des 5. Jahrhuinderts n.Chr. [Between the Steppe, the barbarous world and Byzantium. Equipment of the rider of the 5th century AD.], in: Acta Praehistorica et Archaeologica. Bd. 39 [Researches on archeology and preistoriya. Release 39], Berlin, Verlag Marie Leidorf GMBH Publ., 2007, pp. 35-64 [in German].

Roth 1979 - *Roth H.* Kunst der Volkerwanderungszeit [Art of an era of great resettlement of the people], Berlin, Propyläen Verlag Publ., 1979 [in German].

Rudnicki 2015 - *Rudnicki M.* Uwagi na temat zapinek tipu Purda [Comments on hooks to the Purda type], in: Hoffmann M., Karczewski M., Wadyl S. red., Materialy do Archeologii Warmii i Mazur [Materials on Varmiya and Mazuriya's archeology], Białystok-Olsztyn-Gdańsk, Ośrodek badań Europy Środkowo-Wschodniej w Białymstoku Publ., 2015, pp. 141-146 [in Polish].

Rybová 1988 - *Rybová A.* Grabfunde aus Mahren, Niederösterreich, dem Burgenland und Ungarn [Finds from tombs in Mahren, the Lower Austria, Burgenland and Hungary], in: Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit [Germans, Huns and Avars. Treasures of an era of great resettlement of the people], Nürnberg, Verlag GNM Publ., 1988, pp. 559-588 [in German].

Salin 1904 - *Salin B.* Die altgermanische Thierornamentik: typologische Studie über germanische Metallgegenstände aus dem IV. bis IX. Jahrhundert; nebst einer Studie über irische Ornamentik [Ornament: about typology and chronology of the German metal objects of the 4-9th centuries; research on the Irish ornaments], Stockholm, K.L. Beckmans Büchdruckerei Publ.; Berlin, in Kommission bei A. Asher Publ., 1904 [in German].

Sjovold 1993 - *Sjovold D.* The skandinavian relief Brooches of the Migration Period. An Attempt at a new Classification, Norske Oldfunn, Vol. XV, Oslo, Institut for arkeologi, kunsthistorie og numismatikk oldsaksamlingen Publ, 1993, 132 p. [in English].

Skvorcov 2015 - *Skvorcov K.N.* Social'naja stratifikacija naselenija Sambijskogo poluostrova v pozdnerimskoe vremja i v jepohu Velikogo pereselenija narodov (po materialam pogrebal'nyh pamjatnikov) [Social stratification of the population of the Sambiysky peninsula in the late Roman time and during an era of Great resettlement of the people (on materials of funeral monuments)], in: Social'naja stratifikacija naselenija Kavkaza v konce antichnosti i nachale srednevekov'ja: arheologicheskie dannye. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Social stratification of the population of the Caucasus at the end of

antiquity and the beginning of the Middle Ages: archaeological data. Materials of the international scientific conference], Moscow, IA RAN Publ., 2015, pp. 68-71 [in Russian].

Skvortsov 2013 - *Skvortsov K.* «The Amber coast masters»: some observations on rich burials in the Sambian-Natangian Culture ca. AD 500, in: Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Skandinavia towards the Black Sea, Kristiansand-Simferopol, "DOLYA" Publishing House, 2013, pp. 352-364 [in English].

Vierck 1967 - *Vierck H.* Bemerkungen zum Verlaufsweg finnisch-angelsachsischer Beziehungen in sechsten Jahrhundert [The relations between Finns and Anglo-Saxons in the 6th century], in: Suomen Museo lehti. Vol. 1 [Finnish museum magazine. Release 1], Helsinki, Suomen museoliitto Publ., 1967, pp. 54-63 [in German].

Werner 1970 - *Werner J.* Zur Verbreitung frühgeschichtlicher Metallarbeiten (Werkstatt – Wanderhandwerk – Handel – Familienverbindung) [Ancient processing of metal (Workshop – Craft – Trade – Family Relations)], in: Early Medieval Studies. Vol. 1 [Researches on the early Middle Ages. Release 1], Stockholm, Boktyckeri ab Thule Publ., 1970, pp. 65-86 [in German].

Сокращения:

ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (Москва)
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук (Москва)
КОИХМ – Калининградский областной историко-художественный музей
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
М. - Москва
СПб – Санкт-Петербург
RGZM – Römisch-Germanisches Zentralmuseum in Mainz

Кулаков Владимир Иванович – Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН (Москва, Россия).
Vladimir Kulakov – Doctor of Historical Sciences, Leading researcher of Department of Archeology of an Migration Period and early Middle Ages of Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: drkulakov@mail.ru

УДК 94(367)

ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ НА ВОЛЫНИ (I ТЫС. Н.Э.). ЧАСТЬ ВТОРАЯ*

Жих М.И.
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
e-mail: max-mors@mail.ru
Scopus Author ID: 55358941500
Researcher ID: F-3154-2014
http://orcid.org/0000-0003-2212-6416
SPIN-код: 6149-3974

Авторское резюме

В статье анализируются данные о славянских этнополитических объединениях, существовавших на Волыни в VI-X вв.: дулебах, волынянах, червянах и т.д. Особое внимание уделено рассмотрению известий арабского автора ал-Мас‘уди о существовавшем на Волыни и в сопредельных землях славянском этнополитическом союзе В.линана, возглавляемом князем Маджком, которые сопоставляются с рассказом «Баварского географа» о славянском королевстве Сериваны, откуда происходят славянские народы.

Ключевые слова: Волынь, славяне, дулебы, бужане, волыняне, ал-Мас‘уди, Ибрахим ибн Йа‘куб, «Баварский географ», князь, луки-райковецкая археологическая культура.

EARLY SLAVS IN VOLHYNIA (1st MILLENNIUM AD). PART TWO

Maksim Zhikh
Saint Petersburg State University
7/9 The Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199304, Russia
e-mail: max-mors@mail.ru

Abstract

The article analyzes data on Slavic ethno-political associations that existed in Volhynia in the 6th-10th centuries: the Dulebi, the Volhynians, the Chervyans, etc. Particular attention is paid to the narration of the Arab author al-Mas'udi on the ethno-political alliance of V.Linana under the leadership of Prince Madzhk in Volhynia and neighboring Slavic lands, which is compared to the Bavarian Geographer’s story of a Slavic tribe - a tribe so great that all of the Slavic peoples trace their origins to it - the Zeriuani.

Keywords: Volhynia, Slavs, Dulebi, Buzhans, Volhynians, al-Mas'udi, Ibrahim ibn Ya'qub, Bavarian Geographer, prince, Luka-Raykovetskaya archaeological culture.

* * *

* Работа выполнена при финансовой поддержке СПбГУ, проект 5.38.265.2015.

IV. Дулебский этнополитический союз и аварское нашествие[1]

В Галицкой и Волынской землях в домонгольское время сложились, одни из ведущих городов-государств Древней Руси (Фроянов, Дворниченко 1988: 103-156; Майоров 2001; 2011). Их возникновению предшествовал длительный период развития восточнославянских догосударственных и предгосударственных социально-политических объединений в указанных регионах. В Галичине этнополитическое развитие проходило относительно «спокойно»: с VI в. и вплоть до формирования Галицкой земли здесь проживали хорваты[2], создавшие мощное этнополитическое объединение, Великую Хорватию, как называет её Константин Багрянородный (о Великой Хорватии, этногенезе и ранней истории хорватов см.: Майоров 2006; 2006а).

К северу от Великой Хорватии, в будущей Волынской земле, тоже возникли мощные этнополитические объединения восточного славянства, но здесь их развитие проходило более дискретно, что породило путаницу в источниках и как следствие – противоречивую историографию.

Повесть временных лет (далее – ПВЛ), говоря о предыстории этого региона, свидетельствует, что сначала здесь жили «бужане, зане седоша по Бугу, послеже велыняне» (ПСРЛ. I: 11; ПСРЛ. II: 8); «дулеби живяху по Бугу, где ныне велыняне» (ПСРЛ. I: 12-13; ПСРЛ. II: 9).

Если летописному тексту буквально, то получается, что дулебы и бужане – это названия древних славянских этнополитических объединений, существовавших некогда там, где ныне – во времена летописца – находятся волыняне. Л. Нидерле верно, на наш взгляд, констатирует: «взаимная связь между этими наименованиями племён неясна, однако все они, видимо, ведут своё начало от одного большого, самого западного русского племени, которое обитало между Западным и Южным Бугом – в исторической Волыни» (Нидерле 2001: 169).

Летопись помогает пролить свет и на причину исчезновения дулебов и смены их волынянами, говоря о том, что «Въ си же времяна быша и Обри, [иже] ходиша на Иръклия царя и мало его не яша. Си же добре воеваху на Словенех, и примучиша Дулебы, сущая Словены, и насилье творяху женамъ Дулепьскимъ. Аще поехати будяше Обърину, не дадяше въпрячи коня, ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телегу и повести Обърена. [и] тако мучаху Дулебы. Быша бо Объре теломъ велици, и оумомь горди, и Богъ потреби я, [и] помроша вси, и не остася ни единъ Объринъ. [и] есть притъча в Руси и до сего дне: ''погибоша аки Обре'', ихже несть племени ни наследъка. По сихъ же придоша Печенези, паки идоша Оугри Черниии мимо Киевъ послеже при Олзе» (ПСРЛ. I: 11-12; ПСРЛ. II: 9).

Многие исследователи рассматривали этот рассказ как свидетельство существования на Волыни в VI-VII вв. значительного этнополитического объединения дулебов, разгромленного аварами (Ключевский 1987: 122-124; Нидерле 2001: 169-170; Мавродин 1945: 85-86; Греков 1953: 441-443; Третьяков 1953: 297-298;

---

[1] Первая часть работы: Жих 2016.

[2] Во второй половине X в., спасаясь от натиска печенегов, в Верхнее Поднестровье, принадлежавшее хорватам, переселяется часть уличей и тиверцев (Седов 1982: 128). Именно хорваты вместе с этими переселенцами и станут основой населения будущей Галицкой земли.

Баран 1969; Седов 1982: 90-94; Рыбаков 1982: 236; Фроянов 2001: 724-727; Свердлов 2003: 92; Войтович 2006: 6-12; Жих 2008: 35-37).

Рис. 1. «Примучивание» дулебов обрами. Миниатюра Радзивиловской летописи

Очевидно смешение в летописном пассаже славянской эпической традиции о борьбе дулебов с аварами, об иге, установленном кочевниками над славянами, со сведениями о восточном походе византийского императора Ираклия (610-641) и об аварской осаде Константинополя в 626 г., извлечёнными из хроники Георгия Амартола. Исследователи давно заметили это обстоятельство и некоторые из них стали на этом основании предполагать книжное происхождение всего рассказа.

С.А. Гедеонов полагал, что автор ПВЛ для того, чтобы «соображать исторические системы» (Гедеонов 2004: 319) мог «сокращать и облекать в историческую русскую форму» византийские сообщения о славянах и Руси (Гедеонов 2004: 318), в частности, он «умеет приноровить к Руси и самые греческие присловия, ибо знаменитая, чисто библейская притча: "Есть притъча въ Руси и до сего дне: погибоша аки Обре, ихъ же несть племени, ни наследъка" была известна грекам уже за два столетия до Нестора; в письме Симеону Болгарскому патриарх Николай говорит об аварах: "άλλα καί ουτοι άπάλοντο, καί ουδέ λβιψανον τοΰ γένους ύφίσταται"» (Гедеонов 2004: 318-319).

Хотя сам С.А. Гедеонов своё наблюдение трактовал в контексте привязки летописцем византийского материала к реальным событиям древнерусской истории, известным ему по преданиям, А.С. Кибинь ныне полагает, что оно «ослабило главный аргумент, чётко привязывающий рассказ о притеснениях обров к восточноевропейскому ареалу» (Кибинь 2014: 158).

Но, во-первых, как справедливо указал Л.В. Войтович, «такая мысль (о бесследном исчезновении аваров – М.Ж.) в X в. могла прийти в голову практически всем, кто слышал об аварах. В письме патриарха нет ни одного намека на телеги, запряженные женщинами» (Войтович 2006: 8). По словам историка «попытки доказать, что составитель Древнейшего свода ʹʹизваялʹʹ дулебо-аварскую историю из литературного источника, выглядят ученой спекуляцией» (Войтович 2006: 8).

Во-вторых, и слова патриарха Николая Мистика, и приведённая летописцем «притча» имеют очевидную библейскую параллель (рассказ о допотопных исполинах, «сильных, издревле славных людях»: Быт. 6), соответственно, нет оснований предполагать здесь прямую зависимость летописи от византийского источника.

В-третьих, летописец ясно указывает, что приведённая им поговорка бытует на Руси и ни на какие греческие источники не ссылается. Между тем, такие ссылки для него при заимствованиях оттуда каких-то данных обычны: «Глаголеть Георгий в летописаньи» (ПСРЛ. I: 14; ПСРЛ. II: 10), «при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется в летописаньи Гречьстемь» (ПСРЛ. I: 17; ПСРЛ. II: 12) и т.д.

Наделение древних врагов чертами мифических великанов, древних насельников земли – традиционный фольклорный мотив, который, очевидно, существовал и у славян и который просто был литературно обработан летописцем в духе средневековой, ориентированной на Библию, книжности. Что дело обстояло именно так, подтверждается наличием западнославянской традиции об обрах, в которой они также наделялись качествами древних исполинов. По-чешски «великан» – obr, по-словацки – obor, obrovská, по-польски – olbrzym (древнепольское obrzym), по верхне-лужицки – hobr, по-словенски – óbər. Прямую параллель находим в немецком Hühne – «великан/исполин/богатырь», производном от этнонима «гунны».

Обращение к Хронике Георгия Амартола, откуда летописец почерпнул сведения о восточном походе императора Ираклия[1] и аварской осаде Константинополя 626 г.[2], показывает полное отсутствие там чего-либо похожего на сюжет о притеснении аварами дулебов.

Выявить какой-либо византийский прототип летописного рассказа об аварском иге над дулебами не удаётся. Перед нами оригинальное произведение, в которое добавлены сведения из Хроники Амартола, вводящие его в исторический контекст, коим для русских книжников было «летописание греческое».

Автор этого летописного фрагмента пересказал, по всей видимости, какое-то славянское эпическое сказание о войне между аварами и дулебами, в котором авары

[1] «…Хоздрой нечестивый посла етера князя на грекы… Царь же Ираклий… на персы исполчися, еще же призвавъ угры на помощь»: Истрин 1920: 434.

[2] «Тогда и обри придоша к цареви мира просить с лестию. Их проуготование прият в Ираклии сътвори слом, ту покояшеть а. Си же, злое в сердци своемь имуще, к своим сродником послаша весть: ʹʹСкоро грядите, се бо царь богат у нас естьʹʹ. Онем же сверепом бесом никако ж ослабивше, на земли ту придоша. Приобретаниемь человеколюбивому богу, спасающу правыа сердцем, одва в Узантию възвратився, царь приде. Они же, гнавше по нем далече и не сьстигше, все богатство его взяша и, на Фракисъ нагнавше, плениша мужь и жен тысящь 70. И тако възвратишяся в своясиʺ: Истрин 1920: 434.

наделены чертами мифических великанов, предшествовавших заселению земли обычными людьми. В ходе этой войны славяне были разгромлены, и завоеватели возложили на них иго – так в древней Руси обозначались угнетение и насилие, а первоначально, по всей видимости во времена авро-дулебской войны, 'ярмо, воловья упряжь' (Журавлёв 1996: 143), в которую завоеватели запрягали дулебских женщин.

Франкский хронист Фредегар сообщает о притеснении аварами славян на Среднем Дунае (Свод II: 367), а византийский автор Менандр Протектор об аварских набегах на антов (Свод II: 317).

Находившаяся на восточных рубежах Аварского каганата Волынь едва ли могла миновать тяжесть аварских набегов, но она не имела своего Фредегара или Менандра, которые могли бы их описать, так как находилась слишком далеко и от державы франков и от Византии. Археологические материалы свидетельствуют о значительности аварского погрома на Волыни. Аварами было разрушено городище Хотомель (Кухаренко 1961: 9-10), в нижнем слое которого обнаружены аварские стрелы (Баран 1972: 67-68). Та же участь постигла и городище Зимно (Аулiх 1972: 56-59; Тимощук 1990: 154).

В.Я. Петрухин и Д.С. Раевский полагают, что «видимо, в летописи мы имеем дело с фрагментами ''земледельческого'' эпоса, где эпические враги используют женщин в качестве тягловых животных, налагая на них ярмо – ''иго''. Обычай брать дань с плуга – с ''рала'' (в Древней Руси и других ранних славянских государствах – М.Ж.) – подкреплял это значение» (Петрухин, Раевский 2004: 179).

Б.А. Рыбаков трактовал летописное предание иначе: «печальная повесть об аварских насилиях над дулебами… вероятно, сложилась ещё во времена могущества Аварского каганата и должна была служить целям организации борьбы с насильниками-обрами. Повесть взывает к рыцарским чувствам славян, особенно ярко изображая издевательство чужеземцев над женщинами, используя при этом образ аварского вельможи, возлежащего на телеге, которую везут на себе впряжённые вместо коней женщины побеждённого племени дулебов» (Рыбаков 1963: 37).

Как бы то ни было, перед нами одно из народных славянских преданий, относящееся к циклу о борьбе с врагами-кочевниками, попавшее в летопись. Наиболее вероятно, что оно представляло собой фрагмент эпоса волынских дулебов (Жих 2015).

Некоторые исследователи относили летописную легенду об аваро-дулебской войне к западнославянским или паннонским дулебам и видели в ней отражение их эпоса (Вестберг 1908: 394-397; Пресняков 1993: 264; Kuczyński 1958: 226-227; Королюк 1963; Кибинь 2014). На наш взгляд, эти построения неосновательны (рассмотрению данного вопроса посвящена статья: Жих 2015), ПВЛ не знает никаких дулебов, кроме волынских (ПСРЛ. I: 11, 29; ПСРЛ. II: 8; 21).

Нельзя не коснуться вопроса о причинах широкого распространения имени дулебов в славянском мире. Источникам оно известно помимо Волыни также в западнославянском и в южнославянском ареалах близ Паннонии (Жих 2015: 57) (см. рис. 2). Повторяемость этнонимов – характерная черта славянской ономастики (Трубачев 1974), которая обычно трактуется как следствие славянского расселения VI-

VII вв., когда старые праславянские племенные объединения распадались, а их осколки оказывались за сотни километров друг от друга. Впрочем, о некоторых славянских именах (типа «поляне» – «жители поля» на Среднем Днепре и в Польше) нельзя сказать наверняка, имеем ли мы дело с осколками древнего славянского «племени» или же с названиями, конвергентно возникшими на славянской языковой почве. Иначе дело обстоит со славянскими этнонимами, имеющими иноязычное происхождение – здесь мы довольно уверенно можем говорить об общности происхождения их носителей (ср.: Горский 2004: 13. Примеч. 10).

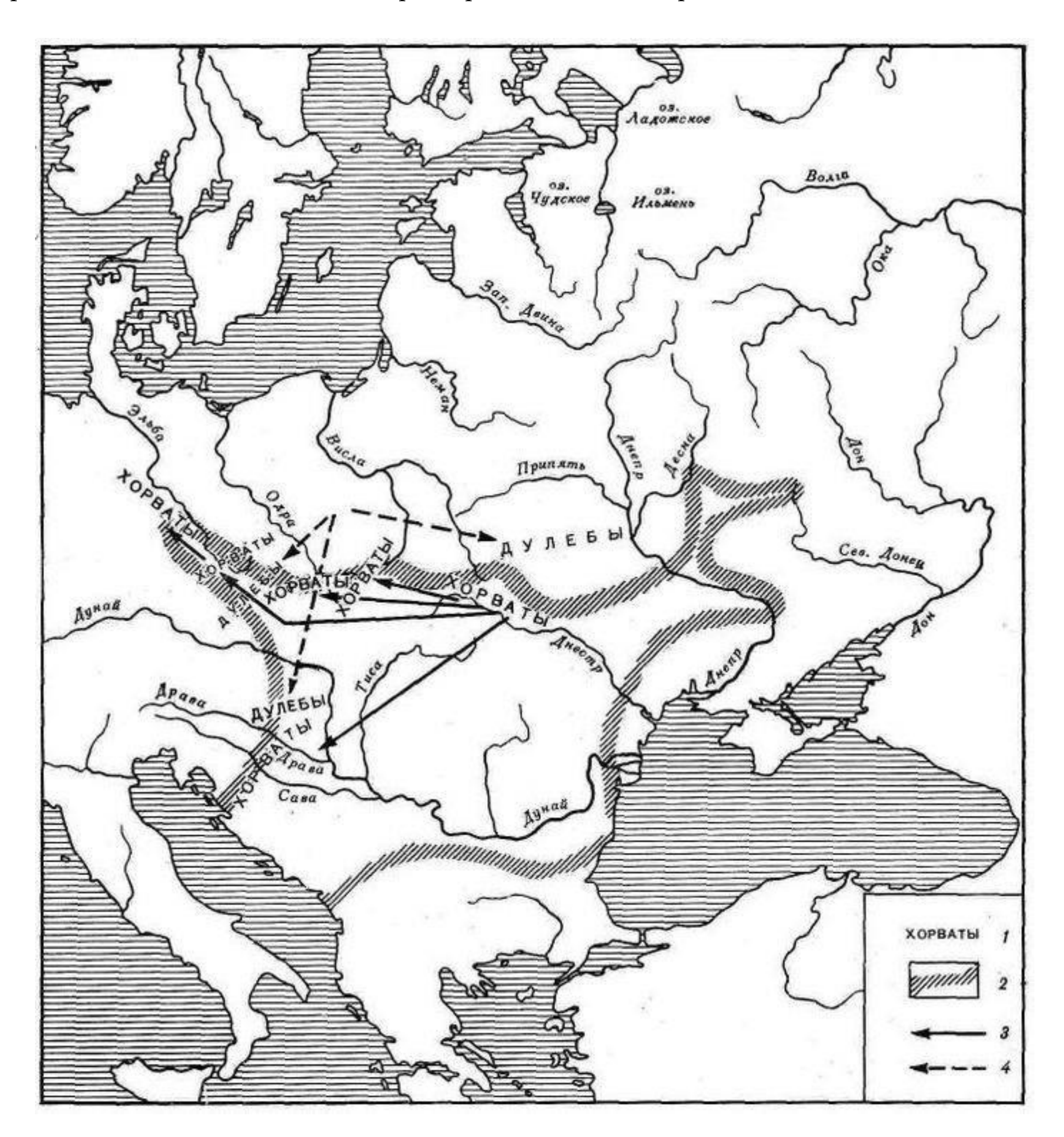

Рис. 2. Распространение праславянских этнонимов в эпоху средневековья (Седов 1979: 132). 1 – локализация племен; 2 – ареал славянской керамики второй группы (пражско-корчакской); 3 – направления расселения хорватов; 4 – предположительное направление миграции дулебов

К этой последней группе принадлежит и имя «дулебы», которое имеет германскую этимологию. Согласно О.Н. Трубачеву «в слав. *dudlebi скрывается герм. *daud-laiba- с этимологическим значением ‘’наследство умершего, выморочное наследство’’, что хорошо вяжется с раннеисторическим процессом освоения славянами земель, покинутых одно время германскими племенами» (Трубачев 1974: 53).

По мнению В.В. Седова «поскольку этот этноним (*дулебы – М.Ж.*) имеет западногерманское происхождение, то, видимо, нужно допустить, что славянское племя дулебов сложилось ещё в римское время где-то по-соседству с западногерманским населением. Оттуда дулебы расселились в разных направлениях. Средневековые письменные источники фиксируют дулебов на Волыни, в Чехии, на Среднем Дунае, между озером Балатон и рекой Мурсой, и в Хорватии на Верхней Драве» (Седов 1979: 132-133). В более поздней своей работе В.В. Седов уточнил, что, по всей видимости, «племенное образование дулебов сложилось ещё в римское время, когда на территории пшеворской культуры имели место внутрирегиональные контакты славян с германцами, в том числе и с западногерманскими племенами» (Седов 1999: 46). Эти выводы учёного имеют общий характер и не дают возможности определить конкретный район славянского мира, в котором появился этноним «дулебы».

В науке распространена идея о волынской прародине дулебов. Так Л.В. Войтович считает, что на своём пути в Паннонию авары прошли через Волынь и завоевали её ок. 561-562 гг. (Войтович 2006: 11), что привело к миграции части дулебов на запад, что принималось и нами (Жих 2008: 36).

Интересно, что если «дулебами» стали называться «пражские» славяне, осваивавшие Волынь после ухода оттуда готов и других германцев, то они, соответственно, воспринимали их как древний вымерший легендарный народ. При этом имела место как бы зеркальная ситуация в отношении событий, имевших место на Волыни в конце II в.: пришедшие в регион готы вытеснили местных славян (зубрецкая культурная группа) и в своих преданиях осмысли свою борьбу с ними как противостояние древнему народу легендарных великонов – «спалов» (Жих 2016).

В то же время, гипотеза о том, что путь аварской миграции шёл через Волынь, т.е. далеко от степной полосы и к северу от Карпат, небесспорна. Возможно, что Волынь подвергалась аварским набегам с запада, уже из Паннонии, как полагал А.А. Шахматов (Шахматов 1919: 20). К этому склоняют и некоторые археологические материалы, так городище Зимно погибает в огне аварской осады только в VII в. (Тимощук 1990: 155). Возможно, Волынь пережила несколько аварских ударов.

С.В. Конча высказал гипотезу, согласно которой дулебы на Волыни – это выходцы из Подунавья, бежавшие туда от аварского ига, они же и были носителями предания о его тяготах, попавшего в летопись (Конча 2005: 28). На наш взгляд, такие построения являются сугубо умозрительными и не имеют опоры в источниках. Более того, такой трактовке прямо противостоят археологические следы аварского погрома на Волыни, которые указывают на то, что эта земля точно так же, как и Подунавье, страдала, по крайней мере, какое-то время, под ярмом завоевателей.

Славянские легенды о войне или войнах с аварами, вероятно, бытовали всюду, где славяне сталкивались с воинственными кочевниками. Одно из таких преданий, связанных с волынскими дулебами, попало в древнерусскую Повесть временных лет.

Рис. 3. «Примучивание» дулебов обрами.
Рисунок современного художника (Петрухин 1997: 31)

Судьба раннесредневековых дулебов была, в известной мере, сходной с судьбой соседних с ними хорватов: одно из древнейших славянских этнополитических объединений, оно было разгромлено в ходе аварского нашествия и распалось, а значительная часть дулебов ушла на запад, где впоследствии приняла участите в чешском и польском этногенезе (Łowmiański 1962: 258-259).

В отличие от хорватов, дулебам после аварского разгрома не удалось сохранить доминирующего положения в исходном регионе своего проживания, и они уступают лидирующее место на Волыни волынянам, о чём говорят приведённые выше летописные свидетельства. В то же время, часть дулебов остаётся на месте, хоть и теряет своё былое политическое значение.

В начале X в. летопись упоминает о вхождении дулебов в состав войска Олега при его походе на Константинополь (ПСРЛ. I: 29; ПСРЛ. II: 21). И нет достаточных оснований считать это летописное свидетельство книжным и недостоверным: очевидно, что для летописцев дулебы – жители Восточной Европы, наряду с другими участниками олегова похода, которые все совершенно реальны и ничего «книжного» в себе не несут (варяги, словене, чудь, кривичи, меря, древляне, радимичи, поляне, вятичи, хорваты, северяне, тиверцы).

Упоминание дулебов в числе участников похода 907 г. отражает представления летописца о существовании в начале X в. восточнославянских дулебов и о сохранении ими определённого этнополитического единства и значения. О том же свидетельствует и фиксация их эпоса на страницах ПВЛ.

Рядом с волынянами помещает дулебов в качестве их современников в середине X в. и ал-Масʻуди: «Вслед за этим родом (за «родом» в.линана – волынянами – М.Ж.) из родов ас-сакалиба (славян – М.Ж.) Истбрана, и в наше время их царь называется Б.Сакляих (Б.Саклабдж). И род, называемый Д.лавна (дулебы – М.Ж.). Называют их царя Ванндж Аляф (Ваих Слаф)» (Галкина 2016).

Некоторым учёным кажется более предпочтительным, что речь здесь идёт о западнославянских дулебах, так как имя их правителя Вандж Аляф (Ваих Слаф) можно сопоставить с именем чешского короля Вацлава (или Венцеслва, 921-929: Мишин 2002: 63), но это может быть простым совпадением или созвучием. Имеющаяся в «Баварском географе» параллель к рассказу ал-Масʻуди о В.линана, о которой ниже будет сказано, и которая датируется 70-ми годами IX в., то есть задолго до правления Вацлава, свидетельствует против такого сопоставления, если считать информацию ал-Масʻуди о В.линана и Д.лавна синхронной. Соответственно, мы считаем более убедительной трактовку Д.лавна ал-Масʻуди как волынских дулебов, известных ПВЛ.

V. Этнополитический союз волынян. Проблема атрибуции В.линана ал-Масʻуди

Согласно летописи, на первый план в Волынском регионе после разгрома аварами дулебов выходят волыняне. Однако это не сопровождается какой-либо сменой материальной культуры региона, позволившей бы говорить о приходе какого-то нового населения. Напротив, в VI-IX вв. мы видим на Волыни последовательное развитие материальной культуры от пражско-корчаковской к луки-райковецкой, вторая эволюционно вырастает из первой (об археологии Волыни VI-IX вв. см: Баран 1969; Русанова 1973; Седов 1982: 90-101; 1999: 41-50; Кучінко 1972; 1993; 1994; 1996; 2002; Кучінко, Охріменко 1995; Głosik 1959-1960: 320-321; Cynkałowski 1961; Kuczyński 1962: 233-251; Skrzypek 1962; Nowakowski 1972; Parczewski 1991; 1996; Szymański 1996; Михайлина 2007).

Никаких признаков смены населения, или просто прихода в регион каких-то новых этнических групп не обнаруживается. Л.В. Войтович констатирует, что «если бы в VII-X вв. в Волынской земле трижды произошла смена населения, то такое изменение неминуемо нашло бы отражение в археологическом материале. Но ничего подобного найти не удалось» (Войтович 2006: 7), из чего делает справедливый вывод: «эта территория (Волынь – М.Ж.) была заселена, по меньшей мере, четырьмя-пятью родственными племенами, которые периодически составляли политические объединения, носившие названия по имени племени-гегемона» (Войтович 2006: С. 7, 11-12. См. также: Мавродин 1945: 85-86; Рыбаков 1982: 236-237). Проще говоря, на Волыни на первый план выдвигалась то одна славянская этнополитическая группа («славиния»), то другая. И, если первыми гегемонами на Волыни были дулебы, то после их разгрома аварами, первенство в регионе переходит к волынянам.

Гипотеза, согласно которой, волыняне – это лишь новое название дулебов (Баран 1997: 131-132; Михайлина 2007: 180-181) представляется безосновательной. Летописец ясно разделяет дулебов и волынян как более ранних и более поздних

насельников Волынской земли (ПСРЛ. I: 11-13; ПСРЛ. II: 8-9). Более справедливой, на наш взгляд, выглядит идея Л.В. Войтовича.

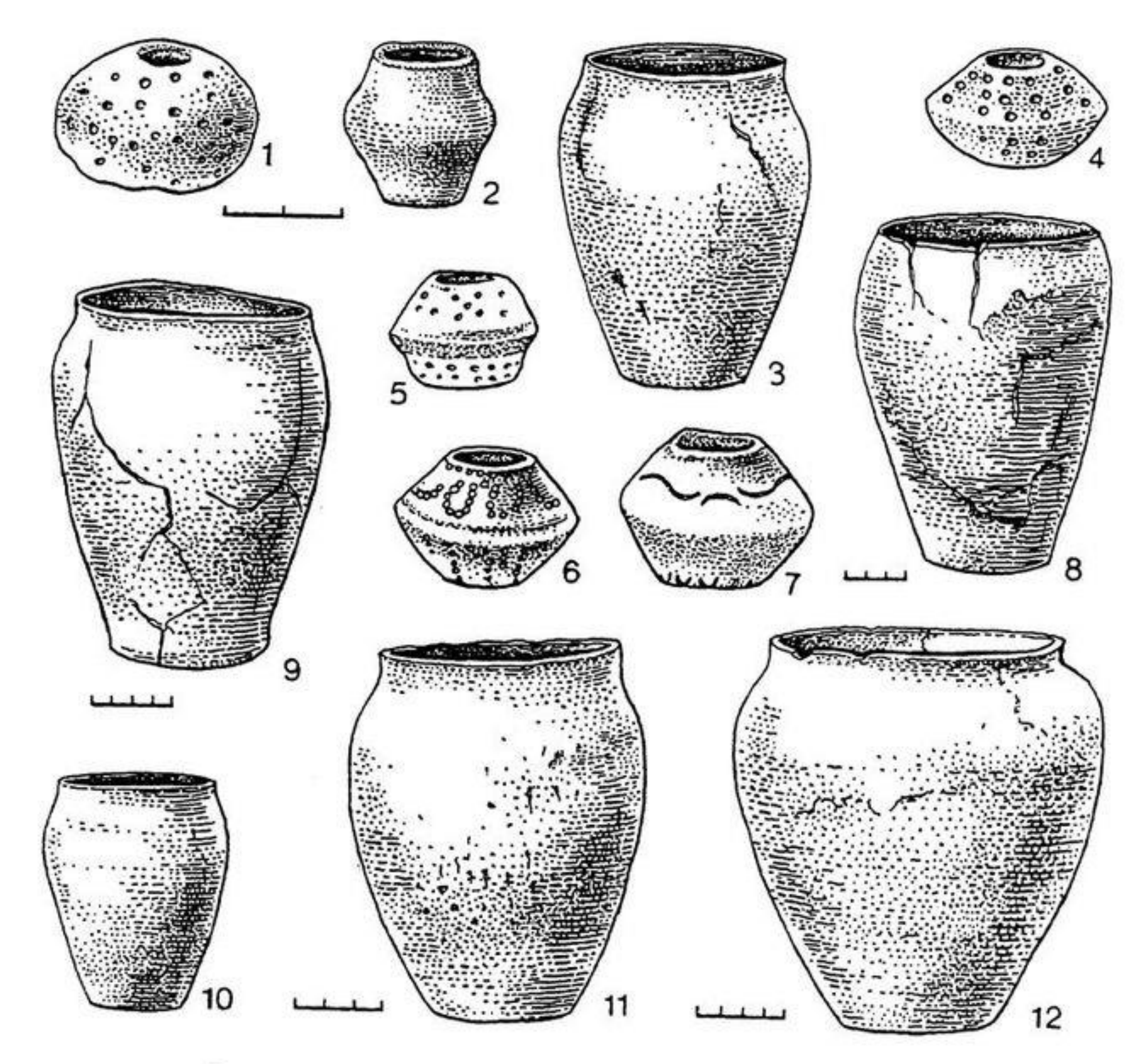

Рис. 4. Керамика и пряслица пражской культуры (Седов 2002: 298)

К счастью о волынянах у нас есть не только записанные в Повести временных лет полулегендарные сведения, как это имело место с дулебами, но и данные восточных источников, записанные довольно рано и независимые от восточнославянской традиции. Ал-Мас‘уди (ум. ок. 956/957 г.) в своих «Золотых копях и россыпях самоцветов»[1] (ок. 947 г.) сообщает: «И эти <язычники> разделяются

[1] Так перевёл название его труда Д.В. Микульский: ал-Мас‘уди 2002.

на разные роды: из них род, у которого с глубокой древности была государственность. Был у них царь, которого называли Маджк (Маджл). И этот род называется в.линана. В древности за этим родом следовали остальные роды ас-сакалиба (славян – М.Ж.) <по смыслу: этот род наиболее знатен из ас-сакалиба, т.к. у них впервые появилась государственность>, так как именно у них <в.линана> был царь, и другие их цари подчинялись ему» (Галкина 2016).

И далее: «И ас-сакалиба много родов и разновидностей. Эта наша книга не подходит для описания всех их разновидностей и различных их разветвлений. Ранее мы упомянули известие о царе, которому подчинялись все их цари в древности, и это Маджк <царь> в.линана. И этот род один корень из корней <т.е. одна из главных династий> ас-сакалиба, почитаемый в их родах. И это идет у них с древности. Затем появились разногласия между их родами, и исчез их порядок <иерархия>. И их роды стали враждебны друг другу. Царь каждого их рода является царем, как мы упомянули, из их царей, по причине, о которой долго рассказывать» (Галкина 2016; см. также: Гаркави 1870: 135-138; Lewicki 1940/1950: 355-360).

Аналогичный рассказ есть и у Ибрахима Ибн Йа‘куба ал-Исраили ат-Туртуши (до 912/913 – после 966) – еврейского купца из Тортосы, посетившего в 965 г.[1] славянские земли в Центральной Европе, а точнее, по всей видимости, Чехию и земли ободритов (Мишин 2002: 37). Непосредственно сочинение Ибрахима Ибн Йа‘куба до нас не дошло, но сохранились выписки из него, содержащиеся в сочинениях более поздних авторов: ал-Бекри (XI в.), ал-Казвини (XIII в.), ибн Саида (XIII в.) (Куник, Розен 1878; Lewicki 1940/1950: 356-367).

Вопрос о том, с каким славянским этнополитическим объединением связывать эти известия восточных источников вызвал большие споры. Некоторые учёные пытались связать их с поморским городом Волином (см. например: Charmoy 1832-1833: 84; Łowmiański 1964: 358). Эта гипотеза совершенно неубедительна: в Поморье не было никакого славянского «племени» с подобным названием[2], а сам Волин становится значительным экономическим и политическим центром только со второй половины и, особенно, с конца X в., хотя возник, судя по последним данным, ещё в первой половине IX в. (о возникновении и ранней истории этого города см.: Bollnow 1936: 48-96; Wojciechowski 1939; Kowalenko 1950: 378-419; 1953; Szczecin i Wolin 1954; Kiersnowski 1956: 229-251; 1959; Leciejewicz 1962; Rozenkranz 1962; Kostrzewski 1966; Olczak, Siuchninski 1966-1968; Filiopwiak 1997; 2004; Dulinicz 1999; Duczko 2000). Таким образом, расцвет этого города начался во времена после того, как было написано сочинение ал-Мас‘уди, а сама история непрерывного возвышения Волина в IX-XI вв. прямо противоположна рассказу ал-Мас‘уди: он пишет о распаде древнего политического объединения, а в случае с Волином мы видим историю непрерывного

[1] Эта датировка является наиболее убедительной: Вестберг 1903: 77-78; Kowalski 1946: 40-41; Widajewicz 1946: 10-14; Ковалевский 1973: 63; Мишин 2002: 36-37, 47. Примеч. 23.

[2] Этот аргумент может быть парирован замечанием, что у ал-Мас‘уди славянский «род» *в.линана* – это жители города Волина, которые тоже должны были называться «волынянами» (за указание на это благодарю Е.С. Галкину). Но, это замечание, на наш взгляд, нельзя признать убедительным. У ал-Мас‘уди речь всё же идёт о «роде» славян, а не о городе. О городе у него нет ни слова. Мог ли он назвать жителей Волина по имени их города, при этом ни слова не сказав о самом городе? Это кажется очень сомнительным: примеров, когда бы ал-Мас‘уди называл то или иное славянское «племя» по имени его города нет.

возвышения этого города, подчинявшего соседей. Налицо серьёзное расхождение между историей раннего Волина и нашим источником.

Ещё более невероятно отождествление в.линана с Великой Моравией, также предлагавшееся некоторыми исследователями (Cynkałowski 1961: 179), так как оно является совершенно произвольным, тем более что у ал-Мас‘уди Великая Моравия названа под собственным именем (Мишин 2002: 63).

А.Я. Гаркави столь же безосновательно, на наш взгляд, отождествил в одной из своих работ в.линана ал-Мас‘уди с Валахией (Harkavy 1881: 9).

Предлагалось отождествление названного у ал-Мас‘уди и Ибрахима Ибн Йа‘куба славянского народа с велетами-лютичами, возможное, по мнению некоторых учёных с позиций арабской графики (Westberg 1898: 49; Kowalski 1946: 48, 56; Lewicki 1956: 108-110; 1955: 150; Левицкий 1962; Widajewicz 1946: 18-21; 1951: 55-82; Miquel 1975: 314; Бейлис 1989: 57-58; Мишин 2002: 37, 47-48. Примеч. 25). Однако и оно не представляется основательным (Ковалевский 1957; 1973: 62-79; Labuda 1960: 56; Мишин 2002: 66-67; Войтович 2006: 9-10). Нет никаких оснований говорить о том, что лютичи некогда главенствовали над неким значительным славянским этнополитическим объединением, впоследствии распавшимся (Bulin 1958: 5, 71; Schuldt 1963: 217-238; Herrmann 1968: 164)[1].

Да и о сильной княжеской власти у лютичей и о существовании у них когда-либо такого великого правителя, как тот, о котором говорят наши авторы также ничего неизвестно из других источников (Мишин 2002: 37, 67), а между тем, «племя» это описано в них весьма подробно. И, даже, более того: источники, как восточные[2], так и западноевропейские[3], согласно говорят об отсутствии у лютичей сильной княжеской власти.

Д.Е. Мишин недавно попытался отождествить в.линана ал-Мас‘уди с венетами, которые у Иордана (VI в.) выступают в качестве предков всех славянских народов (Мишин 2002: 67). Это предположение также едва ли основательно: ни в каких иных источниках, кроме сочинения Иордана венеты в качестве предков всех славянских этносов (или какой-то значительной их части) не фигурируют. В более поздних западных источниках венетами (вендами) всегда называется лишь определённая группа славян (см. о ней: Седов 2002: 324-402) и в них нет даже намёка на то, что

[1] Единственное, что в истории лютичей может быть сопоставлено с рассматриваемыми известиями – это распад их «племенного союза» в середине IX в. (Die slaven 1985: 8), однако это событие сложно соотнести с известием ал-Мас‘уди, так как он говорит о происхождении от названного «рода ас-сакалиба» многих других их «родов», под которрыми имеются в виду славянские этнополитические объединения, что едва ли применимо к велетам-лютичам (ср.: Мишин 2002: 66-67).

[2] Сам Ибрахим Ибн Йа‘куб, в том месте своего труда, где он бесспорно описывает велетов-лютичей (Мишин 2002: 37 и сл.) говорит: «они (велеты-лютичи – М.Ж.) не имеют царя и не позволяют управлять собой [одному] правителю, а осуществляющими власть среди них являются их старцы» (Kowalski 1946: 50). Не будем сейчас вдаваться в вопрос, кого Ибн Йа‘куб понимал под «старцами» («starsi» – перевод Т. Ковальского). Для нас важно указание на «коллегиальный» характер правления у лютичей и отсутствие у них сильной княжеской власти.

[3] Титмар Мерзебургский в начале XI в. указывал на то, что «во главе их, носящих общее имя лютичей, нет какого-то одного правителя. Обсудив в народном собрании то или иное решение, они все должны дать согласие на приведение его в исполнение» (Титмар 2009: 103).

когда-то они (венеты) властвовали над другими славянами, или имели в древности своё значительное политическое объединение.

Решающее значение в вопросе о том, где же располагалась в.линана ал-Мас‘уди: на Волыни или на Балтийском Поморье (в Волине или в земле лютичей) имеет, на наш взгляд, рассмотрение контекста этого известия – то есть «славянского рассказа» ал-Мас‘уди в целом и определение того, о каком регионе Восточной Европы он говорит. Именно в этом регионе и следует, на наш взгляд, искать в.линана. Указанные выше попытки её локализации были, в сущности, произвольными, так как не опирались на целостный анализ географической системы «славянского рассказа» ал-Мас‘уди.

В контексте сообщения о в.линана ал-Мас‘уди перечисляет ряд славянских «родов», которые довольно уверенно – при наличии отдельных дискуссионных моментов – локализуются в Центрально-Восточной и отчасти Южной Европе (Мишин 2002: 63-65). Эта локализация подтверждается и ремаркой арабского автора, предшествующей рассказу о в.линана, согласно которой «У них (славян – М. Ж.) цари, и некоторые из них исповедуют христианство якобитского толка (или несторианского)» (Галкина 2016).

Это вполне реально для славян Центрально-Восточной Европы, но совершенно нереально для балтийских славян.

Далее ал-Мас‘уди упоминает некоего славянского правителя: «И первый из царей ас-сакалиба царь ад-дайр <духовного центра, места нахождения храма ас-сакалиба>. И у него большие города и многочисленные населенные пункты. И торговцы-мусульмане приезжают в столицу его владения с различными товарами» (Галкина 2016).

«Имя» (?) этого славянского «царя», ад-дайр, некоторые учёные читали, как ал-Дир и сопоставляли, соответственно, с летописным Диром (Lelewel 1852: 50; Гаркави 1870: 137; Dorn 1875: XXXIII; Hauptmann 1925: 106; Мавродин 1945: 218; Pritsak 1981: 142, 176; Новосельцев 1991). Предлагались, время от времени, и другие варианты его прочтения и отождествления (Charmoy 1832-1833: 97, Lewicki 1948: 22-34; Ковалевский 1973: 71).

Д.Е. Мишин, справедливо отвергнув ранее предложенные варианты, включая и отождествление с летописным Диром, как совершенно необоснованные (Мишин 2002: 68-69), предложил считать это «имя» искажённым именем правителя Волжской Болгарии Алмуша (Мишин 2002: 69-70), которого ибн-Фадлан называет в своём сочинении маликом ас-сакалиба – «государем славян» (Ибн Фадлан 1956: 121-148). Однако, такое отождествление ничуть не убедительнее выдвигавшихся ранее и справедливо отвергнутых Д. Е. Мишиным.

По мнению Е.С. Галкиной, это «имя» славянского правителя следует читать и интерпретировать как «<правитель> духовного центра, места нахождения храма ас-сакалиба», что отводит все ранее предлагавшиеся его отождествления. Это навело исследователя на мысль о том, что ад-дайр – это один из правителей балтийских славян, хорошо известных своими храмами[1]. Но, это едва ли верно: ал-Мас‘уди

[1] Устное объяснение Е.С. Галкиной.

говорит о том, что в столицу этого славянского правителя прибывают «торговцы-мусульмане с различными товарами», что совершенно нереально для правителя балтийских славян.

Ещё более красноречивы слова ал-Мас‘уди, сказанные им о соседнем с ад-дайр славянском правителе: «Вслед за этим царем (за «царём» ад-дайр – М.Ж.) из царей ас-сакалиба царь аль-Авандж <авандж – народ> (царь аль-Ифрандж). И у него города и обширные поселения, и несколько войск, многочисленные. И он воюет с Румом (Византией – М.Ж.) и аль-Ифрандж (франками – М.Ж.) и ан-нукбард, и другими народами. И война между ними идет с переменным успехом» (Галкина 2016).

Не вдаваясь в проблему атрибуции этого славянского правителя (обзор историографии см.: Мишин 2002: 69-70), отметим, что воевать с Румом, то есть Византией, правитель балтийских славян никак не мог. Это заставляет искать его владения где-то в пределах досягаемости Византии – то есть в Центрально-Восточной или Южной Европе.

Далее ал-Мас‘уди говорит о том, что «Вслед за этим царем (за «царём» аль-Авандж – М.Ж.) из царей ас-сакалиба царь тюрков» (Галкина 2016), то есть венгров, которых наш автор ошибочно относит к славянам. «И этот род («тюрков»-венгров – М.Ж.) самый красивый внешним видом из ас-сакалиба и самый многочисленный и самый боеспособный <стойкий>» (Галкина 2016).

Это наводит на мысль, что двух предыдущих славянских правителей надо искать где-то по соседству с венграми, что полностью согласуется с данными ал-Мас‘уди о том, что в столице одного из них торгуют мусульманские купцы, а второй воюет с Византией.

Что же касается «имени» первого из трёх славянских правителей, названных ал-Мас‘уди и его семантики – ад-дайр – «<правитель> духовного центра, места нахождения храма ас-сакалиба», а также следующего за рассказом о «трёх славянских правителях» рассказа о славянских языческих храмах, которые соблазнительно связать с широко известными храмами балтийских славян, то их в свете всего вышесказанного также следует искать, увы, не в Балтийском Поморье, а где-то в Центрально-Восточной Европе. Например, в Прикарпатье, где последние исследования выявили значительный славянский культовый центр с рядом значительных храмов (Русанова, Тимощук 2007).

Таким образом, подытоживая сказанное, мы видим, что весь контекст рассказа ал-Мас‘уди о в.линана связан с Центрально-Восточной Европой, граничащей с Венгрией, владениями франков и Византией. Именно здесь, а вовсе не на Балтийском Поморье и надо искать в.линана. Ни ал-Мас‘уди, ни кто-либо из его предшественников или современных ему авторов, а равно и последующих авторов вплоть до XI-XII вв., не знал о существовании Балтийского моря и ни разу не упомянул его. Не знали арабские авторы того времени и ни о каких народах, живших в районе Балтийского моря и вообще севера Восточной Европы (Галкина 2002: 72-81; 2006: 204-207 и др.).

Отождествление в.линана ал-Мас‘уди именно с восточноевропейскими волынянами (Ключевский 1987: 122-124; Westberg 1898: 47; Третьяков 1953: 298;

Labuda 1948: 203-225; Фроянов 2001: 724-727; Войтович 2006: 8-11), представляется на сегодняшний день наиболее убедительным.

Д.Е. Мишин подверг его критике, указывая на то, что «поиск в.линана на Волыни, однако, наталкивается на ряд возражений. Можно ли поручиться, что в первой половине X в. славяне Центральной Европы или славяно-германского региона (именно оттуда получил по мнению Д.Е. Мишина ал-Мас‘уди информацию о в.линана – М.Ж.) ещё помнили о событиях на Волыни приблизительно четырёхвековой давности (господство дулебов до прихода авар)? Такое, конечно, возможно, но почему тогда название народа выступает не в оригинальной, употреблявшейся тогда форме, а в другой, которая появилась позднее, в иных исторических условиях?» (Мишин 2002: 66). Эти сомнения учёного безосновательны, так как основаны на том, что он следует за распространённым в историографии, но неверным отождествлением дулебского и волынянского союзов и отнесению его к доаварскому времени. На деле же союз волынян как раз и пришёл на смену дулебскому, разгромленному аварами и существовал позже аварского нашествия.

Отождествление в.линана ал-Мас‘уди с восточнославянскими волынянами подтверждается уникальным сообщением «Баварского географа» – анонимного памятника, созданного, как показал А.В. Назаренко, в швабском монастыре Райхенау в 70-е гг. IX в., в период нахождения там Мефодия со своими учениками, от которых и была, возможно, получена его автором столь подробная информация (или какая-то её часть) о множестве славянских этнополитических объединений в Центральной и Восточной Европе (Назаренко 2001: 51-70). В этом источнике говорится: «Сериваны – это королевство столь [велико], что из него произошли все славянские народы и ведут, по их словам, [своё] начало» (Назаренко 1993: 14; 2001: 54-55).

Наиболее убедительным является объяснение названия сериваны (Zerivani) от слав. *Čьrvjane (Lehr-Spławiński 1961: 265; Назаренко 1993: 34-35. Коммент. 40) – червяне, что говорит о том, что это «королевство» (regnum) следует помещать в районе летописных Червенских градов (Labuda 1948: 203-225; Горский 1997: 277-278; Крип’якевич 1999: 29, 81, 84; Войтович 2001: 818-822; 2006: 23), то есть на Волыни. Рядом с Zerivani/червянами в «Баварском географе» названы и собственно волыняне – Velunzani (Назаренко 1993: 14; 2001: 54-55). Это объясняется сложным характером структуры памятника: в нём зачастую вперемешку названы славянские этнополитические объединения разного уровня без какого бы то ни было их разграничения.

Червенские грады упоминаются в летописи в связи с событиями конца X – начала XI вв. (ПСРЛ. I: 81, 150; ПСРЛ. II: 69, 137). Позднее в этом регионе существовала Червенская земля, упоминаемая в Ипатьевской летописи (ПСРЛ. II: 746). Та же летопись называет и жителей этой земли – червян (ПСРЛ. II: 487). Возникновение самих этих понятий, точнее, названия, очевидно, следует относить к гораздо более раннему времени – к эпохе предшествовавшей формированию городов-государств, называвшихся в древнерусских источниках в своём территориально-политическом значении землями. По всей видимости, жившее здесь славянское «племя» червян при произошедшей на рубеже X-XI вв. смене общественно-политического устройства – возникновении городов-государств

(Фроянов, Дворниченко 1988: 39-40) дало название новому политическому объединению, возникшему в регионе – Червенской земле.

Судьба имени червян аналогична судьбе имени волынян, которое дало название Волынской земле. Укреплённое городище в Червене возникло в середине X в. (Куза 1996: 153), то есть до включения этих земель в состав Киевской Руси. Червень был, очевидно, центром червян, подобно тому, как город Волынь был центром волынян (о Червенских градах и их истории см.: Лонгинов 1885; Исаевич 1971; 1972; Poppe 1964; Котляр 1985: 24-33).

Смысловая параллель рассказов ал-Мас‘уди и Ибн Йа‘куба с одной стороны и «Баварского географа» – с другой, является полной: и там и там говорится о существовании у славян в прошлом некоего значительного этнополитического объединения, от которого происходят другие славянские народы. Расположение этих двух «народов-прародителей», хоть и названных немного по-разному в одном регионе, делает тождество полным.

Червяне – это, по всей видимости, часть волынян, возможно господствовавшая в течение некоторого времени в их этнополитическом объединении, название которой связано, как и имя части хорватов «белые хорваты», с цветовой географической семантикой. Красный цвет указывал обычно на южное расположение того этноса или политического объединения, в названии которого фигурировал (Майоров 2006: 45). То, что подобные «червонные» названия славянских «племён» были распространены в раннем средневековье, подтверждает летопись попа-Дуклянина, упоминающего о существовании в Далмации Червонной Хорватии (Шишић 1928: 16-18).

Идея о существовании на Волыни значительного этнополитического объединения волынян представляется вполне убедительной (Ключевский 1987: 122-124; Нидерле 2001: 169-170; Грушевський 1991: 377; Греков 1945: 25-31; 1953: 441-443; Мавродин 1945: 85-86; Третьяков 1953: 297-298; Седов 1982: 93-94; Фроянов 2001: 724-727; Свердлов 2003: 92; Войтович 2006: С. 8-12). Только нет оснований сопоставлять его, как это зачастую делается (см. например: Harkavy 1876: 335; Ключевский 1987: 122-124; Marquart 1903: 147; Брайчевський 1957: 122-125), с рассказом Повести временных лет об аваро-дулебской войне и считать, что именно авары сокрушили в.линана.

Речь в источниках идёт о разных этнополитических объединениях восточного славянства, существовавших на Волыни в разное время. Если дулебский союз был сокрушён в середине VI в. аварами и распался, утратив своё значение, то союз волынян возник позже и пришёл как бы на смену дулебскому союзу. Именно так логичнее всего понимать слова Повести временных лет (ПСРЛ. I: 11-13; ПСРЛ. II: 8-9).

Датировать время существования этнополитического союза возглавлчяемого волынянами, о котором говорят ал-Мас‘уди, Ибн Йа‘куб и «Баварский географ» исходя только из их данных сложно. Ал-Мас‘уди говорит о нём, как о существовавшем «в глубокой древности». Не содержит датирующих признаков известие «Баварского географа» (за исключением верхней даты – даты составления самого источника – 70-е гг. IX в.).

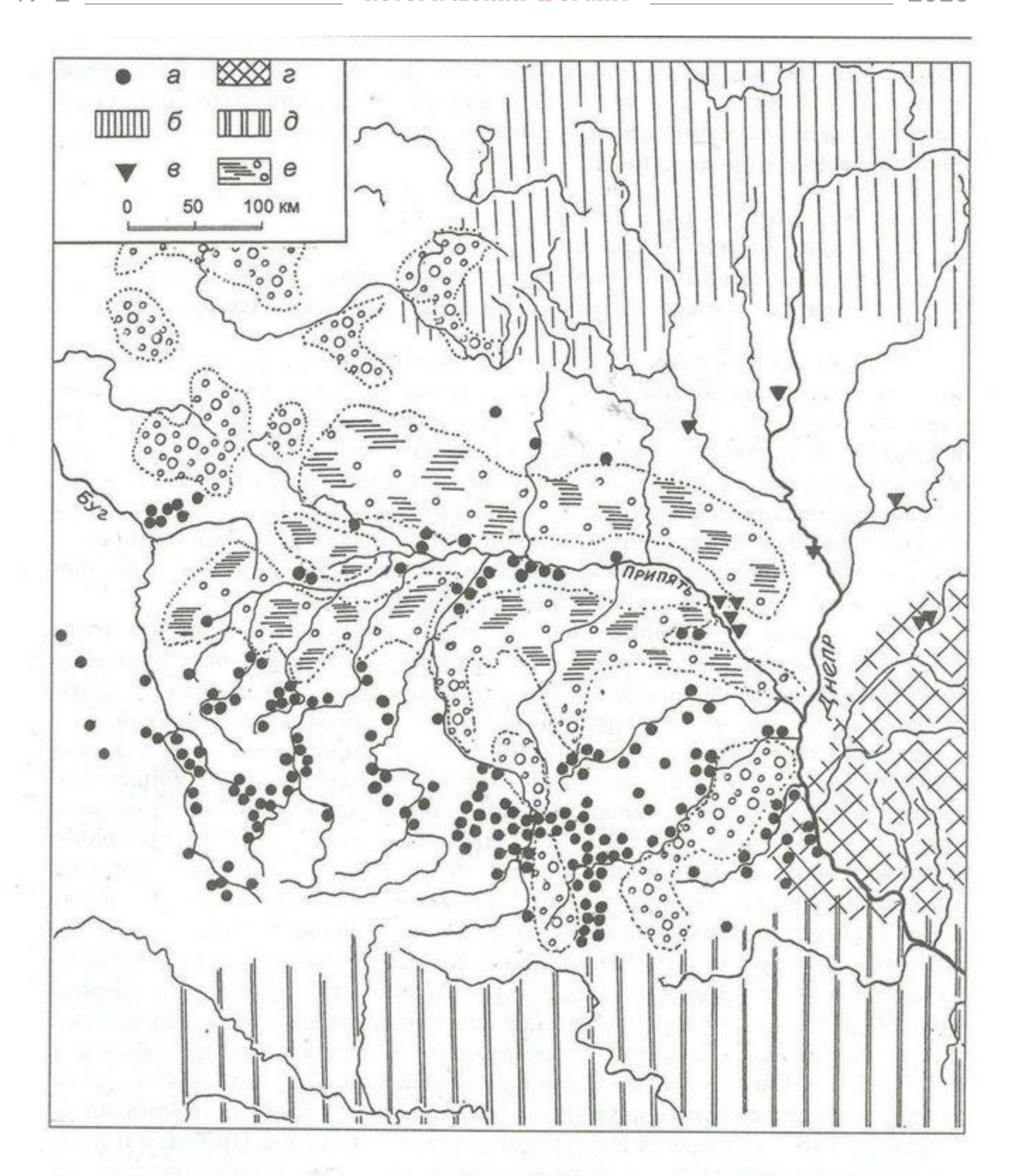

Рис. 7

Правобережье Среднего Поднепровья в V—VIII вв.

а — поселения пражско-корчакской и лука-райковецкой культур; б — ареал тушемлинской культуры; в — памятники колочинской культуры; г — ареал волынцевской культуры; д — территория антской группы; е — крупные лесные и болотистые регионы

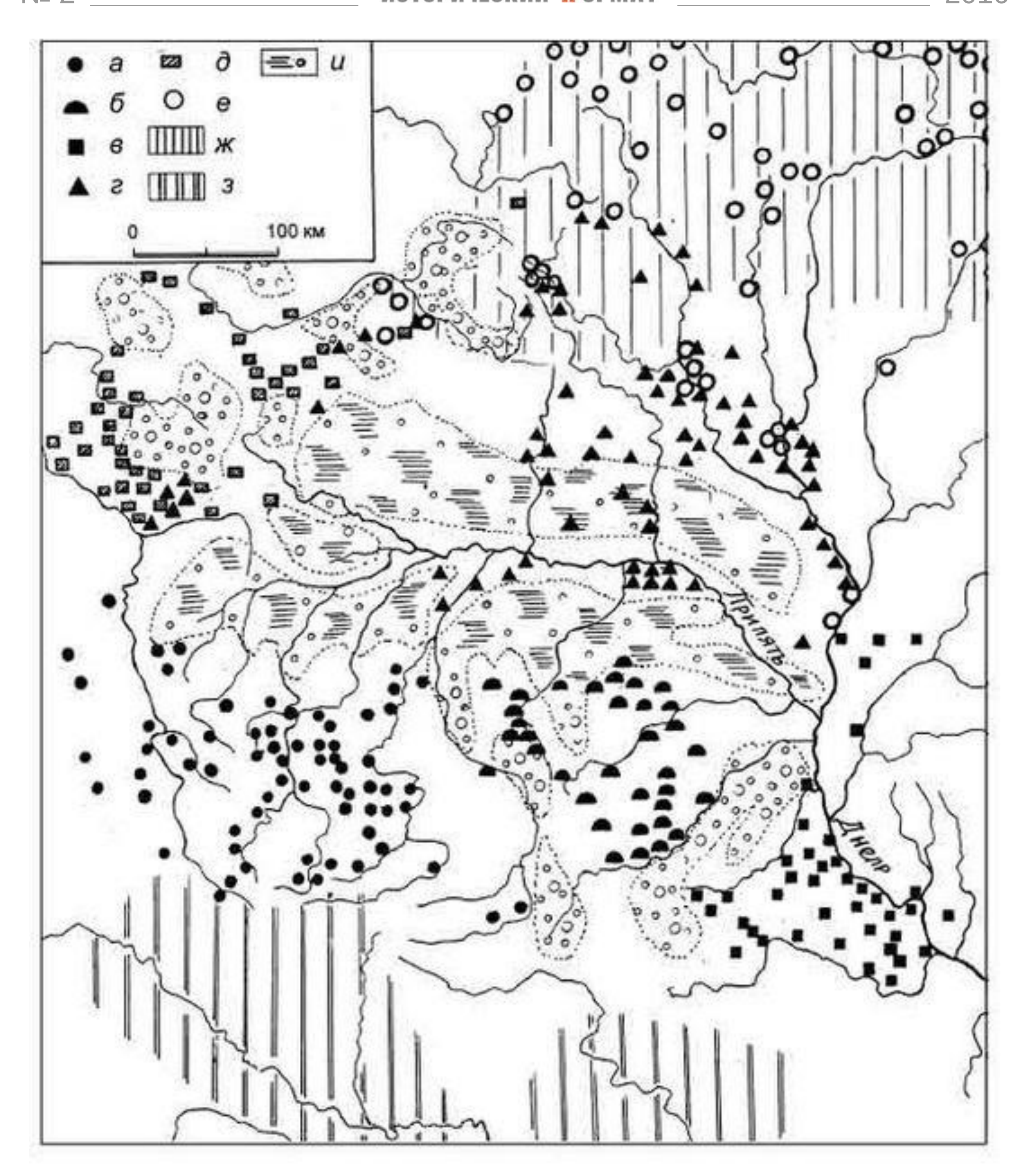

Рис. 8

Дулебская группа восточного славянства в X—XII вв.

а — памятники волынян; б — древлян; в — полян; г — дреговичей; е — могильники с каменными курганами; ж — памятники с находками браслетообразных височных колец; з — ареал хорватов; и — крупные лесные и болотистые регионы

Рис. 5-6. Формирование в ареале луки-райковецкой культуры локальных групп памятников, связанных с летописными волынянами, древлянами, дреговичами и полянами (Седов 1999: 48-49)

Тут на помощь приходит археология, материалы которой полностью подтверждают сообщения рассмотренных письменных источников (а заодно и доказывают правильность именно волынской атрибуции названного в них древнего славянского этнополитического объединения). В VIII-IX вв. из ареала луки-райковецкой культуры выделяется ряд локальных археологических групп, что отражает процесс становления летописных волынян (группа памятников в верховьях Буга, Стыри и Горыни), древлян (группа памятников в бассейнах Тетерева и Упы), дреговичей (группа памятников в среднем течении Припяти в районе Турова), полян (группа памятников в киевском поречье Днепра, на Ирпени и в устье Десны) (Седов 1999: 46-50). Эта археологическая картина, по всей видимости, отразила процесс распада этнополитического союза, возглавляемого волынянами, описанный нашими источниками (рис. 5-6).

О причинах образования союза славиний во главе с волынянами мы можем лишь догадываться. В историографии отмечалось, что привести к объединению ряда славянских «племён» в одно целое под главенством волынян могла борьба с Византией или с кочевниками (Ключевский 1987: 124; Фроянов 2001: 726). Не оспаривая важности ни того, ни другого, следует отметить, что к образованию подобных союзов вели в первую очередь закономерности внутреннего социально-политического развития.

В литературе не раз пытались идентифицировать личность славянского князя Маджка (Маджла) – правителя в.линана. Его пытались отождествить с Мезамиром (Harkavy 1876: 335; Marquart 1903: 147; Брайчевський 1957: 122-125) или Мусокием (Harkavy 1881: 8; Niederle 1924: 79) – славянскими правителями VI в., известными по византийским источникам, с польским королём Мешко I (960-992: Charmoy 1832-1833: 94), с библейским Мешехом (Вестберг 1903: 60), с легендарным древнесербским правителем (Labuda 1948: 224-225), Само (Мишин 2002: 67), или даже с Карлом Великим, в подчинении державы которого находился ряд славянских этносов (Мишин 2002: 67-68). Последнее отождествление является совершенно фантастическим, так как игнорирует контекст рассказа ал-Мас‘уди об этом славянском правителе и распаде возглавляемого им политического объединения, описанного как внутренний процесс славянского мира.

Все эти отождествления, на наш взгляд, безосновательны: часть из них (с Само, Мешко I, Карлом Великим и т.д.) – в силу того, что речь в источнике всё же идёт о будущей Волынской земле, а часть (с Мезамиром, Мусокием и т.д.) ещё и в силу относительно более позднего существования союза волынян, показанного выше. К тому же, все эти сопоставления страдают произвольностью: их авторы фактически игнорируют тот факт, что Маджк (Маджл) назван в источнике правителем славянского «рода» в.линана и контекст рассказ о нём, содержащийся в источниках. Но, само по себе, сходство имени этого легендарного правителя древних волынян, искажённого в арабской передаче с именами славянских правителей раннего средневековья, зафиксированными в аутентичных византийских и иных источниках (Мусокий, Мезамир, Мешко и т.д.) любопытно. Тем не менее, отождествить его с каким-либо конкретным лицом, известным по другим источникам пока не представляется возможным.

Несмотря на выделение ряда новых этнополитических объединений, волынский этнополитический союз просуществовал до конца X в. и сохранил за собой гегемонию на Волыни. В конце X в. Волынь была покорена Киевом и вошла в состав Киевской Руси.

Кроме дулебов и волынян, в регионе жили ещё и бужане, известные как из русской летописи, так и из «Баварского географа» (buzani), причём они названы там рядом с волынянами (welunzani) как их соседи и современники (Назаренко 1993: 14; 2001: 55). По всей видимости, бужане были одной из локальных славянских этнополитических групп на Волыни.

В «Баварском географе» названы и некоторые другие славянские этнополитические группировки, жившие в Волынском регионе: thafnezi (таняне), lendizi (лендзяне), prissani (присане), lucolane (лучане) и т.д. (Назаренко 1993: 14; 2001: 55). Структура даного памятника сложная (Херрман 1988; Горский А. А. 1997; Седов 1999: 63-65; Назаренко 1993: 13-51; 2001: 51-70). Далеко не все названные в нём этнонимы и политонимы можно уверенно отождествить с известными по другим источникам. «Баварский географ» называет в едином перечне и без какого-либо различия славинии разного уровня: как небольшие «племена», так и значительные их объединения. Поэтому не все из них удаётся найти в других источниках, та же ПВЛ называет лишь большие этнополитические союзы славян.

Лендзян упоминает также Константин Багрянородный в числе славиний, подчинённых русам (Константин Багрянородный. 1989: 45, 157). Г. Ловмянский полагал, что Константин Багрянородный называет лендзянами всё население Волынской земли в целом (Łowmiański 1953; Dulebowie-Lędzianie-Chorwaci 1967), но это едва ли верно: Волынская земля, как и лежавшая к югу от неё Хорватия, была подчинена Киеву лишь в конце X в. (ПСРЛ. I: 81, 122; ПСРЛ. II: 69, 106; Жих 2015а). Скорее всего, Константин Багрянородный называет лендзянами небольшое восточнославянское этнополитическое объединение, проживавшее на востоке Волынской земли, на пограничье подчинённых Киеву земель, и подвластное Руси уже в середине X в.

По всей видимости, волынские лендзяне – это одна из ветвей большого праславянского этнополитического союза лендзян[1], распавшегося в ходе великого славянского расселения. Также как названия «дулебы» и «хорваты», имя «лендзяне» было распространено на славянщине.

Как видим, этнополитическая карта Волынского региона в предгосударственный период его истории была пёстрой и здесь наряду с большим этнополитическим объединением, волынским союзом, существовало и множество маленьких славиний (скорее всего, входивших в его состав). Интересен и нуждается в глубоком исследовании вопрос о соотношении этнополитической карты региона в предгосударственный период с возникшими здесь впоследствии городами-государствами.

[1] Название происходит от общеславянского *lęd- (ср: lęda – «необработанное поле»). Лендзяне – это, следовательно, «жители необработанной земли»: Lehr-Spławiński 1959.

ЛИТЕРАТУРА

ал-Мас‘уди 2002 - *Абу-л-Хасан ‘Али ибн ал-Хусайн ибн ‘Али ал-Мас‘уди.* Золотые копи и россыпи самоцветов [История Аббасидской династии: 749-947 гг.] / Составление, перевод с арабского, примечания, комментарии и указатели Д.В. Микульского. М.: Наталис, 2002. 803 с.

Ауліх 1972 - *Ауліх В.В.* Зимнівське городище – слов’янська пам’ятка VI-VII ст. н.е. в Західній Волині. Київ: Наукова думка, 1972. 124 с.

Баран 1969 - *Баран В.Д.* Археологічні пам’ятки VI-VII ст. на территорії Західной Волині – зажливо джерело до вивчення літописних дулебів // Український історичний журнал. 1969. № 4.

Баран 1972 - *Баран В.Д.* Ранні слов’яни між Дністром і Прип’яттю. Київ: Наукова думка, 1972. 244 с.

Баран 1997 - *Баран В.Д.* Склавіни та анти у світлі нових археологічних джерел // Проблеми походження та історичного розвитку слов’ян. Збірник наук. стат. присв. 100-річчю з дня нарождення В.П. Петрова. Київ; Львів, 1997.

Бейлис 1989 - *Бейлис В.М.* К вопросу о конъектурах и о попытках отождествления этнонимов и топонимов в текстах арабских авторов IX-XIII вв. о Восточной Европе // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 1. М.: Наука, 1989. С. 52-66.

Брайчевський 1957 - *Брайчевський М.Ю.* Про етнічну принадлежність черняхівської культури // Археологія. Т. 10. Київ, 1957.

Вестберг 1903 - *Вестберг Ф.* Комментарий на записку Ибрагима Ибн-Якуба о славянах. СПб., 1903. 156 с.

Вестберг 1908 - *Вестберг Ф.* К анализу восточных источников о Восточной Европе // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. 1908. Часть XIII. Февраль. С. 364-412.

Войтович 2001 - *Войтович Л.В.* Черв’яни у працях І. Крип’якевича (До питання про початок державності) // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Т.8. Іван Крип’якевич у родинній традиції, науці, суспільстві. Львів, 2001.

Войтович 2006 - *Войтович Л.В.* Восточное Прикарпатье во второй половине I тыс. н.э. Начальные этапы формирования государственности // Rossica antiqua: Исследования и материалы. 2006. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. С. 6-39.

Галкина 2002 - *Галкина Е.С.* Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002. 428 с.

Галкина 2006 - *Галкина Е.С.* Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть (I тыс. н.э.). М.: Прометей, 2006. 548 с.

Галкина 2016 - *Галкина Е.С.* Перевод известий ал-Масуди о Восточной Европе. Перевод пока не опубликован и любезно предоставлен мне автором, за что выражаю ей свою глубокую благодарность.

Гаркави 1870 - *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. 315 с.

Гедеонов 2004 - *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. В 2-х частях / Автор предисловия, комментариев, биографического очерка – В.В. Фомин. 2-е издание, комментированное. М.: Русская панорама, 2004. 656 с.

Горский 1997 - *Горский А.А.* Баварский Географ и этнополитическая структура восточного славянства // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995. М.: Наука, 1997. С. 271-287.

Горский 2004 - *Горский А.А.* Русь: От славянского расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 392 с.

Греков 1945 - *Греков Б.Д.* Борьба Руси за создание своего государства. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1945. 79 с.

Греков 1953 - *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. 568 с.

Грушевський 1991 - *Грушевський М.С.* Істрія України-Руси. Т. І. Київ, 1991.

Жих 2008 - *Жих М.И.* О предыстории Волынской земли (VI – начало X века) // Международный исторический журнал «Русин». 2008. № 3-4 (13-14). С. 35-57.

Жих 2015 - *Жих М.И.* Авары и дулебы в Повести временных лет: славянский эпос или книжная конструкция? // Исторический формат. 2015. № 3. С. 52-71.

Жих 2015а - *Жих М.И.* Христианизация Волынской земли в контексте её социально-политического развития // Международный исторический журнал «Русин». 2015. С. 5-10.

Жих 2016 - *Жих М.И.* Древние славяне на Волыни (I тыс. н.э.). Часть первая // Исторический формат. 2016. № 1. С. 110-143.

Журавлёв 1996 - *Журавлёв А.Ф.* Материальная культура древних славян по данным праславянской лексики // Очерки истории культуры славян. М.: Индрик, 1996. С. 116-144.

Ибн Фадлан 1956 - Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. / Статьи, перевод и комментарии А.П. Ковалевского. Харьков: Издательство Харьковского государственного университета, 1956. 342 с.

Исаевич 1971 - *Исаевич Я.Д.* Територія і населения «Червеньских градов» (X-XIII ст.) // Українский історичний збірник. Вип. 1. Київ, 1971.

Исаевич 1972 - *Исаевич Я.Д.* «Грады Червенские» и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами (конец IX – начало XI вв.) // Исследования истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. М.: Наука, 1972. С. 107-124.

Истрин 1920 - *Истрин В.М.* Книгы временыя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. I: Текст. Пг, 1920. 634 с.

Кибинь 2014 - *Кибинь А.С.* Дулебы в поставарском историко-политическом контексте (новые направления историографии) // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 157-165.

Ключевский 1987 - *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Часть I // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. I. М.: Мысль, 1987. 432 с.

Ковалевский 1957 - *Ковалевский А.П.* Абу-л-Хасан Алі ал-Масуди як вчений // Праці історичного ф-ту Харківського держ. Ун-ту. Т. 5. Харків, 1957.

Ковалевский 1973 - *Ковалевский А.П.* Славяне и их соседи в первой половине X в. по данным аль-Масуди // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М.: Наука, 1973. С. 62-79.

Константин Багрянородный 1989 - *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М.: Наука, 1989. 496 с.

Конча 2005 - *Конча С.В.* «Дулібський союз» між міфом і дійсністю // Вісник Кївського національного університету ім. Т. Шевченка. Українознавство. 2005. № 9. С. 23-29.

Королюк 1963 - *Королюк В.Д.* Авары (обры) и дулебы русской летописи // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 24-31.

Котляр 1985 - *Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов в Галицко-Волынской Руси IX-XIII вв. Киев: Наукова думка, 1985. 184 с.

Крип'якевич 1999 - *Крип'якевич І.П.* Галицько-Волынское князівство. Львів, 1999.

Куза 1996 - *Куза А.В.* Древнерусские городища X-XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996. 256 с.

Куник, Розен 1878 - *Куник А.А., Розен В.Р.* Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. СПб., 1878.

Кухаренко 1961 - *Кухаренко Ю.В.* Средневековые памятники Полесья / Археология СССР. Свод археологических источников. Выпуск Е1-57. М.: Издательство АН СССР, 1961. 40 с.

Кучинко 1972 - *Кучинко М.М.* Материальная культура населения междуречья Западного Буга и Вепра в IX-XIII вв. // Исследования по истории славянских и балканских народов: Киевская Русь и её славянские соседи. М.: Наука, 1972. С. 78-91.

Кучінко 1993 - *Кучінко М.М.* Історично-культурний розвиток Західного Побужжя в IX-XIV століттях. Луцьк, 1993.

Кучінко 1994 - *Кучінко М.М.* Нариси стародавньої і середньовічної історії Волині. Луцьк, 1994.

Кучінко 1996 - *Кучінко М.М.* Давньоруське городище Вал в Надстир'ї. Луцьк, 1996.

Кучінко 2002 - *Кучінко М.М.* Волинська земля X – середини XIV ст. Луцьк, 2002.

Кучінко, Охріменко 1995 - *Кучінко М.М., Охріменко Г.В.* Археологічні пам'ятки Волині. Луцьк, 1995.

Левицкий 1962 - *Левицкий Т.* Малоизвестный западнославянский народ по описанию ал-Масуди // Ближний и Средний Восток. М., 1962. С. 29-33.

Лонгинов 1885 - *Лонгинов А.В.* Червенские города. Варшава, 1885.

Мавродин 1945 - *Мавродин В.В.* Образование древнерусского государства. Л.: Издательство ЛГУ, 1945. 429 с.

Майоров 2001 - *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь: Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб.: Университетская книга, 2001. 640 с.

Майоров 2006 - *Майоров А.В.* Константин Багрянородный о происхождении и ранней истории хорватов: Великая Хорватия и белые хорваты // Rossica antiqua: Исследования и материалы. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. С. 40-73.

Майоров 2006а - *Майоров А.В.* Великая Хорватия: Этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. 209 с.

Майоров 2011 - *Майоров А.В.* Русь, Византия и Западная Европа. Из истории внешнеполитических и культурных связей XI-XIII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 800 с.

Михайлина 2007 - *Михайлина Л.П.* Слов'яни VIII-X ст. між Дніпром і Карпатами. Київ: Інститут археології НАНУ, 2007. 300 с.

Мишин 2002 - *Мишин Д.Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М.: Крафт +, 2002. 368 с.

Назаренко 1993 - *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX-XI вв. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1993. 240 с.

Назаренко 2001 - *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.

Нидерле 2001 - *Нидерле Л.* Славянские древности / Перевод с чешского Т. Ковалевой, М. Хазанова, ред. А.Л. Монгайта. 2-е издание. М.: Алетейя, 2001. 592 с.

Новосельцев 1991 - *Новосельцев А.П.* Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. 1991. № 2-3.

Петрухин 1997 - *Петрухин В.Я.* Славяне. М.: Росмэн, 1997. 112 с.

Петрухин, Раевский 2004 - *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.: Знак, 2004. 416 с.

Пресняков 1993 - *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. 635 с.

ПСРЛ. I - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997. 496 с.

ПСРЛ. II - Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1998. 648 с.

Русанова 1973 - *Русанова И.П.* Славянские древности VI-IX вв. между Днепром и Западным Бугом. М.: Наука, 1973. 102 с.

Русанова, Тимощук 2007 - *Русанова И.П., Тимощук Б.А.* Языческие святилища древних славян. М.: Ладога-100, 2007. 304 с.

Рыбаков 1963 - *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М.: Издательство АН СССР, 1963. 362 с.

Рыбаков 1982 - *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.: Наука, 1982. 598 с.

Свердлов 2003 - *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб.: Академический проект, 2003. 736 с.

Свод II - Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII-IX вв.). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 591 с.

Седов 1979 - *Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979. 158 с.

Седов 1982 - *Седов В.В.* Восточные славяне в VI-XIII вв. М.: Наука, 1982. 328 с.

Седов 1999 - *Седов В.В.* Древнерусская народность. М.: Языки русской культуры, 1999. 312 с.

Седов 2002 - *Седов В.В.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 2002. 622 с.

Тимощук 1990 - *Тимощук Б.А.* Социальная сущность городища Зимно // Раннеславянский мир: материалы и исследования. Выпуск 1. М., 1990. С. 151-157.

Титмар 2009 - *Титмар Мерзебургский.* Хроника. В восьми книгах. Второе издание, исправленное / Перевод с латинского И.В. Дьяконова. М.: Русская панорама, 2009. 256 с.

Третьяков 1953 - *Третьяков П.Н.* Восточнославянские племена. М.: Издательство АН СССР, 1953. 312 с.

Трубачев 1974 - *Трубачев О.Н.* Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 48-67.

Фроянов 2001 - *Фроянов И.Я.* К истории зарождения Русского государства // Фроянов И.Я. Начала Русской истории. Избранное. М.: Издательский дом «Парад», 2001. С. 717-751.

Фроянов, Дворниченко 1988 - *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л.: Издательство ЛГУ, 1988. 269 с.

Херрман 1988 - *Херрман Й.* Ruzzi. Forsderen liudi. Fresiti. К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского географа» (первая половина IX в.) // Древности славян и Руси: к 80-летию акад. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1988. С. 163-169.

Шахматов 1919 - *Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. 64 с.

Шишић 1928 - *Шишић Ф.* Летопис попа Дукљанина. Београд, 1928.

Bollnow 1936 - *Bollnow H.* Burg und Stadt in Pommern bis zum Beginn der Kolonisationszeit // Baltische Studien. T. 38. Stettin, 1936.

Bulin 1958 - *Bulin H.* Německy přinos k dějinam polabskych slovanů // Vznik a počatky slovanů. D. 3. Praha, 1958.

Charmoy 1832-1833 - *Charmoy M.* Relation de Mas'oûdy et d'autre auteurs musulmans sur les anciens Slaves. Paris, 1832-1833.

Cynkałowski 1961 - *Cynkałowski A.* Materiały do pradziejów Wołynia I Polesia Wołyńskiego. Warszawa, 1961.

Die slaven 1985 - Die slaven in Deuncschland. Ein Handbuch. Hrsg. J. Herrmann. Berlin, 1985.

Dorn 1875 - *Dorn B.* Caspia. Über die Einfälle der alten Russen in Tabaristan // Mémoires dt l'Académie Impérial des Sciencts de St.-Pétersbourg. XII-e série. T. XXIII. № 1. St.-Pétersbourg, 1875.

Duczko 2000 - *Duczko W.* Obecność skandynawska na Pomorzu i słowiańska w Skandynawii we wczesnym średniowieczu // Salsa Cholbergensis: Kołobrzeg w średniowieczu / red. L. Leciejewicz, M. Rębkowski. Kolobrzeg, 2000.

Dulinicz 1999 - *Dulinicz M.* Uwagi o początkach osrodkow handlowych na południowym brzegu Bałtyku (VIII-IX w.) // Centrum i Zaplecze We Wczesnośredniowiecznej Europie Środkowej / red. S. Moździoch. Wrocław, 1999.

Filiopwiak 1997 - *Filiopwiak W.* Wollin (Wolin) und Kammin (Kamień Pomorski) im frühen Mittelalter // Lübecker Kolloquium zur Stadtarchäologie im Hanseraum. Bd. I: Stand, Aufgaben und Perspektiven / hrsg. von M. Gläser. Lübeck, 1997.

Filiopwiak 2004 - *Filiopwiak W.* Some aspects of the development of Wolin in the 8th-11th centuries in the light of the results of new research // Polish Lands at the Turn of the First and the Second Millennia / red. P. Urbańczyk. Warsaw, 2004.

Głosik 1959-1960 - *Głosik J.* Archeologiczne badania powierchniowe w r. 1956 nad Bugem w okolicy Hrubieszowa // Wiadomości Archeologiczne. T. 26. Z. 3-4. 1959-1960.

Harkavy 1876 - *Harkavy A.* Travaux de la III-e Session du Congres international des Orientalistes. T. 2. SPb., 1876.

Harkavy 1881 - *Harkavy A. Ya.* Sur un passage des «Prairies d'Or» de Maçoudi concernant l'histoire ancienne de Slaves. St-Petersbourg, 1881.

Hauptmann 1925 - *Hauptmann L.* Dolazak hrvata // Zbornik kralja Tomislava. Zagreb, 1925.

Herrmann 1968 - *Herrmann J.* Siedlung. Wirtschaft und gesellshaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder – Neisse una Elbe. Berlin, 1968.

Kiersnowski 1956 - *Kiersnowski R.* Główne momenty rozwoju środków wymiany na Pomorzu wczesnofeudalnym // Wiadomości Archeologiczne. T. 23. 1956.

Kiersnowski 1959 - *Kiersnowski R.* Wczesnośredniowieczne skarby srebne z Pomorza. Warszawa, 1959.

Kostrzewski 1966 - *Kostrzewski J.* Pradzieje Pomorza. Wrocław, 1966.

Kowalenko 1950 - *Kowalenko W.* Staroslowianskie grody portowe na Bałtyku // Przegląd Zachodni. R. 6. Z. 5-6. 1950.

Kowalenko 1953 - *Kowalenko W.* Dalsze badania nad staroslowianskimi portami na Bałtyku w IX-XIV wieku. Poznań, 1953.

Kowalski 1946 - *Kowalski T.* Relasją Ibrahima ibn Jakuba z podroży do krajów słowiańskich w przekazie Al-Bekrego. Kraków, 1946.

Kuczyński 1958 - *Kuczyński S.M.* Stosunki polsko-ruskie do schyłku wieku XII // Slavia Orientalis. 2. 1958.

Kuczyński 1962 - *Kuczyński S.* Wschodnia granica państwa polskiego w X wieku przed rokiem 980 // Początki państwa Polskiego. T.1. Poznań, 1962.

Labuda 1948 - *Labuda G.* Okres «wspólnoty» słowiańskej w świetle źródeł I tradycji historycznej // Slavia Antiqua. I. Poznań, 1948.

Labuda 1960 - *Labuda G.* Fragmenty dzieów Słowiańszczyzny zachodniej. Poznań, 1960.

Leciejewicz 1962 - *Leciejewicz L.* Początki nadmorskich miast na Pomorzu Zachodnim. Wrocław, 1962.

Lehr-Spławiński 1959 - *Lehr-Spławiński T.* Lędzice – Lędzanie – Lachowie // Opuscula Casimiro Tymieniecki septuagenario dedicate. Poznań, 1959.

Lehr-Spławiński 1961 - *Lehr-Spławiński T.* Najstrsze nazwy plemion polskich w obych źródłach // Język Polski. T. 41. Kraków, 1961.

Lelewel 1852 - *Lelewel L.* La gèographie du Moyen Âge. T. 3. Bruxelles, 1852.

Lewicki 1940/1950 - *Lewicki T.* Swiat słowiański w oczach pisarzy arabskich // Slavia Antiqua. T. 2. Poznań, 1940/1950.

Lewicki 1948 - *Lewicki T.* Państvo wiślan-chorwatów w opisieal-Mas'udī'ego // Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności. T. 49. 1948.

Lewicki 1955 - *Lewicki T.* Obrzedy pogrzebowe poganskie Słowian // Archeologia. T. 5. 1955.

Lewicki 1956 - *Lewicki T.* Jeszcze o wieletach w opisie Słowiańszczyzny arabskiego pisarza X w. Al-Mas'udiego // Pamiętnik Słowiański: Czasopismo naukowe poświęcone słowianoznawstwu. Kraków, 1956.

Łowmiański 1953 - *Łowmiański H.* Lędzanie // Slavia Antiqua. T. 4. Poznań, 1953.

Łowmiański 1962 - *Łowmiański H.* Poszątki Polski. T. I. Warszawa, 1962.

Łowmiański 1964 - *Łowmiański* H. Poszątki Polski. T. II. Warszawa, 1964.

Marquart 1903 - *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.

Miquel 1975 - *Miquel A.* La Gèographie humaine du monde musulman jusq'ua milieu du XI-e siècle. Paris, La Haye, 1975.

Niederle 1924 - *Niederle L.* Slovanske starozitnosti. T. IV. Praha, 1924.

Nowakowski 1972 - *Nowakowski A.* Górne Pobuże w wiekach VIII-XI. Zagadnienia kultury. Łódź, 1972.

Olczak, Siuchninski 1966-1968 - *Olczak J., Siuchninski K.* Źródła archeologiczne do studiów nad wczesnosredniowiecznym osadnictwem grodowym na terenie województwa koszalińskiego. T. 1-2. Poznań, 1966-1968.

Parczewski 1991 - *Parczewski M.* Początki kształtowania się polsko-ruskiej rubieży etnicznej w Karpatach. U źródeł rozpadu Słowiańszczyzny na odłam wschodni i zachodni. Kraków, 1991.

Parczewski 1996 - *Parczewski M.* Poczatki sąsiedztwa polsko-rusko-słowackiego w świetle danych archeologicznych // Początki sąsiedztwa. Pogranicze etniczne polsko-rusko-słowackie w średniowieczu, pod red. M. Parczewskiego i S. Czopka. Rzeszów, 1996.

Poppe 1964 - *Poppe A.* Grody Czerwieńskie // Słownikstarożiytności słowiańskich. T. 2. Wrocłav etc., 1964.

Rozenkranz 1962 - *Rozenkranz E.* Początki i ustrój miast Pomorza Gdańskiego do schyłku XIV stulecia. Gdańsk, 1962.

Schuldt 1963 - *Schuldt E.* Die Ausgrabungen im Gebiet der «2 Alten Burg» vom Sukov, Kreis Teterow // Bodendenkmalpflege in Mecklenburg: Jahrbuch 1963. Meklenburg, 1963.

Skrzypek 1962 - *Skrzypek J.* Studia nad pierwotnym pograniczem polsko-ruskim w rejonie Wołynia i Grodów Czerwieńskich. Warszawa, 1962.

Szczecin i Wolin 1954 - Szczecin i Wolin we wczesnym średniowieczu. Wrocław, 1954.

Szymański 1966 - *Szymański W.* Posąg ze Zbrucza i jego otoczenie. Lata badań, lata wątpliwości // Przegląd Archeologiczny. T. 44. Warszawa, 1996.

Westberg 1898 - *Westberg F.* Ibrāhīm Ibn Ja'kūb's Reisebericht über die Slawenländer aus dem Jahre 965. Sankt-Petersburg, 1898.

Widajewicz 1946 - *Widajewicz J.* Studia nad relacja o Słowianach Ibrahima ibn Jakuba. Kraków, 1946.

Widajewicz 1951 - *Widajewicz J.* Masudi o Wieletach // Pamiętnik Słowiański. T. 2. Kraków; Wrosław, 1951.

Wojciechowski 1939 - *Wojciechowski Z.* Polska nad Wisłą i Odrą w X wieku. Katowice, 1939.

REFERENCES

al-Mas'udi 2002 - *Abu-l-Hasan 'Ali ibn al-Husajn ibn 'Ali al-Mas'udi.* Zolotye kopi i rossypi samocvetov [Istorija Abbasidskoj dinastii: 749-947 gg.] / Sostavlenie, perevod s arabskogo, primechanija, kommentarii i ukazateli D.V. Mikul'skogo [Gold mines and scatterings of semi-precious stones [History of the Abbasidsky dynasty: 749-947] / Drawing up, translation from Arab, note, comments by D.V. Mikulsky], Moscow, Natalis Publ., 2002, 803 p. [in Russian].

Aulih 1972 - *Aulih V.V.* Zimnivs'ke gorodishhe – slov'jans'ka pam'jatka VI-VII st. n.e. v Zahidnij Volini [Zimno's ancient settlement – a monument of Slavs of the VI-VII centuries in the Western Volhynia], Kiïv, Naukova dumka Publ., 1972, 124 p. [in Ukrainian].

Baran 1969 - *Baran V.D.* Arheologichni pam'jatki VI-VII st. na territoriï Zahidnoj Volini – zazhlivo dzherelo do vivchennja litopisnih dulebiv [Archaeological monuments of the VI-VII centuries in the territory of the Western Volhynia – an important source for studying of annalistic duleb], in: Ukraïns'kij istorichnij zhurnal [Ukrainian historical magazine], 1969, № 4 [in Ukrainian].

Baran 1972 - *Baran V.D.* Ranni slov'jani mizh Dnistrom i Prip'jattju [Early Slavs between Dniester and Pripyat], Kiïv, Naukova dumka Publ., 1972, 244 p. [in Ukrainian].

Baran 1997 - *Baran V.D.* Sklavini ta anti u svitli novih arheologichnih dzherel [Slavs and Antes in the light of new archaeological sources], in: Problemi pohodzhennja ta istorichnogo rozvitku slov'jan [Problems of an origin and historical development of Slavs], Kiev; Lviv, 1997 [in Ukrainian].

Bejlis 1989 - *Bejlis V.M.* K voprosu o koniekturah i o popytkah otozhdestvlenija jetnonimov i toponimov v tekstah arabskih avtorov IX-XIII vv. o Vostochnoj Evrope [To a question of konjektura and of attempts of an identification of ethnonyms and toponyms in texts of the Arab authors of the 9-13th centuries about Eastern Europe], in: Vostochnoe istoricheskoe istochnikovedenie i special'nye istoricheskie discipliny. Vyp. 1 [East historical source study and special historical disciplines. Release 1], Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 52-66 [in Russian].

Bollnow 1936 - *Bollnow H.* Burg und Stadt in Pommern bis zum Beginn der Kolonisationszeit [The cities and fortresses of Pomerania prior to the beginning of colonization time], in: Baltische Studien. T. 38 [Baltic researches. Volume 38], Stettin, 1936 [in German].

Brajchevs'kij 1957 - *Brajchevs'kij M.Ju.* Pro etnichnu prinadlezhnist' chernjahivs'koï kul'turi [About an ethnic origin of Chernyakhovsk culture], in: Arheologija. T. 10 [Archeology. Volume 10], Kiev, 1957 [in Ukrainian].

Bulin 1958 - *Bulin H.* Německy přinos k dějinam polabskych slovanů [German contribution to acts of polabsky Slavs], in: Vznik a počatky slovanů. D. 3 [Researches about the beginning of Slavs. Volume 3], Praha, 1958 [in Czech].

Charmoy 1832-1833 - *Charmoy M.* Relation de Mas'oûdy et d'autre auteurs musulmans sur les anciens Slaves [Stories al-Masudi and other Muslim authors about ancient Slavs], Paris, 1832-1833 [in French].

Cynkałowski 1961 - *Cynkałowski A.* Materiały do pradziejów Wołynia I Polesia Wołyńskiego [Materials on stories of Volhynia and the Volynsk Polesia], Warszawa, 1961 [in Polish].

Die slaven 1985 - Die slaven in Deuncschland. Ein Handbuch. Hrsg. J. Herrmann [Slavs in Germany. Publisher J. Herrmann], Berlin, 1985 [in German].

Dorn 1875 - *Dorn B.* Caspia. Über die Einfälle der alten Russen in Tabaristan [Caspian Sea. About visits of ancient rus of Tabaristan], in: Mémoires dt l'Académie Impérial des Sciencts de St.-Pétersbourg. XII-

e série. T. XXIII. № 1 [Notes of Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg. Volume XXIII. № 1], St.-Pétersbourg, 1875 [in German].

Duczko 2000 - *Duczko W.* Obecność skandynawska na Pomorzu i słowiańska w Skandynawii we wczesnym średniowieczu [The Scandinavian presence in Pomorze and Slavic presence in Scandinavia in the Middle Ages], in: Salsa Cholbergensis: Kołobrzeg w średniowieczu / red. L. Leciejewicz, M. Rębkowski [Kolobrzeg in Middle Ages / editor L. Letseevich], Kolobrzeg, 2000 [in Polish].

Dulinicz 1999 - *Dulinicz M.* Uwagi o początkach osrodkow handlowych na południowym brzegu Bałtyku (VIII-IX w.) [The beginning of shopping centers on the southern coast of Baltic (the 8-9th centuries)], in: Centrum i Zaplecze We Wczesnośredniowiecznej Europie Środkowej / red. S. Moździoch [The center and suburbs in medieval Central Europe], Wrocław, 1999 [in Polish].

Filiopwiak 1997 - *Filiopwiak W.* Wollin (Wolin) und Kammin (Kamień Pomorski) im frühen Mittelalter [Wolin and Kamen-Pomorsky in the early Middle Ages], in: Lübecker Kolloquium zur Stadtarchäologie im Hanseraum. Bd. I: Stand, Aufgaben und Perspektiven / hrsg. von M. Gläser [Lyubeksky colloquium on urban archeology of Hansa. Volume I: State, tasks and prospects], Lübeck, 1997 [in German].

Filiopwiak 2004 - *Filiopwiak W.* Some aspects of the development of Wolin in the 8th-11th centuries in the light of the results of new research, in: Polish Lands at the Turn of the First and the Second Millennia / red. P. Urbańczyk, Warsaw, 2004 [in English].

Frojanov 2001 - *Frojanov I.Ja.* K istorii zarozhdenija Russkogo gosudarstva [To history of origin of the Russian state], in: *Frojanov I.Ja.* Nachala Russkoj istorii. Izbrannoe [Beginnings of the Russian history. Favourites], Moscow, Izdatel'skij dom «Parad» Publ., 2001, pp. 717-751 [in Russian].

Frojanov, Dvornichenko 1988 - *Frojanov I.Ja., Dvornichenko A.Ju.* Goroda-gosudarstva Drevnej Rusi [City-states of Ancient Russia], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1988, 269 p. [in Russian].

Galkina 2002 - *Galkina E.S.* Tajny Russkogo kaganata [Secrets of the Russian khaganate], Moscow, Veche Publ., 2002, 428 p. [in Russian].

Galkina 2006 - *Galkina E.S.* Nomady Vostochnoj Evropy: jetnosy, socium, vlast' (I tys. n.je.) [Nomada of Eastern Europe: ethnoses, society, power (I thousand AD)], Moscow, Prometej Publ., 2006, 548 p. [in Russian].

Galkina 2016 - *Galkina E.S.* Perevod izvestij al-Masudi o Vostochnoj Evrope. Perevod poka ne opublikovan i ljubezno predostavlen mne avtorom, za chto vyrazhaju ej svoju glubokuju blagodarnost' [The translation of news al-Masudi about Eastern Europe. The translation is not published and kindly provided yet to me by the author for what I express her the profound gratitude] [in Russian].

Garkavi 1870 - *Garkavi A.Ja.* Skazanija musul'manskih pisatelej o slavjanah i russkih [Legends of Muslim writers on Slavs and Russians], St. Petersburg, 1870, 315 p. [in Russian].

Gedeonov 2004 - *Gedeonov S.A.* Varjagi i Rus'. V 2-h chastjah / Avtor predislovija, kommentariev, biograficheskogo ocherka – V.V. Fomin. 2-e izdanie, kommentirovannoe [Varangians and Russia. In 2 parts / the Author of the preface, comments, a biographic sketch – V.V. Fomin. 2nd edition, with comments], Moscow, Russkaja panorama Publ., 2004, 656 p. [in Russian].

Głosik 1959-1960 - *Głosik J.* Archeologiczne badania powierchniowe w r. 1956 nad Bugem w okolicy Hrubieszowa [Archaeological researches in 1956 in Pobuzhye in Grubeshov's vicinities], in: Wiadomości Archeologiczne. T. 26. Z. 3-4 [Archaeological sheets. Volume 26], 1959-1960 [in Polish].

Gorskij 1997 - *Gorskij A.A.* Bavarskij Geograf i jetnopoliticheskaja struktura vostochnogo slavjanstva [Bavarian Geographer and ethnopolitical structure of east Slavic peoples], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1995 [The most ancient states of Eastern Europe. 1995], Moscow, Nauka Publ., 1997, pp. 271-287 [in Russian].

Gorskij 2004 - *Gorskij A.A.* Rus': Ot slavjanskogo rasselenija do Moskovskogo carstva [Russia: From Slavic moving to the Moscow kingdom], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2004, 392 p. [in Russian].

Grekov 1945 - *Grekov B.D.* Bor'ba Rusi za sozdanie svoego gosudarstva [Fight of Russia for creation of the state], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1945, 79 p. [in Russian].

Grekov 1953 - *Grekov B.D.* Kievskaja Rus' [Kievan Rus'], Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury Publ., 1953, 568 p. [in Russian].

Grushevs'kij 1991 - *Grushevs'kij M.S.* Istrija Ukraïni-Rusi. T. I [History of Ukraine-Russia. Volume I], Kiev, 1991 [in Ukrainian].

Harkavy 1876 - *Harkavy A.* Travaux de la III-e Session du Congres international des Orientalistes. T. 2 [Works of the Third Session of the International congress of orientalists. Volume 2], St-Petersbourg, 1876 [in French].

Harkavy 1881 - *Harkavy A. Ya.* Sur un passage des «Prairies d'Or» de Maçoudi concernant l'histoire ancienne de Slaves [The story of the book «Gold Scatterings» al-Masudi about stories of ancient Slavs], St-Petersbourg, 1881 [in French].

Hauptmann 1925 - *Hauptmann L.* Dolazak hrvata [Origin of Croats], in: Zbornik kralja Tomislava [Collection of the king Tomislav], Zagreb, 1925 [in Croatian].

Herrman 1988 - *Herrman J.* Ruzzi. Forsderen liudi. Fresiti. K voprosu ob istoricheskih i jetnograficheskih osnovah «Bavarskogo geografa» (pervaja polovina IX v.) [Ruzzi. Forsderen liudi. Fresiti. To a question of historical and ethnographic bases of «The Bavarian geographer» (the first half of the 9th century)], in: Drevnosti slavjan i Rusi: k 80-letiju akad. B.A. Rybakova [Antiquities of Slavs and Russia: to the 80 anniversary of the academician B.A. Rybakov], Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 163-169 [in Russian].

Herrmann 1968 - *Herrmann J.* Siedlung. Wirtschaft und gesellshaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder – Neisse una Elbe [Settlement. Economy and economy of Slavs between Oder – Naas and Elba], Berlin, 1968 [in German].

Ibn Fadlan 1956 - Kniga Ahmeda Ibn Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921-922 gg. / Stat'i, perevod i kommentarii A.P. Kovalevskogo [Ahmed Ibn Fadlan's book about his travel to Volga to 921-922 / Articles, the translation and comments by A.P. Kowalewski], Kharkiv, Izdatel'stvo Har'kovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1956, 342 p. [in Russian].

Isaevich 1971 - *Isaevich Ja.D.* Teritorija i naselenija «Cherven'skih gradov» (X-XIII st.) [Territory and population of «Chervensky grad» (the X-XIII centuries)], in: Ukraïnskij istorichnij zbirnik. Vip. 1 [Ukrainian historical collection. Release 1], Kiev, 1971 [in Ukrainian].

Isaevich 1972 - *Isaevich Ja.D.* «Grady Chervenskie» i Peremyshl'skaja zemlja v politicheskih vzaimootnoshenijah mezhdu vostochnymi i zapadnymi slavjanami (konec IX – nachalo XI vv.) [«Grada Chervenskiye» and the Peremyshlsky earth in political relationship between east and western Slavs (the end of IX – the beginning of the 11th centuries)], in: Issledovanija istorii slavjanskih i balkanskih narodov. Jepoha srednevekov'ja [Researches of history of the Slavic and Balkan people. Middle Ages era], Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 107-124 [in Russian].

Istrin 1920 - *Istrin V.M.* Knigy vremenyja i obraznyja Georgija Mniha. Hronika Georgija Amartola v drevnem slavjanorusskom perevode. Tekst, issledovanie i slovar'. T. I: Tekst [Georgy Amartol's chronicle in ancient slavyanorussky translation. Text, research and dictionary. T. I: Text], Petrograd, 1920, 634 p. [in Russian].

Kibin' 2014 - *Kibin' A.S.* Duleby v postavarskom istoriko-politicheskom kontekste (novye napravlenija istoriografii) [Duleba in the post-Avarian historical and political context (the new directions of a historiography)], in: Ladoga v kontekste istorii i arheologii Severnoj Evrazii [Ladoga in the context of history and archeology of Northern Eurasia], St. Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2014, pp. 157-165 [in Russian].

Kiersnowski 1956 - *Kiersnowski R.* Główne momenty rozwoju środków wymiany na Pomorzu wczesnofeudalnym [Highlights of history of early medieval Pomorze], in: Wiadomości Archeologiczne. T. 23 [Archaeological sheets. Volume 23], 1956 [in Polish].

Kiersnowski 1959 - *Kiersnowski R.* Wczesnośredniowieczne skarby srebne z Pomorza [Medieval silver treasures in Pomorze], Warszawa, 1959 [in Polish].

Kljuchevskij 1987 - *Kljuchevskij V.O.* Kurs russkoj istorii. Chast' I [Course of the Russian history. Part I], in: Kljuchevskij V.O. Sochinenija v devjati tomah. T. I [Compositions in nine volumes. Volume I], Moscow: Mysl' Publ., 1987, 432 p. [in Russian].

Koncha 2005 - *Koncha S.V.* «Dulibs'kij sojuz» mizh mifom i dijsnistju [«the Dulebsky union» between the myth and reality], in: Vicnik Kïvs'kogo nacional'nogo universitetu im. T. Shevchenka. Ukraïnoznavstvo [The messenger of the Kiev national univenrsitet of T. Shevchenko. Ukrainian researches], 2005, № 9, pp. 23-29 [in Ukrainian].

Konstantin Bagrjanorodnyj 1989 - *Konstantin Bagrjanorodnyj.* Ob upravlenii imperiej [On the Governance of the Empire], Moscow, Nauka Publ., 1989, 496 p. [in Russian].

Koroljuk 1963 - *Koroljuk V.D.* Avary (obry) i duleby russkoj letopisi [Avars (obra) and duleba of the Russian chronicle], in: Arheograficheskij ezhegodnik za 1962 god [Archaeographic year-book for 1962], Moscow, 1963, pp. 24-31 [in Russian].

Kostrzewski 1966 - *Kostrzewski J.* Pradzieje Pomorza [Background of Pomorze], Wrocław, 1966 [in Polish].

Kotljar 1985 - *Kotljar N.F.* Formirovanie territorii i vozniknovenie gorodov v Galicko-Volynskoj Rusi IX-XIII vv. [Formation of the territory and emergence of the cities in Galitsko-Volynsky Russia the 9-13th centuries], Kiev, Naukova dumka Publ., 1985, 184 p. [in Russian].

Kovalevskij 1957 - *Kovalevskij A.P.* Abu-l-Hasan Ali al-Masudi jak vchenij [Abu-l-Hassan Ali al-Masudi as scientist], in: Praci istorichnogo f-tu Harkivs'kogo derzh. Un-tu. T. 5 [Works of department of history of the Kharkiv state university. Volume 5], Kharkiv, 1957 [in Ukrainian].

Kovalevskij 1973 - *Kovalevskij A.P.* Slavjane i ih sosedi v pervoj polovine X v. po dannym al'-Masudi [Slavs and their neighbors in the first half of the X century by data al-Masudi], in: Voprosy istoriografii i istochnikovedenija slavjano-germanskih otnoshenij [Questions of a historiography and source study of the Slavo-Germanic relations], Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 62-79 [in Russian].

Kowalenko 1950 - *Kowalenko W.* Staroslowianskie grody portowe na Bałtyku [The Old Slavic cities on Baltic], in: Przegląd Zachodni. R. 6. Z. 5-6 [Review of the West. Release 6], 1950 [in Polish].

Kowalenko 1953 - *Kowalenko W.* Dalsze badania nad staroslowianskimi portami na Bałtyku w IX-XIV wieku [Further researches of Slavic ports on Baltic in the 9-14th centuries], Poznań, 1953 [in Polish].

Kowalski 1946 - *Kowalski T.* Relasją Ibrahima ibn Jakuba z podroży do krajów słowiańskich w przekazie Al-Bekrego [Ibrahim Ibn-Yaqub's story about travel to Slavic lands in retelling al-Bekri], Kraków, 1946 [in Polish].

Krip'jakevich 1999 - *Krip'jakevich I.P.* Galic'ko-Volynskoe knjazivstvo [Galitsko-Volynsky principality], Lviv, 1999 [in Ukrainian].

Kuchinko 1972 - *Kuchinko M.M.* Material'naja kul'tura naselenija mezhdurech'ja Zapadnogo Buga i Vepra v IX-XIII vv. [Material culture of the population of Entre Rios of the Western Bug and Vepr in the 9-13th centuries], in: Issledovanija po istorii slavjanskih i balkanskih narodov: Kievskaja Rus' i ejo slavjanskie sosedi [Researches on history of the Slavic and Balkan people: Kievan Rus' and its Slavic neighbors], Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 78-91 [in Russian].

Kuchinko 1993 - *Kuchinko M.M.* Istorichno-kul'turnij rozvitok Zahidnogo Pobuzhzhja v IX-XIV stolittjah [Historical and cultural development of Western Pobuzhya in IX-XIV centuries], Lutsk, 1993 [in Ukrainian].

Kuchinko 1994 - *Kuchinko M.M.* Narisi starodavn'oї i seredn'ovichnoї istoriї Volini [Sketches of ancient and medieval history of Volhynia], Lutsk, 1994 [in Ukrainian].

Kuchinko 1996 - *Kuchinko M.M.* Davn'orus'ke gorodishhe Val v Nadstir'ї [The Old Russian ancient settlement the Shaft in Transnistria], Lutsk, 1996 [in Ukrainian].

Kuchinko 2002 - *Kuchinko M.M.* Volins'ka zemlja X – seredini XIV st. [The Volynsk earth of X – the middle of XIV centuries], Lutsk, 2002 [in Ukrainian].

Kuchinko, Ohrimenko 1995 - *Kuchinko M.M., Ohrimenko G.V.* Arheologichni pam'jatki Volini [Archaeological monuments to Volhynia], Lutsk, 1995 [in Ukrainian].

Kuczyński 1958 - *Kuczyński S.M.* Stosunki polsko-ruskie do schyłku wieku XII [The Russian-Polish relations at the end of the 12th century], in: Slavia Orientalis. 2 [Slavic East. Release 2], 1958 [in Polish].

Kuczyński 1962 - *Kuczyński S.* Wschodnia granica państwa polskiego w X wieku przed rokiem 980 [Eastern frontier of the Polish state in the X century till 980], in: Początki państwa Polskiego. T.1 [], Poznań, 1962 [in Polish].

Kuharenko 1961 - *Kuharenko Ju.V.* Srednevekovye pamjatniki Poles'ja / Arheologija SSSR. Svod arheologicheskih istochnikov. Vypusk E1-57 [Medieval monuments Polesia / Archeology of the USSR. Arch of archaeological sources. Release of E1-57], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1961, 40 p. [in Russian].

Kunik, Rozen 1878 - *Kunik A.A., Rozen V.R.* Izvestija al-Bekri i drugih avtorov o rusi i slavjanah [News al-Bekri and other authors about Russia and Slavs], St. Petersburg, 1878 [in Russian].

Kuza 1996 - *Kuza A.V.* Drevnerusskie gorodishha X-XIII vv. Svod arheologicheskih pamjatnikov [Old Russian ancient settlements of the 10-13th centuries. Arch of archaeological monuments], Moscow, 1996, 256 p. [in Russian].

Labuda 1948 - *Labuda G.* Okres «wspólnoty» słowiańskej w świetle źródeł I tradycji historycznej [], in: Slavia Antiqua. I [The period of «unity» of Slavs in the light of sources and historical tradition], Poznań, 1948 [in Polish].

Labuda 1960 - *Labuda G.* Fragmenty dzieów Słowiańszczyzny zachodniej [Sketches of history of the western Slavyanshchina], Poznań, 1960 [in Polish].

Leciejewicz 1962 - *Leciejewicz L.* Początki nadmorskich miast na Pomorzu Zachodnim [The beginning of the cities in the Western Pomorze], Wrocław, 1962 [in Polish].

Lehr-Spławiński 1959 - *Lehr-Spławiński T.* Lędzice – Lędzanie – Lachowie [Lendichis-Lendzyans-Lyakhis], in: Opuscula Casimiro Tymieniecki septuagenario dedicate [The collection devoted to Kazimir Timennik], Poznań, 1959 [in Polish].

Lehr-Spławiński 1961 - *Lehr-Spławiński T.* Najstrsze nazwy plemion polskich w obych źródłach [Names of the Polish tribes in historical sources], in: Język Polski. T. 41 [Polish. Volume 41], Kraków, 1961 [in Polish].

Lelewel 1852 - *Lelewel L.* La gèographie du Moyen Âge. T. 3 [Geography of the Middle Ages. Volume 3], Bruxelles, 1852 [in French].

Levickij 1962 - *Levickij T.* Maloizvestnyj zapadnoslavjanskij narod po opisaniju al-Masudi [The little-known West Slavic people according to the description al-Masudi], in: Blizhnij i Srednij Vostok [Middle East], Moscow, 1962, pp. 29-33 [in Russian].

Lewicki 1940/1950 - *Lewicki T.* Swiat słowiański w oczach pisarzy arabskich [The Slavic world in the opinion of the Arab writers], in: Slavia Antiqua. T. 2 [Slavia Antiqua. Volume 2], Poznań, 1940/1950 [in Polish].

Lewicki 1948 - *Lewicki T.* Państvo wiślan-chorwatów w opisieal-Mas’udī’ego [The state of vislyan-Croatians in the description al-Masudi], in: Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności. T. 49 [Notes of the Polish Academy of Sciences. Volume 49], 1948 [in Polish].

Lewicki 1955 - *Lewicki T.* Obrzedy pogrzebowe poganskie Słowian [Funeral ceremonies of pagan Slavs. Volume 5], in: Archeologia. T. 5 [Archeology. Volume 5], 1955 [in Polish].

Lewicki 1956 - *Lewicki T.* Jeszcze o wieletach w opisie Słowiańszczyzny arabskiego pisarza X w. Al-Mas’udiego [News of Velets in the description of the Slavic world the Arab writer of the X century al-Masudi], in: Pamiętnik Słowiański: Czasopismo naukowe poświęcone słowianoznawstwu [Slavic collection: The scientific magazine devoted to Slavic studies], Kraków, 1956 [in Polish].

Longinov 1885 - *Longinov A.V.* Chervenskie goroda [Chervensky cities], Warsaw, 1885 [in Russian].

Łowmiański 1953 - *Łowmiański H.* Lędzanie [Lendzyans], in: Slavia Antiqua. T. 4 [Slavia Antiqua. Volume 4], Poznań, 1953 [in Polish].

Łowmiański 1962 - *Łowmiański H.* Poszątki Polski. T. I [Beginnings of Poland. Volume I], Warszawa, 1962 [in Polish].

Łowmiański 1964 - *Łowmiański H.* Poszątki Polski. T. II [Beginnings of Poland. Volume II], Warszawa, 1964 [in Polish].

Majorov 2001 - *Majorov A.V.* Galicko-Volynskaja Rus': Ocherki social'no-politicheskih otnoshenij v domongol'skij period. Knjaz', bojare i gorodskaja obshhina [Galitsko-Volynsky Russia: Sketches of the socio-political relations during the domongolsky period. Prince, boyars and city community], St. Petersburg, Universitetskaja kniga Publ., 2001, 640 p. [in Russian].

Majorov 2006 - *Majorov A.V.* Konstantin Bagrjanorodnyj o proishozhdenii i rannej istorii horvatov: Velikaja Horvatija i belye horvaty [Constantine VII Porphyrogennetos about an origin and early history of Croats: Great Croatia and white Croats], in: Rossica antiqua: Issledovanija i materialy [Rossica antiqua: Researches and materials], St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2006, pp. 40-73 [in Russian].

Majorov 2006a - *Majorov A.V.* Velikaja Horvatija: Jetnogenez i rannjaja istorija slavjan Prikarpatskogo regiona [Great Croatia: Ethnogenesis and early history of Slavs of the Carpathian region], St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2006, 209 p. [in Russian].

Majorov 2011 - *Majorov A.V.* Rus', Vizantija i Zapadnaja Evropa. Iz istorii vneshnepoliticheskih i kul'turnyh svjazej XI-XIII vv. [Russia, Byzantium and Western Europe. From history of foreign policy and cultural ties of the 11-13th centuries], St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2011, 800 p. [in Russian].

Marquart 1903 - *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge [East European and East Asian researches], Leipzig, 1903 [in German].

Mavrodin 1945 - *Mavrodin V.V.* Obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva [Formation of the Old Russian state], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1945, 429 p. [in Russian].

Mihajlina 2007 - *Mihajlina L.P.* Slov'jani VIII-X st. mizh Dniprom i Karpatami [Slavs of the 8-10th centuries between Dnieper and the Carpathians], Kiev, Institut arheologiї NANU Publ., 2007, 300 p. [in Ukrainian].

Miquel 1975 - *Miquel A.* La Gèographie humaine du monde musulman jusq'ua milieu du XI-e siècle [Geography in the Muslim world before the beginning of the 11th century], Paris, La Haye, 1975 [in French].

Mishin 2002 - *Mishin D.E.* Sakaliba (slavjane) v islamskom mire v rannee srednevekov'e [Sakaliba (Slavs) in the Islamic world in the early Middle Ages], Moscow, Kraft + Publ., 2002, 368 p. [in Russian].

Nazarenko 1993 - *Nazarenko A.V.* Nemeckie latinojazychnye istochniki IX-XI vv. Teksty, perevod, kommentarij [German latinoyazychny sources of the 9-11th centuries. Texts, translation, comment], Moscow, Nauka Publ., 1993, 240 p. [in Russian].

Nazarenko 2001 - *Nazarenko A.V.* Drevnjaja Rus' na mezhdunarodnyh putjah: Mezhdisciplinarnye ocherki kul'turnyh, torgovyh, politicheskih svjazej IX-XII vv. [Ancient Russia on the international ways: Interdisciplinary sketches of cultural, commercial, political connections of the 9-12th centuries], Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2001, 784 p. [in Russian].

Niderle 2001 - *Niderle L.* Slavjanskie drevnosti / Perevod s cheshskogo T. Kovalevoj, M. Hazanova, red. A.L. Mongajta. 2-e izdanie [Slavic antiquities / Translation from T. Kovalyova's Czech, M. Hazanov, A.L. Mongayt edition. 2nd edition], Moscow, Aletejja Publ., 2001, 592 p. [in Russian].

Niederle 1924 - *Niederle L.* Slovanske starozitnosti. T. IV [Slavic antiquities. Volume IV], Praha, 1924 [in Czech].

Novosel'cev 1991 - *Novosel'cev A.P.* Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva i pervyj ego pravitel' [Formation of the Old Russian state and its first governor], in: Voprosy istorii [History questions], 1991, № 2-3 [in Russian].

Nowakowski 1972 - *Nowakowski A.* Górne Pobuże w wiekach VIII-XI. Zagadnienia kultury [Top Pobuzhye in the 8-11th centuries. Cultural development], Łódź, 1972 [in Polish].

Olczak, Siuchninski 1966-1968 - *Olczak J., Siuchninski K.* Źródła archeologiczne do studiów nad wczesnosredniowiecznym osadnictwem grodowym na terenie województwa koszalińskiego. T. 1-2 [Archaeological sources on stories of early medieval settlements in the territory of the Koshalinsky voivodeship], Poznań, 1966-1968 [in Polish].

Parczewski 1991 - *Parczewski M.* Początki kształtowania się polsko-ruskiej rubieży etnicznej w Karpatach. U źródeł rozpadu Słowiańszczyzny na odłam wschodni i zachodni [Sources of formation of Polish-Russian border in the Carpathians. At sources of division of Slavs on east and western], Kraków, 1991 [in Polish].

Parczewski 1996 - *Parczewski M.* Poczatki sąsiedztwa polsko-rusko-słowackiego w świetle danych archeologicznych [The beginning of formation of the Russian-Polish-Slovak border in the light of archaeological data], in: Początki sąsiedztwa. Pogranicze etniczne polsko-rusko-słowackie w średniowieczu, pod red. M. Parczewskiego i S. Czopka [Beginning of the neighbourhood. The Polish Russian-Slovak border zone in the Middle Ages / under M. Parchevsky and S. Chopk's edition], Rzeszów, 1996 [in Polish].

Petruhin 1997 - *Petruhin V.Ja.* Slavjane [Slavs], Moscow, Rosmjen Publ., 1997, 112 p. [in Russian].

Petruhin, Raevskij 2004 - *Petruhin V.Ja., Raevskij D.S.* Ocherki istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekov'e [Sketches of history of the people of Russia in the ancient time and early Middle Ages], Moscow, Znak Publ., 2004, 416 p. [in Russian].

Poppe 1964 - *Poppe A.* Grody Czerwieńskie [Chervensky cities], in: Słownikstarożiytności słowiańskich. T. 2 [Dictionary of Slavic antiquities. Volume 2], Wrocław etc., 1964 [in Polish].

Presnjakov 1993 - *Presnjakov A.E.* Knjazhoe pravo v Drevnej Rusi. Lekcii po russkoj istorii. Kievskaja Rus' [The Knyazhy right in Ancient Russia. Lectures on the Russian history. Kievan Rus'], Moscow, Nauka Publ., 1993, 635 p. [in Russian].

PSRL. I - Polnoe sobranie russkih letopisej, T. I, Lavrent'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. T. I. Lavrentyevsky chronicle], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 1997, 496 p. [in Russian].

PSRL. II - Polnoe sobranie russkih letopisej, T. II, Ipat'evskaja letopis' [Complete collection of the Russian chronicles. T. II. Ipatyevsky chronicle], Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 1998, 648 p. [in Russian].

Rozenkranz 1962 - *Rozenkranz E.* Początki i ustrój miast Pomorza Gdańskiego do schyłku XIV stulecia [Origin and structure of the cities of Gdansk Pomorze until the end of the 14th centur y], Gdańsk, 1962 [in Polish].

Rusanova 1973 - *Rusanova I.P.* Slavjanskie drevnosti VI-IX vv. mezhdu Dneprom i Zapadnym Bugom [Slavic antiquities of the 6-9th centuries between Dnieper and the Western Bug], Moscow, Nauka Publ., 1973, 102 p. [in Russian].

Rusanova, Timoshhuk 2007 - *Rusanova I.P., Timoshhuk B.A.* Jazycheskie svjatilishha drevnih slavjan [Pagan sanctuaries of ancient Slavs], Moscow, Ladoga-100 Publ., 2007, 304 p. [in Russian].

Rybakov 1963 - *Rybakov B.A.* Drevnjaja Rus'. Skazanija, byliny, letopisi [Ancient Russia. Legends, bylinas, chronicles], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1963, 362 p. [in Russian].

Rybakov 1982 - *Rybakov B.A.* Kievskaja Rus' i russkie knjazhestva XII-XIII vv. [Kievan Rus' and Russian principalities of the XII-XIII centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 598 p. [in Russian].

Schuldt 1963 - *Schuldt E.* Die Ausgrabungen im Gebiet der «2 Alten Burg» vom Sukov, Kreis Teterow [Excavation in the field of «2 old lock» in Sukhov and in Teterov's district], in: Bodendenkmalpflege in Mecklenburg: Jahrbuch 1963 [Protection of historical monuments in Mecklenburg: Year-book 1963], Meklenburg, 1963 [in German].

Sedov 1979 - *Sedov V.V.* Proishozhdenie i rannjaja istorija slavjan [Origin and early history of Slavs], Moscow, Nauka Publ., 1979, 158 p. [in Russian].

Sedov 1982 - *Sedov V.V.* Vostochnye slavjane v VI-XIII vv. [East Slavs in the VI-XIII centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 328 p. [in Russian].

Sedov 1999 - *Sedov V.V.* Drevnerusskaja narodnost' [Old Russian nationality], Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1999, 312 p. [in Russian].

Sedov 2002 - *Sedov V.V.* Slavjane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs. Historical and archaeological research], Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2002, 622 p. [in Russian].

Shahmatov 1919 - *Shahmatov A.A.* Drevnejshie sud'by russkogo plemeni [Chronicles the Fredegara / Translation with Latin, comments, introductory article of G.A. Schmidt], Petrograd, 1919, 64 p. [in Russian].

Shishiћ 1928 - *Shishiћ F.* Letopis popa Dukљjanina [Chronicle of the priest Duklyanin]. Belgrade, 1928 [in Serbian].

Skrzypek 1962 - *Skrzypek J.* Studia nad pierwotnym pograniczem polsko-ruskim w rejonie Wołynia i Grodów Czerwieńskich [Researches of primary Russian-Polish border zone in the region of Volhynia and the Chervensky cities], Warszawa, 1962 [in Polish].

Sverdlov 2003 - *Sverdlov M.B.* Domongol'skaja Rus': Knjaz' i knjazheskaja vlast' na Rusi VI – pervoj treti XIII v. [Domongolsky Russia: The prince and the princely power in Russia VI – the first third of the XIII century], St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2003, 736 p. [in Russian].

Svod II - Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavjanah. T. II (VII-IX vv.) [Arch of the most ancient written news of Slavs. Volume II (the VII-IX centuries)], Moscow, Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN Publ., 1995, 591 p. [in Russian].

Szczecin i Wolin 1954 - Szczecin i Wolin we wczesnym średniowieczu [Szczecin and Volin in the early Middle Ages], Wrocław, 1954 [in Polish].

Szymański 1966 - *Szymański W.* Posąg ze Zbrucza i jego otoczenie. Lata badań, lata wątpliwości [Statue from Zbrucha. Years of researches, years of doubts], in: Przegląd Archeologiczny. T. 44 [Archaeological review. Volume 44], Warszawa, 1996 [in Polish].

Timoshhuk 1990 - *Timoshhuk B.A.* Social'naja sushhnost' gorodishha Zimno [Social essence of the ancient settlement of Zimno], in: Ranneslavjanskij mir: materialy i issledovanija. Vypusk 1 [Early Slavic world: materials and researches. Release 1], Moscow, 1990, pp. 151-157 [in Russian].

Titmar 2009 - *Titmar Merzeburgskij.* Hronika. V vos'mi knigah. Vtoroe izdanie, ispravlennoe / Perevod s latinskogo I.V. D'jakonova [Chronicle. In eight books. The second edition corrected / the Translation with Latin by I.V. Dyakonov], Moscow, Russkaja panorama Publ., 2009, 256 p. [in Russian].

Tret'jakov 1953 - *Tret'jakov P.N.* Vostochnoslavjanskie plemena [East Slavic tribes], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1953, 312 p. [in Russian].

Trubachev 1974 - *Trubachev O.N.* Rannie slavjanskie jetnonimy – svideteli migracii slavjan [Early Slavic ethnonyms – witnesses of migration of Slavs], in: Voprosy jazykoznanija [Linguistics questions], 1974, № 6, pp. 48-67 [in Russian].

Vestberg 1903 - *Vestberg F.* Kommentarij na zapisku Ibragima Ibn-Jakuba o slavjanah [The comment on Ibrahim Ibn-Yaqub's note on Slavs], St. Petersburg, 1903, 156 p. [in Russian].

Vestberg 1908 - *Vestberg F.* K analizu vostochnyh istochnikov o Vostochnoj Evrope [To the analysis of east sources about Eastern Europe], in: Zhurnal ministerstva narodnogo pros veshhenija. Novaja serija [Magazine of the ministry of national education. New series], 1908, Chast' XIII, Fevral', pp. 364-412 [in Russian].

Vojtovich 2001 - *Vojtovich L.V.* Cherv'jani u pracjah I. Krip'jakevicha (Do pitannja pro pochatok derzhavnosti) [To Chervyans in I. Kripyakevich's works (To research of the beginning of statehood)], in: Ukraïna: kul'turna spadshhina, nacional'na svidomist', derzhavnist'. T.8. Ivan Krip'jakevich u rodinnij tradicії, nauci, suspil'stvi [Ukraine: culture, national independence, statehood. Volume 8. Ivan Kripyakevich in national tradition, science, consciousness], Lviv, 2001 [in Ukrainian].

Vojtovich 2006 - *Vojtovich L.V.* Vostochnoe Prikarpat'e vo vtoroj polovine I tys. n.je. Nachal'nye jetapy formirovanija gosudarstvennosti [East Prikarpatye in the second half I one thousand AD. Initial stages of formation of statehood], in: Rossica antiqua: Issledovanija i materialy [Rossica antiqua: Researches and materials], 2006, St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2006, pp. 6-39 [in Russian].

Westberg 1898 - *Westberg F.* Ibrāhīm Ibn Ja'kūb's Reisebericht über die Slawenländer aus dem Jahre 965 [Ibrahim Ibn-Yaqub's story about travel to lands of Slavs in 965], St. Petersburg, 1898 [in German].

Widajewicz 1946 - *Widajewicz J.* Studia nad relacja o Słowianach Ibrahima ibn Jakuba [Research of the message of Ibrahim Ibn-Yaqub on Slavs], Kraków, 1946 [in Polish].

Widajewicz 1951 - *Widajewicz J.* Masudi o Wieletach [al-Masudi about Velets], in: Pamiętnik Słowiański. T. 2 [Slavic collection. Volume 2], Kraków; Wrosław, 1951 [in Polish].

Wojciechowski 1939 - *Wojciechowski Z.* Polska nad Wisłą i Odrą w X wieku [Poland on Vistula and Oder in the X century], Katowice, 1939 [in Polish].

Zhih 2008 - *Zhih M.I.* O predystorii Volynskoj zemli (VI – nachalo X veka) [About background of the Volynsk earth (VI – the beginning of the X century)], in: Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal «Rusin» [International historical magazine «Rusin»], 2008, № 3-4 (13-14), pp. 35-57 [in Russian].

Zhih 2015 - *Zhih M.I.* Avary i duleby v Povesti vremennyh let: slavjanskij jepos ili knizhnaja konstrukcija? [The Dulebes and Avars in the Tale of bygone years: the story from a slavic epic or book construct?], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 3, pp. 52-71 [in Russian].

Zhih 2015a - *Zhih M.I.* Hristianizacija Volynskoj zemli v kontekste ejo social'no-politicheskogo razvitija [Hristianization of the Volynsk earth in the context of its socio-political development], in: Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal «Rusin» [International historical magazine «Rusin»], 2015, pp. 5-10 [in Russian].

Zhih 2016 - *Zhih M.I.* Drevnie slavjane na Volyni (I tys. n.je.). Chast' pervaja [Ancient Slavs on Volhynia (I thousand AD). Part one], in: Istoricheskij format [Historical format], 2016, № 1, pp. 110-143 [in Russian].

Zhuravljov 1996 - *Zhuravljov A.F.* Material'naja kul'tura drevnih slavjan po dannym praslavjanskoj leksiki [Material culture of ancient Slavs according to praslavyansky lexicon], in: Ocherki istorii kul'tury slavjan [Sketches of cultural history of Slavs], Moscow, Indrik Publ., 1996, pp. 116-144 [in Russian].

Жих Максим Иванович – Научный сотрудник Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
Maksim Zhikh – Research associate of Institute of History of
St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
E-mail: max-mors@mail.ru

УДК 929.659

СТРАДАНИЯ ГАМБУРГСКИХ МУЧЕНИКОВ. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕГЕНДЫ

Пауль А.
Российско-немецкий исторический семинар (Любек, Германия)
e-mail: andrej.paul@gmx.de
Scopus Author ID: 56330641300
ResearcherID: P-2023-2015
http://orcid.org/0000-0001-8198-1450
SPIN-код: 7859-7721

Авторское резюме

В статье публикуются тексты письменных источников, содержащих пересказ легенды о гамбургских мучениках, захороненных в Эбсторфе, а также разбирается основная историография изучения вопроса. В свете рассмотренных источников указывается несколько уточнений к датировке опубликованных в 4 номере журнала «Исторический формат» за 2015 год текстов.

Ключевые слова: источники, Гамбург, Эбсторф, ободриты, саксы.

SUFFERING OF THE HOLY MARTYRS. SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF THE LEGEND

Andreas Paul
The Russian-German Historical Seminar (Lübeck, Germany)
e-mail: andrej.paul@gmx.de

Abstract

The article provides texts of manuscripts narrating the legend of the Hamburg martyrs buried in Ebstorf and reviews the principal historiography of its study. In light of the sources considered, several refinements to the dating of the texts published in volume 4 of the journal «Historical Format» (2015) are suggested.

Keywords: manuscripts, Hamburg, Ebstorf, Obodrites, Saxons.

* * *

I. *Легенда о Гамбургских мучениках* в Падеборнской и Вольфенбюттельской рукописях

В 4 номере «Исторического формата» за 2015 год нами были приведены тексты двух источников с пересказом одной из популярных в поздние Средние века на севере Германии легенд о христианских мучениках, уведённых в плен и убитых славянами в Гамбурге и захороненных позже в Эбсторфе. Сюжет этих обоих вариантов повествует о событиях IX века. С незначительными расхождениями, обе рукописи передают историю приблизительно следующим образом (для удобства

последующего анализа мы разбиваем его на части, восходящие к разным источникам):

A: Восхваление мучеников, захороненных в Эбсторфе.

B: После покорения и христианизации славян к северу от Эльбы Карлом Великим, при Людвиге Благочестивом или Людвиге Немецком, славяне, бывшие до этого подданными немецких государей, возвратились к язычеству.

C: Отпавшие славяне восстановили почитание своих идолов Свентебука, Виттелюбе и Радегаста и начали жестокие гонения на христиан, живших в прилегающих к Эльбе областях. В Гамбурге в это время правил славянский князь Барух. Славянские города к северу от Эльбы, среди которых, кроме Гамбурга, были Лауэнбург, Ратцебург, Старгард и Щецин, объединились в военный союз, чтобы совместно противостоять врагам и обязались оказывать друг другу помощь. Жена Баруха, Херина, была язычницей и богохульно усомнилась в возможности непорочного зачатия Св. Марии. В наказание за это она родила урода и сама умерла при родах. Ослепленный горем Барух приписал эти события козням подчинённых ему христиан и начал жестоко преследовать их, разрушая церкви, разграбляя имущество и убивая самих последователей христианской веры.

D: Среди убитых христиан было 60 епископов, на головах которых были вырезаны кресты. Тела этих мучеников были захоронены в Гамбурге.

E: Немногие из оставшихся в живых и не потерявших веры христиан бежали к папе римскому Бенедикту и попросили его о помощи. Последний обратился к императору Людвигу с просьбой пойти на совершивших такие злодеяния славян войной. Император предоставил папе римскому войско, которое Бенедикт возглавил лично. Придя к Эльбе, он остановился там на 2 недели для сборов, после чего пошёл на Гамбург.

F: В походе его сопровождали 7 епископов, 7 герцогов, 15 графов и бесчисленное войско.

G: Осознавая военное превосходство христиан, славяне решили послать к Бенедикту послов с просьбой о мире, заявляя о своём раскаянии и соглашаясь снова принять христианство. Папа римский принял это предложение и крестил их, после чего искоренил язычество в Гамбурге и окружающих селениях и снова отстроил церкви.

H: В это время славяне, раскаяние которых было лишь уловкой, тайно послали гонцов к своим союзникам в Старгард и Стеттин, попросив их явиться к празднику освобождения Петра в Гамбург и напасть на христиан, пока те, отмечая праздник, были бы безоружны. В это время папе римскому явился ангел и предсказал ему и его людям скорую гибель. В день праздника язычники явились в Гамбург, напали на христиан во время богослужения и убили Бенедикта вместе со всей его общиной.

I: Та же судьба постигла и всех других христиан по эту сторону Эльбы. В живых остались лишь немногие, которых язычники пленили и забрали с собой в качестве доказательства своей победы в Старгард. Число убитых достигло почти 6000. Головы знатных христиан были выставленные на стенах Старгарда, а церкви разрушены.

Другую часть христиан язычники заточили в темницу и стали морить голодом, но, несмотря на это, христианам удалось выжить потому, что они получали помощь от ангелов. После этого язычники увидели над Старгардом божественные знамения, суть которых они не смогли понять и вывели христиан из темницы, чтобы те помогли им истолковать их. Объяснение знамений как христианского чуда, посланного для принятия язычниками христианства, однако, не было воспринято славянами. Приписав христианской магии чудесные знамения и сохранение пленниками жизни, несмотря на голод, они снова заточили их в темницу. Тогда христианский бог послал на язычников 10 казней египетских. Правитель Старгардской страны воспринял обрушившиеся на язычников бедствия, как следствие нахождения в своих землях христиан в нарушение древних обычаев и решил умертвить заточённых в темнице пленников. Тогда Господь послал ангела, открывшего ночью двери темницы и наказавшего христианам забрать с собой выставленные на стенах старгардской крепости головы мучеников.

J: Спасшиеся христиане пришли в Гамбург. Увидевшие это чудесное освобождение христиан, жившие в Гамбурге язычники обратились в христианство. По прошествии некоторого времени христиане, оставшиеся с мощами мучеников в Гамбурге, выкопали третью часть мощей, чтобы забрать их с собой в Рим и другие области, из которых они происходили. Когда они пришли в Эбсторф, повозки с мощами стало невозможно сдвинуть с места. Движение стопорили капли крови, начавшие непрерывно бить из земли по колёсам. Потому мощи мучеников там и захоронили и окружили должным почтением.

K: С этого времени как в самом Эбсторфе, так и окружающих его селениях, местные верующие часто становились свидетелями чудес, творимых мощами этих святых мучеников (многочисленные описания чудес).

II. Структура и проблемы датировок рукописей

В след за первым публикатором этих латинских текстов Х. Хартхаузеном мы сохранили предложенное им разграничение на части в 4 номере «Исторического формата». При параллельной подаче становится особенно наглядно, что Вольфенбюттельская рукопись сохранилась хуже Падеборнской. Вступительная часть, в нашей публикации помеченная цифрой I, в обоих одинакова, и представляет собой краткое восхваление убитых у реки Эльбы и захороненных в местечке Эббекессторп[1] мученикам.

Далее, в части II, приводится собственно легенда о мучениках. С этого момента в текстах рукописей начинаются расхождения. В Вольфенбюттельской, к тому же, в этой части некоторые моменты не сохранились. На этом повествование Вольфенбюттельской рукописи заканчивается или, вернее сказать - обрывается, в Падеборнской же далее следуют ещё части III и IV.

[1] В настоящее время – Эбстроф (Ebstorf) на севере федеративной земли Нижняя Саксония в Германии.

Несмотря на вполне логичное завершение легенды во II части и окончания рассказа словом «аминь», III часть Падеборнскойской рукописи неожиданно начинается с повторного, но намного более короткого пересказа легенды.

IV часть содержит рассказ о чудесах, произведённых мощами гамбургских мучеников в Эбсторфе уже в более позднее время и лишь одним коротким предложением упоминает легенду. Хартхаузен предполагал, что IV часть возникла позднее III и уже собственно в Эбсторфском монастыре. В IV части содержится сообщение о том, мученичество папы Бенедикта произошло 1 августа в Гамбурге во время правления Людвига, сына Карла. Такое повторное разъяснение действительно теряло бы смысл, если бы III и IV части представляли бы из себя единый текст изначально. По предположению Хартхаузена, эбсторфская монахиня могла дополнить собственный текст с описаниями чудес, производимых мощами святых (часть IV) уже существовавшим в то время в письменном виде и доступным ей источником с текстом легенды о мучениках (часть III). Таким образом, части III и IV могли представлять из себя независимое от I и II частей литературное произведение, возникшее как компиляция двух текстов разных авторов.

При этом источником для III части не мог быть тот же текст, что содержится в II части Падеборнской и Вольфенбюттельской рукописей. В виду сильного различия деталей II и III частей сложно также предположить и что обе они непосредственно восходят к одному общему тексту-прототипу. Наиболее вероятным выглядело бы, что к моменту написания IV части эбсторфской монахиней уже существовало несколько источников с разными вариантами изложения легенды, так что создание первого прототипа должно было прийтись на более раннее время.

Для I и II частей Хартхаузен предполагал, что они составляли единый текст изначально, однако, без особенной аргументации этого положения, которую можно было бы рассмотреть и проанализировать (Harthausen 1966: 73). Сама Падеборнская рукопись при этом являлась бы компиляцией уже из двух литературных произведений (I+II, III+IV) в общей сложности написанных не менее чем тремя разными авторами (I+II, III, IV).

На наш взгляд, не менее вероятно, что и в случае I и II частей речь также изначально шла о компиляции из двух разных источников. Только в этом случае автор использовал доступный ему в письменном виде текст легенды не в качестве вступления к собственному рассказу, а, наоборот, просто дополнил его своим предисловием. Это вступление, представляющее из себя восхваление мучеников (часть I, сюжет А), очевидно, восходит к эбсторфской молитвенной традиции, так как из всех других известных источников, этот сюжет встречается, кроме Падеборнской и Вольфенбюттельской рукописей, только в эбсторфских религиозных текстах и молитвах. Впрочем, связать его с монастырём можно уже и просто на основании содержания, так как речь идёт о культе не общехристианских мучеников, а мучеников во многом придуманных и в подобном виде характерном лишь для Эбсторфа.

В таком случае, основой как для Вольфенбюттельской, так и обеих компиляций Падеборнской рукописи (I+II и III+IV) должен был послужить уже существовавший в нескольких вариантах источник с описанием одной только

легенды о мучениках, но ещё без детальных описаний чудес или ритуальных религиозных восхвалений. В пользу этого говорит как уже само то обстоятельство, что с II части тексты Падеборнской и Вольфенбюттельской рукописей начинают разниться, так и известность легенды в большинстве вариантов без этого вступления. Падеборнская и Вольфенбюттельская рукописи являются самыми подробными записями легенды о гамбургских мучениках, однако известно и много других, значительно укороченных её пересказов, некоторые из которых будут приведены ниже.

В большинстве известных вариантов легенда начинается не с восхваления мученикам (сюжета A), а со слов «во времена императора Людвига I (Карла/Людвига II)…» (сюжета B). Как будет показано в статье, посвящённой отдельным сюжетам легенды, этот достаточно специфичный приём был характерен для церковных кругов Саксонии середины XII века[1].

Потому, более вероятно, на наш взгляд, исходить из того, что самая ранняя запись легенды включала в себя лишь текст, примерно соответствующий сюжету II и III частей Падеборнской и II части Вольфенбюттельской рукописи (сюжеты B-J). I же часть Падеборнской и Вольфенбюттельской (сюжет A), как и IV часть Падеборнской рукописи (сюжет K) являлись независимыми от неё текстами, происхождение которых можно связать с развитием культа мучеников, происходившем в Эбсторфском монастыре.

В случае Вольфенбюттельской рукописи сложно достоверно датировать время создания этой компиляции, так как однозначных указаний в тексте не содержится. Идентичность I её части I части Падеборнской рукописи может указывать как на то, что к моменту записи в Эбсторфе уже существовал, помимо нескольких вариантов собственно легенды, и некий канонический текст восхваления мучеников, так и на то, что обе они просто восходят к одному прототипу. К примеру, возможно, некоторые части этого прототипа по какой-то причине оказались испорчены и утрачены, так, что авторам Падеборнской и Вольфенбюттельской рукописи приходилось в некоторых местах дополнять описание собственными словами.

В случае Падеборнской рукописи указание на датирокву мы находим в тексте IV её части, где упоминается 1243 год. На сегодняшний день до сих пор наиболее убедительной остаётся приведённая Хейкеном аргументация датировки этой части серединой XIII века (Heyken 1975). В таком случае, следует принять, что к этому времени в Эбсторфе культ гамбургских мучеников должен был быть уже значительно развит, а возникновение самой легенды - восходить к ещё более раннему периоду.

Ранние записи легенды, использованные эбсторфскими церковниками для компиляций с собственными вступлениями и послесловиями, по всей видимости, уже не сохранились до наших дней. Обращает на себя внимание и то, что именно эта

[1] Ближайшие аналоги обнаруживаются в грамотах об основании Гамбургского и Верденского епископств, также о даровании Рюгена Корвейскому монастырю и др. В основном это поддельные документы, с помощью которых в Средние века саксонское духовенство пыталось обосновывать свои притязания на те или иные территории, т.е. бывшие именно «творчеством» саксонских монахов того времени, а не дословной передачей юридических канонов.

«изначальная» часть легенды наиболее различается в деталях в рассматриваемых источниках. На этом фоне возникает большой соблазн связать возможную утрату «первоисточника» с ранней историей Эбсторфского монастыря, впервые основанного в середине XII века, разрушенного пожаром уже в его конце и заново основанного между 1202 и 1220 гг. (Hucker 2008: 29-34). До сих пор библиотека эбсторфского монастыря, насчитывающая 51 кодекс, является крупнейшим собранием средневековых текстов в регионе, не переносившихся отсюда в другие места с момента их написания (Härtel 1997: 109). Особенно привлекают внимание 2 сохранившихся в ней фрагмента рукописей конца XII века, возможно, как полагал Хукер, восходящих как раз ещё к первой фазе существования монастыря (Hucker 2008: 32).

Если первый письменный текст легенды был записан в Эбсторфском монастыре уже во второй половине XII века, но пострадал или был уничтожен пожаром, то после нового основания монастыря вполне логичным выглядело бы стремление монахинь восстановить утерянные тексты. В результате, на основании или не очень хорошо сохранившейся рукописи XII века или даже просто устной передачи легенды могла начаться активная литературная деятельность и породившая сразу такое обилие схожих, но различающихся в деталях текстов. Такая схема могла бы совместить как датировку Хейкена IV части Падеборнской рукописи серединой XIII века, так и аргументацию Хартхаузена того, что IV части должна была предшествовать уже существовавшая в письменном виде III часть.

III. История изучения легенды о гамбургских мучеников и построения Хартхаузена

Научное изучение легенды берёт своё начало уже в XVI веке. Альберт Кранц, один из первых немецких историков, посвятил её критике достаточно много места в своём труде Metropolis (Krantz 1576: I 31, II 3-7). Именно он первым обратил внимание на неверное помещение сюда исторической фигуры папы Бенедикта, а также на расхождение с ранними сообщениями источников о нападении норманнов на Саксонию в 880 году. Таким образом, вся легенда представлялась ему не имеющей исторической ценности басней или, по его выражению, «байкой старых женщин». Свой скепсис к легенде о мучениках он аргументировал нестыковками в хронологии и описании деталей: к примеру, тем, что папа Бенедикт жил в X веке, а не во времена Людвига Благочестивого и умер в Гамбурге при других обстоятельствах, в чём действительно был прав. Позднее Хартхаузену удалось прекрасно показать связь этого представления с возникшей по каким-то причинам в Гамбургском соборе при составлении эпитафии путаницей (Harthausen 1966: 92-97). Так и на другие замечания Кранцца вроде: «как попал из ливийской пустыни идол Хамона в северный Гамбург?» впоследствии удалось найти вполне вразумительный ответ. Как то показал Гатц (Gatz 1974: 54), речь шла, безусловно, о литературном приёме, библейской метафоре, которую неверно воспринимать буквально.

В исторических построениях легенду начали привлекать историки во второй половине XIX – начале XX вв. Так или иначе тему затрагивали Ведекинд, Виггер,

Дюмлер, Коппманн, Хайнеманн и др[1]. Во второй половине XIX века для реконструкции истории балтийских славян её использовал А. Ф. Гильфердинг (Гильфердинг 2013: 383-384). Значительное влияние на изучение проблемы оказали опубликованные Борхлингом в начале XX века работы, включая публикацию новых источников по легенде (Borchling 1905), ему же принадлежит и наиболее детальная статья по исследованию легенды этого времени (Borchling 1907).

Находка и публикация текстов обоих рукописей Хартхаузеном в 1966 году (Harthausen 1966) стимулировала новую волну интереса специалистов к вопросу в 1970-х. В 1971 г. вышли две статьи польского историка Й. Стржельчика, посвящённые разбору источников легенды (Strzelzcyk 1971b) и роли славянской истории Саксонии в её возникновении (Strzelzcyk 1971a). В 1974 г. увидел свет и первый немецкий перевод Падеборнской и Вольфенбюттельской рукописей Б. Гатца, снабжённый вступительной статьёй с исследованием латинского языка текста и религиозных мотивов в сюжетах легенды (Gatz 1974). В 1978 связанные с легендой вопросы кратко рассматривались в посвящённой славянской истории северных областей Нижней Саксонии монографии Остена (Osten 1978). Впоследствии интерес к собственно легенде снова угас, уступив место изучению ранней истории Эбсторфского монастыря и сохранившихся в нём древностей.

Любопытно, но довольно отчётливо заметны как разные подходы к изучению легенды, так и оценки её исторической значимости историков разных стран. В то время, как у русских и польских исследователей в легенде интерес более привлекали данные, связанные со славянами (Гильфердинг 2013; Strzelzcyk 1971b, Strzelzcyk1997), немецкими историками она рассматривалась преимущественно в связи с нападением норманнов на Саксонию в 880 году (Borchling 1907; Harthausen 1966, Hucker 1997). Причём, если немецкие исследователи традиционно отказывали во всякой достоверности сообщениям целого ряда источников о нападении славян на Гамбург в 845 и Саксонию в 880 или их в этом участии, то Гильфердинг и Стржельчик объясняли противоречивые данные[2] не ошибками конкретных хронистов, а возможностью совместных нападений славян и данов или, по крайней мере, допускали такую вероятность.

Опубликованная Х. Хартхаузеном в 1966 году монография вывела исследование легенды на совершенно новый уровень. Даже с учётом многочисленных возможных поправок, ещё и сейчас она остаётся наиболее подробной и важной работой по этому вопросу. Кроме того, его идеи значительно повлияли на всё дальнейшее его изучение. Главной темой его работы стало исследование норманнского нападения на Саксонию 880 года, в результате которого саксонское войско понесло сокрушительное поражение и погибло сразу несколько видных деятелей саксонской знати. Позаимствовав у Борхлинга идею о том, что именно это историческое событие послужило основой легенды о гамбургских мучениках (Borchling 1907), Хартхаузен значительно развил её собственными аргументами. Однако, помимо блестящей работы с историческими источниками,

[1] Наиболее подробно ранняя историография перечисляется в статье Стржельчика (Strzelczyk 1997: 9-10).

[2] В разных источниках об одних и тех же событиях, начиная уже с X-XI вв., нападавшие назывались то норманнами, то славянами, то просто язычниками.

ему пришлось принять и несколько сложных и не подтверждаемых схем. В след за Борхлингом и Лёффлером он полагал, что наиболее ранними из датированных источников с пересказами «эбсторфской традиции» легенды являются старшая и младшая части Каталога Минденских епископов (Harthausen 1966: 66).

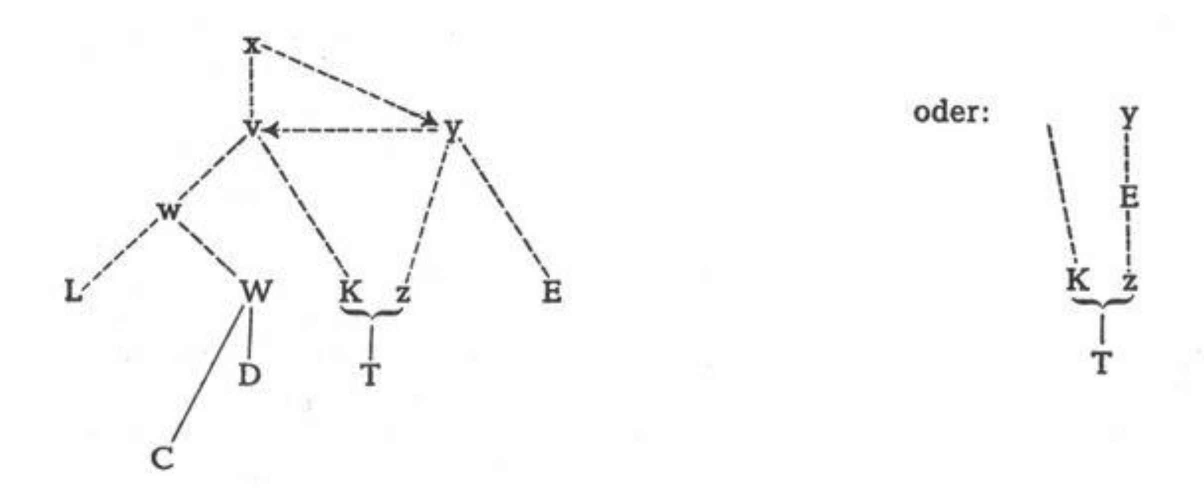

Рис. 1. Две возможные схемы зависимостей
Вольфенбюттельской и Падеборнской рукописей (по Harthausen, 1966).
E – описания нахождения мощей и творимых или чудес в Падеборнской рукописи
L – длинная версия Гамбургской легенды в Падеборнской рукописи
K – короткая версия Гамбургской легенды в Падеборнской рукописи
W - длинная версия Гамбургской легенды в Вольфенбюттельской рукописи
D – нижненемецкий перевод длинной версии Вольфенбюттельской рукописи
C – копенгагенская рукопись легенды в сокращённом виде
T – описания нахождения мощей и творимых или чудес у Триббе
v, w, x – не сохранившиеся рукописи Гамбургской легенды
y, z - не сохранившиеся описания нахождения и чудес, творимых мощами
Надёжно установленная зависимость: сплошная линия
Предполагаемая зависимость: пунктир

Таким образом, получалось, что первое упоминание захороненных в Эбсторфе мучеников содержалось у Германна фон Лербека в 1380 г., а второе – у Генриха Триббе в 1450. При этом Лербек не называл ни связанных с Гамбургом подробностей, ни этнической принадлежности язычников, а Триббе, сообщая более чем на полвека позже, что познакомился с этой историей в Гамбургском соборе, говорил уже о славянах. В то же время, в труде предшественника Лербека, минденского хрониста Херфорда (ок. 1355 г.), описания легенды о мучениках не содержалось. Напротив, Херфорд передавал историю о битве 880 года вполне в духе раннесредневековой «древней традиции». Потому, исходя из того, что легенда о мучениках - в том виде, в котором она известна в обоих рукописях и у Триббе – должна была возникнуть в эбсторфских церковных кругах где-то между 1380 и 1450 гг., Хартхаузен попытался связать её с личностью и деятельностью Генриха фон

Оффензена, возглавлявшего эбсторфскую церковь в 1380-1419 гг. В дальнейшем это положение на основании собственных аргументов попытался доказать Гатц.

Согласно их версии, где-то в конце XIV века в окрестностях Эбсторфа, могли быть найдены некие захоронения более раннего, славянского или даже древнегерманского периода. Эта гипотетическая случайная находка могла быть использована эбсторфскими церковниками для создания культа мучеников, с целью таким образом улучшить материальную ситуацию монастыря. При этом фон Оффензен должен был быть автором не собственно Падеборнской или Вольфенбюттельской рукописей, а некого предшествующего им прототипа.

Под влиянием авторитета Хартхаузена, утверждаемая им схема развития легенды из сюжета F в целом была перенята немецкими и польскими исследователями (Гатц, Стржельчик, с некоторыми сомнениями и Хукер).

Согласно его концепции, наиболее «древняя традиция» легенды основывалась на пересказах истории норманнского нападении 880 года. Она должна была восходить уже к IX веку (Фульдские анналы) и прослеживается в дальнейшем через всё Средневековье (хроники Видукинда Корвейского, Титмара Мерзебургского, Адама Бременского и др. вплоть до Херфорда). По Хартхаузену, изначально сюжет этой «древней традиции» не был связан ни со славянами, ни с Гамбургом, ни даже с Эбсторфом и содержал лишь сведения об убийстве Минденского и Хильдесхаймского епископов в числе другой саксонской знати норманнами где-то на нижней Эльбе, что в нашем делении примерно соответствует сюжету F. Характерным для «древней традиции» было отсутствие сообщения места гибели и захоронения мучеников.

Этой «древней традиции» он противопоставлял более «молодую», для которой было характерно указание места захоронения в Эбсторфе, замена норманнов славянами или язычниками и увеличение числа убитых знатных христиан. Происхождение её, как уже было указано выше, Хартхаузен с Эбсторфским монастырём, а первым источником о ней считал Германна фон Лербека (ок. 1380 г.). В свою очередь, эта «молодая» эбсторфская традиция должна была возникнуть здесь путём соединения церковниками «древней традиции» истории о нападении норманнов с «гамбургской легендой». А последняя, связанная с гамбургскими преданиями о смерти папы Бенедикта V., славянскими нападениями на город и историей входившего в Гамбургский приход Ольденбургского епископства, должна была возникнуть ранее «молодой эбсторфской традиции».

За ним такое деление, в общем, переняли Б. Гатц и Й. Стржельчик, несколько дополнивший и расширивший схему Хартхаузена на основании собственных исследований, а также первым указавшим в данной связи правильную датировку Верденской хроники.

С большим сожалением можно заметить произошедшую уже у первых исследователей ошибку в датировке наиболее раннего из датированных пересказов легенды, так значительно повлиявшей на все дальнейшие выводы, схемы и исследования. После того, как было установлено, что наиболее древней из датированных записей легенды об эбсторфских мучениках является не Германн фон Лербек, а Хроника Верденских епископов, и в ней уже в начале XIV века

упоминаются Эбстроф и славяне, а не норманны, большинство из описанных выше построений Хартхаузена надлежит пересмотреть с учётом новых данных. Частично это уже было сделано Хейкеном в 1975 г. (Heyken 1975).

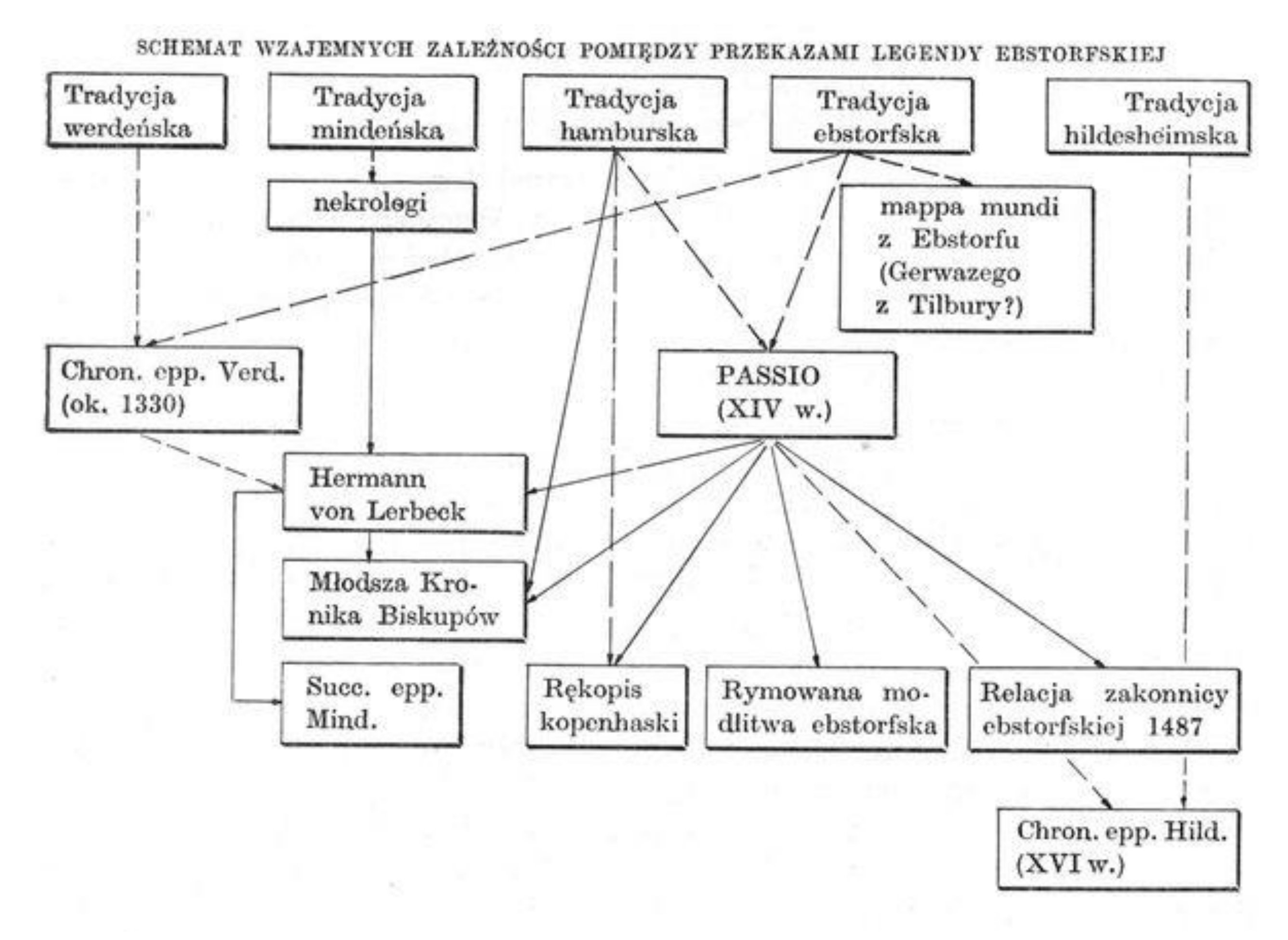

Рис. 2. Схема зависимости обоих рукописей от других источников по Strzelczyk 1971b

IV. Позднесредневековые источники легенды о гамбургских мучениках, захороненных в Эбсторфе

От XIV-XV вв. имеется целый ряд источников, передающих легенду об эбсторфских мучеников, наиболее ранним из которых является «Хроника Верденских епископов». В главе, посвящённой епископу Эрлульфу, там сообщается:

Erlulf huius ecclesie episcopus VIIII.

Huius temporibus, cum gens Slauorum in Christianos undique crudeliter seviret, quodam temopore cum innumerabili multitudine a finibus Stargarden et Danszek egressa terminos Christianorum circa Albyam miserabiliter vastaverunt, quibus exercitus fidelium late collectus in manu valida occurrerunt. Pagani non valentes ferre impetum eorum pace facta in dolo multos de populi Christi incaute diversis mortibus tam de clero quam de plebe prostraverunt. Interfectus est et Erlulfus episcopus Verdensis cum aliis VI episcopis, videlicet Mindensi, Padeburnensi, Osnaburgensi, Mimigauordensi, Traiectensi, Hammenburgensi et tribus ducibus et XIII comitibus et aliis fidelibus multis, et quosdam captivos abduxerunt, quorum corpora Christiani tollentes

sepelierunt in Ebbekestorpe in quatuor sepulchris, es quibus in die kalendarum augusti ob merita martirum oleum scaturire videtur, quod collectum in vasa salutem prestat languentibus hiis, qui se credunt martirum meritis adiuvari (Chronicon episcoporum Verdensium, S. 60).

Эрлульф, девятый епископ этой церкви.

В это время славянские народы со всех сторон неистово нападали на христиан и однажды огромное их число, вышедшее из местностей Старгарден и Данцек, полностью опустошило христианские земли, находящиеся у реки Эльбы. На встречу с огромными силами им выступило собранное из дальних земель войско правоверных. Язычники, не сумевшие удержать атаку христиан, тем не менее, коварно, не смотря на то, что был заключён мир, убили различными смертями множество из людей христовых: клириков, как и обычных христианских общинников. Ими были убиты и епископ Эрлульф из Вердена, вместе с шестью другими епископами, а именно: Минденским, Падеборнским, Оснабрюгским, Мюнстерским, Утрехтским и Гамбургским. А также три герцога и тридцать графов и множество других правоверных, иных же они увели в плен. Их останки были забраны христианами и захоронены в Эбсторфе в четырёх могилах, из которых 1 августа за их мученические заслуги начинает сочиться масло. Собранное в сосуды, оно дарует излечение тем страждущим, которые верят, что заслуги мучеников могут помочь их горю (пер. с нем. автора, по: Chronicon episcoporum Verdensium: 61).

Принимается, что часть «Хроники Верденских епископов» с рассказом о епископе Эрлульфе была создана во время пребывания на епископском посту в Вердене епископа Николая (1312-1331 гг.), по поручению которого в то время проводился сбор информации о истории Верденского епископства по грамотам, хроникам и некрологам.

Как это отметил уже Хейкен, автор Верденской хроники не связывал приведённое выше сообщение об эбсторфских мучениках со смертью папы Бендикта в Гамбурге (Heyken 1975: 7). В главе, посвящённой 14-му верденскому епископу Адальварду, в Хронике Верденских епископов сообщается, что:

Hiis temporibus Otto imperator Benedictum papam, quem Romani creverant Leone papa adhuc vivente, captivavit et in exilium misit, in quo moritur et in Hamborch sepelitur (Chronicon episcoporum Verdensium: 70).

«В это время император Отто отстранил папу Бенедикта, которого римляне выбрали ещё при жизни папы Льва, захватил и отправил в ссылку, в которой он умер и был похоронен в Гамбурге» (пер. автора с нем. по: Chronicon episcoporum Verdensium: 71).

Однако аргументация Хейкена того, что «эбсторфская» легенда была, вопреки Хартхаузену, древнее «гамбургской», не кажется убедительной. Можно заметить, что датировка кенотафа Бенедикту в гамбургском соборе 1320-1330 гг. указывает не на «возникновение», а лишь уже на существование здесь в это время его культа. Так же и процитированный выше отрывок хроники Верденских епископов, упоминающий папу Бенедикта не столько говорит о «знании автором исторических событий», сколько оказывается простой цитатой. Третье предложение главы Хроники Верденских епископов о Адальварде является выпиской из Адама Бременского:

Chronicon episcoporum Verdensium, S. 70	Adam, II, 1
Vir venerabilis et illustris genere, cuius vita probata, fama illessa et fides erat in pallacio notissima, quem dicunt etiam doctrina et miraculis celebrem et Slavorum populis predicasse	Adalwardi, Ferdensis episcopi, cuius tunc vita probata, fama illaesa et fides in palatio erat cognitissima. Quem ferunt etiam doctrina et miraculis celebrem, Sclavorum populos eo tempore praedicasse

Далее же, в отрывке II 10 (12) Адам рассказывает и историю об изгнании Бенедикта Оттоном и захоронении его в Гамбурге:

Reversus ergo in patriam archiepiscopus, sicut audivimus et cognovimus et patres nostri narraverunt nobis, duxit in comitatu suo Benedictum, papam ordinatum, sed tunc ab Ottone depositum, quem ille in Hammaburg custodiae mandari praecepit, archiepiscopus vero magno cum honore detinuit usque ad obitum eius. Nam vir sanctus litteratusque fuisse dicitur, et qui dignus apostolicae sedi videretur, a populo Romano nisi quod per tumultum electus est, expulso eo, quem ordinari iussit imperator. Igitur apud nos in sancta conversatione vivens, aliosque sancte vivere docens, cum iam Romanis poscentibus ab caesare restitui deberet, apud Hammaburg in pace quievit. Transitus eius quarto Nonas Iulii contigisse describitur (Adam, II, 10).

«Итак, вернувшись на родину, архиепископ, как мы слышали и узнали от наших отцов по их рассказам, привёл в своей свите Бенедикта, посвящённого, но низложенного Оттоном папу. Оттон велел держать его в Гамбурге под стражей, но архиепископ относился к нему с величайшим почтением до самой его смерти. Ибо он, как говорят, был святым и начитанным мужем и, по-видимому, вполне подходил для апостольского престола, если бы не был избран римским народом в ходе мятежа, после того как изгнан был тот, кого велел поставить император. Итак, ведя у нас святой образ жизни и обучая святой жизни других, он почил в мире в Гамбурге в то самое время, когда цезарь собирался по требованию римлян восстановить его в должности. Он, как пишут, умер 4 июля» (Адам Бременский II 10 (12)).

Не вызывает сомнений, что источником рассказа о Бенедикте для верденского хрониста послужил Адам Бременский или другой, но прямо цитировавший его источник. Это заметно и в других местах главы. К примеру, информация о миссии Унни «на острова» соответствует рассказу Адама I, 59(61), а последнее предложение главы об Адальварде, где говорится об основании Оттоном Магдебургского епископства - отрывку Адама II 13 (15). Так как, кроме прямых цитат, в главе приводится только известная Адаму информация, за отсутствием новых

подробностей, не вызывает сомнения, что вся глава Верденской хроники о епископе Адальварде основана на отрывке Адама I 58 (60) – II 13 (15)[1].

Ввиду такого интенсивного использования информации из Адама Бременского или более позднего источника с его пересказом верденским хронистом, нельзя не отметить игнорирование им отрывка, в котором сообщается, что после смерти Людовика Благочестивого: «*Саксония была разорена данами и норманнами, герцог Бруно пал вместе с 12 другими графами, а епископы Дитрих и Маркворд были убиты*» (Адам I 38 (40)).

Рассказ об эбсторфских мучениках в Хронике Верденских епископов настолько отличается от рассказа Адама, что становится совершенно очевидным, что автор никоим образом не отождествлял эти два события.

В этой связи обращает на себя внимание и то, что в хронике Верденских епископов не названо имя ни одного из епископов, кроме Эрлульфа, как не названы и имена саксонских герцогов. Таким образом, в первом из датированных пересказов легенды о захороненных в Эбстрорфе христианских мучениках «с Эльбы» сюжет F ещё не был связан ни с норманнским нападением 880 года и убийством Бруно, Дитриха и Маркварда, ни с сюжетом о смерти папы Бенедикта в Гамбурге (сюжет E). Рассказ построен таким образом, что отождествление с событиями 880 года будто бы действительно ниоткуда не следует. Вместо этого содержание примерно соответствует сюжетам B (в IX веке язычники славяне угнетают христиан «в землях у Эльбы», упоминание Старгарда и Данцека), G-H (христиане собирают большое войско и идут на них войной. Славяне заключают мир без сражения и убивают христиан где-то в подконтрольных им землям уже после этого путём «коварства») и I (убийство христиан «разными смертями»).

Как это отметил уже Хейкен, упоминание в Хронике Верденских епископов Данцига, а не Стеттина, наряду со Старгардом, указывает на связь этой информации с версией легенды из III части Падеборнской рукописи. При этом приводимая им же таблица с сопоставлением текстов обоих источников, совершенно вопреки его собственному последующему выводу (Heyken 1975: 14), показывает, что из-за отсутствия прямых цитат (выделенные им курсивом слова таковыми вовсе не являются), что речь не идёт о переписи из одного источника в другой.

Следующий, хронологически, пересказ легенды находится в старшей части Хроники Минденских епископов. Этот, написанный Германном фон Лербеком, источник восходит к 1380 г. От большинства других вариант Лербека отличается заменой противостоящих христианам славян на просто «язычников». При этом сам автор ссылается на получение информации от «благонадёжного священнослужителя», то есть, скорее на устный источник. В главе о третьем минденском епископе Теодорике (том самом убитом в 880 г. Дитрихе Минденском) сообщается:

[1] Хейкен, в свою очередь, указывает, что отрывок с упоминанием Бенедикта был заимствован автором Хроники Верденских епископов из хроники Мартина фон Троппау (Heyken 1975: 8), что, впрочем, не меняло бы дела.

Sequitur de tertio episcopo.

Tertius episcopus Theodoricus. Iste monasterium monialium in Wunstorpe in honorem sanctorum Cosmae et Damiani fundavit.

Hic cuidam concilio anno Domini DCCCLXXIII. Coloniae celebrato interfuit.

Hic cum Dudone, episcopo Padeburnensi, Drogone Osnaburgensi, Aufredo Traiectensi, Ramberto Hamburgensi, Erlulfo Verdensi episcopus, cum tribus ducibus et tredecim comitibus multisque aliis fidelibus iuxta Ebbekestorpe in acie pro fidei et patriae defensione stans imperterritus et tandem Deo permittente in hello occumbens coelos peivit sanguine laureatus. Facta est autem praedicta strages ipso die purificationis virginis glorisae tempore Lodewici, filii Karoli. De isto potest dici secundum quod de Juda Machabaeo in Aurora dictur.

Item Rabanus, abbas Vuldensis et doctor egregius, episcopus Maguntinus est anno Domini DCCCLXXV.

Tertio vero anno immediate sequenti monachi de Corbeia Rugam, quae est insula maris iuxta civitatem Sundis, Deo cooperante converterunt et in honorem sancti Viti, patroni sui, ibidem ecclesiam construxerunt (Catalogus episcoporum Mindensium: 34-36).

В рассказе Германна фон Лербека уже заметны отсутствующие в хронике Верденских епископов подробности. Епископы названы здесь по именам: Минденский епископ назван Теодориком (Дитрихом), Падеборнский – Дудо, Оснабрюгский – Дрого, Утрехтский – Альфредом (Ауфредом), Гамбургский – Римбертом (Рамбертом), а Верденский – Эрлульфом. Последовательность упоминаний епископов по их епархиям у Лербека в целом соответствует таковому из Хроники верденских епископов, с той только разницей, что Мюнстерский епископ оказался из него исключён, так что и общее число епископов уменьшилось с 7 до 6. Кроме этого и Эрульф был перенесён из начала списка в его конец. Последнее могло объясняться просто логикой внутренней хронистов, помещавших на первое место в списке епископов своих епархий. Также и следующие за списком епископов безымянные *tribus ducibus et tredecim comitibus* кажутся прямой отсылкой к хронике верденских епископов.

То обстоятельство, что в этом списке, как и в Верденской хронике, наряду с Дитрихом не упомянуты Маркворд и Брун, могло бы указывать на независимость рассказа фон Лербека от исторических рассказов о событиях 880 года, как и связанных с ними позднейших легенд. Однако далее он передаёт ход событий уже именно в соответствии с этой традицией – знатные христиане были убиты в бою, при нападении язычников, а не сами пошли в их земли и были коварно убиты там без сражения.

Очевидно, что кроме Верденской хроники фон Лербек основывал свой рассказ и на каких-то других источниках. Кроме устных (сам он указывает на рассказ некого священника), можно предположить влияние труда его непосредственного предшественника по Минденскому летописанию, Германа Херфорда. Последний в своём, без сомнения знакомом Лербеку труде, действительно описывал «историческую» версию убийства епископа Дитриха норманнами. Возможно, именно желанием сгладить противоречия в обоих вариантах смерти Дитриха (пал в бою с норманнами или был коварно убит в землях славян) и объясняется замена

Лербеком изначальных «славян» Верденской хроники на более нейтральных «язычников», что не входило бы в прямое противоречие и со словами его предшественника о норманнах. Ссылку же на устный рассказ некого благочестивого священника кажется разумным связать с известными только по Лербеку подробностями о Juda Machabaeo in Aurora, что действительно можно было бы ожидать от духовного лица.

Вместе с тем обращают на себя внимание и противоречия в хронологии. Не смотря на то, что он датирует смерть Дитриха 873 годом, остальные из названных персонажей принадлежат к другим эпохам. Дата смерти Эрлульфа действительно приходится на 873 или 874 гг. Однако, было ли это известно Лербеку, остаётся под вопросом. Дело в том, что в хронике Верденских епископов, из которой по нашим подозрениям и была взята информация о смерти Эрлульфа, его годы жизни были перепутаны, а сама биография помещена где-то в район 830-х гг. В действительности же время правления Эрлульфа приходится на 865 - 873/74 гг., Римберта на 865 - 888 гг., Дудо на 935 – 960 гг., Дрого на 949/50 – 967 гг., Альфреда на 995 – 1010 гг. Совместное размещение всех этих персонажей в одном списке не может не вызвать недоумения. Складывается впечатление, что Лербек, руководствуясь «списком» из Верденской хроники, попросту подобрал не названным там персонажам имена, исходя из собственных знаний о епископах, возглавлявших эти епархии в далёком прошлом.

Легенда пересказывается и в младшей части Хроники Минденских епископов, написанной Генрихом фон Слоен, называемым также Триббе, около 1450 года. Содержащееся в ей описание гораздо более подробно и в целом соответствует повествованию II и IV частей Падеборнской рукописи. Триббе также указывает источник информации о легенде – в его случае это был некий письменный источник, с которым он познакомился в монастыре пресвятой девы Марии в Гамбурге.

Theodericus vel Thidericus episcopus tertius. Dicitur[k] a *theos graece*, quod est *deus*, vel *timor* latine[l], vel Theodericus quasi vir contemplativus[m] vel qui vacat contemplationi.

Hic monasterium canonicarum saecularium apud Wunstorpe, quod olim Wunnendorpe, id est villa amoenitatis nuncupata, in honorem sanctorum martyrum Cosmae et Damiani diversis sanctorum pigno-

[a] *In B sind die Akkusative in Dative korrigiert.* [b] *B und C:* salutem. [c] *B:* intendentibus. *In C fehlt das Wort.* [d] *B und C:* iustorum lux semita quasi splendens. [e] *In B und C folgt:* Pauli. [f] *C:* Parisiis. [g] *L:* huiusmodi praesagium. [h] *B und C:* quae. [i] *In C fehlt:* sibi commissam. [k] *Dieser Satz fehlt L. B und C:* Et est. [l] *Fehlt C.* [m] *B und C:* contemplatus.

ribus, quae de partibus Italiae una cum germano suo Erpone, presbytero devoto, in mulo adducentes [1] decorando **fundavit** [2].

Hic Reymbertum [a] Bremensem episcopum iussu imperatoris, aestimo Lodewici Pii [3], una cum Adalgario, Corbeiensi abbate, [Moguntiam duxit, quod] [b] in quadam cronica me legisse inveni [c] [4].

Anno ergo [d] Domini DCCCLXXIII., indictione VII. [e] Coloniae celebrata [f] synodo ad dedicationem maioris ecclesiae a tribus Theutoniae metropolitanis nocte praecedenti, cum dedicari deberet [g], auditae sunt malignorum spirituum voces inter se dolentium et querentium se a possessis diu sedibus expelli debere.

Postea vero iterum concilio synodali anno sequenti [5] ibidem celebrato et hic praesul venerandus interfuit, quia vir consilii, spiritus et prudentiae non mediocriter insignitus, ut apud sanctum Cunibertum in Colonia in quodam libro inveni [6].

Item in consecratione ecclesiae Hildensemensis anno Christi DCCCLXXII. [h], indictione V., tempore Alfridi, quarti [i] episcopi Hildensemensis, interfuisse legitur, ut in privilegiis monasterii dicti Lammespringii inveni [7].

---

[a] *B und C:* Rembertum. [b] *Etwas Ähnliches fehlt im Texte.* [c] *Es hat wohl* memini *heißen sollen.* [d] *C:* vero. [e] *C:* VI. [f] *B und C:* celelebrato. [g] *C:* cum dedicaretur. [h] *C:* DCCCII. *In B korrigiert.* [i] *Fehlt B und C.*

Eodem tempore Lodewici Pii Hunnorum saevitiae seu paganorum omnes terras Christianorum in partibus Saxoniae et Westphaliae ceterisque terris circumiacentibus caedibus, spoliis et incendiis devastabant [1].

Hic vir Dei praesul Theodericus tamquam athleta gloriosus super firmam petram, quae Christus est, fundatus, vicem christiani populi dolens, accinctus gladio cum multis catholicis principibus, videlicet Drogone, episcopo Osnaburgensi, Dudone Padebornensi, Aufredo Traiectensi, Ramberto Hamburgensi, Erulfo [a] Verdensi [b], cum tribus ducibus, tredecim comitibus multisque aliis fidelibus pro [c] fidei et patriae defensione stantes pugnaverunt. Domino tandem permittente, *cuius iudicia abissus multa*, ipse in bello [d] cum praedictis [e] occumbens coelos penetravit sanguine laureatus [2]. Facta est praedicta strages in vigilia purificationis virginis benedictae [3] Lodwico imperatore adhuc superstite et vivente. De hoc praesule venerando dici potest illud, quod de Juda Machabeo in Aurora legitur. Versus [f]:

Turbas hostiles turbans mediosque per hostes
Irrumpens rupit more leonis iter.

Et praedicta strages iuxta monasterium Ebbestorpe est facta [4]. Perfidi ergo in opprobrium et derisionem fidei catholicae capita aliquorum ex praedictis super palos levantes et ponentes, ad exaltationem christiani nominis accidit in festo paschae post eorum casum proximae auditae sunt voces angelorum alte concinentium cantilenam, quae ob reverentiam dicti festi cantari consuevit: *Christus resurrexit*. Cum ergo pagani intellexissent, quod deus christianorum illo die a mortuis resurrexisset et ad laudem illius diei christiani talem cantationem [g] vociferari consuevissent, conversi sunt ad Dominum.

---

[a] *B und C:* Ernulfo. [b] *C hat* Osnaburgensis *usw.* ecclesiae. [c] *Fehlt A.* [d] in bello *fehlt C.* [e] *B und C:* multis. [f] *Fehlt C.* [g] *B und C:* cantilenam.

Theodericus cum suis in monasterium Wunstorpe translatus et sepultus est [1]. Aliter apud monasterium beatae virginis [2] in Hamborch depictum inveni [3], videlicet quod anno Domini DCCCLXI., ipso die Petri [4] ad vincula factum, et quod papa Benedictus quintus cum duobus cardinalibus, septem episcopis, septem ducibus, quindecim comitibus, LX sacerdotibus et sex milibus hominum [venit] [a], quorum vim Slavi non ferentes praemittunt nuntios pacem petentes. Et data pace irruunt et dilectum Deo populum variis mortibus interimunt. Et sic a Slavis perfidis sunt occisi. Nocte ergo sacratissima dominicae nativitatis media splendor supernae lucis ipsum locum irradiavit et audita sunt capita hymnum angelicum *Gloria in excelsis Deo* canentium et delicias electissimae noctis dulci modulamine non [b] crepantia [b].

Verumtamen [5] locus requietionis martyrum per multa temporum curricula omnibus mansit ignotus, donec operante Deo re-

[a] *Fehlt A und B.* [b] *C:* concrepantia.

velantibus se sanctis miraculose ostensus est. In die namque celebrationis sanctorum quaedam matronae pergentes cum pervenissent ad locum reliquiarum, difficultatem viae inciderunt, ita ut curru retardarentur tamquam offendentes in lapidem. Quae mirantes, quidnam obsisteret, diligenti cura perquirebant huiusmodi[a] difficultatem[a] et respexerunt Domino revelante cespite everso cruorem recentem ab humo prosilire, et agnoscentes corpora martyrum illic recondita devote adoraverunt.

Quidam devotus nomine Ottericus manens in villa adiacente sanctorum memoriae, dicta Stadorp[1], tempore matutino solitus erat ecclesiae frequentare limina. Et in[b] tetra[b] caligine, cum essent caeca omnia, cernebat luminaribus accensis locum requiei sanctorum luce serena illustrari. Et ita locus inventus est.

Erat domus vicina memoriae martyrum australi parte, quae exorto tonitruo fulmine consumpta est, quae saepius reaedificata coruscatione consumitur. Et quia locus ille a fidelibus saepe visus est illustrari coelesti lumine, liquido[c] patuit dominum maiestatis ea in terris velle magnificari, quae ipse in coelis extulerat. Sicque sub[d] anathemate est inhibitum, ut domus illa nullatenus reaedificaretur, et ita tertius locus inventus est.

Passi sunt autem[e] sancti martyres in civitate Hamburgensi[2] die Kalendarum Augustarum[3] praesidente sanctae apostolicae sedi Benedicto, summo pontifice, regnante piissimo Lodewico, serenissimo Karoli regis[f] filio.

Igitur anno dominicae incarnationis MCCXLIII.[g] manavit[h] oleum ex ossibus sanctorum martyrum in die passionis eorum, quod ab ortu solis manare coepit et ad horam quartam fere stetit[4].

---

[a] *Fehlt C.* [b] *B und C:* integra. [c] *B und C:* liquide. [d] *Fehlt B und C.* [e] *Fehlt B und C.* [f] *Fehlt B und C.* [g] *B und C:* MCCLIII. [h] *C:* manat.

Aderamus et nos[1] psallentes in multa gratiarum actione et in lacrimis[a] effusae[b][2] et stillicidio illo super coelesti quodammodo spiritualiter perunctae[c]. Abbas Ullessensis[3] aderat cum suis testis et ipse fidelis, qui reportavit ecclesiae suae memoriale ex oleo illo sacro, quod ministravit nobis rex regum, dives in omnibus non mediocriter, sed ex habundanti, praesentibus spiritalibus[d] et laicis, qui convenerant ad diem festum, ubi misericordia Dei[e] nullius fraudavit oculum.

In illius olei sacri manantis aperta visione quidam tamen, ut moris est, humana tarditate[f] non credentes liquorem sanctum divinitus datum affirmabant rorem magis esse tenendum[g]. Sed Dominus bonitatis suae donum non passus errore obscurari, aberravit[h] miraculum in die sanctae passionis eorum, die mediante[i] in ipso fervore solis oleum ex ossibus sanctis fecit exsurgere populo concurrente et inspectante, ea videlicet hora, qua rorem descendere[k] non esset opinabile.

Erat quodam tempore in die beati Petri pluvia vehemens, et Dominus more solito mirificavit sanctos suos sacro oleo manante ex ossibus eorum omnibus astantibus et hoc miraculum cernentibus. Affuit inter eos quidam ex ordine minorum nomine Eckehardus Deo valde devotus, et dum omnes haesitarent propter inundationem pluviae, quae descendebat[l], lichnus [!][m], quod[n] tenebat, intinxit in liquorem, quod retractum[o] imposuit candelae et arsit, donec totum absumeretur, quod fuerat intinctum[p].

---

[a] *C:* lacrimas. [b] *B und C:* effusi. [c] *B:* perunto. *C:* perunti. [d] *B und C:* spiritualibus. [e] *B und C:* eius. [f] *B und C:* humanae tarditatis. [g] *Fehlt B und C.* [h] *C:* procuravit. [i] *A:* medicante. [k] *C:* cadere. [l] *B:* descendebant. [m] *C:* lychnum. [n] *C:* quem. [o] *B:* tractum, *C:* contractum; quod *fehlt C.* [p] *C:* quod intinctum erat.

Item eodem modo cum preposito Helmerico [1].

Tempore domini Manegoldi, qui erat praepositus canonicorum in Ebbekestorpe [a], ecclesia Mindensis est incensa. Quae reaedificata septies postea igne consumpta est. Mindenses ergo missis legatis alloquuntur capita ecclesiae vestrae [b] [2] petentes, ut accepto magno praemio redderent sibi corpus pontificis eorum, videlicet beati Thyderici, ut in tanto periculo eis [c] esset praesidio. Reclamant omnes nullatenus annuentes, quia inter tot milia unus dinosci non poterat. Qui etiamsi [d] notus esset facie et nomine, nullo modo dimitterent thesaurum, qui consilio divino apud eos esset reconditus, et hoc eis ad lucrum maximum. Igitur qui missi fuerant, infecto negotio revertentes turbatione non modica populum commoverunt. Ergo licet cassaretur desiderium eorum, patronum tamen suum, quamvis absentem, honore magnifico sublimare volentes, argenteum faciunt monasterium ad modum lacerti pulchro schemate [e] decoratum, sacerdotem ante altare ponentes, ex latere turrim argenteam et sacristam stantem et nolas quasi compulsantem hoc munus sibi fore [f] munimen [g] sperantes, ut eius patrocinium hinc eis referret [h] solatium. Et sic per merita sancti martyris cessavit plaga incendii ab eis.

Structura, quae erat circa corpora sanctorum, ex vetustate collapsa fuerat, quae [i] ex negligentia civium non reaedificabatur. Tunc idem praedictus pontifex apparuit cuidam moniali in casula violacei coloris, infulatus ac mirifice decoratus, vultu serenissimo praecipiens, quatinus pronuntiari faceret populo iram Dei super eos [k] in brevi futuram pro eo, quod locus, in quo requiescerent, valde haberetur despectus et porci terram evellerent nullo penitus prohibente. Subiunxit etiam: „Quibuscunque haec [l] narraveris, dices in testimonium, quod me corporalibus oculis videris, et quod quotidie sumus memores omnium nostri memorum apud Deum.“ Quo dicto vir venerandus disparuit.

Quodam tempore, dum quidam ructicus illic gramen meteret pecoribus suis in pabulum, contigit, ut ipse et uxor sua sensu

---

[a] *B und C:* Ebbestorpe. [b] *B:* vestri. *Fehlt C.* [c] *B:* eius. [d] *C:* etsi. [e] *B:* fornace. *Von späterer Hand darüber geschrieben:* scemete. *C:* fornace. [f] *B:* forte. [g] *C:* munimine. [h] *B:* refert. [i] *B:* quam. [k] *B und C:* eo. [l] *B:* hoc.

privarentur, equus[a] eius et omnia pecora morerentur, et in hoc apparuit, quod Dominus sublimavit sanctos suos dignis in caelo praemiis et in mundo miraculis, cui est laus et gloria in saecula saeculorum. Amen.

Item temporibus Gervasii praepositi fuit quaedam puella toto corpore contracta, quae sanata est per sanctos martyres[b].

Item quaedam bonae nationis femina octo dies laborans in partu, ut iam desperaretur de vita, soporata modicum vidit se assidere foribus ecclesiae, ubi sancti martyres sunt tumulati. Vidit ergo assistere sibi virum aetate senem in habitu venerando, qui dixit ei: „Si feceris ea, quae suasero, recipies sanitatem. Si ad quemlibet locum, ubi requiescimus, voveris te oblaturam quatuor denarios, continuo salva eris. Arbitrio tuo relinquo, quid ad capellam offerre volueris.“ Quae evigilans et statim omnia fecit et peperit filium.

Item quidam plebanus laborans in quartanis, voto se sanctis obligavit et, quod amicos Dei fide honorasset, sanatus est.

Quaedam monialis, dum penitus obsurduisset, gramen, quod de tumulis sanctorum scarpserat, tulit, auribus imposuit, protinus audivit.

Quaedam matrona dolore oculorum gravabatur, oculos argenteos sanctis transmisit et sanata[c] est.

Quidam sacra unctione percepta dum pervenisset ad extrema, vocat uxorem rogans, ut ad memoriam martyrum curreret et pro eius sanitate supplicaret. Hora, qua mulier illuc advenisse[d] videbatur, vir incolumis efficitur, qui die tertia ad agriculturam progreditur.

In hiis et aliis multis magnificasti, Domine, populum tuum et pro ostendenda eorum[e] gloria tua non desunt miracula. Istos ergo Dei bellatores veneramur, qui tanta Dei dona miro testantur in actu[f]. Ora pro nobis, beate pater Thydrice, ut digni[g] efficiamur per Christum[h].

Venerabilem ergo viri Dei praesulis sancti Theodorici sepulturam in terra nobilium Slavorum sive de Wende[1] in cuiusdam

---

[a] *B und C:* equi. [b] *B und C:* per suffragium sanctorum martyrum. [c] *B und C:* salvata. [d] *C:* venisse. [e] *B:* coram. [f] *B und W:* acto. [g] *In A fehlen die Worte:* efficiamur per Christum. [h] *B und C:* pro Christo.

villae ecclesia [a], quae lingua Slavica Quidsyn [b] dicitur [1], quae ab oppido Plawe [c] in dicto dominio ad unam leucam distat, esse intellexi. Est enim verisimile, quod in dicto loco Quidsyn hic praesul cum aliis interfectis [d] sive ab Ungariis sive a Slavis perfidis diem clauserit extremum [2]. Istum, si fas est, angelum dixisse, fuisse hunc per prodigia multa patuisse refert.

Tertio anno immediate sequenti monachi de Corbeia Rugam [e], quae est insula maris iuxta civitatem Sundis, Deo cooperante converterunt et in honorem sancti Viti, patroni sui, ecclesiam construxerunt [f].

Item Rabanus, abbas Vuldensis et doctor egregius, episcopus Maguntinus ordinatus est.

Anno Domini DCCCLXXV. praedictus sanctus episcopus Theodoricus constituit peragi anniversarium suum, ut in libro praesentiarum habetur, in festo purificationis virginis benedictae [3].

К XV веку относится и ряд других источников, упоминающих легенду об эбсторфских мучениках. В 1905 году К. Борлинг был опубликован ряд до этого неизвестных документов Эбсторфского монастыря. В одном из приводимых им реформационных текстах, датируемых 1487 г. содержится краткий пересказ легенды, перечисляющий среди убитых в Гамбурге мучеников папу Бенедикта V, 7 епископов без указания диоцезов и «много» графов (Borchling 1905: 396). Подробности о язычниках и деталях совершённых ими злодеяний в то же время отсутствуют. Хартхаузен указывал на схожие места этого источника с текстом Вольфенбюттельской рукописи, считая, что именно из неё могло произойти заимствование (Harthausen 1966: 108).

Больший интерес представляет опубликованная Борхлингом молитва, найденная им среди других документов эбсторфского монастыря.

Dit bed lis vnsen leuen hilghen, der lichamme mit vns rowen, vp dat we vns ewichliken moten in dem himmele mit yum vrowen. Neghen daghe vor sunte Peters daghe scolt du lesen alle daghe en veftich paternoster vnde dit bed vnde bidde desse leuen hilghen, dat se dy behelpen by gode, dat du irweruest dat aflat, dar desse stede vm erer erwerdighet de se by gode hebbet mede begauet is, vnde seghe mit gantser innigheyt:

1. G[1])hegrotet zin gy marteler heren,
Gode si loff to yuwen eren.
Pauese biscope hertoghen greuen,
Alle mit gode vroliken leuen.

2. Monneke papen man vnde urowen
Ritter knapen mit yu bescowen
Des alweldighen godes clarheyt,
Dar aller hilghen lust ane steyt.

3. Borghe lant na yuwen hoghen staten
Hebbe gy willich dorch god uorlaten
Vnde sint mit willen ghekomen in desse lant,
Dar de loue godes nicht was bekant.

4. Gy wolden dat volk in dem louen sterken
Mit waren leren vnde guden werken.
De voghesten kerden sik dar nicht an,
Se dachten wo se gy mochten to dode slan.

5. Herteghe Baruch was der suluen art,
Van deme rechten louen was he vorkart.
Hulpe he led bidden by den boden sin
To Danze, to Stargart vnde Stettyn.

6. Wan se sine breue[2]) erst vornemen,
Dat se snel mit wapender hant quemen
Vnde hulpen om in sinen noden
De cristenen vanghen pyneghen vnde doden.

---

[1]) Bis hierher mit roter Tinte geschrieben, die folgenden Verse sind in der Hds. nicht abgesetzt. — [2]) Hds. bre=.

7. Dar na in sunte Peters daghe
Quemen se starkmodich in grotem baghe
To Hamborch dar se laden weren,
Ghelik den lowen vnde den grimmighen deren.

8. De scape godes se vordelghen wolden,
Se sconden noch yunghen[3]) efte olden:
Bouen ses dusent worden geslaghen dar,
Ane de vor ghedodet worden vor war.
De straten worden van blode rod,
Dar de vrunde Christi leden den iammerliken dod.

9. Ore leuent is vullenbracht in doghet,
Ere sele sint by gode vorhoghet.
Dorch god mid willen se wolden liden,
Wat se bidden des wil en god twiden.

10. O gy hilghen marteler sunder wan
Sed yuwer lefhebbere nod vnde ynniget an,
Sterket vns in gnaden an doget vnde in eren
By gode deme alweldighen heren,
Dat we vns moghen yuwer helpe vrowen
Vnde mit yu godes antlat ewiliken bescowen.

Amen. Kyrieleyson, Christe eleison, kyrieeleison pater noster, aue Maria.
De guden scollen to ewighen tyden leuen,
By gode is en dat lon ghegeuen.

---

3) Hdſ. yun=hen.

(Borchling 1905: 408-409)

Сам Борхлинг даёт о молитве лишь очень краткую информацию: «написанная на нижненемецком языке рифмованная молитва о мучениках из Эббекесторпе публикуется мною в приложении номер 2. Такие молитвы нередки в древних рукописных молитвенных книгах монастырской библиотеки» (Borchling 1905: 363). Далее, в самом приложении Борхлинг сообщает о том, что молитва была найдена им в «одной нижненемецкой молитвенной книге XV века» (Borchling 1905: 408), и выстраивает в комментариях аргументацию о том, что сюжет был позаимствован из текста Вольфенбюттельской рукописи, опубликованного Лейбницем (Borchling 1905: 410-411). Однако более вероятным кажется, что информация была взята из Падеборнской рукописи, так такие подробности, как Данциг и сочащееся масло присутствуют только в III и IV её частях, но отсутствуют в Вольфенбюттельской.

К концу XV века восходит и другой нижненемецкий пересказ легенды в варианте Вольфенбюттельской рукописи, опубликованный в отпечатанном в 1492 году в Любеке сборнике житий мучеников (Harthausen 1966: 90).

Кроме этого, легенда присутствует в качестве вставки в датируемую рубежом XV и XVI вв. рукопись Chronicon Slavicum. Ниже текст её приводится по отпечатанному в 1865 году в Любеке изданию Ласпейреса.

I. Legende über die ersten Märtyrer der Hamburger Kirche, nebst Nachricht über die Gründung der letzteren und des Bisthums Bremen.

(Nach einer Copenhagener Handschrift aus dem Ende des 15ten oder Anfang des 16ten Jahrhunderts.)

Fol. Ia. col. 1. 1. Anno Domini 801., cum iam Ka|rolus super Francos regnasset annis 33, factus est Ro|manorum rex a Julio 74. *(sic!)*; et imperavit annis | 14, mense vno, diebus 4, et fere infinita bona | fecit in christianitate, et praesertim in partibus occi|dentalibus et borealibus, ut patet li. 24. spe|culi historialis cap. 1. et infra. Quo in Christo mortuo | Aquisgrani, V. Kalendas Februarii, anno aeta|tis suae circiter 71., Lludowicus primus, cogno|mento pius, imperium accepit, filius eiusdem Karoli et rex | Aquitaniae, anno Domini 814., et annis 26 imperavit|, non tamen totaliter. Quo in Christo mortuo, succes|sit ei filius eius Llotarius, qui XV annis imperavit.| Post quem Lodowicus 2dus., filius eius, anno Domini | 856., et cum fratre suo Lothario, iam monacho | facto, annis 19 imperavit. Huius diebus, in Germaniae | finibus Christi ecclesia sacrae fidei novello germine pullulante,| quam sanctus Karolus magnus per se et suos, Deo dante, | plantavit, Sclauis tamen trans Albeam de Hammen|burg, de Louenburg, de Ratzisburg, | de Stetyn et Stargardia, in terra Wagiro|rum, in Oldenborg, qui inter se concordiae foe|dera iuraverunt, ecclesiam Dei miro modo | persequentibus, quia agrestes ferocesque ex|titerant cum suis castris et oppidis inter|mediis; istis diebus erant in Hamburg duo | castra fortissima, vnum versus boream in ora | stagni Alstriae, aliud ad austrum, ubi nunc | est ecclesia beatae Mariae Virginis, quorum quidam| gentilis Sclavus generosus, nomine Baruth, dux | et possessor extitit. Cuius uxor Herina | tyrannicae pravitatis alumna erat, quae fi|dei catholicae simpliciter se opposuit, et | beatissimam Virginem sine virili semine concepi|sse et virginem post partum intemeratam per|mansisse, infideliter negavit, quia hoc | sic fieri diis et hominibus impossibile esse latravit.| Cuius ausum temerarium et mentem sacrilegam Deus|, aliis incredulis ultionis in exemplum, sic prostra|vit: Concepit enim et, natura negante, concep|tum in utero, gravi languore, duobus annis ges|sit. Postea utero dirupto, vitae ter|minos conclusit, morteque amarissima fi|lium bicipitem, loquentem et ambulantem profudit; | cuius manus erant

ut pedes vituli, oculi ter|ribiles valde, et aures asininae, pedes ur‖sini, quibus fere quasi continuis gaudendo motibus saltabat.| Cuius patrem obstetrices et aliae mulieres | nimia cum anxietate vocabant, qui cum | propius accederet, hoc monstro viso et | uxoris suae morte perspecta, cum omnibus | suis quasi elinguis efficitur, et alter al|terum tacitus inspiciebat. Tunc idem mon|strum voce horribili et insolita clamavit|, dicens: „Mater mea iam mortua aeternis crucia|tibus erit lanianda, quia non credidit, ad sa|lutem hominum et gloriam angelorum [1]) Jesum, filium Dei |, fragilitatis humanae, de virgine Maria, semper | impolluta, sine cognitione thori virilis naturam et | formulam assumpsisse, quem tamen virginitatis | lilium, sicut sidus sine sui corruptione radium, in | hunc mundum protulit; et qui hanc fidem ne|gaverit, aeterno adiicietur rogo." His dic|tis monstrum huiusmodi in faciem suam cecidit et | expiravit. Tunc Baruth dux, tam uxoris | mortem quam monstri deformitatem de|plorans, coepit exasperare in christianos,| quasi in huiusmodi facti, magica arte, auctores.| Praecepit omnibus complicibus suis, ut, quoscumque | in suo districtu Christi confessores invenirent, | subito sine auditione necarent, nec aliquo | modo decrepitis et infantibus in cunabu|lis misererentur, ut sic in totius Albeae convicinio christianitatis nullum vestigium rema|neret. Nephandi igitur ministri, haec diligenter | exequentes, ecclesias quoque combusserunt,| libros sacrae legis incenderunt, praedia ecclesias|tica sibi contumeliose usurpaverunt et multos | etiam christianos in vincula congesserunt. Unum | contigit, ut sex honestissimis presbyteris | eis optime notis, caesarie truncata, cutem | capitis per modum crucis duplicatae a fron|te in occiput et ab aure in aurem abstra|herent; quibus triduo sic illusis, et denuo testa | capitis obtrita, novissime Domino spiritum tra|diderunt, cum multis aliis diversimode martyrisa|tis, quibus cerebrum de capitibus certis [2]) forami|nibus per modum crucis elicuerunt, quosdam etiam | equis indomitis colligarunt. Et haec | quasi per omnia in omnibus oppidis et castris Scla|uorum nepharie committebantur; quorum corpora iam | permaxime in crypta Hamburgensi, postea ‖ collecta, sunt sepulta. Tunc heu multi, metu | mortis fide relicta, gentili iugo subacti sunt;| quidam vero noctis tempore fugientes exulare | maluerunt, quam sic turpiter necari. De quibus | quidam, urbem Romanam petentes, haec nephanda | singultibus et lacrimis papae Benedicto tertio,| in numero apostolicorum 107., qui coepit anno Domini 855.,| aperuerunt, instanter pulsantes, ut haec enor|mia pio amore hauriret et ovibus Christi no|vellis subveniret. Quibus auditis, sauciis | vulneribus papa transfixus est, et statim scribens | Ludowico secundo, imperatori quarto a Karolo | magno, pro subsidio, obtinuit quod | petiit. Nam idem Lodowicus, filius Lotharii impera|toris, nuntiis et sigillis ad diversos principes, | duces, comites et barones succincte mis|sis, congregavit exercitum copiosum, cum quo ad papam ivit. Quo viso, papa in lacrimas prorupit,| glorificans Dominum omnipotentem, qui suos divinitus instruxit, ut operam darent pro fide, et mu|rum pro domo Israel erigerent; et omnes reverenter | suscepit. Proxima nocte angelus Domini exercitui | apparuit, dicens: „Confortamini, nolite timere, ite | constanter; ego missus vobis sum a Deo in stabilem | protectorem." Postea papa voluit, ut imperator | ad propria pro fide ibidem defensanda remearet.| Ipse vero papa cum benedicto isto exercitu per temporum | intervalla ad confines Albeae venit, ubi per | quindenam quievit, explorans singula, | et ut exercitus coadunaretur; habuit enim se|cum VII

Fol. Ia. col. 2.

Fol. Ib. col. 1.

1) Cod.: *anglorum*. 2) Cod.: *c'tis*.

episcopos, VII duces, quindecim comites, | barones quoque, milites et vasallos quasi in|numeros. Post quindenam vero Albeam transe|untes, cum barbaris pugnaturi, obtulerunt | se Domino Deo, dicentes: „Adiuva nos, Deus salutaris | noster, ut, tuo fulgore illustrante, sit terror | pavorque ipsis infidelibus te contemnentibus | et blasphemantibus, ut te cognoscant, te | solum Deum, idolis dimissis." Pagani igitur his | cognitis timuerunt mortis miseriam, tem|plorum destruc[t]ionem, deorum subversionem et perpetuae | desolationis opprobrium. Ineuntes ergo consilium, | in diversa sunt moti, contra tantam christianorum multitudinem | bellare formidantes, et tamen subiici sine gladio | nolentes. Tandem unus de senioribus dixit: „O | electissimi viri, non pugnemus, sed utamur arte | et ingenio contra eos, ut blanditiis vincamus, quoniam[3]) | armis prae multitudine illorum prae-
Fol. Ib. col. 2. valente non possumus; || nam eorum conscientiae deposcit temeritas, ut | gratiam et Christi fidem poscentibus gremium fra|ternalis affectionis aperiant." Dicamus ergo eorum | papae: „Pater sancte, peccavimus et a virtutis trami|te erravimus, pseudo falsisque consiliariis | seducti; innocentem sanguinem effudimus; ideo | sancta et iusta contra nos commotio tua. Ignos|ce nobis, et sacratissimas legis catholicae | observantias suscipiemus, a te informati | et baptisati; tunc etiam fideles nobis et | castris nostris dominabuntur." Haec per omnia aliis | cum gaudio placuerunt. Et legatione missa | ad papam, omnia haec figmenta sibi suisque | proposuerunt; et tandem papa cum eis in civitatem | Hammenburg venit, quem senes et iuvenes |, virgines et mulieres reverenter, licet ficte, sus|ceperunt, clamantes et dicentes: „Advenisti, | lux pontificum, cum glorioso exercitu tuo; | credimus tecum venire Jesum Christum, illuminatorem animarum | nostrarum, cuius fontem sacratissimi baptismi | instanter exposcimus." Tandem papa cum gaudio | magno eos baptisavit, dicens ad suos: „Quam laudem dabimus Domino Deo pro lucro tot | animarum!" Tunc sacras aedes in Hammenburg | et circum circa in oppidis et villis destructas reae|dificaverunt. Sed interim isti falsi et viru|lenti neophytae nuntios cum literis ad | antiquam civitatem Starghard, id est Oldenborg (*star* | idem est, quod vetus, et *ghard* vrbs), similiter et in | Stetyn, ad eorum collegas destinaverunt, | intimantes ea quae facta sunt, et quod indilate | manu armata Hammenborg expeterent, | ut sic arte artem devincerent; nam in fes|to proximo Ad vincula Petri christianorum ponti|fex in Hammenborg esset celebraturus, et omnes | ibidem christiani inermes studium devotioni | et orationi essent daturi. Sitibundo igitur corde | ad sanguinis innocentis effusionem omnes barbarica | rabie se praeparant; et hora tertiarum ipso die | Ad vincula Hammenburg intrant. Quaeren|tibus igitur christianis, quinam essent isti armati, | responderunt maledici neophytae Hammenbur|genses: „Isti sunt corregionales nostri, bap|tisma et fidem desiderantes, hucusque per de|via errorum ambulantes." Cum autem papa ad | missam agendam, coram positis cardina-
Fol. IIa. col. 1. libus et | episcopis, se investiret, apparuit illi angelus dicens: || „Constans esto, ad coronam enim te tuosque Dominus | vocat." Hoc audito, cecidit papa in faciem | suam, dicens: „Domine Jesu Christe, si nos in istis longinquis | decreveris partibus suscipere pro fide tua sancta, | da, ut quicumque nomen tuum et beatissimae matris | tuae in hoc loco invocaverit, ab omnibus tribula|tionibus et angustiis animae et corporis liberetur | in suis iustis petitioni[b]us." Cui angelus iterum | apparens dixit: „In patientia animam tuam pos|sideas cum tuis, et aeterna tabernacula

3) Cod.: *quibus*.

conscen|detis". Tandem venit quidam christianus, clamans in | ecclesia: „Pater sanctissime, veniunt pagani manu ar|mata ad perdendum nos; tu ergo fugam ini, | ne sit grex sine pastore." Quo audito | coram altari vertit se ad populum, confortans | et benedicens eum, annunciansque ei, quae angelus | Dei loquebatur ei, dicens: „Benedicat vos Dominus Jesus | Christus benedictione perpetua; angeli quoque eius vos cus|todiant, et animas vestras in aeterna taberna|cula perducant." Et cunctis respondentibus: „Amen"|, venerunt barbari per falsos neophytas | introducti, et occiderunt utriusque sexus Christi | fideles fere sex milia, qui trans Albeam ve|nerant, ab hora tertiarum usque ad solis | occasum, paucis exceptis, quos paga|ni in signum victoriae ad propria secum perdu|cere satagebant. Tempore autem occisionis an|gelus ab aethere eos vocaliter confortavit,| affirmans, ne timerent, quia eorum nomina inde|lebiliter in libro vitae essent conscripta; cuius | vocis occasione multi pagani crediderunt,| et eodem die trucidati pro Christo, in suo sanguine | sunt mundati tanquam baptismatis fonte.| Tantus enim sanguis tunc effusus est, ut pa|ganorum equi longe ultra talum in sanguine | ambularent, et hastae confractae per plate|as ad Albeam natarent. Illi quoque de[4]) | Oldenborg in signum victoriae multos | decapitarunt, et una cum vinctis vivis | secum ad sua propria perduxerunt, et in perpetuam | huius victoriae memoriam in Oldenborg super | murorum frontispicia ad aspectum maris | posuerunt; nam inter ambas eiusdem loci civi|tates maris intererat portus, ab orien|te versus occidens, declinando tamen in exitu || ad boream Fol. IIa.
versus Balticum mare. Quae quidem capi|ta feruntur, coelesti iubare col. 2.
circumdata, ipsa noc|te Christi Nativitatis proxima, et angelicis vocibus ac symphoniis adiuta, cantavisse dulciter: „Gloria | in excelsis Deo." Quod cum civitatis vigiles maiori[b]us | non sine trepidatione annuntiassent, venerunt celerio|res et auribus propriis hanc suavissimam vocem | hauserunt; et cum omnes starent stupefacti, dix|it quidam illorum, vir magnae industriae: „Ecce, | fratres, homines istos nobiscum perductos in gravissima | custodia artamus et sine cibo dimittimus; educantur | hi, ut nos de huiusmodi melodia[5]) edoceant, si saltem | quidam vivi superstites extiterint (nesciebant | enim, quod angelus Domini cibaret eos); natura enim huiusmodi | voces fieri non permittit, ideo huiusmodi ex diis cau|sari ambiguum non est." Educti ergo de carceribus | viriliter eos corripuerunt ut luce devios et vir|tutibus steriles, et commissi sceleris minime conscios.| Pagani ergo, attento, quod huiusmodi melodiis conso|lati fuissent incarcerati et ab angelo cibati, ex quo | pulcrioribus tunc apparebant faciebus, quam tempore in|nervationis, timebant eos, ne gravarent eos | sua prece apud Deum suum omnipotentem, ne eis | contingeret sicut duci Baruth et suae vxori; ideo eos | iterum incluserunt sub duriori clausura manu|um et pedum. Responderunt christiani: „Magicas artes non novimus;| ideo vobis timor nullus concutiat ex parte nostra;| Deus autem omnipotens, precibus sanctorum, plagis decem pharao|nicis universam Sclauorum regionem plagabit." Ideo | dominus terrae, habito concilio, conclusit, ut occiderentur.| Nocte autem proxima venit angelus Domini, aperiens | carcerem, dimisit eos, dicens: „Ite et colligite capi|ta ista de muris; ego excoecabo populum hunc | pessimum, ne vos videant." His dictis, cecide|runt ferramenta ab eis, et exeuntes collige|runt capita martyrorum sanctorum de muris, nemine | contradicente, et perduxerunt

---

4) Cod.: *de de*. 5) Cod.: *melodija*.

usque ad confines Hammen|burg. Et fama crescente de his capitibus et| vinculatis, Hamburgenses compuncti sunt, et sanctorum vesti|gia pro Christi nomine sunt secuti, et sanctos cum huiusmodi | capitibus sive reliquiis gratissime susceperunt,| seque paratissimos mori pro Christo exhibuerunt. Sancti | vero, cum post temporis intervallum aliqua corpora in Hammen|burg exhumassent, ut ad vrbem Romanam per|ducerent, factum est, cum pervenissent in locum, quod (*sic!*) dicitur | Ebkstorp,
Fol. IIb. col. 1. ubi tunc viri religiosi in habitu albo ‖ Christo deserviebant, currus sunt divinitus tenti, sanguine | de terris exuberante in sulcis sive in orbitis, ita | ut quibusvis boum paribus moveri non pos|sent. Ideo reliquiae ibidem depositae et reconditae, ad|huc in debita reverentia et veneratione reservantur, | ut, quos spiritualis amicitiae nexus in vita confoede|raverat, illibato foedere et in morte servato per | provincias non dispergerentur, ut non tantum huiusmodi | celeberrimae reliquiae alienis suffragia mini-stra|rent salutis, sed et suis proximis, qui se dilexe|rant et de eorum martyrio recenti gaudebant,| ad laudem et honorem Dei omnipotentis, qui etc. |

2. Sciendum, quod Karolus magnus, tunc temporis rex Fran|ciae, anno scilicet 17. imperii, Constantini septimo [6]), qui fuit annus Christi 798., terram | Nordalbingorum (id est Hadelen) cum pluribus aliis iugo fidei sub|egit. Et in castro Hamonis,| id est Jovis, in Hamborg episcopatum fundavit, totam|que Saxoniam in deditionem accepit, et sanctum Gerida|gum primum episcopum in Hamborg constituit, faciens| eum metropolitanum cunctis Sclauorum et Dano|rum terris, quo facto Karolus Aquisgranum revertitur.| Sed quia non longe post Geridagus moritur, et res sanctae | fidei minus vigilanter agitur, Karolus vero dehinc anno Christi 801. | in imperium eligitur et diversis bellis et negotiis | distrahitur, ideo filius eius Lutowicus pius, patri | succedens in imperio, intuens vota paterna, sanctum | Anscarium in locum Geridagi statuit, ac universis | partibus borealibus metropolitanum fecit. Hic multorum pectora frigida ad Christum resolvit, Sclauorum, Danorum, et Swecorum atque Nordalbingorum. Quo | defuncto successit ei Reymbertus. Cui Adelgarius;| cui Hogerus; cui Reynwardus; cui Vnni;| cui Adelgaldus, octavus episcopus Hammenburgensis, et ceteri.| Ecclesia autem Bremensis erecta est permissione et iussu | Karoli magni, imperii eius ultimo anno, scilicet XIIII.,| tertio Idus Julii, id est anno Christi 804., per sanctum Wyllehadum.| Llutowicus ergo, filius Lutowici primi, scilicet pii, filii Karoli | magni, videns desolationem ecclesiae Hammenburgensis per| Frisones factam tempore Anscarii, secundi episcopi Hammenburgensis, vo|lens eam reerigere, mortuo episcopo Bremensi,| adiecit ecclesiam Bremensem Hamburgensi, ut esset | una. Iste enim Lutowicus habuit duos fratres,| scilicet Lotharium et Carolum, qui inter se multa bella pro | imperio, eorum patre mortuo Lodewico primo cognomine pio,| gesserunt, et permulta hominum millia necaverunt.| Tandem Sergius papa secundus eos concordavit, viribus eorum ex|tenuatis, sic quod Lotharius imperium
Fol. IIb. col. 2. obtineret, Carolus ‖ in Gallia et Luthowicus in Germania regna|ret, anno Domini 840. Iste idem Lutowicus | fuit, qui bene volebat ecclesiae Hamburgensi, ut | dictum est.

---

6) Cod.: *septim*.

(Cronicon Sclavicum: 372-376)

В XVI в. легенда пересказывается в целом ряде источников, как то Chronica Bremensis Генриха Вольтера, Chronica der Stadt Bremen Йоханна Реннера, Chronica episcoporum Hildesheimensium nec non abbatum monasterii S. Michaelis опубликованная Лейбницем, Metropolis и Saxonia Альберта Крантца и др. Взаимосвязи этих поздних текстов частично уже были исследованы Хартхаузеном (Harthausen 1966: S.103-116) и впоследствии, насколько нам удалось установить, не дополнялись. В 1707 г. фрагменты Падеборнской и Вольфенбюттельской рукописей под заголовками Legenda de Sanctis Martyribus interfectis in Hamborgh et in Ebestorp и Fragmentum ex Martyrum in Ebbekestorp quiescentium Passione опубликовал Г.В. Лейбниц. В 1773 г. эти тексты перепечатал Й. Лангебек в Scriptores Rerum Danicarum II. Для исследования сюжетов легенды и её возникновения эти поздние тексты представляют уже мало интереса.

V. Уточнения к датировке рукописей и легенды

Учитывая рассмотренные выше обстоятельства, можно наметить два возможных пути корректировки построений Хартхаузена. Так как наиболее древней записью «эбсторфской легенды» в достоверно датированных источников является Хроника Верденских епископов, можно было бы предположить, что в наиболее раннем виде она включала в себя лишь сюжеты B, G-H и, с некоторыми оговорками, F. Позже в него были добавлены другие подробности – об убийстве Бруна, Маркварда и Дитриха и смерти папы Бенедикта (сюжет E).

С другой стороны, возможным остаётся и такой вариант, при котором глава Хроники Верденских епископов могла быть сокращённым пересказом более подробных текстов вроде Вольфенбюттельской или Падеборнской рукописей или их прототипов. Рассказ вполне мог быть обработан верденским автором так, чтобы избежать противоречий с последующими главами хроники и использованными им источниками вроде Адама Бременского или Мартина фон Троппау, в результате чего из повествования были убраны подробности о князе Барухе, графе Бруно, епископах Дитрихе и Маркварде и папе Бенедикте. Похожее решение предлагал подготовивший новое издание и перевод Хроники Верденских епископов Т. Фогтхерр полагая, что информация о мучениках могла попасть в главу об Эрлульфе из возникшей в середине XIII века и доступной верденскому хронисту Падеборнской рукописи (Chronicon episcoporum Verdensium 1998: 61).

Такое предположение кажется более обоснованным, так как находит и другие подтверждения. Проведённый Хейкеном анализ редких и упоминающихся в источниках лишь в короткий временной промежуток около 1250 г. форм топонимов Hammenburgensis и Ullessensis из IV части Падеборнской рукописи, вместе с упоминающимся там же 1243 г., действительно позволяет датировать эту часть рукописи серединой XIII века (Heyken 1975: 21). На основании возможной датировки Эбсторфской карты мира временем между 1235 и 1250 гг. этот исследователь уже в 1975 г. предлагал датировать серединой XIII века и само появление легенды о мучениках. Новейшие исследования как самой карты, так и связи её с Гервазием

Тильбурийским также скорее говорят за 1223-1244 гг.[1] (Hucker 2015: 55). Однако, и в этом случае стоит учитывать, что такая датировка будет указывать лишь на существование легенды об эбсторфских мучениках в первой половине-середине XIII века, но не на её возникновение. При этом неизвестным остаётся и то, какие именно сюжеты уже существовали в этом время.

Таким образом, вопрос датировки Падеборнской и Вольфенбюттельской рукописей в настоящий момент всё ещё остаётся открытым и потребует новых палеографических и филологических исследованием с учётом совершённых в прошлом ошибок[2]. Падеборнская рукопись должна была быть написана после 1243 г., но наличие в ней II и III частей недвусмысленно указывает на то, что к этому времени легенда об эбсторфских мучениках уже существовала в нескольких письменных источниках. Датировка единого прототипа, если такой имел место быть, как и возникновения легенды, в этом случае, может быть сдвинута в ещё более ранний период.

На этом фоне заслуживают особого внимания и наблюдения Б. Гатца, на основании исследования идеологической составляющей и образов легенды, совершенно независимо от приведённых в нашей статье данных, датировал возникновение легенды второй половиной XII века (Gatz 1974: 75). О существовании легенды уже в конце XII века может говорить и восходящее к этому времени сообщение Chronicon Hildesheimense, в котором говорится о том, что епископ Марквард был убит славянами. В составленной на основании этого источника в XVI веке совместной хронике хильдесхаймских епископов и аббатов, данный отрывок был дополнен данными об убийстве Маркварда славянами, норманнами и данами в Гамбурге и захоронении его в Эбсторфе. В поддержку датировки некоторых сюжетов второй половиной XII века легенды может говорить и связь её в ряде источников с Корвейской легендой, также восходящей к этому времени. В таком случае легенда о мучениках могла возникнуть уже в первой фазе существования эбсторфского монастыря 1148/53-1202 гг. из более ранних устных преданий о мучениках, погибших при христианизации полабских земель. Подробнее эти вопросы будут разобраны в отдельной статье о происхождения отдельных сюжетов.

ЛИТЕРАТУРА

Адам Бременский - Славянские хроники. Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский / пер. с лат. И.В. Дьяконова, Л.В. Разумовской; ред.-сост. И.А. Настенко. М., 2011.

Гильфердинг 2013 - *Гильфердинг А.Ф.* История балтийских славян. В 3-х ч. М.: Русская панорама, 2013.

Пауль 2015 - *Пауль А.* «Страдание мучеников, покоящихся в Эбсторфе» и «История мучеников, убитых в Гамбурге» // Исторический формат. 2015. № 3. С. 40-41.

[1] Датировки создания Эбсторфской карты мира разными исследователями в настоящее время вариируют от начала и до конца XIII в., однако в любом случае выходят значительно древнее хроники Верденских епископов.

[2] Сообщение Хартхаузеном об устном указании на палеографическую датировку Падеборнской рукописи проф. Шнатом временем около 1400 г (Harthausen 1966: 80) без указания ссылки, как и попытка Гатца обосновать такую же датировку на основании латинского языка текста для обоснования авторства Г. ф. Оффензена (Gatz 1974: 60-63), в свете новых исследований вызывают серьёзные сомнения.

Adam - Magister Adam Bremensis. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum // Quellen des 9. und 11. Jahrhunderts zur Geschichte der Hamburgischen Kirche und des Reiches. Band 11. Darmstadt, 2000.

Borchling 1905 - *Borchling C.* Literarisches und geistiges Leben im Kloster Ebstorf am Ausgange des Mittelalters // Zeitschrift des Historisches Vereins für Niedersachsen. Hannover, 1905.

Borchling 1907 - *Borchling C.* Die Normannenschlacht vom Jahre 880 und die Märtyrer von Ebstorf, Hannoverland 1907. 1. Heft, Hannover, 1907.

Catalogus episcoporum Mindensium - Herrmanns v. Lerbeck Catalogus episcoporum Mindensium und seine Ableitungen // Mindener Geschichtsquellen. Bd. I. Die Bischofschroniken des Mittelalters. Herausgegeben von Dr. Klemens Löffler, Verlag der Aschendorffschen Buchhandlung. Münster, 1917.

Chronicon episcoporum Verdensium 1998 - Chronicon episcoporum Verdensium / Herausgegeben, kommentiert und übersetzt von Thomas Vogtherr. Stade, 1998.

Cronicon Sclavicum - Cronicon Sclavicum, quod vulgo dictur parochi Suselensis / Herausgegeben von Dr. E.A. Th. Laspeyres. Lübeck, 1865.

Gatz 1974 - *Gatz B.* Das Leiden der heiligen Märtyrer, die in Ebstorf ruhen // Uelzener Beitrage. 1974. 5. S. 33-80.

Härtel 1997 - *Härtel H.* Die Bibliothek des Klosters Ebstorf am Ausgang des Mittelalters // «In Treue und Hingabe». 800 Jahre Kloster Ebstorf / hrsg. von Marianne Elster. Ebstorf, 1997.

Harthausen 1966 - *Harthausen H.* Die Normanneneinfalle im Elb- und Wesermündungsgebiet mit besonderer Berücksichtigung der Schlacht von 880. Hildesheim, 1966.

Heyken 1975 - *Heyken E.* Die Ebstorfer Märtyrerlegende nach der Dresdener Handschrift des Chronicon Episcoporum Verdensium aus der Zeit um 1331 // Niedersächsisches Jahrbuch für Landesgeschichte. Hildesheim: Lax, Bd. 46/47 (1974/75). S. 1-22.

Hucker 2008 - *Hucker B.* Stift und Kloster Ebstorf. Imperiale Politik und Slawenmission in Bistum Verden // Gebaute Klausur. Funktion und Architektur mittelalterlicher Klosterräume. Bielefeld, 2008.

Hucker 2015 - *Hucker B.* Otto IV. und das Hochstift Verden (1198-1218) // Jahrbuch für den Landkreis Verden... zur Orts- und Regionalgeschichte sowie Heimat- und Naturkunde. Bd. 59. Verden, 2015

Krantz 1576 - *Alberti Krantzii.* Ecclesiastica Historia, sive Metropolis, Francofurti ad Moenum, Exofficina Typographica And. Wecheli, 1576.

Osten 1978 - *Osten G.* Slawische Siedlungsspuren im Raum um Uelzen, Bad Bevensen und Lüneburg, Selbstverlag des Museums- und Heimatvereins des Kreises Uelzen, Uelzen, 1978.

Strzelczyk 1971a - *Strzelczyk J.* Die Legende von den Ebstorfer Märtyrern als Zeugnis über die politischen und ethnischen Verhältnisse in Nordostdeutschland im Mittelalter // Lětopis. Jahresschrift des Instituts für sorbische Volksforschung. Reihe B. Nr. 18/1. Volkseigener Verlag Domowina. Bautzen, 1971.

Strzelczyk 1971b - *Strzelczyk J.* Meszennicy ebstorfcy – dzieje ksztaltowania sie jednej legendy // Slavia Occidentalis. Posen, 1971.

Strzelczyk 1997 - *Strzelczyk J.* Die Ebstorfer Märtyrerlegende und das Slawenproblem // «In Treue und Hingabe». 800 Jahre Kloster Ebstorf / hrsg. von Marianne Elster. Ebstorf, 1997.

REFERENCES

Adam - Magister Adam Bremensis. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum [Deeds of the Bishops Adam Bremenskiy of Hamburg], in: Quellen des 9. und 11. Jahrhunderts zur Geschichte der Hamburgischen Kirche und des Reiches [Sources of the History of Hamburg´s church and Holy Roman Empire of the 9. And 11. Century], Band 11, Darmstadt, 2000 [in Latin].

Adam Bremenskij - Slavyanskie hroniki. Adam Bremenskiy, Helmold iz Bosau, Arnold Lyubekskiy [Slavic chronicles. Adam from Bremen, Helmold from Bosau, Arnold from Lubeck], Moscow, 2011 [in Russian].

Borchling 1905 - *Borchling C.* Literarishes und gaystiges Leben im Closter Ebstorf am Ausgange des Mittelalters [Literary and spiritual life in the monastery Ebstorf at the end of the Middle Ages], in: Zeitschrift des Historisches Vereins für Niedersachsen [Magazine of historical society for Lower Saxony], Hannover, 1905 [in German].

Borchling 1907 - *Borchling C.* Die Normannenshlaht vom Yare 880 und die Maertyrer von Ebstorf. 1. Heft [Battle with Normans in 880 and martyrs from Ebstorf. Part 1], Hannover, 1907 [in German].

Catalogus episcoporum Mindensium - Herrmanns v. Lerbeck Catalogus episcoporum Mindensium und seine Ableitungen [Catalogus episcoporum Mindensium of the Herrmann v. Lerbeck and its derivatives], in: Mindener Geschichtsquellen. Bd. I. Die Bischofschroniken des Mittelalters. Herausgegeben von Dr. Klemens Loeffler. Verlag der Aschendorffshen Buhhandlung [Mindens historical sources. Part I. Chronicles of bishops of the Middle Ages. Published by doctor Klemens Loeffler. Publishing house of the Aschendorffs book house], Muenster, 1917 [in German].

Chronicon episcoporum Verdensium 1998 - Chronicon episcoporum Verdensium / Herausgegeben, kommentiert und übersetzt von Thomas Vogtherr [Chronicle of the Verdun bishop / Published, commented and translated by Thomas Vogtherr], Stade, 1998 [in Latin].

Cronicon Sclavicum - Cronicon Sclavicum, quod vulgo dictur parochi Suselensis / Herausgegeben von Dr. E.A. Th. Laspeyres [Cronicon Sclavicum, as is commonly called parish Susel / Published by doctor E.A. Th. Laspeyres], Luebeck, 1865 [in Latin].

Gatz 1974 - *Gatz B.* Das Leiden der heiligen Maertyrer, die in Ebstorf ruhen [Suffering oft he holy martyrs resting in Ebstorf], in: Uelzener Beitrage [Articles of Uelzen], 1974, 5, pp. 33-80 [in German].

Gilferding 2013 - *Gilferding A.F.* Istorija baltijskih slavjan. V 3-h ch. [History of the baltic slavs. In 3 Parts], Moscow, Russian panorama Publ., 2013 [in Russian].

Haertel 1997 - *Haertel H.* Die Bibliothek des Klosters Ebstorf am Ausgang des Mittelalters [Library of the monastery Ebstorf at the end of the Middle Ages], in: «In Treue und Hingabe». 800 Jahre Kloster Ebstorf / hrsg. von Marianne Elster [«In fidelity and devotion». 800 years to the monastery Ebstorf / published by Marianne Elster], Ebstorf, 1997 [in German].

Harthausen 1966 - *Harthausen H.* Die Normanneneinfalle im Elb- und Wesermündungsgebiet mit besonderer Berücksichtigung der Schlacht von 880 [Attacks of Normans to the region mouth of the rivers Elbe and Weser, with special attention to battle 880], Hildesheim, 1966 [in German].

Heyken 1975 - *Heyken E.* Die Ebstorfer Märtyrerlegende nach der Dresdener Handschrift des Chronicon Episcoporum Verdensium aus der Zeit um 1331 [Ebstorfs legend of martyrs according to the Dresden manuscript of Chronicon Episcoporum of the 1331], in: Niedersächsisches Jahrbuch für Landesgeschichte [Annual magazine of Low Saxon history], Hildesheim: Lax, Bd. 46/47 (1974/75), pp. 1-22 [in German].

Hucker 2008 - *Hucker B.* Stift und Kloster Ebstorf. Imperiale Politik und Slawenmission in Bistum Verden [Foundation and monastery of Ebstorf. Imperialny policy and legation to the Slavs in episcopacy Verden], in: Gebaute Klausur. Funktion und Architektur mittelalterlicher Klosterräume [The constructed cloister. Functions and architecture of medieval rooms of the monastery], Bielefeld, 2008 [in German].

Hucker 2015 - *Hucker B.* Otto IV. und das Hochstift Verden (1198-1218) [Otto IV. and the foundation Verden (1198-1218)], in: Jahrbuch für den Landkreis Verden... zur Orts- und Regionalgeschichte sowie Heimat- und Naturkunde. Bd. 59 [Annual magazine of the Verdens country… for local and regional history, and also native history and natural sciences. Part 59], Verden, 2015 [in German].

Krantz 1576 - *Alberti Krantzii.* Ecclesiastica Historia, sive Metropolis, Francofurti ad Moenum, Exofficina Typographica And. Wecheli [Church history, or Metropolis, Frankfurt am Main, published by And. Wecheli], 1576 [in Latin].

Osten 1978 - *Osten G.* Slawische Siedlungsspuren im Raum um Uelzen, Bad Bevensen und Lueneburg, Selbstverlag des Museums- und Heimatvereins des Kreises Uelzen [Traces of Slavic settlements in the region Uelzen, Bad Bevensen und Lueneburg, publishing house of the museum and the country of Uelzen], Uelzen, 1978 [in German].

Paul 2015 - *Paul A.* «Stradanie muchenikov, pokoyashihsya v Ebstorfe» i «Istoriya muchenikov, ubitih v Gamburge» [«Suffering of the holy martyrs resting in Ebstorf» and «History of the martyrs killed in Hamburg»], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 4, pp. 39-87 [in Russian].

Strzelczyk 1971a - *Strzelczyk J.* Die Legende von den Ebstorfer Märtyrern als Zeugnis ueber die politischen und ethnischen Verhaeltnisse in Nordostdeutschland im Mittelalter [Legend about the ebstorfs martyrs as the certificate of the political and ethnic relations in northern Germany in the Middle Ages], in: Letopis. Jahresschrift des Instituts fuer sorbische Volksforschung [The annual magazine for studying of the Sorbian nationality], Reihe B. Nr. 18/1, Bautzen, Volkseigener Verlag Domowina Publ, 1971 [in German].

Strzelczyk 1971b - *Strzelczyk J.* Meszennicy ebstorfcy – dzieje ksztaltowania sie jednej legendy [Ebstorfs martyrs – history of the formation of a legend], in: Slavia Occidentalis, Posen, 1971 [in Polish].

Strzelczyk 1997 - *Strzelczyk J.* Die Ebstorfer Märtyrerlegende und das Slawenproblem [Legend about the ebstorfs martyrs and the question of the Slavs], in: «In Treue und Hingabe». 800 Jahre Kloster Ebstorf / hrsg. von Marianne Elster [«In fidelity and devotion». 800 years to the monastery Ebstorf / published by Marianne Elster], Ebstorf, 1997 [in German].

Пауль Андрей – Историк, общественно-научный проект
«Российско-немецкий исторический семинар» (Любек, Германия).
Andreas Paul – Historian, public and scientific project
«The Russian-German Historical Seminar» (Lübeck, Germany).
E-mail: andrej.paul@gmx.de

УДК 929.5

МИГРАЦИИ АРИЕВ ПО ДАННЫМ ДНК-ГЕНЕАЛОГИИ

Клёсов А.А.
Академия ДНК-генеалогии (Бостон, США)
e-mail: aklyosov@comcast.net
Scopus Author ID: 7003273360
http://orcid.org/0000-0002-0669-3448

Авторское резюме

Рассмотрены миграции носителей гаплогруппы R1a со времени образования гаплогруппы в Южной Сибири примерно 20 тысяч лет назад, последующего пути через Тибет, Иран и Малую Азию на Балканы, перехода ее носителей на Русскую равнину и последующего перехода в Индию в середине II тыс. до н.э. Путь их из Европы на восток, который с середины IV тыс. до н.э. отмечен расхождением индоевропейского языка на ветви, положил начало выходу носителей гаплогруппы R1a на историческую арену под именем ариев. Их протяженные миграции завершились на Иранском плато (авестийские арии), в Северной Индии (индоарии) и в Месопотамии (хетты и митаннийские арии). В качестве арийских можно рассматривать и миграции на Южный Урал (синташтинская и родственные археологические культуры), от Северного Казахстана в далекое Зауралье (андроновская культура, тагарская, таштыкская и родственных культуры), и далее до Алтая с переходом в культуры скифского круга в I тыс. до н.э. Названия культур, их территории и времена можно уточнять и менять, но сути дела это не изменит – это миграции носителей гаплогруппы R1a с последовательно (и параллельно-последовательно) образующимися субкладами. В статье проведен критический анализ археологических культур, которые имеют или могут иметь отношение к миграциям ариев и их предков, начиная с балканской культуры Лепенского Вира (середина VIII тыс. – начало VI тыс. до н.э.), проходя через трипольскую культуру, и далее через культуры шнуровой керамики, фатьяновскую, бабинскую, катакомбную, срубную, потаповскую, синташтинскую, андроновскую, БМАК, карасукскую, тагарскую и другие сопряженные культуры, с точки зрения данных ДНК-генеалогии и характеристик ископаемых ДНК этих культур.

Ключевые слова: арии, гаплогруппы, гаплотипы, индоевропейские языки, Лепенский Вир, трипольская культура, культура шнуровой керамики, фатьяновская культура, бабинская культура, катакомбная культура, срубная культура, потаповская культура, синташтинская культура, андроновская культура, БМАК, карасукская культура, тагарская культура.

MIGRATIONS OF THE ARYANS IN LIGHT OF DNA GENEALOGY

Anatole Klyosov
The Academy of DNA Genealogy (Boston, USA)
e-mail: aklyosov@comcast.net

Abstract

Migrations of haplogroup R1a were considered from the time of the haplogroup formation in South Siberia around 20,000 years ago, and subsequent migrations across Tibet, Iran, and Asia Minor to the Balkans, then to the Russian Plain and the eventual arrival to India in the middle of the II millennium BC.

Their migration from Europe to the East was marked by the split of their Indo-European language to branches, which occurred in the middle of the IV millennium BC, and essentially heralded the appearance of the Aryans as R1a bearers on historical arena. The extended Aryan migrations brought them to Iranian plateau (as Avesta Aryans), North India (as Indo-Aryans), and to Mesopotamia (as Hittites and Mitanni Aryans). Migrations of R1a bearers to South Ural (Sintashta and related archaeological cultures), from Northern Kazakhstan to remote regions beyond Ural (Andronovo culture, Tagar, Tashtyk and related cultures) and further on to Altay along with formation of a Scythian circle of cultures in the I millinnium BC. Names of the cultures, their regions and time periods can be adjusted and changed, however, it would not change the most important thing: those are migrations of R1a bearers along with their subsequent and "parallel" subclades. This paper presents a critical consideration of a number of archaeological cultures, which are related or can be related to migrations of the Aryans or their ancestors, beginning with Lepenski Vir culture (middle of VIII – beginning of VI millennium BC), then subsequently through the Trypillia culture, Corded Ware culture, Fatyanovo culture, Babino culture, the Catacomb culture, Timber-grave culture, Potapovka culture, Sintashta culture, Andronovo culture, Baktria-Margiana archaeological complex, Karasuk culture, Tagar culture and other related cultures, from the point of view of DNA genealogy and features of excavated DNA from those cultures.

Keywords: Aryans, haplogroups, haplotypes, Indo-European languages, Lepenski Vir culture, Trypillia culture, Corded Ware culture, Fatyanovo culture, Babino culture, Catacomb culture, Timber-grave culture, Potapovka culture, Sintashta culture, Andronovo culture, Baktria-Margiana archaeological complex, Karasuk culture, Tagar culture.

* * *

Тема миграций ариев IV-II тыс. до н.э. представляет чрезвычайно важное направление в истории, археологии, языкознании, ДНК-генеалогии (перечисление наук можно продолжить), поскольку позволяет провести перекрестное сопоставление результатов и выводов этих наук на новом уровне знаний, и не только обогатить наше знание, но и выявить нестыковки и систематические ошибки в интерпретациях фактов и наблюдений. Это особенно важно при введении в научный оборот данных ДНК-генеалогии, которая делает только первые шаги в пересмотре «общепринятых» положений, но даже на этом начальном этапе видно, насколько противоречивыми оказываются уже устоявшиеся интерпретации, давно вошедшие в учебники, при их минимальной перекрестной проверке новыми данными.

Дадим определение миграций ариев с точки зрения ДНК-генеалогии. Миграции ариев – это миграции носителей гаплогруппы R1a, вышедшие из Европы и прошедшие по Русской равнине между серединой IV тыс. до н.э. и серединой II тыс. до н.э., и завершившиеся (как протяженные миграции) на Иранском плато (авестийские арии), в Северной Индии (индоарии) и в Месопотамии (хетты и митаннийские арии). В качестве арийских можно рассматривать и миграции на Южный Урал (синташтинская и родственные археологические культуры), от Северного Казахстана в далекое Зауралье (андроновская культура, тагарская, таштыкская и родственных культуры), и далее до Алтая с переходом в культуры скифского круга в I тыс. до н.э. Названия культур, их территории и времена можно уточнять и менять, но сути дела это не изменит – это миграции носителей гаплогруппы R1a с последовательно (и параллельно-последовательно) образующимися субкладами.

Поскольку гаплогруппа R1a образовалась в Центральной Азии примерно 20 тысяч лет назад (Klyosov 2009: 217-256; Клёсов 2011: 636-653; Klyosov, Rozhanskii 2012: 1-13) и далее прошла протяженными миграциями по «южной дуге» через Иранское плато и Анатолию на Балканы, прибыв туда примерно 10-9 тысяч лет назад, и далее спустя несколько тысяч лет прошла оттуда за восток, на Русскую равнину, и далее под общепринятым названием ариев (или «индоевропейцев»), то возникает вопрос – с какого времени и места считать их «ариями»? Исторические и лингвистические науки именуют их «индоевропейцами» (или протоиндоевропейцами, ПИЕ), начиная с Анатолии примерно 10 тыс. лет назад.

Доминирующей точкой зрения среди лингвистов является та, что «прародина» ИЕ языка находилась либо в Анатолии, при этом ссылаются на Ренфрю (Renfrew 1987; 2000: 413-439) и на Т.В Гамкрелидзе и В.В. Иванова (Гамкрелидзе, Иванов 1984), причем западные лингвисты часто вторых не упоминают, либо в южных степях Причерноморья и нынешней России, следуя за концепцией М. Гимбутас (Gimbutas 1961: 193-200; 1963: 815-836; 1973: 163-214) полувековой давности. При этом обычно относят их к ямной культуре, без упоминания истории, откуда ИЕ языки появились у ямников, поскольку полагают, что ямная культура произошла из хвалынской, на востоке от ямной, или из культуры Среднего Стога, к западу от ямной, то либо оттуда, либо оттуда, либо еще откуда-то. Иногда сопровождают словами «сведения противоречивые». Как Анатолия, так и Балканы в качестве «прародин ИЕ языков» при этом зависают, связи с ними не проводят. Огромный массив данных и интерпретаций, стало быть, игнорируется.

Напротив, из ямной культуры отправляют ИЕ языки на запад, вместе с конными ордами степных кочевников, которые примерно 6000 лет назад ворвались в Европу, неся смерть, разрушения и ИЕ языки. Правда, куда ИЕ языки в Европе пропали примерно на 3500 лет, пояснений нет, поскольку ближайшая по времени после «разрушения старой Европы» аттестация ИЕ языков происходит у кельтов, примерно в середине I тыс. до н.э., и есть отрывочные и противоречивые данные о наличии ИЕ языков у греков и некоторых италийских племен, также у иллирийцев и фракийцев, но они могли остаться от древних ариев, или быть приобретенными от скифов, набегавших в Европу в I тыс. до н.э., или, наконец, от обратных миграций в Европу носителей гаплогруппы R1a-Z280 в конце II – начале I тыс. до н.э. После этого вся Европа в течение нескольких веков заговорила на ИЕ языках, но на каких языках она говорила до кельтов, ответа не дается. Известно, что в Европе было множество не-ИЕ языков, которые в I тыс. до н.э. пропадают, как только Европа заговорила на кельтских, ИЕ языках. Пропали и этруский, и пиктский, и тирренские языки, и множество других, из не-ИЕ остался только баскский язык (эускера), и потом, уже в новой эре, с востока подошел финно-угорский (или просто угорский) язык, на котором заговорили венгры.

Известный сторонник и продолжатель концепции М. Гимбутас, Д. Энтони, оказавшись в числе нескольких десятков соавторов статьи геномных популяционных генетиков (Haak, Lazaridis, et. al. 2015: 207-211), повернул обсуждение так, что якобы мутации в ископаемых ДНК ямной культуры показывают то, что ямники принесли ИЕ языки в Европу, и что они же принесли ИЕ языки в афанасьевскую культуру.

Излишне говорить, что ничего этого ДНК не показывают и показывать не могут, более того, экспериментальные данные такой трактовке противоречат. Но желание сделать так, чтобы ДНК подтвердили его старые и неверные гипотезы, и готовность популяционных генетиков что-либо подтвердить, и якобы показать «правильность» трактовок и «согласованность» их с принятыми (на их взгляд) историческими теориями, привело к обратному эффекту.

Надо сказать, что автор настоящей статьи вовсе не ставил целью рассмотреть все гипотезы и все археологические культуры, которые правильно или неправильно были отнесены лингвистами и археологами к «индоевропейцам». Автор не намерен подменять лингвистов и археологов, да и не в состоянии этого сделать. Задача автора – показать, используя новые данные, другие пути интерпретаций данных археологии и лингвистики, которые (данные) лучше укладываются в общую картину миграций ариев.

Самые древние гаплогруппы R1a в Центральной Европе (в Германии) найдены с датировками 4700-4600 лет назад, они были отнесены к культуре шнуровой керамики или получили стандартное отнесение «поздний неолит – бронзовый век» (LNBA). Археологические датировки следующие -

4740±140 лет назад	M417
4660±180	M417, по некоторым сведениям это L664
4425±60	M417
4290±225	M198, M17, M420; M459; L120; L63; L146; L62
3080±50	Z280

Помимо них, подобные находки гаплогрупп есть в Швеции и Дании

4690±180 лет назад	M417
4560±74	M459
4080±110	M198

в Польше (культура шнуровой керамики)

4170±120 лет назад	M417

в России

5120±120 лет назад	M198 (Сертея VIII Смоленской области) (Чекунова, Ярцева и др. 2014: 287-294)
прим. 4500 лет назад	M198 (Жижицкая археологическая культура, Псковская обл.) (Чекунова, Ярцева и др. 2014: 287-294)
прим. 4500 лет назад	M198 (Жижицкая культура, Смоленская обл.) (Чекунова, Ярцева и др. 2014: 287-294)

Чтобы понять, как найденные ископаемые ДНК расположены на общем дереве субкладов гаплогруппы R1a, приведем их диаграмму. Здесь окрашены те индексы, которые определили в ископаемых образцах ДНК – и в Европе, и в других, которые мы рассмотрим ниже.

R1 M173, P233, P234
R1a L146/M420, L62, L63
R1a1 M459/L120
R1a1a~ YP1272
R1a1a M512, L168, M17, M198
R1a1a1 M417
R1a1a1a L664
R1a1a1b Z645
R1a1a1b1 Z283
R1a1a1b1a Z282
R1a1a1b1a1 M458
R1a1a1b1a1a L260
R1a1a1b1a1b CTS11962.1
R1a1a1b1a2 Z280
R1a1a1b1a2a Z92
R1a1a1b1a2b CTS1211
R1a1a1b1a2b3 CTS3402
R1a1a1b1a2b3a L365
R1a1a1b1a2b3b L366
R1a1a1b1a3 Z284
R1a1a1b1a3a L448
R1a1a1b1a3a1 CTS4179
R1a1a1b1a3a1a YP276
R1a1a1b1a3a1a1 L176.1
R1a1a1b2 Z93
R1a1a1b2a Z94, L342.2
R1a1a1b2a1 L657
R1a1a1b2a2 Z2124
R1a1a1b2a2a Z2123
R1a1a1b2a2a~ Y877
R1a1a1b2a2b Z2122
R1a1a1b2a2b1 F1345
R1a1a1b2a2b1a CTS6/M582

Сокращенная диаграмма субкладов гаплогруппы R1a. Полная диаграмма включает 74 уровней субкладов. Цветом отмечены снипы, найденные в ископаемых ДНК.

Указанные выше ископаемые ДНК гаплогруппы R1a в Центральной Европе не были самыми древними. Самая древняя гаплогруппа R1a была найдена (Haak, Lazaridis, et. al. 2015: 207-211) с датировкой 7265±250 лет назад в Карелии, на Южном Оленьем острове. Ее субклад был M459, по некоторым данным нижестоящий YP1272 (см. диаграмму выше). Остается неясным, как она туда попала – с запада, из Европы, или с юга, из Анатолии, или с Кавказа. Поскольку эта гаплогруппа была найдена вместе с гаплогруппой J, вполне возможен и европейский вариант, потому что ископаемая гаплогруппа J2 была недавно найдена в дунайской культуре Сопот с датировкой 6049±29 лет назад (Szécsényi-Nagy 2015).

Более древних образцов ископаемых ДНК гаплогруппы R1a в Центральной Европе пока не нашли – либо не там искали (например, на Балканах, в Лепенском Вире, в Винча, в Триполье ископаемые ДНК не извлекали), либо их просто нет, что крайне маловероятно.

Некоторую подсказку могут дать современные гаплотипы, но древнего происхождения, то есть предположительно от прямых древних предков. В недавней статье (Underhill et al. 2015: 124-131) авторы отметили, что нашли пять иранцев азербайджанского происхождения, двух турков и жителя Объединенных Арабских Эмиратов с архаичными гаплотипами и субкладом (R1a-M420) и еще кабардинца и иранского азарбайджанца с древним субкладом (R1a-M459/SRY10831.2). Но авторы не придали значения тому, что гаплотипы оказались не от древнего предка, а от сравнительно недавнего. На все пять 19-маркерных гаплотипов иранских азербайджанцев пришлось всего 11 мутаций, что дало 11/5/0.0381 = 58 → 62 условных поколения (по 25 лет), то есть 1550±500 лет от общего предка. Это – середина I тыс. нашей эры. Какая особая древность? Можно, конечно, начинать рассуждать про «бутылочное горлышко», но впечатление уже не то. И для «бутылочного горлышка» нужны независимые основания.

Авторы той статьи просто не знали, что такие гаплотипы значительно в больших количествах найдены в Европе, например, в базе данных IRAKAZ (IRAKAZ) приведены 40 гаплотипов, и не 19-маркерных, а 67- и 111-маркерных, субкладов M420 и M459, у всех имеется архаичное значение DYS392=13, а не 11, как у подавляющего числа современных гаплотипов гаплогруппы R1a. На все 40 гаплотипов в 67-маркерном формате приходится 1064 мутации, что дает 1064/40/0.12 = 222 → 284 условных поколений, или 7100±700 лет до общего предка современных европейских гаплотипов. Их гаплотипы разбросаны по Европе – в Англии, Ирландии, Шотландии, Германии, России (Тамбов), Белоруссии, Македонии, Уэльсе. Так что ничего специфически «иранского», как и «иранской прародины» в данных статьи нет. Это, возможно, потомки древних миграций носителей гаплогруппы R1a с востока через Иранское плато и далее Анатолию на Балканы 10-9 тысяч лет назад, там же (в Анатолии) и обнаружили лингвисты самые древние (из обнаруженных ими) ИЕ языки. А возможно и значительно более поздние, и принесены в Иран арийскими миграциями из Европы во II тыс. до н.э.

Итак, предки современных архаичных гаплотипов гаплогруппы R1a могли жить в Европе 7 тысяч или более лет назад. Собственно, ископаемый R1a в Карелии с датировкой 7265±250 лет назад с этим согласуется. Поскольку именно носители

гаплогруппы R1a принесли ИЕ языки в Индию и Иран, можно вполне обоснованно предположить, что это их предки жили в Европе более 7 тысяч лет назад и говорили на ПИЕ языках. По оценкам лингвистов, ПИЕ языки стали расходиться на ветви ИЕ языков примерно 6000-5500 лет назад, и это, в свою очередь, согласуется с датировкой субклада R1a-Z645 (5500 лет назад) и его расхождения на ветви Z93 (образовалась примерно 5000 лет назад) и Z283>Z282>Z280 (примерно 5000 лет назад).

Это дает основание назвать субклад R1a-Z645 и указанные выше его ветви арийскими, и отнести к ним распространение ИЕ языков. Примерно 5000 лет назад или несколько позже (4800-4600 лет назад, то есть в первой половине III тыс. до н.э.) арийские носители гаплогруппы R1a и ИЕ языков перешли из Европы на Русскую равнину. В принципе, данное определение ариев как носителей субклада R1a-Z645 и нижеследующих субкладов, и в то же время носителей арийских (индоевропейских) языков не противоречит определениям, принятым в исторических науках и в языкознании, но их расширяет, детализирует и подводит строгую базу, показывая, откуда и когда пришли арии и их языки, и в каких направлениях проходили их дальнейшие миграции.

Всё это позволяет нам с достаточным основанием полагать, что носители гаплогруппы R1a прибыли в результате дальней миграции из Центральной Азии (предположительно из Южной Сибири) через Иран и Анатолию на Балканы примерно 10-9 тысяч лет назад. То, что гаплогруппа R1a впервые появилась (образовалась в виде соответствующей снип-мутации) в Южной Сибири, показывает находка ископаемой ДНК гаплогруппы R недалеко от Байкала с археологической датировкой 24 тысячи лет назад (Raghavan et al. 2013: 87-91). С этим маршрутом согласуется то, что самые древние ПИЕ языки были зафиксированы в Анатолии 10-9 тысяч лет назад (Ренфрю, Гамкрелидзе и Иванов) и далее на Балканах (Дьяконов, Сафронов). Авторы предполагали (и доказывали), что эти регионы были «прародиной» ПИЕ языков, но изложенное выше показывает, что это были не «прародины», а транзитные пути миграции носителей гаплогруппы R1a и их ПИЕ языков. Как, впрочем, и последующие транзитные пути миграции через степные и лесостепные регионы Русской равнины и далее в Среднюю Азию, на Южный Урал, в Зауралье, а также в Месопотамию, Иран, Индию. Сейчас везде в указанных регионах живут носители гаплогруппы R1a с соответствующими родственными субкладами (Z645, Z93, Z94, L657, Z2123), и с датировками их общих предков между 4000 и 5000 лет назад. Так что и степи России и Украины – тоже отнюдь не «прародина» ИЕ языков, а тоже транзитные регионы. Наиболее оптимальным образом на роль «прародины», если под ней понимать регион расхождения ИЕ языков на ветви, подходит место расхождения субклада R1a-Z645 на ветви, которое началось примерно 5500 лет назад, видимо, на Балканах.

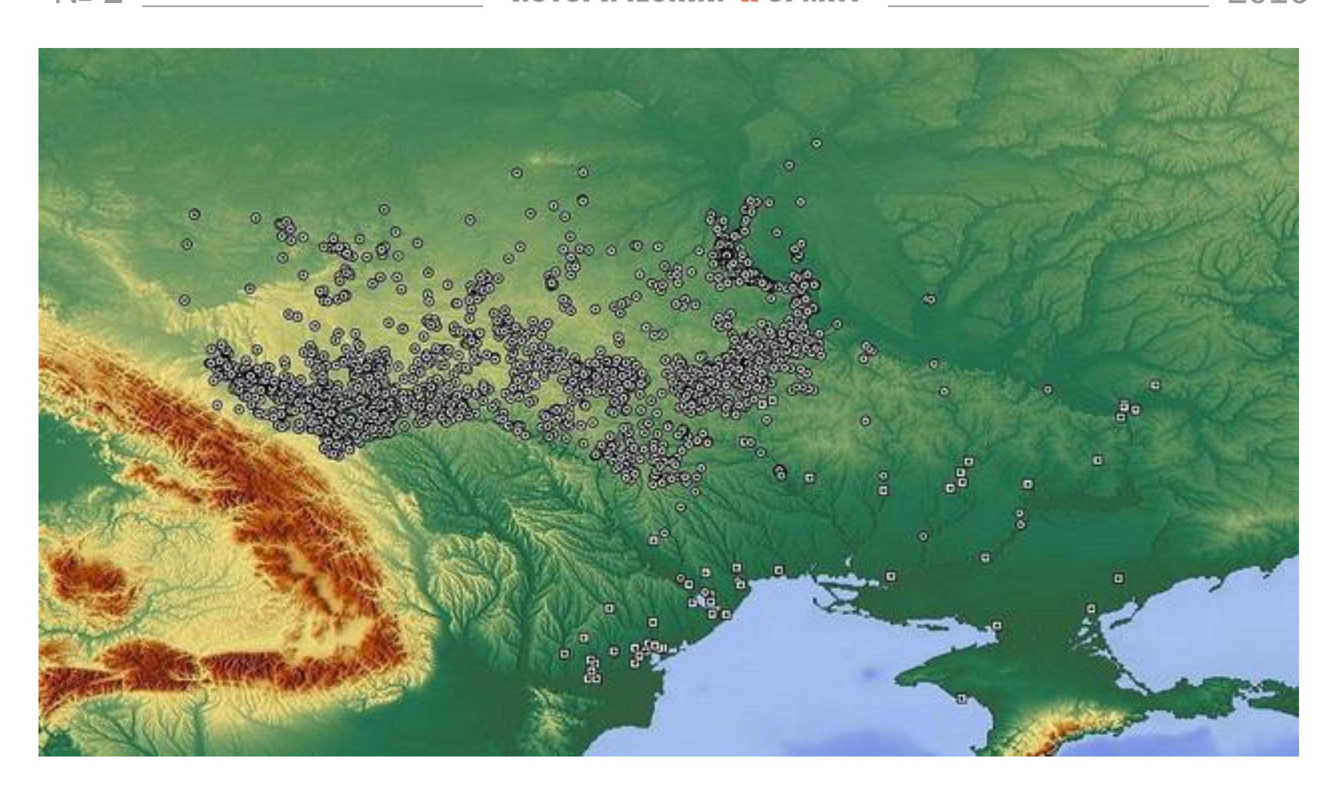
Какие же археологические культуры были созданы в Европе носителями гаплогруппы R1a? Четкого ответа на этот вопрос у нас пока нет, и он появится при достаточно массовом тестировании ископаемых ДНК, в первую очередь, на Балканах и на территории трипольской и родственных культур. Но рассмотрим то, что есть.

Начнем с балканских культур нижнего Дуная, из которых упомянем Лепенский Вир (9400-8200 лет назад), Караново (центральная Болгария, 6200-5500 лет до н.э.), Криш, Старчево (старчево-кришская культура (VII-V тыс. до н.э.), Винча (VI-V тыс. до н.э.), и далее Трипольская культура с выходом на равнину правобережной Украины. Эта группа культур датируется начиная с 9000-7000 лет назад. Из них особняком стоит Лепенский Вир на Дунае, из которого остальные перечисленные культуры не выводят. Жители его были европеоидами, что совершенно наглядно видно из сохранившися костяков. Ископаемых ДНК Лепенского Вира пока нет. Сама же культура включает не менее 20 поселений, располагавшихся по обеим сторонам Дуная на протяжении 150 км. Важно подчеркнуть, что костяки в захоронениях Лепенского Вира были в скорченном положении (Boric, Dimitrijevic 2007: 53-72), что, как будет показано ниже, характерны для гаплогруппы R1a. Одно это, конечно, не может рассматриваться как доказательство принадлежности древних жителей Лепенского Вира к гаплогруппе R1a, но его нужно принимать во внимание.

Археологи отмечают хронологический зазор между лепенской и старчево-кришской культурами, а также разные антропологические признаки лепенского («кроманьонского») и старчевского («средиземноморского») населения, и потому ряд исследователей полагают, что данные культуры не происходят одна из другой. Недавние исследования показали, что ископаемые ДНК Старчево относятся к гаплогруппам G2a (три образца), F* (три образца) и I2a1 (один образец) (Szécsényi-Nagy 2015). В культуре Винча протестирован пока только один образец, гаплогруппы G2a-P15. Датировки захоронений (Szécsényi-Nagy 2015) старчевской культуры составили 6700±100 лет, Винча - 6200±120 лет. Ископаемая гаплогруппа J2 найдена в культуре Сопот в Подунавье, с датировкой 6049±29 лет назад, сама культура датируется 7200-5800 лет назад.

То, что в указанных балканских культурах пока не найдена ископаемая гаплогруппа R1a, не должно обескураживать. Во-первых, не обследована культура Лепенский Вир, во-вторых, отсутствие доказательств не есть доказательство отсутствия, тем более что обряд захоронения указывает на возможное наличие R1a в Лепенском Вире. То, что в культурах Старчево и Винча нашли гаплогруппы G2a, F* и I2a, было ожидаемо, поскольку эти гаплогруппы находят по всей Европе с датировками 5000 лет назад и ранее. То, что не нашли гаплогруппы R1a, означает только факт, что ее там не нашли, но не то, что ее там не было. Но в любом случае, мы не можем пока опираться на культуры Старчево, Сопот и Винча как культуры предков ариев и их миграций. Это может оказаться культура Лепенский Вир, или другие культуры, или культуры указанные (Старчево, Сопот, Винча), если (или когда) в них будут найдены гаплогруппы R1a.

Итак, мы дошли до трипольской культуры (дунайско-днепровское междуречье, 7500-4650 лет назад), имея несколько противоречивую ситуацию по истокам арийских миграций из Европы.

Карта расположений археологических памятников трипольской культуры (7500-4650 лет назад)

С одной стороны, данные ДНК-генеалогии указывают на (или предполагают) обитание носителей гаплогруппы R1a в Европе 7000 и более лет назад, поскольку их современные потомки рассеяны между Британскими островами и Балканами и Россией, и их гаплотипы дают 7100±700 лет до общего предка современных европейских гаплотипов, и ископаемый образец ДНК в Карелии дает датировку захоронения 7500±7000 лет назад. С другой, сами ископаемые R1a с такими датировками на Балканах и в центральной и атлантической Европе пока не найдены. Более того, лингвисты утверждают, что расхождение ИЕ языков (предположительно в Европе) началось 6000-5500 лет назад, а кроме как носителей R1a как кандидатов на ИЕ языки в Европе представить себе трудно.

Согласно данным ДНК-генеалогии, гибель трипольской культуры (ее сход с исторической арены датируется временем примерно 4650 лет назад) сопровождалась быстрым распространением культуры колоколовидных кубков (гаплогруппа R1b) в ходе заселения ими континентальной Европы. В те же времена погибли или бежали на периферию Европы практически все гаплогруппы центральной Европы – G2a, I2a, I1, E1b, R1a, что многократно обсуждалось в моих статьях и книгах с представлением соответствующих данных. Ископаемые ДНК гаплогруппы R1b в культуре колоколовидных кубков (ККК), найденные в Германии (Lee et al. 2012: 571-579), датируются 4690-4560 лет назад, то есть как раз временем гибели трипольской культуры.

После этого нашли еще целый ряд ископаемых ДНК ККК, все из Германии, с датировками 4470-4140, 4430-4150 и 4435-4200 лет назад, но для них уже определили субклады гаплогруппы R1b, и они оказались хорошо известны – все прибыли с

Пиренейского полуострова, или через Пиренейский полуостров, на пути из Ближнего Востока – M269, L51, P310, P312 (образовался 4900 лет назад), P312-U152. Самый «молодой» из субкладов – U152, который образовался примерно 4500 лет назад. Датировки всех захоронений гаплогруппы R1b ККК в Германии - 4300±50 лет назад. Иначе говоря, R1b-U152 образовался уже в культуре колоколовидных кубков, либо в Германии, либо на самом подходе. Это показывает, насколько быстро носители ККК прошли от Пиреней до Германии – всего за несколько столетий, между 4800 и 4300 лет назад. Еще один ископаемый европейский гаплотип R1b-M269, опять из Германии, и датированный 4440±375 лет назад, был авторами (Allentoft, Sikora, et. al. 2015: 167-72) отнесен не к ККК, а к «позднему неолиту». В Скандинавии ископаемые R1b относятся уже к более позднему периоду – в Швеции 4170±120 лет назад (субклад U106), в Дании 3425±90 и 2685±125 лет назад (оба M269). Субклад U106 – тоже с Пиреней, как и «параллельный» ему P312, но ископаемые образцы были авторами отнесены к разным культурам – U106 к «позднему неолиту», P312 – к культуре колоколовидных кубков.

R1b	M343	22000 лет назад
R1b1	L278, M415	19700
R1b1a	L754	
R1b1a1	L388	17100
R1b1a1a	P297	16800
R1b1a1a1	M73	13600
R1b1a1a2	M269, L482, L483, L773, M520, PF6399, *PF6409*, *PF6434*, PF6475, *PF6482*	
R1b1a1a2a	L23, L49.1	
R1b1a1a2a1	L51	
R1b1a1a2a1a	L151, P311	
R1b1a1a2a1a1	U106	
R1b1a1a2a1b1a	CTS11824	
R1b1a1a2a2	CTS1078/Z2103, Z2105	
R1b1a1a2a2a	L584	
R1b1a1a2a2b	L277.1	
R1b1a1a2a2c	*Z2106*	
R1b1a2	V88	
R1b1a2a	M18	
R1b1a2b	V35	
R1b1a2c	Y7771	
R1b1a2c	V69	
R1b1c	*PH155*	

Фрагмент диаграммы гаплогруппы R1b и нижестоящих субкладов и снипов. Полная диаграмма включает 871 уровень субкладов. Цветом указаны снипы, найденные у ископаемых ДНК гаплогруппы R1b.

Это показывает, что трипольская культура могла быть действительно уничтожена носителями гаплогруппы R1b, эрбинами, но не ямной культуры с востока (5600-4300 лет назад), а культуры колоколовидных кубков (4800-3900 лет назад) с запада. Тогда возникает вопрос – как же мог быть перенос ИЕ языков ямниками на восток, когда направление нападения эрбинов было не с востока, а с запада? Ответ прост – не было никакого переноса ИЕ языков ямниками в Европу, они, ямники, вообще в Европу не приходили. На это указывают субклады ископаемых ДНК гаплогруппы R1b ямников, которые были проанализированы в количестве 12 образцов (Haak, Lazaridis, et. al. 2015: 207-211; Allentoft, Sikora, et. al. 2015: 167-172), из Самарской области и Калмыкии.

В целом, ямная культура занимала пространства от Днестра на западе до границ Казахстана на востоке, от Предкавказья на юге до Средней Волги севернее. Принятые в археологии датировки ямной культуры 5600-4300 лет назад. Датировки ископаемых R1b в семи захоронениях в Самарской области (расположенных в шести различных местах) практически перекрываются, от 5140±210 до 4910±200 лет назад, в Калмыкии в четырех захоронениях в двух разных местах – 5000±350 и 4775±130 лет назад. В Самарских захоронениях найдены субклады R1b-L23-Z2105/Z2103 (четверо), R1b-M269 (двое), и L23 (один), субклады отмечены на диаграмме на предыдущей странице. В калмыцких захоронениях найдены R1b-M269 (в трех местах) и R1b-Z2105 (один), вместе с M269, его прародительским субкладом (M269-L23-Z2105).

С ямной культурой и их якобы ИЕ языком в современной геномной науке происходит просто анекдотическая ситуация. В недавней статье 2015 года, в ведущем журнале мира Nature, большая группа авторов (66 человек) (Allentoft, Sikora, et. al. 2015: 167-172) разместили раздел «Распространение индоевропейских языков» размером в один абзац (!), в котором пишут, что «геномные данные показывают распространение людей из ямной культуры черноморско-каспийских степей в северную Европу и в Центральную Азию в раннем бронзовом веке, что хорошо соответствует распространению ИЕ языков». Тут всё неправда. «Распространение в северную Европу» строится только на том, что и в древней ямной культуре R1b (ранний бронзовый век, 5500-4500 лет назад), и в северной Европе сейчас R1b, и это сходство показывает, разумеется, геном. Только никакого распространения R1b-Z2103 из ямной культуры в Европу не было, и тем более в северную Европу, как не было и распространения ИЕ языка из ямной культуры в Европу в те времена. Как известно, гаплогруппы R1b в Европе огромное количество (примерно 60% среди мужского населения), только это на 99% потомки прибывших с Пиренейского полуострова, начиная примерно с 4800 лет назад – это субклады P312, U106, U152, L21 и их нижестоящие, и таких в Европе уже протестированы не менее 50 тысяч человек. Одного субклада L21 в 111-маркерном варианте уже давно известно для более чем 5 тысяч человек. Для сравнения, субклада Z2103 (в частности, из ямной культуры) в Европе практически нет. Вот данные по наиболее полному списку по разным базам данных FTDNA (число гаплотипов, обнаруженных в наших современниках из примерно 50 тысяч гаплотипов): Албания – 2, Австрия – 1, Белоруссия – 1, Хорватия – 1, Чехия – 2, Франция – 5, Греция – 6, Венгрия – 3, Ирландия – 5, Косово – 1, Словакия – 1, Шотландия – 5, Испания – 3, Швеция – 2, Украина – 4, Македония – 2,

Нидерланды – 1, Норвегия – 3, Румыния – 2, и так далее. Самое большое количество Z2103 – в России (38 человек), Турции (18), Польше (18) и Болгарии (14), но учитывая, что в Польше количество тестированных во много раз больше, чем в России и в Турции, то стоит несколько нормировать эти показатели, и у Польши окажется на уровне 2-3 носителей гаплогруппы R1b-Z2103. Где же «продвижение R1b из ямной культуры в Европу»? Не продвигались на запад со стороны ямной культуры ни люди R1b, ни ИЕ язык.

То, что в Болгарии больше носителей R1b-Z2103, чем в остальных европейских странах (про Польшу мы уже пояснили), в принципе, не исключает, что эрбины могли пройти немного на запад от Черного моря, но то, что в окружающих Болгарию странах их потомков нет, заставляет искать другие объяснения. Например, в Болгарию носители Z2103 могли прибыть намного позже из Турции. Возраст общего предка болгарских Z2103 3800±500 лет для 37-маркерных гаплотипов, и 3400±560 лет для 67-маркерных гаплотипов. Для Польши, кстати, времена такие же - 3300±400 лет для 37-маркерных гаплотипов, и 3400±430 лет для 67-маркерных гаплотипов. Это – на одну-две тысячи лет меньше, чем датировки Z2103 в ямной культуре – 4600-5300 лет назад. В общем, объяснения найти можно, только цена им будет мала. Вот если бы датировки в Болгарии и Польше были сравнимы с датировками в ямной культуре – тогда было бы другое дело.

То же и с продвижением «ямной культуры R1b» в Центральную Азию. Не шли миграции эрбинов на восток, они шли в обратную сторону, на запад, с востока до Русской равнины, и далее на юг, в Турцию, в Месопотамию, и далее до Пиреней. В афанасьевской культуре вообще пока ни одной Y-хромосомы не нашли, и, соответственно, ни одной гаплогруппы, нашли пока только пять женских скелетов, мтДНК – две U5a, две J2a, и одну T2c. Никаких доказательств «продвижения ямной культуры» до Алтая нет и близко, близость геномов с таким же успехом может означать продвижение людей от афанасьевской культуры до ямной в древние времена (Клёсов 2014). А попгенетики принимают только одну трактовку, как им подсказывают археологи, которые традиционно путаются с направлениями миграций (о чем был у археологов лозунг полувековой давности – «горшки не люди»).

Но Z2103 - четыре образца ДНК из семи в ямной культуре в самарском регионе, а если добавить родительскую L23, которой также мало в Европе, то уже пять из семи носителей гаплогруппы R1b направились из самарской ямной культуры в Месопотамию, а не в Европу. Если же добавить M269, то все они в Европе почти не наблюдаются. Популяционные же генетики, обнаружив R1b в ямной культуре и не посмотрев на субклады, решили, что носители тем самых R1b (или их потомки) напрямую направились в Европу, неся с собой индоевропейские (ИЕ) языки. Здесь – клубок неоправданных допущений и неверных трактовок. Одно – что никаких данных о том, что ямники направились в Европу, нет, индексы субкладов тому противоречат. Другое – что никаких данных о том, что ямники говорили на ИЕ языке, нет. Нет никаких данных, что эрбины несли ИЕ языки из южной Сибири через северный Казахстан, ботайскую культуру, хваланскую, средневолжскую,

ямную, и далее в Месопотамию – и все это между 10 и 5 тысяч лет назад. Нигде на этом пути ИЕ языки не зафиксированы.

Я не могу исключить, что ямники могли потрепать трипольцев и с восточной стороны, но при этом они свои субклады гаплогруппы R1b на запад не принесли, следовательно, не принесли и ИЕ язык. Не разговаривали ямники на ИЕ языках. Ошиблась М. Гимбутас и с направлением движения индоевропейцев – не на запад они продвигались, а на восток, и не ямниками они были (с гаплогруппой R1b), а ариями (с гаплогруппой R1a), и ИЕ языки шли, соответственно, тоже не на запад, а на восток.

Таким образом, прослеживаются истоки арийских миграций в Европе – культура Лепенского Вира (9400-8200 лет назад) – Трипольская культура (7500-4750 лет назад) и переход ариев на Русскую равнину, 4800-4600 лет назад. Это должен был быть и путь индоевропейских языков на переходе Балканы – Русская равнина. Тогда расхождение индоевропейских языков на ветви и расхождение субклада R1a-Z645 на ветви должны быть связаны друг с другом и, как вариант, произойти в трипольской культуре. На Русской равнине арии субкладов Z93, Z283, Z282 и Z280 расселились от Черного до Балтийского моря, причем всего за несколько сотен лет. Видимо, параллельным этому расселению было образование культуры шнуровой керамики (5200-4300 лет назад) и далее, при смещении на восток, фатьяновской культуры (4300-3500 лет назад) средней полосы России, на Верхней и Средней Волге, которая протягивалась с территорий современных Белоруссии и Литвы до современных Чувашии и Татарстана.

Ископаемые ДНК фатьяновцев показывают гаплогруппу R1a (археологическая датировка 5120±120 и примерно 4500 лет назад, Смоленская и Псковская области, см. выше), и известно, что фатьяновцы укладывали своих покойников точно так же, как и носителей гаплогруппы R1a в культуре шнуровой керамики – в скорченном положении, мужчин на правом боку, головой на запад, лицом на юг, женщин – на левом боку, головой на восток, лицом на юг, ноги у всех согнуты. Это означает, что фатьяновцы с большой вероятностью – носители гаплогруппы R1a, а поскольку половина и больше современных этнических русских, жителей центральной России, также имеют гаплогруппу R1a (хотя погребальный обряд заменился христианскими обычаями), то опять же с хорошей вероятностью фатьяновцы – предки современных этнических русских гаплогруппы R1a, субклада Z280.

Гаплогруппа R1a была первой, которую нашли в ископаемых костных останках при раскопках в Эулау в Германии, в культуре шнуровой керамики (Haak et al. 2008: 18226-18231). Археологическая датировка захоронения — 4600 лет назад, в нем нашли кости группы взрослых и детей, большой семьи, убитых стрелами и каменными топорами при неожиданном нападении врагов. Гаплогруппа у всех мужчин и мальчиков — R1a.

Авторы определили не только гаплогруппу, но и около десятка гаплотипов. «Около» — потому что не все определили полностью, некоторые с пропусками. Поскольку это оказалась семья, то гаплогруппы всех ее членов оказались похожими друг на друга. Вот такие:

13/14 25 16 11 11 14 10 12/13 30 14/15 14 19 13 15/16 11 23 (древние R1a)

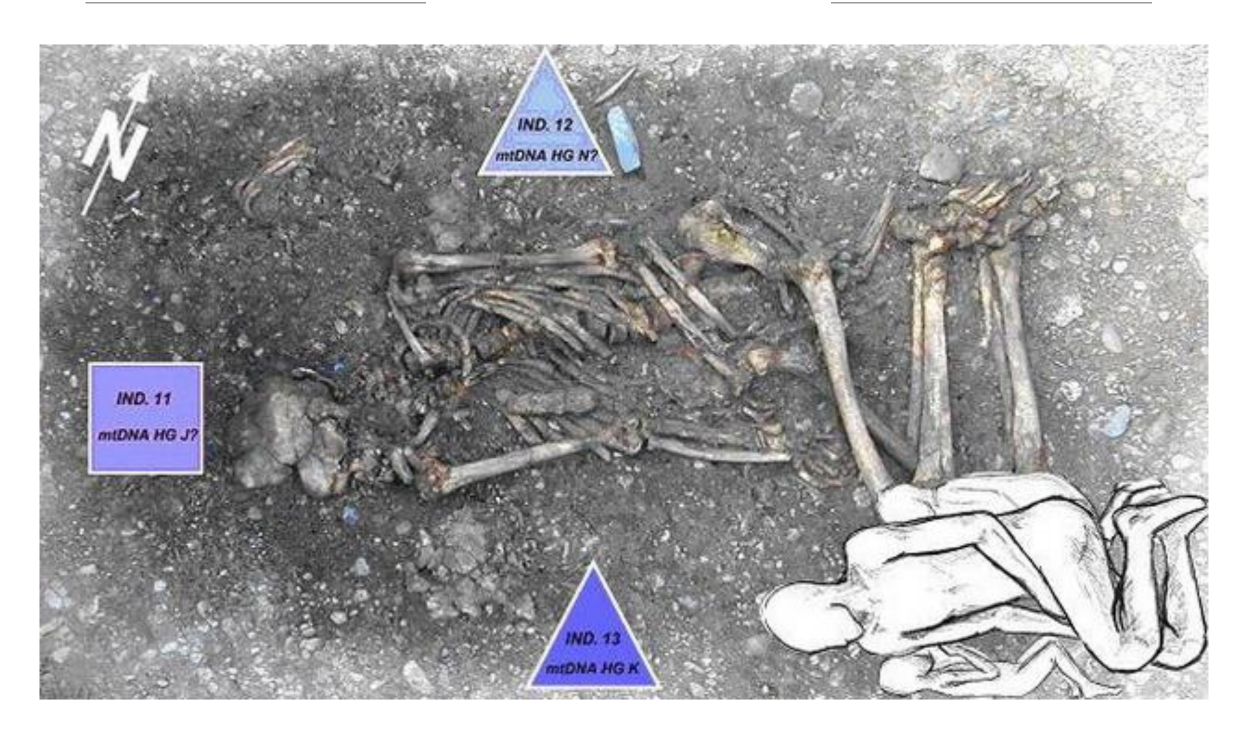
Они оказались также очень похожими на расчетный гаплотип общего предка гаплогруппы R1a у этнических русских в том же 16-маркерном формате (как указывалось выше, выборка 17-маркерных гаплотипов R1a этнических русских показывает датировку примерно 4750 лет назад):

13 25 16 11 11 14 10 13 30 15 14 20 12 16 11 23 (этнические русские R1a)

Двойные числа в ископаемых гаплотипах — это те, которые точно определить не смогли, здесь возможны варианты. Только две аллели (так называются эти числа) у ископаемых гаплотипов явно отличаются от расчетных, и они выделены. Иначе говоря, эти пра-немецкие гаплотипы немного отличаются от пра-русских, что, в общем, удивления не вызывает. Тем более что этот ископаемый гаплотип принадлежал одной конкретной семье, у которой всегда возможны мутации. Ясно, что эти гаплотипы принадлежат близким родственникам. Две мутации между гаплотипами означают, что предковый «пра-русский» и ископаемые «пра-немецкий» гаплотипы расходятся примерно на 700 лет. Это определяется довольно просто — константа скорости мутации для приведенных гаплотипов равна 0.0361 мутации на гаплотип на условное поколение в 25 лет. Поэтому получаем, что гаплотипы расходятся на 2/0.0361 = 55 → 58 условных поколений, то есть на 58x25=1350 лет (стрелка показывает расчетную поправку на возвратные мутации, потому что со временем часть мутаций возвращаются в исходное положение, и наблюдаемая хронология несколько занижается, в данном случае на 75 лет). Это помещает их общего предка примерно на (4600+4750+1350)/2 = 5350 лет назад, и согласуется с «возрастом» общего предка рода R1a на Русской равнине, определенным независимым путем, а именно 4900±500 лет назад. Можно, конечно, начинать дополнительно подгонять, что от немецкого (в будущем) Эулау до будущих русских территорий еще дойти нужно было, так что совпадение даже лучше, но мы этого делать не будем. Датировки все равно останутся в пределах погрешности расчетов.

Так ископаемые гаплотипы подтверждают расчеты и выводы ДНК-генеалогии, но подводят под нее базу археологии. И наоборот.

Еще одно наблюдение – в публикации о захоронении носителей R1a в Эулау было описано положение костяка в скорченном положении – мужчин на правом боку, головой на запад, лицом на юг, женщин – развернуто, на левом боку, головой на восток, лицом на юг, ноги у всех согнуты. В дальнейшем это положение подтвердилось, и оказалось специфическим для гаплогруппы R1a у мужчин и женщин. Это же положение мы видим и для фатьяновской культуры на территории современной России (см. ниже).

Захоронение мужчины гаплогруппы R1a (в центре) в археологической культуре шнуровой керамики, с датировкой 4600 лет назад на территории современной Германии (Эулау). Положение костяка — на правом боку, головой на запад, лицом на юг, ноги согнуты (Haak et al. 2008: 18226-18231)

Пример другого (чем у R1a) обряда трупоположения, который относится к гаплогруппе G2a, культура линейно-ленточной керамики, Германия, датировка 7040±40 лет назад, субклад G2a2a1. Положение мужского скелета – на левом боку (из статьи: Haak, Lazaridis, et. al. 2015)

То, что все большое семейство было убито, явно пришельцами, пока мужчины племени отсутствовали, может говорить о том, что обстановка в Европе с выживанием автохтонных обитателей тогда стала действительно накаляться. Естественно, на это легко возразить, что мало ли кого убивали почти пять тысяч лет назад. Но на самом деле мало, во всяком случае, пришельцами (речь не идет о возможных ритуальных жертвах или наказаниях за преступления в племени). В культуре Винча, например, за почти все время ее существования (до заключительного времени культуры) не было укрепленных сооружений, не найдено оружия, и это, возможно, было золотое время Старой Европы. Но потом культура погибла, когда погибли почти все гаплогруппы Старой Европы, и когда культура колоколовидных кубков (гаплогруппа R1b) активно заселяла Европу со стороны Пиренеев, то есть юго-запада. Если бы пришельцы действительно нападали на древние поселения, как в Винча, там были бы и укрепления, и оружие. Похоже, что в первой половине III тыс. до н.э., когда погибла культура Винча, когда была убита большая семья в Эулау, когда в горах убили «Отци», или «ледового человека», причем убили не случайно, а намеренно и целеустремленно гнались за ним несколько дней в горах, возможно, тогда и начала исчезать мирная «старая Европа». Возможно, это всё окажется несвязанными случайностями, но пока это обоснованно сказать нельзя.

Археологическая культура шнуровой керамики (она же культура боевых топоров, в которой боевые топоры имели, возможно, декоративное, ритуальное значение, их клали в мужские погребения), датируется 5200-4300 лет назад, что соответствует описанной находке R1a 4600 лет назад. В исторической науке так и не понятно, из каких культур возникла культура шнуровой керамики – из культуры воронковидных кубков (6000-4700 лет назад), или шаровидных амфор (5400-4800 лет назад), или баденской культуры (5600-4800 лет назад), и останется непонятным, пока не будут получены воспроизводимые данные о том, какие гаплогруппы преимущественно составляли те культуры.

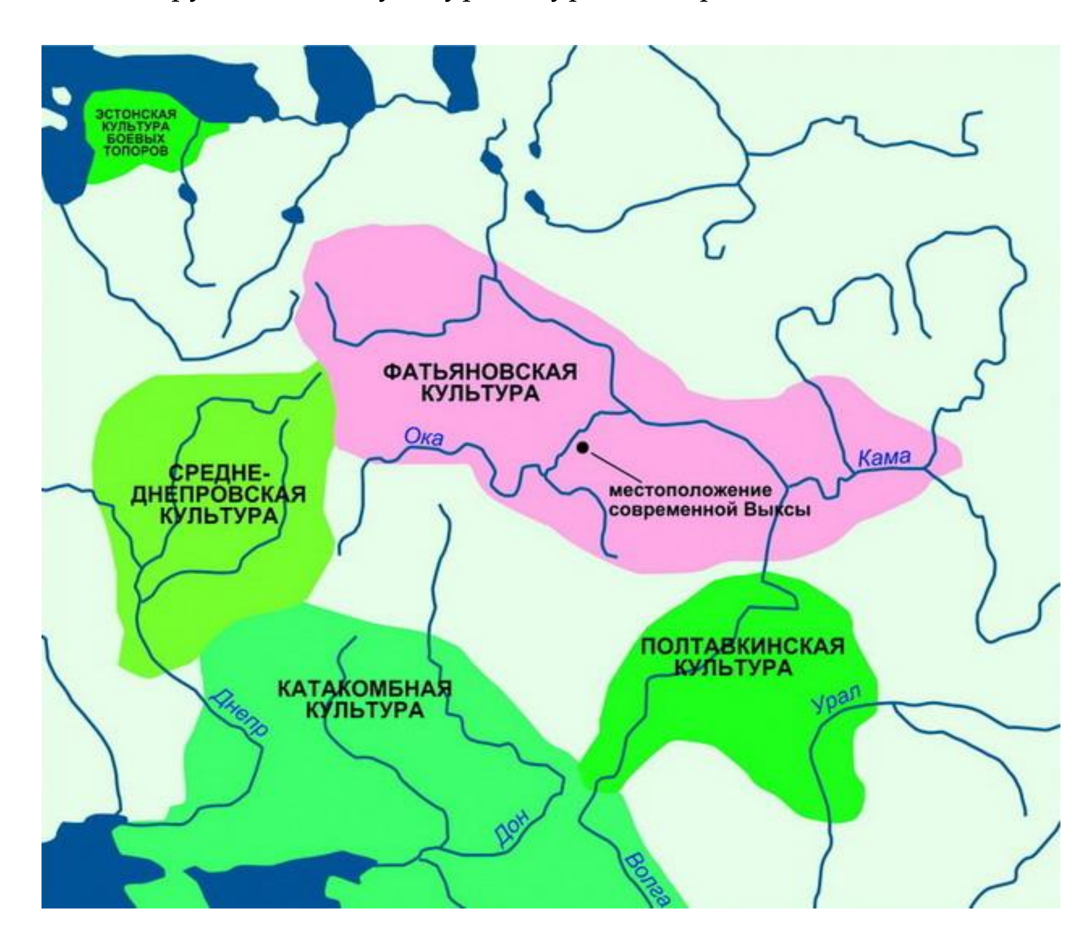
Археологическая культура шнуровой керамики (5200-4300 лет назад), шаровидных амфор (5400-4800 лет назад), ямная (5600-4300 лет назад) и баденская культуры (5600-4800 лет назад). Трипольская культура на этой карте не показана. В ямной культуре выявлены уже 12 образцов ископаемой ДНК (Haak, Lazaridis, et. al. 2015: 207-211; Allentoft, Sikora, et. al. 2015: 167-172) (в Самарской области на Волге, и в Калмыкии), и все оказались R1b, в основном R1b-Z2103. В культуре шнуровой керамики найдены образцы ДНК гаплогруппы R1a (субклад не определен) с датировкой 4600 лет назад (Haak et al. 2008: 18226-18231).

Вопреки мнению многих историков, ямная культура не имеет никакого прямого (генеалогического) отношения к культуре шнуровой керамики. Первые – R1b, вторые – R1a. И никакие «геномные данные» (Haak et al. 2008: 18226-18231; Haak, Lazaridis, et. al. 2015: 207-211; Allentoft, Sikora, et. al. 2015: 167-172) этого не изменят, потому что интерпретация их в настоящее время основана на системных ошибках. Как R1a, так и R1b происходят от общего родителя – гаплогруппы R1, поэтому геномное «сходство» между ними ровным счетом ничего не означает, кроме как то, что R1a и R1b – братья, и геномное сходство между ними просто обязано быть. Как и сходство между братьями, потому что у них есть общий предок – их отец. Считать, что раз они сходны, то один брат происходит от другого – это принципиальная ошибка. Но эту ошибку постоянно делают «геномные популяционные генетики». А другие их пересказывают - «согласно исследованиям анализа геномов 170 обитателей различных районов Евразии, живших от 8000 до 2000 лет назад, «культура боевых топоров» была сформирована потомками мигрантов из Восточной Европы и Причерноморско-Каспийской степи в Западную Европу» (это пересказ биолога А. Маркова (Марков 2016), хотя и сами цитированные статьи (Haak, Lazaridis, et. al. 2015: 207-211; Allentoft, Sikora, et. al. 2015: 167-172) – клубок недоразумений). Авторы перепутали направления миграций, во времена культуры шнуровой керамики они были с запада на восток, а не с востока на запад, и всё потому, что смотрели на «похожесть» геномов, не желая понимать, что «похожесть» не задает направления миграций. То пишут, что «генофонд носителей «культуры боевых топоров» на 79% происходит от генофонда общего с генофондом ямников...» (тот же А. Марков по тем же источникам). Но он и должен быть похож, именно потому, что R1a и R1b происходят от одной гаплогруппы, R1, только это ни о чем не говорит в отношении направления миграций.

В итоге – поразительная картина. Совершенно искаженные выводы, не имеющие к науке никакого отношения, печатают журналы Nature и Science, наиболее престижные журналы мира, СМИ по всему миру перепечатывают, восторгаются «вершинами современной генетики», а там – полная, поражающая безграмотность, отсутствие научной школы мышления, кардинальные искажения истории и лингвистики. Сейчас генетики, конечно, скажут – а мы не только мужчин, мы и женщин в той же степени расматриваем, мы политкорректны – только это опять ничего не изменит. Не произошли шнуровики от ямников, там не только мужские гаплогруппы другие, эти культуры передвигались в противоположных направлениях, первые с запада на восток, вторые с востока на запад (очень немного, если вообще такие были), а в основном с востока на юг, через Кавказ на Ближний

Восток. В Европу они прошли совсем другим путем и с другой стороны, а именно с юго-западной, с культурой колоколовидных кубков (Klyosov 2012: 87-105).

С течением времени культура шнуровой керамики (5200-4300 лет назад) продолжала смещаться на восток, и переходить в фатьяновскую культуру (4300-3500 лет назад, по другим данным 4800-3900 лет назад: Parpola 2015: 47) средней полосы России, на Верхней и Средней Волге, которая протягивалась с территорий современных Белоруссии и Литвы до современных Чувашии и Татарстана. К ископаемым гаплогруппам фатьяновцев – шнуровиков можно отнести R1a-M198/M17 в Смоленской области с датировкой 5120±120 лет назад, а также R1a из захоронений в Смоленской и Псковской области с датировками примерно 4500 лет назад (жижицкая культура) (Чекунова, Ярцева и др. 2014: 287-294). Как уже было отмечено выше, фатьяновцы укладывали своих покойников точно так же, как и носителей гаплогруппы R1a в культуре шнуровой керамики.

Расположение ряда культур Русской равнины

Завершение фатьяновской культуры у историков остается неясным. Одни полагают, что их «поглотили абашевские племена» (по датировкам совпадают с таковыми у фатьяновцев), которые считаются «индоиранскими», то есть тоже, видимо, гаплогруппы R1a. Но поскольку абашевскую культуру часто выводят из ямной, что согласуется с частым трупоположением на спине, то они, или часть их, могли быть R1b. Если абашевцы, как и шнуровики, тоже принадлежали к субкладу R1a-Z280, то «поглотить» они фатьяновцев не могли, разве что керамика могла

немного измениться. Здесь археология и ДНК-генеалогия имеют несколько разные точки отсчета. У археологов если люди остались те же, но изменились, скажем, особенности керамики, то культура изменилась, и уже может иметь другое название. И у археолога появятся трудности с преемственностью культур, потому что он ориентируется на признаки, зачастую размытые – антропология, керамика, другие материальные признаки. Поэтому часто преемственность, генезис культур ошибочно уходит в другом направлении. Например, срубников археологи часто выводят из ямников (см. ниже), но это совершенно разные гаплогруппы, R1a и R1b, соответственно. ДНК-генеалогия за точку отсчета берет мутации в ДНК, которые должны сохраняться при преемственности, должны сохраняться гаплогруппы и в целом гаплотипы, разве что с несколькими мутациями, по числу которых можно уточнить хронологию событий.

Если абашевцы имели субклад не Z280, а, скажем, Z93, то «поглотить» фатьяновцев с их Z280 они могли, только если их физически уничтожили. В противном случае, если Z280 и Z93 физически сосуществовали, то это сохранится и до настоящего времени, в нынешних потомках. Так тоже могло быть, потому что у татар и башкир субклад Z93 значительно больше выражен, чем у современных славян гаплогруппы R1a центральной полосы России, возможных потомков фатьяновцев. Этот вопрос еще крайне мало изучен, но он важен для понимания истории нашего народа.

Итак, имеется немало оснований считать истоками арийских миграций с запада, из Европы, культуру Лепенского вира (9400-8200 лет назад, пока как вариант, основываясь на сходстве некоторых артифактов и датировок) с переходом в трипольскую культуру (7500-4650 лет назад), в которой арии (тогда гаплогруппы R1a-M420 > M459 > M198 > M417 и образовавшегося примерно 5500 лет назад субклада Z645) разошлись на два «потока», Z93 (преимущественно южный, лесостепной и степной, тяготевший к Причерноморью, Предкавказью, и далее Средней Азии, Северному Казахстану, Южному Уралу и далее Зауралью, вплоть до Алтая и с переходом в Китай), и Z280 (преимущественно северный, тяготевший к умеренным широтам Восточно-Европейской равнины и до Прибалтики).

Примечательной культурой на пути южной миграции ариев была катакомбная (4500-4000 лет назад, по другим данным начинается с 4800 лет назад), позднее переименованая в катакомбную культурно-историческую общность из-за ее некоторой неоднородности на разных территориях. Территорию ее в широком варианте рассматривают как простирающуюся от низовьев Дуная до Предуралья, в более ограниченном варианте она включает области Донецкую, Харьковскую, Воронежскую, и Предкавказье, или степную и лесостепную полосу юга современных России и Украины.

Неоднородность или гетерогенность катакомбной культуры (для краткости будем называть КК) приводит к тому, что многие археологи выводят ее из ямной культуры (гаплогруппа R1b), но продолжают культурой шнуровой керамики и/или срубной культурой (в обоих случаях гаплогруппа R1a). Л.С. Клейн отмечал, что КК имеет «корни, расходящиеся в разные стороны». Собственно, это и есть указание на то, что КК представляет слои культур, созданных гаплогруппами R1b и R1a, скорее

всего, в разные времена. Обычно культуры R1b на Русской равнине, на Кавказе и на Ближнем Востоке более древние, чем культуры R1a. Наиболее разумный вариант генезиса КК – это первоначальное создание ее эрбинами, гаплогруппа R1b, и затем, после ухода (или вытеснения) эрбинов на тех же местах, по ходу своего миграционного пути на восток, расположились арии, гаплогруппа R1a. Возможно, в этом и есть причина некоторого расхождения датировок КК – эрбины там были в начале III тыс. до н.э., 4800-4600 лет назад, арии – начиная с 4600-4500 лет назад, как раз время продвижения их на восток со стороны трипольской культуры (завершение культуры примерно 4650 лет назад).

Рассмотрение конкретных захоронений подтверждает гипотезу о том, что катакомбная культура (или ямно-катакомбная, как ее ранее называли) представляет сочетание ранних эрбинов и поздних ариев. Приведем в качестве примера довольно большую серию донецких захоронений (Погорелов 1989: 109-126) в ямах и катакомбах. Как правило, захоронения в ямах были на спине (признак R1b, о чем авторы статьи не знали) или в скорченном положении на правом боку (признак R1a), причем первые (R1b) были древнее и основные, вторые (R1a) – захоронения более поздние и впускные, их было меньше. Захоронения в катакомбах следовали тем же закономерностям. Более того, впускные захоронения, которые больше соответствовали погребальным обрядам носителей R1a (на правом боку) отражали, по данным авторов статьи, более развитые и более поздние этапы катакомбной культуры. Так что мы видим здесь и «корни, расходящиеся в разные стороны», и их отнесения к гаплогруппам R1b (продолжение ямной культуры) и R1a (отражение более поздних арийских миграций). Подобных данных очень много, но во время соответствующих исследований, более 25 лет назад, авторы не были знакомы, разумеется, с ДНК-генеалогией и подразделением погребенных на гаплогруппы, и не могли понять принципы систематизации положений костяков. Их запутывало и то, что ориентация костяков не была однозначной, и многие костяки в скорченном положении на правом боку были ориентированы на запад (что характерно для R1a). Аналогично, в другой статье (Санжаров 1989: 97-108) описаны катакомбные погребения (датировка XVIII-XVII вв. до н.э., то есть поздняя катакомбная культура), в котором три костяка (один из них детский) лежат в скорченном положении на правом боку, что характерно для носителей гаплогруппы R1a. В другом захоронении костяк лежит на спине, что характерно для носителей гаплогруппы R1b.

В научном обороте насчитываются сотни, если не тысячи скелетных останков катакомбной культурно-исторической общности, и в настоящей работе нет возможности заниматься их классификацией в отношении возможной принадлежности к гаплогруппам R1b и R1a на основании трупоположения и ориентации костяков, направления лица. Оставим это археологам. Наша цель в отношении катакомбной культуры достигнута – совершенно ясно, что она занимала определенное место в арийских миграциях. А то, что в катакомбной культуре в разных «слоях» оставили свой след как эрбины, так и арии, не меняет сути динамики арийских миграций (гаплогруппа R1a) от трипольской культуры через катакомбную и далее к срубной.

Бабинская культура (культура многоваликовой керамики), 4100-3900 лет назад – очень краткосрочная степная культура, существовавшая на рубеже III-II тыс. до н.э., то есть на излете времени с катакомбной, и занимавшая территории от правого берега Днепра до Дона и далее до Волги. Как и катакомбную культуру, бабинскую культуру считают предшествующей срубной (или ранней формой срубной), или принимают переход катакомбная → бабинская → срубная. Она передала срубной культуре срубы в могиле, скорченное положение покойника (признак R1a), ориентация на восток, но положение на левом боку. Опять ситуация может быть той, что это были женские скелеты, которые носители гаплогруппы R1a укладывали в скорченном виде на левый бок с ориентацией на восток; мужские скелеты укладывали в скорченном виде на правый бок с ориентацией на запад.

На вооружении носителей бабинской культуры была легкая конная колесница. В этом отношении бабинская культура оказалась звеном в серии степных колесничных культур: потаповской, петровской, синташтинской и других археологических культур - во всех перечисленных присутствуют элементы культуры Бабино. Синонимом «бабинской» стала «культура многоваликовой керамики» от глиняной посуды, украшенной большим количеством налепных валиков, с богатым, разнообразным орнаментом. Характерные археологические находки – пряжки и псалии, особенно псалии с шипами. Носители бабинской культуры разошлись по трем основным направлениям – восточному, в сторону Южного Урала, Индии, Ирана, возможно, Северного Китая; западному, на Балканы, в Грецию, в Малую Азию; и южному, на Ближний Восток – в Анатолию, Митанни, на Аравийский полуостров. Как видим, это все миграции ариев. Археологи обычно не связывали миграции бабинской культуры с ариями, но много говорили об «импульсе колесничных культур с территории Доно-Днепровского междуречья вдоль степной и лесостепной черноземной равнинной зоны в Подонье, Поволжье, Заволжье, Южный Урал, Нижнее и Среднее Подунавье». Ископаемых ДНК бабинской культуры пока нет, но вряд ли есть сомнения, что эта культура – часть арийских миграций.

Арии в потаповской культуре имели субклад Z645 (ископаемые ДНК 4215-3915 лет назад), в срубной культуре субклад Z645-Z93 (три образца ископаемых ДНК, датировка 3865-3615 и 3865-3215 лет назад) и Z645-Z93-Z2123 (один образец ископаемой ДНК, 3865-3615 лет назад), и в синташтинской культуре - субклад Z645-Z93-Z2123 (два образца ископаемых ДНК, 4313-4060 и 4141-3911 лет назад). Опять мы видим, что это были одни и те же люди, одной ДНК-линии.

Потаповская – лесостепная культура Поволжья (4000-3750 лет назад), располагалась в Волго-Донском и Волго-Уральском междуречье и на юге лесостепного Зауралья, то есть попадала в свиту катакомбной культуры (в части носителей гаплогруппы R1a) с переходом в срубную культуру (R1a-Z93) и синташтинскую (R1a-Z93). В потаповской культуре найдены ископаемые ДНК гаплогруппы R1a -Z645 и R1a-Z645-Z93-Z94 (Утевка, Самарская область), с археологическими датировками 4750±200 и 4065±150 лет назад, а также R1a-Z645-Z93-Z94 (Потаповка I, на реке Сок в Самарской области), с датировкой 4745±200 лет назад. Хотя первая и последняя датировки великоваты для потаповской культуры (и авторы (Haak, Lazaridis, et. al. 2015: 207-211) считают их завышенными), но тот факт, что в захоронениях найдены

признаки степной миграции ариев, делают их значительными для понимания арийских миграций. Как мы видим, все найденные гаплогруппы потаповской культуры – R1a.

Среди археологов иногда описывают территориальные взаимоотношения потаповской и синташтинской культур в следующем виде: потаповская – западные склоны южного Урала, синташтинская – восточные склоны.

Ориентировка костяков в захоронениях, относимых к потаповской культуре, не однотипна – там положения и на левом боку, и на правом, и на спине. Правда, у носителей R1a на правом боку укладывали мужчин, на левом боку – женщин, а при описаниях захоронений в потаповской культуре пол костяка обычно не приводится. Что касается положения на спине – это вполне могут быть захоронения, например, полтавкинской культуры (ископаемые ДНК гаплогруппы R1b), которые местами накладываются на потаповскую культуру, и неправомерно отнесены к последней. Вот и «ямно-полтавкинский компонент потаповского и синташтинского культурных комплексов» (Кузнецов, Семенова 2000: 122-151). В этом опять разбираться археологам, описания которых в публикациях часто неполны, и надо поднимать конкретные отчеты.

Взглянем на полтавкинскую культуру (4700-4100 лет назад), которая простиралась от Среднего Поволжья до границ современного Казахстана, и располагалась к востоку от катакомбной и к югу от фатьяновской культуры. Она по данным археологов старше потаповской (R1a) на 350-700 лет, и все до сих пор найденные ДНК полтавкинской культуры, общим числом четыре, показывают гаплогруппу R1b, все из захоронений Самарской области. Это R1b-L23-Z2105 (Кутулук III, датировка 4690±190 лет назад), R1b-M269 и еще десять снипов, все эквивалентны M269 (Грачевка II, на реке Сок, 4740±150 лет назад), R1b-M269-L23 (Николаевка III, на реке Самаре, 4515±300 лет назад), и опять R1b-L23-Z2105 (Лопатино II, на реке Сок, 4790±110 лет назад). Мы видим, что по территории, по датировкам и по гаплогруппам-субкладам полтавкинская культура практически идентична ямной (5300-4200 лет назад), захоронения последней, которые показали гаплогруппу R1b, были тоже в Самарской области, Кутулук I, Лопатино I на реке Сок, Лопатино II на реке Сок, в Лужках и в Ишкиновке I, это все один регион с полтавкинскими захоронениями, которые дали ту же R1b, и даже субклады одинаковые с теми, что в ямной культуре, в частности, L773, PF6475, L500 (это все эквиваленты M269), Z2103/Z2105 (это синонимы), L23 и так далее. Так что в данном случае это не «культурно-исторические общности» и не «горизонт», это были одни и те же люди. Мы видим следы миграции эрбинов, которые прошли в западном направлении на 500-1000 лет ранее ариев, которые двигались, напротив, на восток. Ранее – потому что 4600 лет назад арии только выходили на восток от Карпатских гор, а эрбины были за Волгой.

Судя по некоторым данным, в полтавкинской культуре встречаются костяки в скорченном положении на боку (характерно для R1a), но в основном на спине (Пятых, Г.Г. Автореф. дисс. канд. ист. наук (2005) Проблема формирования срубной культуры Заволжья, М.) (Пятых 2005). Однако здесь надо смотреть датировки – например, захоронения R1a могли быть впускными, в ранние по времени курганы

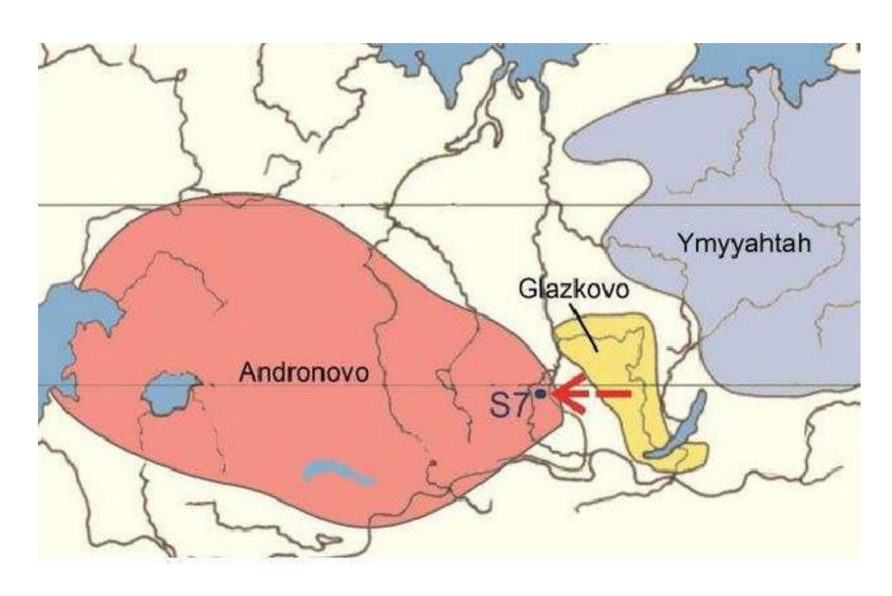
эрбинов. Есть и экзотические захоронения – в культуре, отнесенной к потаповской, костяк лежит на спине (что нехарактерно для R1a), но на месте головы уложен череп коня.

Абашевская культура (4200-3700 лет назад) протянулась по лесостепи от Дона через Верхнее и Среднее Поволжье и Южное Приуралье до Тобола. По другим описаниям, она была распространена от Калужской области до Южного Урала (южного Башкортостана), включая области Воронежскую, Липецкую, Ульяновскую, Самарскую. Там опять, к сожалению, у археологов много путаницы. Ряд археологов (И.Б. Васильев, П.Ф. Кузнецов и А.П. Семенова) выступили с идеей о том, что абашевская, полтавкинская культуры и «потаповский культурный тип» сложили срубную культуру, причем главная роль в этом отдается полтавкинской культуре. Здесь опять идет нестыковка преемственности гаплогруппы R1a (срубная культура) и R1b (полтавкинская культура), и тут же появляется «потаповский культурный тип», весьма уклончивое понятие. Более того, другие археологи (Г.Б. Зданович, Д.Г. Зданович, В.В. Отрощенко, А.Т. Синюк) предложили концепцию, что это синташтинская культура из-за Урала распространилась на запад, до бассейна Дона, с образованием на Волге и Дону своих локальных вариантов – потаповской культуры на Волге и абашевской культуры на Дону. Иначе говоря, срубная культура произведена из синташтинской. Здесь одна, но принципиальная проблема с точки зрения ДНК-генеалогии – не продвигались арии с Урала (или из-за Урала) на запад вплоть до Дона, не сходится с направлением образования субкладов.

Итак, арии ветви R1a-Z93 подошли к Волге, продвинулись на территорию современной Самарской области, и двинулись дальше, в целом на восток. На историческую арену вышла срубная культура (3800-3200 лет назад, по другим данным 3600-3200 лет назад), она же срубная культурно-историческая общность, по которой у историков есть множество противоречий. Но это хорошо, есть с чем работать. Здесь у ДНК-генеалогии открываются многие возможности, начиная с того, что ископаемые костные останки срубной культуры показали наличие в основном субкладов R1a-Z93 и R1a-Z93-Z2123 (Allentoft, Sikora, et. al. 2015: 167-172). Эти образцы были взяты из срубных захоронений в Новоселках, Бариновке, Спиридоновке и Уваровке (все – Самарская область), с археологическими датировками 3540±325 лет назад для первых двух погребений (субклад R1a-Z93), и 3740±125 лет назад для последних двух.

В Спиридоновке в срубном захоронении обнаружены начальные субклады R1a-M459 и L168, которые, скорее всего, недотипированы, и R1a-Z2123, в Уваровке – R1a-Z93. Таким образом, данные захоронения срубной культуры (середина II тыс. до н.э.) – это «хвост» миграции «классических» ариев, предки которых к тому времени уже 1000-500 лет как ушли на юг, юго-восток и восток, уже давно освоили андроновскую, петровскую (северо-запад Казахстана и юго-запад Сибири) и синташтинскую культуры, и ушли в Месопотамию, Иран, Индию, и в Зауралье. Аналогично, столь же поздняя находка, археологическая датировка 3390±75 лет назад, субклад R1a-Z645-Z2124 (нижеследующие субклады Z2122 и Z2123 отрицательны) была сделана в андроновской культуре (Кытманово Алтайского края), она же андроновская культурно-историческая общность, но это уже тысячи

километров восточнее Урала. Там же, к востоку от Урала, были найдены девять ископаемых ДНК гаплогруппы R1a (субклады не определяли) и один образец гаплогруппы C, с датировками 3800-3400 лет назад (Keyser et al. 2009: 395-410). В недавней работе (Муратов 2016: 131-146 (и ссылки там же)) было предположено, что носитель гаплогруппы С мог попасть в выборку из соседней глазковской культуры, потомки которой с гаплогруппой С сейчас являются эвенками.

Карта расположения глазковской культуры в регионе и севернее оз. Байкал. Стрелкой указано захоронение в андроновской культуре, в которой найдены девять носителей гаплогруппы R1a и один – гаплогруппы С (образец S7). По статье (Муратов 2016)

Важность этих археологических находок гаплогруппы R1a безусловна, они показали ДНК-генеалогическую преемственность срубной и андроновской культур, хотя Z2123 и Z2124 являются «параллельными» субкладами, и могут свидетельствовать о расхождении миграционных путей ариев к югу от Урала (индийское направление) и к востоку от Урала (алтайское направление), но оба субклада найдены в андроновской и синташтинской культуре.

Эти данные ДНК-генеалогии показывают ошибочность представлений тех археологов, которые выводят срубную культуру (R1a) из ямной (R1b) и далее полтавкинской (R1b), которую, в свою очередь, размещают к югу от фатьяновской культуры. Вообще в отношении срубной культуры у археологов согласия нет. Одни выводят ее из более ранних культур Северного Причерноморья, другие – из Нижнего Поволжья с последующей миграцией на запад (?), третьи считают, что срубная культура сформировалась на западе Сибири, опять с последующей миграцией на запад (здесь определенно перепутано направление миграции). ДНК-генеалогия показывает общее направление миграции срубной культуры на восток, к синташтинской и андроновской культурам, и далее оба основных субклада срубной культуры, Z93 и Z2123 переходят в Индию. Иначе говоря, срубная культура – это звено в цепи арийских (или индо-арийских) миграций гаплогруппы R1a-Z93.

Более ранние миграции на восток привели ранних «срубников» в синташтинскую культуру, где были найдены ископаемые гаплогруппы R1a-Z645-Z93-

Z2123-Y875 (датировка 4030±115 лет назад, раскопки в Степное-VII) и R1a-Z2124 (датировка 4190±130 лет назад, Буланово Челябинской области) (Haak, Lazaridis, et. al. 2015: 207-211; Allentoft, Sikora, et. al. 2015: 167-172).

Географическое расположение нескольких археологических участков, где были найдены ископаемые гаплогруппы – шнуровой керамики (гаплогруппа R1a-Z645-Z280, датировка 4600 лет назад), синташтинской (Буланово Челябинской области, R1a-Z645-Z93-Z2124, датировка 4190±130 лет назад), андроновской (Кытманово Алтайского края, недалеко от Барнаула, R1a-Z645-Z2124, датировка 3390±75 лет назад), афанасьевской (5200-4500 лет назад, Y-ДНК пока не найдено, найдены только женские скелетные остатки). Унетицкая культура центральной Европы (обычно датируется 4300-3600 лет назад) показала пока только гаплогруппы I2, I2a2, I2c2 (датировки 4050±80 лет назад).

По представлениям археологов, андроновская культура (и окуневская) переходят в карасукскую (3700-2900 лет назад) культуру Южной Сибири и Казахстана, которая затем сменяется тагарской (2900-2300 лет назад). Действительно, ископаемые ДНК карасукской культуры показали (Allentoft, Sikora, et. al. 2015: 167-172) гаплогруппу R1a-Z2124 (захоронение Арбан-1 в Минусинской котловине, без датировки, нижестоящие Z2122 и Z2123 отрицательные) и R1a-Z645 (3340±70 лет назад, захоронение Сабинка 2). В тагарской культуре все ископаемые ДНК показали (Keyser et al. 2009: 395-410) гаплогруппу R1a, с археологической датировкой 2800-1900 лет назад. В межовской культуре (Капова пещера) найдена ископаемая гаплогруппа R1a-M417, вместе с гаплогруппой R1b.

Получается, что гаплогруппа R1a разделилась на шнуровую-фатьяновскую культуру (R1a-L645-Z280) и срубную-потаповскую-андроновскую-синташтинскую-

карасукскую-тагарскую культуру (R1a-Z645-Z93-Z94-Z2123), потомки последней сейчас выражены в Индии, наряду с субкладом R1a-Z645-Z93-Z94-L657, который в захоронениях пока не обнаружен. Эти датировки замечательно стыкуются с датой основания городища Аркаим (название современное) на Южном Урале, которое существовало всего 200 лет, с 3800 до 3600 лет назад, после чего жители его покинули. Возможно, отправились в южном направлении, и в итоге достигли Индии.

Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (БМАК), 4300-3800 лет назад, вызывает разногласия исследователей по вопросу о роли в нем ариев. Обычно утверждается, что археологических свидетельств перехода ариев в Индию нет, и что БМАК к путям ариев в Индию отношения не имел, другие утверждают, что переход ариев в Индию был именно из БМАК, как и переход в Иран и в Митанни (Parpola 2015). Ископаемых ДНК в БМАК пока не найдено. Однако, как было показано ранее (Клёсов 2016), современные гаплотипы исторической Бактрии – таджиков, узбеков, пуштун (помимо субклада Z2124), туркмен, хорасан, хазарейцев – показывают общего предка гаплогруппы R1a, который жил 4200±450 лет назад, и эта датировка попадает на времена исторических ариев. И вот здесь, возможно, кроется решение крупной исторической загадки – кто были жители БМАК, откуда они пришли и куда они исчезли, на каком языке они говорили.

ЛИТЕРАТУРА

Гамкрелидзе, Иванов 1984 - *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984.

Клёсов 2011 - *Клёсов А.А.* Биологическая химия как основа ДНК-генеалогии и зарождение «молекулярной истории» // Биохимия. 2011. Т. 76. Вып. 5. С. 636-653.

Клёсов 2014 - *Клёсов А.А.* Как Западную Европу заселили новые европейцы – II. 2014 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2014/05/arbins-2 (дата обращения – 29.05.2016).

Клёсов 2016 - *Клёсов А.А.* Кому мешает ДНК-генеалогия. М.: Книжный мир, 2016.

Кузнецов, Семенова 2000 - *Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.* Памятники потаповского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2000. С. 122-151.

Марков 2016 - *Марков А.* Палеогенетика подтвердила важный вклад причерноморско-каспийских степняков в формирование генофонда европейцев. 2016 / Электронный ресурс: http://elementy.ru/novosti_nauki/432506/Paleogenetika_podtverdila_vazhnyy_vklad_prichernomorsko_kaspiyskikh_stepnyakov_v_formirovanie_genofonda_evropeytsev (дата обращения – 29.05.2016).

Муратов 2016 - *Муратов Б.А.* ДНК-генеалогия татарских фамилий – 3. Потомки кимаков и сары-тюргешей, кластер C-L1370 // ВЕНР «Suyun». 2016. № 2. С. 131-146.

Погорелов 1989 - *Погорелов В.И.* Ямно-катакомбные погребения Среднего Дона // Советская археология. 1989. № 2. С. 109-126.

Пятых 2005 - *Пятых Г.Г.* Проблема формирования срубной культуры Заволжья. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 2005.

Санжаров 1989 - *Санжаров С.Н.* Охра в изобразительной деятельности племен эпохи Средней бронзы Донетчины // Советская археология. 1989. № 2. С. 97-108.

Чекунова, Ярцева и др. 2014 - *Чекунова Е.М., Ярцева Н.В., Чекунов М.К., Мазуркевич А.Н.* Первые результаты генотипирования коренных жителей и человеческих костных останков из археологических памятников верхнего Подвинья // Археология озерных поселений IV-II тыс. до н.э. Материалы международной конференции, посвященной полувековому исследованию свайных поселений на северо-западе России. Санкт-Петербург, 13-15 ноября 2014 г. СПб., 2014. С. 287-294.

Allentoft, Sikora, et. al. 2015 - *Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P.B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspinas A.S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L, Baron J., Della Casa P., Dąbrowski P., Duffy P.R., Ebel A.V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., et. al.* Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. 522 (7555). pp. 167-172. doi: 10.1038/nature14507.

Boric, Dimitrijevic 2007 - *Boric D., Dimitrijevic V.* When did the 'Neolithic package' reach Lepenski Vir? // Documenta Praehistorica. 2007. XXXIV. pp 53-72.

Gimbutas 1961 - *Gimbutas M.* Notes of the chronology and the expansion of the Pit-grave culture // Prague Symposium. 1961. pp. 193-200.

Gimbutas 1963 - *Gimbutas M.* The Indo-Europeans: the Archaeological problem // American Anthropologist. 1963. 65. pp. 815-836.

Gimbutas 1973 - *Gimbutas M.* The beginning of the Bronze Age in Europe and the Indo-Europeans 3500–2500 B.C. J. // Indo-Eur. Stud. 1973. 1. pp. 163-214.

Haak et al. 2008 - *Haak W., Brandt G., de Jong H.N. et al.* Ancient DNA, strontium isotopes, and osteological analyses shed light on social and kinship organization of the later Stone Age // Proc. Natl. Acad. Sci. US. 2008. 105. pp. 18226-18231.

Haak, Lazaridis, et. al. 2015 - *Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N., Mallick S., Llamas B., Brandt G., Nordenfelt S., Harney E., Stewardson K., Fu Q., Mittnik A., Bánffy E., Economou C., Francken M., Friederich S., Pena R.G., Hallgren F., Khartanovich V., Khokhlov A., Kunst M., Kuznetsov P., Meller H., Mochalov O., Moiseyev V., Nicklisch N., Pichler S.L., Risch R., Guerra M.A.R, Roth C., Szécsényi-Nagy A., Wahl J., Meyer M., Krause J., Brown D., Anthony D., Cooper A., Alt K.W., Reich D.* Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe // Nature. 2015. 522. pp. 207-211.

IRAKAZ - База данных IRAKAZ / Электронный ресурс: http://dna-academy.ru/irakaz/ (дата обращения – 29.05.2016).

Keyser et al. 2009 - *Keyser C., Bouakaze C., Crubezy E., Nokolaev V.G., Montagnon D., Reis T., Ludes B.* Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people // Human Genetics. 2009. 126. pp. 395-410.

Klyosov 2009 - *Klyosov A.A.* DNA Genealogy, mutation rates, and some historical evidences written in Y-chromosome. II. Walking the map. // J. Genetic Genealogy. 2009. 5. pp. 217-256.

Klyosov 2012 - *Klyosov A.A.* Ancient history of the Arbins, bearers of haplogroup R1b, from Central Asia to Europe, 16,000 to 1500 years before present // Advances in Anthropology. 2012. 2. No. 2. pp. 87-105.

Klyosov, Rozhanskii 2012 - *Klyosov A.A., Rozhanskii I.L.* Haplogroup R1a as the Proto Indo-Europeans and the legendary Aryans as witnessed by the DNA of their current descendants // Advances in Anthropology. 2012. 2. No. 1. pp. 1-13.

Lee et al. 2012 - *Lee E.J., Makarewicz C., Renneberg R., Harder M., Krause-Kyora B., Muller S., Ostritz S., Fehren-Schmitz L., Schreiber S., Muller J., von Wurmb-Schwark N., Nebel A.* Emerging Genetic Patterns of the European Neolithic: Perspectives From a Late Neolithic Bell Beaker Burial Site in Germany // Amer. J. Phys. Anthropol. 2012. 148. pp. 571-579.

Parpola 2015 - *Parpola A.* The Roots of Hinduism. The Early Aryans and the Indus Civilization. Oxford University Press. 2015.

Raghavan et al. 2013 - *Raghavan M., Skoglund P., Graf K.E., Metspalu M., Albrechtsen A., Moltke I., Rasmussen S., Stafford T.W., Orlando L., Metspalu E., Karmin M., Tambets K., Rootsi S., Mägi R., Campos P.F. et al.* Upper Palaeolithic Siberian genome reveals dual ancestry of Native Americans // Nature. 2013. 505. pp. 87-91.

Renfrew 1987 - *Renfrew C.* Archaeology and Language: the Puzzle of Indo-European Origins. London: Jonathan Cape Publ., 1987.

Renfrew 2000 - Renfrew C. in Time Depth in Historical Linguistics (eds. Renfrew C., McMahon A. and Trask L.). The McDonald Institute for Archaeological Research. Cambridge. UK. 2000. pp. 413-439.

Szécsényi-Nagy 2015 - *Szécsényi-Nagy A.* Molecular genetic investigation of the Neolithic population history in the western Carpathian Basin. Diss. Doktor der Naturwissenschaften am Fachbereich Biologie. Gutenberg-Universität. Mainz. Germany. 2015. 356 p.

Underhill et al. 2015 - *Underhill P.A., Poznik G.D., Rootsi S., Jarve M., Lin A.A., Wang J., Passarelli B., Kanbar J., Myres N.M., King R.J., Cristofaro J.D., Sahakyan H., Behar D.M., Kushniarevich A., Sarac J.S., Saric T.,*

Rudan P., Pathak A.K., Chaubey G., Grugni V., Semino O., Yepiskoposyan L., Bahmanimehr A., Farjadian S., Balanovsky O., Khusnutdinova E.K., Herrera R.J., Chiaroni J., Bustamante C.D., Quake S.R., Kivisild T., Villems R. The phylogenetic and geographic structure of Y-chromosome haplogroup R1a // European Journal of Human Genetics. 2015. 23. pp. 124-131.

REFERENCES

Allentoft, Sikora, et. al. 2015 - *Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P.B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspinas A.S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L, Baron J., Della Casa P., Dąbrowski P., Duffy P.R., Ebel A.V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., et. al.* Population genomics of Bronze Age Eurasia, in: Nature, 2015, 522 (7555), pp. 167-172, doi: 10.1038/nature14507 [in English].

Boric, Dimitrijevic 2007 - *Boric D., Dimitrijevic V.* When did the 'Neolithic package' reach Lepenski Vir? in: Documenta Praehistorica, 2007, XXXIV, pp 53-72 [in English].

Chekunova, Jarceva i dr. 2014 - *Chekunova E.M., Jarceva N.V., Chekunov M.K., Mazurkevich A.N.* Pervye rezul'taty genotipirovanija korennyh zhitelej i chelovecheskih kostnyh ostankov iz arheologicheskih pamjatnikov verhnego Podvin'ja [The first results of genotyping of aboriginals and human bone remains from archaeological monuments of top Podvinya], in: Arheologija ozernyh poselenij IV-II tys. do n.je. Materialy mezhdunarodnoj konferencii, posvjashhennoj poluvekovomu issledovaniju svajnyh poselenij na severo-zapade Rossii. Sankt-Peterburg, 13-15 nojabrja 2014 g. [Archeology of lake settlements IV-II thousand BC. Materials of the international conference devoted to semicentennial research of pile settlements in the northwest of Russia. St. Petersburg, on November 13-15, 2014], St. Petersburg, 2014, pp. 287-294 [in Russian].

Gamkrelidze, Ivanov 1984 - *Gamkrelidze T.V., Ivanov V.V.* Indoevropejskij jazyk i indoevropejcy [Indo-European language and Indo-Europeans], Tbilisi, Izd-vo Tbilisskogo universiteta Publ., 1984 [in Russian].

Gimbutas 1961 - *Gimbutas M.* Notes of the chronology and the expansion of the Pit-grave culture, in: Prague Symposium, 1961, pp. 193-200 [in English].

Gimbutas 1963 - *Gimbutas M.* The Indo-Europeans: the Archaeological problem, in: American Anthropologist, 1963, 65, pp. 815-836 [in English].

Gimbutas 1973 - *Gimbutas M.* The beginning of the Bronze Age in Europe and the Indo-Europeans 3500–2500 B.C. J., in: Indo-Eur. Stud., 1973, 1, pp. 163-214 [in English].

Haak et al. 2008 - *Haak W., Brandt G., de Jong H.N. et al.* Ancient DNA, strontium isotopes, and osteological analyses shed light on social and kinship organization of the later Stone Age, in: Proc. Natl. Acad. Sci. US, 2008, 105, pp. 18226-18231 [in English].

Haak, Lazaridis, et. al. 2015 - *Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N., Mallick S., Llamas B., Brandt G., Nordenfelt S., Harney E., Stewardson K., Fu Q., Mittnik A., Bánffy E., Economou C., Francken M., Friederich S., Pena R.G., Hallgren F., Khartanovich V., Khokhlov A., Kunst M., Kuznetsov P., Meller H., Mochalov O., Moiseyev V., Nicklisch N., Pichler S.L., Risch R., Guerra M.A.R, Roth C., Szécsényi-Nagy A., Wahl J., Meyer M., Krause J., Brown D., Anthony D., Cooper A., Alt K.W., Reich D.* Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe, in: Nature, 2015, 522, pp. 207-211 [in English].

IRAKAZ - Baza dannyh IRAKAZ [IRAKAZ database], Electronic resource: http://dna-academy.ru/irakaz/ (Date of access – 29.05.2016) [in Russian].

Keyser et al. 2009 - *Keyser C., Bouakaze C., Crubezy E., Nokolaev V.G., Montagnon D., Reis T., Ludes B.* Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people, in: Human Genetics, 2009, 126, pp. 395-410 [in English].

Klyosov 2011 - *Klyosov A.A.* Biologicheskaja himija kak osnova DNK-genealogii i zarozhdenie «molekuljarnoj istorii» [Biological chemistry as fundamentals of DNA Genealogy and origin of «molecular history»], in: Biohimija. 2011. T. 76. Vyp. 5 [Biochemistry. 2011. Volume 76. Release 5], pp. 636-653 [in Russian].

Klyosov 2014 - *Klyosov A.A.* Kak Zapadnuju Evropu zaselili novye evropejcy – II [Western Europe new Europeans – II occupied], 2014, Electronic resource: http://pereformat.ru/2014/05/arbins-2 (Date of access – 29.05.2016) [in Russian].

Klyosov 2016 - *Klyosov A.A.* Komu meshaet DNK-genealogija [Who is disturbed by DNA Genealogy], Moscow, Knizhnyj mir Publ., 2016 [in Russian].

Klyosov 2009 - *Klyosov A.A.* DNA Genealogy, mutation rates, and some historical evidences written in Y-chromosome. II. Walking the map, in: J. Genetic Genealogy, 2009, 5, pp. 217-256 [in English].

Klyosov 2012 - *Klyosov A.A.* Ancient history of the Arbins, bearers of haplogroup R1b, from Central Asia to Europe, 16,000 to 1500 years before present, in: Advances in Anthropology, 2012, 2, No. 2, pp. 87-105 [in English].

Klyosov, Rozhanskii 2012 - *Klyosov A.A., Rozhanskii I.L.* Haplogroup R1a as the Proto Indo-Europeans and the legendary Aryans as witnessed by the DNA of their current descendants, in: Advances in Anthropology, 2012, 2, No. 1, pp. 1-13 [in English].

Kuznecov, Semenova 2000 - *Kuznecov P.F., Semenova A.P.* Pamjatniki potapovskogo tipa [Monuments of potapovsky type], in: Istorija Samarskogo Povolzh'ja s drevnejshih vremen do nashih dnej. Bronzovyj vek [History of the Samara Volga region since the most ancient times up to now. Bronze age], Samara, Izdatel'stvo Samarskogo nauchnogo centra RAN Publ., 2000, pp. 122-151 [in Russian].

Lee et al. 2012 - *Lee E.J., Makarewicz C., Renneberg R., Harder M., Krause-Kyora B., Muller S., Ostritz S., Fehren-Schmitz L., Schreiber S., Muller J., von Wurmb-Schwark N., Nebel A.* Emerging Genetic Patterns of the European Neolithic: Perspectives From a Late Neolithic Bell Beaker Burial Site in Germany, in: Amer. J. Phys. Anthropol., 2012, 148, pp. 571-579 [in English].

Markov 2016 - *Markov A.* Paleogenetika podtverdila vazhnyj vklad prichernomorsko-kaspijskih stepnjakov v formirovanie genofonda evropejcev [Paleogenetika confirmed an important contribution of the Black Sea and Caspian stepnyak to formation of a gene pool of Europeans], 2016, Electronic resource: http://elementy.ru/novosti_nauki/432506/Paleogenetika_podtverdila_vazhnyy_vklad_prichernomorsko_kaspiyskikh_stepnyakov_v_formirovanie_genofonda_evropeytsev (Date of access – 29.05.2016) [in Russian].

Muratov 2016 - *Muratov B.A.* DNK-genealogija tatarskih familij – 3. Potomki kimakov i sary-tjurgeshej, klaster S-L1370 [DNA Genealogy of the Tatar surnames – 3. Descendants of kimak and sary-tyurgeshy, C-L1370 cluster], in: BEHP «Suyun», 2016, № 2, pp. 131-146 [in Russian].

Parpola 2015 - *Parpola A.* The Roots of Hinduism. The Early Aryans and the Indus Civilization, Oxford University Press, 2015 [in English].

Pjatyh 2005 - *Pjatyh G.G.* Problema formirovanija srubnoj kul'tury Zavolzh'ja. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchjonoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Problem of formation of srubny culture of Zavolzhye. The abstract of the thesis for degree of the candidate of historical sciences], Moscow, 2005 [in Russian].

Pogorelov 1989 - *Pogorelov V.I.* Jamno-katakombnye pogrebenija Srednego Dona [Pit and catacomb burials of Central Don], in: Sovetskaja arheologija [Soviet archeology], 1989, № 2, pp. 109-126 [in Russian].

Raghavan et al. 2013 - *Raghavan M., Skoglund P., Graf K.E., Metspalu M., Albrechtsen A., Moltke I., Rasmussen S., Stafford T.W., Orlando L., Metspalu E., Karmin M., Tambets K., Rootsi S., Mägi R., Campos P.F. et al.* Upper Palaeolithic Siberian genome reveals dual ancestry of Native Americans, in: Nature, 2013, 505, pp. 87-91 [in English].

Renfrew 1987 - *Renfrew C.* Archaeology and Language: the Puzzle of Indo-European Origins, London, Jonathan Cape Publ., 1987 [in English].

Renfrew 2000 - Renfrew C. in Time Depth in Historical Linguistics (eds. Renfrew C., McMahon A. and Trask L.), in: The McDonald Institute for Archaeological Research, Cambridge, UK, 2000, pp. 413-439 [in English].

Sanzharov 1989 - *Sanzharov S.N.* Ohra v izobrazitel'noj dejatel'nosti plemen jepohi Srednej bronzy Donetchiny [Ochre in graphic activity of tribes of an era of Average bronze of Donechchyna], in: Sovetskaja arheologija [Soviet archeology], 1989, № 2, pp. 97-108 [in Russian].

Szécsényi-Nagy 2015 - *Szécsényi-Nagy A.* Molecular genetic investigation of the Neolithic population history in the western Carpathian Basin. Diss. Doktor der Naturwissenschaften am Fachbereich Biologie, Gutenberg-Universität, Mainz, Germany, 2015, 356 p. [in English].

Underhill et al. 2015 - *Underhill P.A., Poznik G.D., Rootsi S., Jarve M., Lin A.A., Wang J., Passarelli B., Kanbar J., Myres N.M., King R.J., Cristofaro J.D., Sahakyan H., Behar D.M., Kushniarevich A., Sarac J.S., Saric T., Rudan P., Pathak A.K., Chaubey G., Grugni V., Semino O., Yepiskoposyan L., Bahmanimehr A., Farjadian S., Balanovsky O., Khusnutdinova E.K., Herrera R.J., Chiaroni J., Bustamante C.D., Quake S.R., Kivisild T., Villems R.*

The phylogenetic and geographic structure of Y-chromosome haplogroup R1a, in: European Journal of Human Genetics, 2015, 23, pp. 124-131 [in English].

Клёсов Анатолий Алексеевич – Доктор химических наук, профессор, Президент Академии ДНК-генеалогии, иностранный член Национальной академии наук Грузии (Бостон, США)
Anatole Klyosov – Doctor of Chemical sciences, Professor, President of the Academy of DNA Genealogy, Foreign Member of the National Academy of Sciences of Georgia (Boston, USA)
E-mail: aklyosov@comcast.net

УДК 94(64)

ЭМИГРАЦИЯ ИЗ РОССИИ В МАРОККО В XX В.

Сухов Н.В.
Институт востоковедения РАН
Россия, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12
e-mail: mail@histformat.com
SPIN-код: 9948-1947

Авторское резюме

В Марокко на протяжении XX века сформировалась часть того, что принято сегодня называть «Русским миром». Это сообщество русскоязычных людей, находясь в постоянном гуманитарном контакте с населением Северной Африки, оказывало и продолжает оказывать существенное влияние на формирование образа России и россиянина в регионе. Вместе с тем, проблематика, связанная с историей русских в Марокко, требует дальнейшего изучения. В распоряжении автора находится массив необработанных архивных документов, проливающих свет на разнообразные аспекты существования русской общины в XX в. Современное русскоязычное сообщество продолжает эволюционировать в рамках марокканского социума и также требует постоянного мониторинга и анализа. Продолжение исследований по данной тематике имеет большое научно-практическое значение.

Ключевые слова: русские в Марокко, русский мир.

EMIGRATION FROM RUSSIA TO MOROCCO IN THE 20th CENTURY

Nikolay Sukhov
The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031 Russia
e-mail: mail@histformat.com

Abstract

The article is about the history of Russians in Morocco. The author examines the phenomenon that had been developing in Morocco throughout the twentieth century, which is called the «Russian world» today. This refers to the community of Russian-speaking people who have been in constant humanitarian contact with the population of North Africa and significantly contributed to the formation of the image of Russia and Russians in this region.

Keywords: Russians in Morocco, the Russian World.

* * *

В Марокко на протяжении XX века сформировалась часть того, что принято сегодня называть «Русским миром». Это сообщество русскоязычных людей, находясь в постоянном гуманитарном контакте с населением Северной Африки, оказывало и продолжает оказывать существенное влияние на формирование образа России и россиянина в регионе.

Эмиграция наших соотечественников в Марокко в течение всего XX в. была представлена несколькими достаточно многочисленными группами. К первой относятся беженцы, покинувшие пределы России в период после 1917 года. После второй мировой войны Марокко стало прибежищем ещё одной численно заметной группы выходцев из императорской России и СССР, состоявшей из военнопленных, сражавшихся против Красной армии в составе «Русской освободительной армии», «Русского корпуса» и других соединений, а также гражданских лиц, как угнанных фашистами с территории СССР, так и добровольно покинувшими её вместе с отступающими частями вермахта.

Современное русскоязычное сообщество в Марокко (как и в большинстве стран Африканского континента) является результатом добровольной эмиграции с ярко выраженным гендерным характером, возникшей вследствие глобального социально-образовательного проекта, проводившегося Советским Союзом начиная с 1960-х гг. Процесс создания смешанных русско-марокканских браков продолжается и в наши дни, став фактором, стимулирующим гуманитарные контакты и создающим новый уровень российско-марокканского межкультурного взаимодействия.

История жизни этих людей, проблемы аккультурации, совмещения в их индивидуальном и общественном сознании ценностей исходной и новой культур, получившие преломление в судьбах их детей и внуков, легли в основу настоящей статьи. Здесь также пойдет речь о процессах формирования русской общины в Марокко в исторической динамике, о её основных компонентах, о проблемах адаптации и интеграции эмигрантов из России/СССР, возникновении и деятельности их организационных структур.

Марокко в силу своей географической удаленности от России не могло стать страной непосредственной эмиграции для жителей России, бежавших от революции, затем от ужасов гражданской войны и «красного террора». В результате проведенных изысканий, автору удалось проследить судьбы более 500 человек, разными путями оказавшихся в этой стране в «первой волне» эмиграции.

Первыми в Марокко стали прибывать члены Русской эскадры, корабли которой бросили якорь в тунисском порту Бизерта (подробности морского перехода из Константинополя в Бизерту и состав Русской эскадры см.: Горячкин и др. 2000: 42-43; Ширинская 2003: 340-341). Из доклада представителя Русского Красного Креста П.П. Перфильева, посетившего Бизерту летом 1921 г., следует, что примерно половина из 6 тысяч людей, бывших на эскадре, состояла из крестьян, рабочих и казаков. Другая часть этого контингента была представлена офицерами флота, членами их семей, а также «лицами интеллигентных профессий – инженерами, докторами, юристами, священниками, чиновниками, студентами и т.п.» (Горячкин и др. 2000: 43).

В декабре 1921 г. в Бизерту приехал чиновник французской администрации в Марокко с предложением трудоустройства. Офицеры армии и флота, образованные матросы были приняты на должности инженеров, топографов, руководителей строительных работ, механиков, электриков, шоферов и пр. Были заключены 113 контрактов, по которым из Туниса в Марокко переехали около 250 человек (Русская

колония 2008: 64, 130; БМС 1922). Одновременно администрация французского протектората в Тунисе стимулировала отъезд россиян, прибывших в составе эскадры, в другие страны, т.к. в Тунисе им было трудно найти работу, и правительство Франции было вынуждено содержать беженцев за свой счет[1]. Поэтому в течение 1922 – 1923 гг. состоялся отъезд части личного состава экипажей кораблей с семьями во Францию, а в 1922 – 1926 гг. некоторые из них переехали в Алжир, получив там работу (Русская колония 2008: 96, 132).

В середине 1930-х из Алжира и с 1935 по 1940 г. из Франции многие «русские бизертяне» под давлением экономического кризиса в Европе и ухудшения обстановки в Алжире были вынуждены искать новые жизненные возможности в Марокко[2]. Экономическая и политическая ситуация в Марокко того времени предоставляла более благоприятные, чем в метрополии или других французских территориях в Африке, материальные условия для существования (Abitbol 2009: 434-445).

Другими, более разнообразными и непростыми, маршрутами русские эмигранты прибывали в Марокко самостоятельно и не столь массово, как из Туниса. Эвакуация Белой армии генерала Врангеля в Стамбул и на полуостров Галлиполи в Турции дала несколько «ручейков»: Стамбул – Болгария (1920-25 гг.) – Франция – Марокко (на протяжении 1930-х гг.), Стамбул – Югославия (1920-е гг.) – Марокко (с середины 1920-х гг.), лагерь в Галлиполи – Франция (иногда Бельгия) – Марокко (на протяжении 1930-х гг.)[3].

Подавляющее большинство русских, прошедших этими путями, были военными. Военнослужащие с семьями из других отправных пунктов эмиграции Юга России, таких как Одесса (1919 г.), Северный Кавказ и Закавказье (1922 г.), попадали в Марокко через Францию, в некоторых случаях - через греческий о. Лемнос[4]. Существовал ещё и «северный» маршрут, по которому из России в Марокко двигались как военные, так и гражданские лица. После поражения Северо-Западной армии генерала Юденича через Эстонию и Латвию во Францию, а оттуда – в конце 1920-х – 1930-е гг. – в Марокко[5].

---

[1] «По распоряжению французских военных властей к 1 января 1922 г. в лагерях должны остаться только инвалиды, раненые и женщины с детьми до 15-летнего возраста. Остальные должны найти себе работу» (БМС. 1921).

[2] Например – Михаил Владимирович Копьев (08.11.1885 – 27.12.1965, Франция). Из дворян Санкт-Петербургской губернии. В 1913 г. получил офицерский класс подводного плавания. После революции – во ВСЮР и Русской Армии. С 30.11.1919 – капитан 2-го ранга, с 21.11.1920 – командир подводной лодки «Тюлень». Эвакуирован с флотом в Бизерту. С 1926 г – в Алжире. С 1938 г. до середины 1960-х гг. в Марокко. Писатель-маринист (Архив Успенского храма в Касабланке. Фонд не описан, не опубликовано).

Другой пример – Евгений Александрович Макухин. Во время Гражданской войны в Белых войсках Восточного фронта. С 27.10.1920 г. – в Русской Армии в Севастополе. Эвакуирован с флотом в Бизерту. Эмигрировал в Алжир, после 1928 года – в Марокко (Волков 2004: 295).

[3] В скобках указаны годы прибытия в страну.

[4] Из бесед Н.В. Сухова с П.П. Шереметевой (не опубликовано); Решетников 2010.

[5] Например – Оскар Освальдович Фест, 11.12.1896, Ревель – ? Ревизором, затем артиллерийским офицером эсминца «Самсонъ» принимал участие в боевых действиях в Рижском заливе и в сражении за Моонзунд. 11 декабря 1918 года поступил на службу в ВМС Эстонии. Впоследствии по собственному желанию перешел в Северо-Западную армию Юденича. За второе наступление на Петроград удостоен ордена Св. Владимира 4-ой степени с мечами и бантом. По окончании военных действий до 15 октября 1920 года оставался в

Автору удалось проследить миграционные пути гражданских лиц, конечным пунктом которых стало Марокко. Эти люди покинули Россию сразу после Февральской и Октябрьской революций, а также в период до 1924 г. Часть из них, эмигрировав в 1918 — 1919 гг., первоначально осталась во Франции, а затем в течение полутора десятилетий, с середины 1920-х до 1940 г., перебиралась в Марокко[1]. Другая часть – русские эмигранты, поселившиеся с 1920 г. в Германии, которые также через Францию уезжали искать лучшей жизни в Марокко[2]. Третья группа – эмигранты из России, которых приняла Италия в 1918-20 гг. После ужесточения фашистского режима в 1939 г. они массово уезжали в Танжер.

Таким образом, можно утверждать, что временные рамки «первой» волны российской иммиграции в Марокко не совпадают с общепринятой хронологией послереволюционной эмиграции из России. В силу совокупности географических, политических и экономических факторов формирование русской общины в Марокко, в отличие от европейских стран, заняло относительно продолжительный период (с 1912 по 1940 г.). Следует также отметить, что Марокко стало конечным пунктом странствий по миру не для всех. Немало было среди «русских марокканцев» и транзитных эмигрантов. Некоторые покидали страну через год-другой, а какая-то часть провела в ней десятилетия, прежде чем вернуться в Европу или перебраться через Атлантический океан – в Америку.

В хронологических рамках «первой» волны можно выделить два основных этапа: 1922–27 гг. и 30-е гг. В ходе первого этапа происходило формирование русской общины, ядром которой стали контрактники из Бизерты. В этот же период в Марокко разными путями попадали одинокие и семейные беженцы из Европы. Французская администрация протектората остро нуждалась в специалистах

Таллине, затем выехал через Францию в Марокко. В конце 20-х годов состоял на службе в одной из грузовых контор в Касабланке (Архив Успенского храма).

[1] Например – Петр Петрович Шереметев (23.05.1908 – 12.04.1972, Рабат (Марокко). Апатрид. Начинал учиться в Гнесинском музыкальном училище в Москве. Вывезен в эмиграцию бабушкой Еленой Богдановной Мейендорф в 1924 г., вместе с младшими детьми Шереметевых. Учился в Париже, затем окончил Национальную сельскохозяйственную школу в городе Рен (в Бретани). После 1929 г. переехал в Марокко. Жил в Кенитре (Порт-Лиоте). В 1938 г. переехал в Рабат, где долгие годы руководил хором Воскресенского храма.

Марина Дмитриевна Шереметева (11.11.1908 Санкт-Петербург – 17.11.2001 Рабат (Марокко). Россию покинула в 12-летнем возрасте. Семья бежала через Кавказ (Кисловодск, Пятигорск, Новороссийск). На английском корабле «Браунфельс» эвакуированы на о.Лемнос, где провели два года, затем во Франции, жили в пригороде Парижа. Получила специальность сестры милосердия, вышла замуж за гр. П.П. Шереметева. После 1929 г. семья переехала в Порт-Лиоте (Кенитру) в Марокко, где жила старшая сестра Марины – Надежда Дмитриевна в замужестве Шидловская. После переезда в Рабат в 1938 г. Марина Дмитриева становится активным членом прихода, поет в церковном хоре, в течение десятилетий была членом приходского Совета Воскресенского храма. В мае 1998 г. получила российское гражданство (Списки прихожан Воскресенского храма в Рабате за 1950-е и 1960-е гг.; из интервью П.П. Шереметевой (Полины де Мазьер) автору, не опубликовано).

[2] Например – Евгений Александрович Бреннер (20 февраля/4 марта 1895, Москва – 28 января 1954, Париж, похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа). Работал в Москве в издательстве. В 1917 эмигрировал в Берлин, работал библиотекарем и издателем. В 1926 переехал во Францию, жил в Париже. Владелец книжного магазина и издательства «Москва» в Париже (начало 1930-х гг.). В 1934 уехал в Рабат, где работал директором различных компаний. Вернулся в 1953 в Париж. Его жена - Любовь Васильевна Бреннер (28.01.1902, Санкт-Петербург – 07.05.1971, Париж). В 1922 году эмигрировала в Германию. Училась в Гамбургском университете. В 1925 переехала в Париж. С 1934 г. жила в Марокко. 1955 – 1960 – работала библиотекарем в Главной библиотеке Марокко в Рабате. В 1960 году переехала в Париж (Архив Успенского храма в Касабланке, фонд не описан, не опубликовано; Российское зарубежье 2008).

различного профиля. В метрополии и других колониях велась реклама «земли обетованной» в Северной Африке. Межвоенное Марокко отличалось существенным обстоятельством – там была работа, требовавшая не физического труда, а определенной квалификации. Кроме того, беженцам из России оказывал покровительство генеральный резидент Франции в Марокко маршал Лиотэ, который хорошо относился ко всем русским со времен Первой мировой войны (Епископ Митрофан 1995: 163).

Второй этап «первой» волны переселения русских эмигрантов в Марокко совпал с мировым экономическим кризисом. С середины 1930-х к экономическому фактору добавился политический: гражданская война и приход к власти Франко в Испании, ужесточение фашистского режима в Италии. Из Европы вновь стали уезжать бывшие подданные многонациональной Российской империи: русские, украинцы, поляки, немцы, евреи.

Особым источником формирования русской общины в Марокко в первой половине XX века являлся Иностранный легион, причем в обоих его вариантах: французском и испанском. Прежде, чем влиться в мирную жизнь среди соотечественников, хоть и на чужбине, тысячам и тысячам россиян пришлось пройти через сражения колониальных войн в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Многие не дожили до момента, когда можно было бы забыть о войне. Казалось бы, вся эта история уместилась в двух фразах епископа Митрофана Зноско-Боровского. «В 1920 г. после оставления Крыма около 15000 русских воинов, поступив в Иностранный Легион Франции, приняли в его рядах участие в замирении Марокко, оставив много русских могил на воинских кладбищах Марокко, в пустынях Сахары и горах Атласа. Некоторые легионеры, оставшись в Марокко после отслуженного срока, вошли в состав Православной Общины» (Епископ Митрофан 1995: 163).

Исходя из потребностей администрации протектората в специалистах «интеллигентного труда» и не менее благосклонного, чем у маршала Лиотэ, отношения сменившего его генерала Петэна к русским, можно предположить, почему часть вышедших в отставку предпочла остаться в Марокко. Русские легионеры в течение своего срока службы не были изолированы от эмигрантской общины, которая начала разрастаться в Марокко, начиная с 1922 г. Об этом свидетельствуют факты их участия в религиозной и общественной жизни «русских марокканцев». В день освящения храма воскресения Христова, состоявшееся в 1932 г. в Рабате, «…Легионеры выпросили разрешение у начальства, и пришли на торжество со своей музыкальной командой» (Путь моей жизни 1994. Гл. 21. П. 6). Находясь «в отпуску», легионеры праздновали Пасху и Рождество вместе с прихожанами православных храмов в Рабате, Касабланке, Марракеше и Хурибге, а также участвовали в ежегодных «русских балах» (Епископ Митрофан 1995: 164, 201). Очевидно, завязывались знакомства и полезные связи, которые впоследствии побудили их осесть в Марокко.

Эмигранты из России прибывали в страну, особенно на начальном этапе формирования общины, туда, где администрация протектората приготовила для них рабочие места. Это обстоятельство в основном предопределило географию

расселения россиян на территории Марокко, которую в наши дни можно, к сожалению, уже не в полной мере, проследить по захоронениям на христианских кладбищах, разбросанных по всей стране, а также по различным документам, сохранившимся в православных храмах Рабата и Касабланки. Очевидно, что россияне селились там же, где основная масса европейцев, в городах, развитие которых стимулировала администрация французского протектората. В середине 1920-х гг. европейское население концентрировалось преимущественно в Касабланке, в административной столице Рабате, в Ужде на границе с Алжиром и Мекнесе, расположенном в центре сельскохозяйственного и винодельческого региона. Следы русской эмиграции «первой» волны в виде храмов, захоронений, архивных документов в местных бюро ЗАГС позволяют определить основные места расселения русских по стране.

Первой в списке стоит Касабланка, в которой в рассматриваемый период зарегистрированы около 40% россиян. За ней следует городской конгломерат Рабат-Сале, где проживали 26%. Несмотря на то, что для строительства портов администрация протектората специально приглашала русских специалистов, в Танжере и Кенитре зафиксировано только 9% и 5,7% от общей численности общины соответственно. Русские жили и работали в ряде других городов Марокко, таких как Марракеш, Мекнес, Фес, Сафи, Агадир, Ужда, Хурибга на каждый из которых приходилось от 1% до 3% «русских марокканцев». Примечательно, что несколько человек проживали в очень удаленных от побережья поселениях-оазисах Уарзазат и Уэд Зем, расположенных за цепью Атласских гор.

Анализ архивных материалов показал, что почти 4% русских, преимущественно представителей аристократии, компактно жили в загородных домах под Рабатом в двух поселках: Сиди Абдалла – «Устиновка» и Сиди Бу Кнедель – «Марьина роща». Воспоминания современников свидетельствуют о том, что в Хурибге – центре добычи фосфатов, основного экспортного сырья Марокко, жили и работали несколько сот русских инженеров и рабочих. Разработка фосфатов началась в 1922 г., и с этого времени там образовалась русская община и православный приход. В 1930 г. была освящена церковь, которую описывает её второй настоятель, игумен Митрофан (Ярославцев) (Митрофан 1948). «Храм наш в Курибге вмещает до 160 человек, деревянный на каменном фундаменте; пол мозаичный, крыша железная; звонница с двумя колоколами и над нею большой голубой купол со звездами и восьмиконечным крестом. Внутри просторно, светло, чисто; прекрасно исполнена иконопись». В 1932 г., приехав для освящения Воскресенского храма в Рабате, митрополит Православной русской церкви в Европе Евлогий[1] посетил около десяти городов, в которых была наиболее многочисленная паства: «Всюду наша эмиграция встречала меня с энтузиазмом и по-русски гостеприимно»[2].

---

[1] Митрополит Евлогий (Георгиевский) с 1931 года был экзархом Западной Европы Константинопольского Патриархата (титул, не признававшийся РПЦЗ), а с 1934 по 1938 гг. находился в состоянии «примирения» с РПЦЗ.

[2] Вот его рассказ о Хурибге: «Заводское управление дало нам помещение католической церкви (католикам построили большой костел), и русские устроили там маленькую церковь. Настоятелем я назначил о.

К сожалению, невозможно пока установить численность русской общины в Марокко на разных этапах её истории. Например, протоиерей Геннадий Героев, служивший настоятелем храма в Рабате с 1999 по 2003 г., пишет, что «в 20-30-е годы только в Рабате проживало пять тысяч русских, а по всей стране их было более 30 тысяч». Это утверждение, скорее всего, не соответствует действительности, т.к. существенно расходится с французскими статистическими данными об общем числе иностранцев в этот период. В тоже время другой источник дает нам цифру в 1700 русских по всему Марокко, из них несколько сот – в Рабате.

Журналист Константин Парчевский, посетивший эту страну в конце 1930-х гг., считал, что «в Марокко пробирались лишь случайные смельчаки, и осело их всего-то около пятисот человек». Автор полагает, что и это также далеко от истины потому, что на основе имеющихся у него документов составил список из более 500 имен эмигрантов из России «первой» волны. Практически за каждым из них стоят два, три, пять родственников и друзей, имена которых пока нам неизвестны, но они жили в Марокко. В силу совокупности географических, политических и экономических факторов формирование русской общины в Марокко, в отличие от европейских стран, заняло относительно продолжительный период (с 1922 по 1940 гг.). Таким образом, невозможно говорить о численности русской общины, как о стабильной величине (как мы видим, оценки колеблются от 1700 до 30 000 человек).

Эмигранты из России имели разнообразные потенциальные возможности для профессиональной и социальной адаптации к жизни в Марокко, интеграции в местное европейское сообщество, которое, начало формироваться незадолго до массового появления россиян в этой стране. На основании данных, извлеченных автором из архивных документов, писем и мемуаров эмигрантов, а также работ других исследователей, подвергнутых статистической обработке, можно попытаться составить представление о половозрастном, социальном и профессиональном составе русской общины «первой» волны в Марокко.

Более половины персонально известных нам россиян, проживавших в Марокко к 1940 году, были мужского пола (57,5%). Большинство из них, кроме, естественно, детей, были женаты. Среди женщин также большинство были замужем, за исключением вдов преклонного возраста. Это обстоятельство свидетельствует о том, что семья была одной из главных опор в деле психологического и материального выживания на чужбине. Больше половины «русских марокканцев» родились в течение последних десятилетий XIX – первом десятилетии XX вв. (в 1881 – 1890 гг. – 18,5%, в 1891 – 1900 гг. – 23% и в 1901 – 1910 гг. – 18%). Таким образом, к 1940 году им было от 30 до 60 лет. Иными словами, в период своей адаптации и последующей трудовой деятельности (1922 – 1935 гг.) они находились в самом продуктивном возрасте. Немногие были старше (7% родились в 1850 – 1870 гг.) и младше (5% родились в 1911 – 1920 гг.) основной массы эмигрантов из России.

Информация о происхождении тех людей, которые оставили о себе какие-либо следы в документах своего времени, иллюстрирует социально-культурные

Авраамия. Завод дал батюшке квартиру и положил 500 франков ежемесячного пособия, но, дабы эту выдачу провести по книгам, формально зачислил его служащим в заводской конторе…. Завод настроил прекрасные больницы, школы... Одна школа для русских, другая – для арабчат» (Путь моей жизни 1994: 464, 465).

особенности русской общины. Имеются сведения о пребывании в Марокко трех русских князей и четырех княгинь, 18 графов и 16 графинь, трех баронов и двух баронесс, а также 140 нетитулованных дворян, составивших 48 % россиян, чьи персональные данные были обработаны в ходе исследования. При этом мы располагаем фактами о мирной жизни в Марокко всего семи казаков. У части из сотен казаков, служивших в Иностранном легионе, была возможность остаться в стране после окончания контракта, но в имеющихся в нашем распоряжении архивных документах и мемуарах они не фигурируют.

Интерес для понимания процесса адаптации на новом месте и интеграции русских в колониальное европейское сообщество представляет сравнение исходного образования и профессиональных навыков (в каких-то случаях они отсутствовали) у той части эмигрантов, чьи данные нам доступны, с видами деятельности, которыми им пришлось заниматься в Марокко. Два агронома, приехав в страну, стали работать по специальности. Из семи архитекторов шесть продолжили выбранную ещё в России стезю. Библиотекари (4 человека) и бухгалтеры (2 человека) оказались востребованы, на новом месте им не пришлось менять род своей деятельности. Врачи, геологи, обладатели всего спектра инженерных специальностей, в том числе военных, остались в профессии. Геологи и строители, инженеры и топографы, как наиболее многочисленная категория служащих французской администрации русского происхождения, упоминаются в различных воспоминаниях о периоде становления русской общины в Марокко.

Администрации французского протектората в Марокко требовались для освоения и развития страны специалисты разного профиля – от опытных администраторов до квалифицированных рабочих. Многим эмигрантам пришлось поменять род своей деятельности, чтобы соответствовать запросам местного рынка труда. В первую очередь это касалось бывших военных. Некоторым из них, тем не менее, удавалось получить работу по своему профилю. Например, грузинский князь Дмитрий Георгиевич Амилахвари, будущий герой Франции, чьим именем в 2006 г. назвали одну из улиц Парижа, с 1930 по 1940 г. жил с семьей в Марокко, возглавляя военное училище в Агадире (Беляков 2010: 68-70). Другой офицер, галлиполиец, Николай Михайлович Экк, в 1930-х гг. служил начальником отделения французской разведки в Уарзазате[1]. Ещё один – Арсений Николаевич Приселков, занимал должность инспектора полиции в Рабате[2].

Несколько человек продолжили службу во французской армии (не в Иностранном легионе). Тот же К. Парчевский описывает, как он встретил на улице Рабата подразделение солдат королевской гвардии, маршировавшее под русскую строевую песню. Оказалось, что командовал ими бывший царский кадровый офицер (Парчевский 1996). Большинство же применяли не только свои технические знания, но и общее образование, и организаторские навыки в мирном строительстве[3]. Те

[1] Архив Успенского храма в Касабланке. Фонд не описан. Не опубликовано; Волков 2002: 550; Епископ Митрофан 1995: 188.

[2] Епископ Митрофан 1995: 188; Фотоархив П.П. Шереметевой. Фонд не описан. Не опубликовано.

[3] Талантливый журналист, чьи репортажи уже цитировались в данной работе, несколькими штрихами описал полный спектр занятости и пути интеграции «русских марокканцев». «Сооружение дорог, телефонов,

россияне, кто не имел какой-либо профессии – а это относится и к представителям аристократии – получали, тем не менее, места в администрации французского протектората или начинали собственное дело. В архивных документах и мемуарах редко, но встречаются упоминания таких видов деятельности русских как секретарь кооператива, служащий, техник, механик[1].

Несмотря на то, что эмигранты из России обладали в Марокко достаточно высоким социальным статусом, не все достигли достатка или даже относительного материального благополучия. Достаточно вспомнить призыв епископа Митрофана к оставленным в Марокко прихожанам сделать церковное подворье «пристанищем для одиноких стариков и стариц, находящих приют в кошмарных условиях марокканской богадельни или умирающих на улицах» (Епископ Митрофан 1995: 227). Информацию о положении русских безработных и простых служащих можно почерпнуть из письма Л.А. Фрибеса[2], направленного из Касабланки 20 марта 1932 г. о. Варсонофию, настоятелю Воскресенского храма в Рабате[3]. «Благодарю за присланные приглашения на заседание церковно-приходского Совета. К сожалению, пока я работаю на службе до 8 часов вечера, и у меня не остается никакого времени на какое-либо частное дело, все воскресенья у меня заняты, и я не в состоянии приехать к Вам. У Ника же совсем денег нет. Впрочем, и у меня-то их не густо». Из архивов французского бюро ЗАГС известно, что автор письма работал счетоводом, имея на своем содержании жену и сына[4]. Как видно из текста, его служба позволяла с трудом сводить концы с концами. Упомянутого в письме «Ника» идентифицировать не удалось. Приведенное письмо подтверждает факт низких заработков некоторой части эмигрантов из России даже в условиях французского протектората.

Русские в Марокко не ограничивались констатацией «печальной бедности» некоторых соотечественников. Более состоятельные представители общины брали на себя расходы, связанные с деятельностью прихода. По просьбе малоимущих эмигрантов было решено устроить при касабланкском церковном отделении Воскресенского храма «кассу взаимопомощи, или заемного капитала, или ссудо-

---

различных зданий требовало не только квалифицированных специалистов, но и просто толковых и дельных работников. Приезжавшие, часто без связей, сразу находили работу, быстро становясь на ноги. Отбывшие контракт в Иностранном легионе пользовались особыми привилегиями. Многие принимали французское гражданство, и тогда служебный вопрос еще более облегчался. Знающие иностранные языки, в особенности английский, устраивались на службу в крупные американские предприятия по продаже автомобилей, бензина или сельскохозяйственных инструментов и материалов, в конторы и отделения банков. Появившиеся позже…поступали десятниками и чертежниками в Куригу на разработку фосфатов» (Парчевский 1996).

[1] Архивы Воскресенского храма в Рабате и Успенского храма в Касабланке. Фонд не описан. Не опубликовано.

[2] Леонид Александрович Фрибес (08.01.1898 г., Шлиссельбург – 23.05.1937 г., Касабланка). Апатрид. Родители – Фрибес Александр и Ольга, урожденная Меньшикова. Родился в семье учителя. Прапорщик инженерных войск. Счетовод. Активист церковной общины в Касабланке. Пел в церковном хоре. Печатался во французских журналах. Жена – Елена, сын – Михаил (Учетные карточки захоронений кладбища БЕН М'СИК в Касабланке (Марокко); Епископ Митрофан 1995: 165; Незабытые могилы 2006).

[3] Письмо Л.А. Фрибеса о. Варсонофию (Толстухину) от 20.03.1932 г. (Архив Воскресенского храма в рабате. Фонд не описан. Не опубликовано).

[4] Учетная карточка захоронения на кладбище БЕН М'СИК в Касабланке (Марокко). Личный архив автора.

сберегательную кассу»[1]. Следует отметить, что дело пошло успешно, и в дальнейшем касса взаимопомощи стала действовать во всех частях прихода с «легкой руки» русской общины из Касабланки[2].

Не все «русские марокканцы» жили скромно по внешним экономическим причинам. Некоторые из них сознательно не желали пускать корни в марокканскую землю, особенно в первые годы эмиграции. Другие отказывались от социальных привилегий, которое им давало бы французское гражданство, не желая отказаться от подданства Российской империи. П.П.Шереметева в интервью передает мотивы своего отца следующим образом:

«Он никогда не принял никакое гражданство! Он сам мне сказал, как-то раз, что … он всегда себя чувствовал настолько русским человеком, что не мог принимать гражданство только для того, чтобы иметь какие-то материальные преимущества: прочный паспорт, возможность ездить за границу и так далее…» (Крылова 2011: 42-48). Сказывалась и врожденная непрактичность ряда представителей аристократии, что при этом не исключало проявлений деловой хватки у их ближних и дальних родственников. «Жизнь родителей была исключительно трудная... Денег не было. Отец плохо зарабатывал, и они вообще не умели справляться с деньгами. Их никто никогда этому не учил. Его работа – продажа сельскохозяйственной техники – была ему не по нраву, не по душе» (Крылова 2011: 42-48).

В беседах с автором П.П. Шереметева неоднократно подчеркивала, что именно недостаток средств в семье не позволил ей получить высшее образование. Денег хватило на обучение во Франции только старшего брата[3]. Невысокий материальный уровень жизни таких семей не влиял, тем не менее, на их социальный статус, поскольку они были европейцами в африканской стране. Статистическая обработка персональных данных «русских марокканцев» «первой» волны, проведенная автором статьи, позволила определить их правовой статус. Официально считались «апатридами»[4] 67%, «беженцами», обладателями «нансеновских паспортов» – только 3,7%, остальные имели гражданство Франции (27%), Германии, Италии, Литвы, США и Швейцарии. По свидетельству очевидца в жизни это выглядело следующим образом:

«Не чувствуя никаких ограничений, русские, если не стали еще французами, живут на общем положении иностранцев. Наравне с другими, они получают бесплатно на всю жизнь какую-то карточку, а при выезде за границу —

[1] Вот как это выглядело в проекте: «Основания: выдача ссуд под проценты и прием вкладов на процентах. Участники: члены прихода. Прибыль предприятия делится среди участников в этом деле членами прихода. Участие для членов прихода необязательно. Правление кассы избирается из членов прихода, желающих участвовать в ней. В Правление по должности входит староста (и, может быть, еще один член совещания). Ревизионной комиссией является совещание при церковном старосте с правами неограниченного контроля. Взять на себя ведение дела согласились Л.В. Цисвицкий, дядя Р.П. Зайцевой, дамы (княгиня Урусова, З.Н. Шкотт) и еще другие. Мне не хочется отворачиваться ни от какого дела, содействующего развитию деятельности в приходской жизни, хотя бы эта деятельность и была направлена на цели материальной помощи… Конечно при условии, что дело будет вестись людьми солидными» (Из письма Л.А. Фрибеса о. Варсонофию (Толстухину) от 20.03.1932 г. // Архив Воскресенского храма в рабате. Фонд не описан. Не опубликовано).

[2] Архив Воскресенского храма. Фонд не описан. Не опубликовано.

[3] Из бесед П.П. Шереметевой с Н.В. Суховым // Полевые материалы автора. Рабат. 2007-2011 гг.

[4] Лицами, не имеющими гражданства.

марокканский паспорт, на который легко ставят визы все консулы, и только для въезда во Францию требуется особое разрешение Министерства иностранных дел… Просто без контракта, никто не может въехать в страну, даже француз, но с контрактом — все равны. В суде у русских те же права, что и у французов. Безработный получает такое же пособие, в случае болезни платит в больницу так же, как и все, а если не имеет средств, пользуется бесплатным лечением, тоже, как все» (Парчевский 1996).

Таким образом, будучи включены в правовом и профессиональном отношениях в европейское общество протектората, «...русские жили тихо и лояльно... многие от салонной политики отказались, стараясь войти во французские интересы» (Парчевский 1996). Определенная часть эмигрантов из Российской империи, в отличие от остальных иностранцев, сознательно, а зачастую неосознанно, принимали для себя культурную ассимиляцию, особенно во втором поколении. «Окончившие французские лицеи ничем не отличаются от французской молодежи, а русские мамаши иногда с гордостью говорят: «Моя дочь замужем за настоящим французом!»» (Парчевский 1996).

Основываясь на вышесказанном, можно утверждать, что эмигранты из послереволюционной России смогли в большинстве своем адаптироваться к жизни в Марокко и в разной степени интегрироваться в интернациональное (читай – европейское) колониальное общество, складывавшееся в протекторате Марокко в первой половине XX в.

Вопрос выживания в эмиграции напрямую связан с формированием организационных структур – общин, землячеств, ассоциаций, клубов, в основе которых находится национальное, социальное и религиозное начала. Для большинства наших соотечественников, оказавшихся в эмиграции после революции и гражданской войны, универсальным объединяющим началом стало православие. «Приход в Марокко возник в 1925 году под влиянием потребности в церковной жизни русских, рассеянных в Африке» (Путь моей жизни 1994: 500). Это слова митрополита Русской православной церкви, его мнение разделяет и анонимный современник не духовного звания: "Насыпало нас сюда из разных мешков, люди все разные, живут кружками, и, пожалуй, более всего объединяет их церковный вопрос... И вот посмотрите — сравнительно маленькой колонии в семьдесят семей, удалось построить отличную церковь на собственном участке земли, и все обошлось свыше ста тысяч!» (Парчевский 1996: 63-66).

Сбор средств на строительство храма велся не только среди русских эмигрантов, но и в местном обществе, среди французов и марокканцев, посредством благотворительных вечеров и балов (Путь моей жизни 1994: 503). Закладка здания церкви состоялась 6 июля 1931 г., строительство длилось в течение года[1]. В том же году к храму была пристроена колокольня, возведенная на личные сбережения многолетнего старосты прихода А.Ф. Стефановского, получившего право

[1] Доклад на общем собрании Православного русского прихода в Марокко. 25 декабря 1931 года (Архив Воскресенского прихода Рабата. Не опубликовано).

пожизненного проживания при храме[1]. Освящение Воскресенской церкви совершил митрополит Евлогий 13 ноября 1932 года[2].

Весьма важно для понимания бытия русских эмигрантов в Марокко в период до второй мировой войны подчеркнуть, что настоятель и священники прихода в Рабате окормляли всех рассеянных по стране соотечественников и, таким образом, объединяли их в духовную общину. В докладе на общем собрании Православного русского прихода в Марокко говорится, что на конец 1931 года в нем состояли около 280 семей из разных городов[3]. Рост численности общины подтверждается сохранившимися в архиве Воскресенского храма почтовыми квитанциями об оплате взносов на содержание священника и списками прихожан, присланными из Касабланки, Мекнеса, Танжера, Феса и других городов[4].

В эти же годы сформировался приход в Танжере, где богослужения совершались время от времени, в зависимости от возможностей священника из Рабата посетить этот далекий по состоянию транспортных коммуникаций того времени город. Регулярно велись службы только в трех городах: в Хурибге, Рабате и Касабланке.

В соответствии с действовавшими законами Шерифской империи под протекторатом Французской Республики Церковь как общественный институт была официально зарегистрирована в 1927 г. в форме юридического лица, названного «Ассоциация Православной Церкви и Русский Очаг в Марокко»[5]. В 1954 г. эта организация была переоформлена под названием «Русская православная церковь в Марокко» как находящееся в каноническом подчинении Патриарха Московского и Всея Руси[6]. Наряду с Рабатом общественная жизнь русской эмиграции первой волны разворачивалась и в городе, который стал экономической столицей Марокко, в Касабланке. В 1931-1932 гг. в Касабланке при деятельном участии настоятеля рабатского храма о. Варсонофия создаются домовая церковь и «Русский клуб», «где русские люди могли получить тарелку горячего борща с пирожками, прочитать русскую газету или журнал, поиграть в шахматы» (Епископ Митрофан 1995: С. 165). Богослужения в Касабланке совершались два раза в месяц на частных квартирах

---

[1] Стефановский Александр Федорович (2(15).06.1884, Киев – 20.03.1957, Рабат (Марокко). Был старостой Воскресенского храма в Рабате с правом постоянного жительства в церковном доме до конца своей жизни. Окончил гимназию в Киеве, Михайловское артиллерийское училище. Капитан артиллерии. Участвовал в войне, был ранен, имел знаки отличия. Принимал участие в боях на стороне Добровольческой армии. На кораблях Черноморского флота эвакуировался из Крыма в Бизерту. В 1922 г.эмигрировал в Марокко. Жил в Рабате. Работал топографом, в отставку вышел в 1948 г. Основатель общества «Православная Церковь и русский очаг в Марокко» (1927 г.). Погребен в православной часовне на европейском кладбище в Рабате (Архив Воскресенского храма в Рабате. Не опубликовано; Митрофан (Зноско), Епископ Митрофан 1995: 164, 165).

[2] Архимандрит Митрофан (Ярославцев). История и жизнь марокканской православной церкви (Архив Воскресенского прихода Рабата. Не опубликовано).

[3] Доклад на общем собрании Православного русского прихода в Марокко, 25 декабря 1931 года (Архив Воскресенского прихода Рабата. Не опубликовано).

[4] Квитанции и списки за 1938 г. (Архив Воскресенского прихода Рабата. Не опубликовано).

[5] Association Eglise Orthodoxe et Foyer Russe au Maroc // Bulletin Officiel No 769 le 6 décembre 1927. P. 2675 ; Bulletin Officiel No 1303 du 15 octobre 1937. P. 1419.

[6] Association Eglise orthodoxe Russe au Maroc, Dahir du 5 juin 1933 modifié par le Dahir du 24 mai 1954 (утверждена указом султана Марокко от 5 июня 1933 г., внесены изменения Указом от 24 мая 1954 г.) // Копия Устава ассоциации «Русская православная церковь в Марокко» на французском языке (Архив Успенского храма в Касабланке. Фонд не описан. Не опубликовано).

прихожан, в протестантском храме, в помещении «Русского клуба», в помещении на бульваре Лорен, снятом совместно с отделом РОВС (Епископ Митрофан 1995: С. 165).

РОВС, возглавляемый А.Н. Долгоруковым[1], устраивал в Рабате и в Касабланке ежегодные пышные балы, «привлекавшие внимание лучшей части французского общества» (Епископ Митрофан 1995: 165). Марокканский подотдел этого объединения начал работать на несколько лет позже других церковных и светских общественных организаций (с 1932 г.), а играть достаточно заметную роль стал лишь после второй мировой войны с новым притоком членов РОВС из Европы в составе второй волны эмиграции. Одновременно в Марокко существовал филиал Российского Общества Красного Креста, который до самой своей смерти возглавляла княгиня Варвара Васильевна Урусова[2]. Возможно, немногочисленность её помощников и единомышленников позволила К. Парчевскому назвать эту организацию «красно-крестный кружок», но помощь прибывавшим в Касабланку эмигрантам-россиянам по адаптации к местной жизни она оказывала весьма заметную, что нашло отражение в документах и мемуарах той поры (Епископ Митрофан 1995: 165, 168, 172, 173. 186, 188, 189, 197, 206, 226).

Вторая мировая война относительно мало затронула территорию Марокко. Видимо, по этой причине удалось выявить лишь незначительное число членов эмигрантской общины в этой стране, которые сражались в составе французского Иностранного легиона и в частях Свободной Франции. Среди них – Владимир Иванович Алексинский[3], Михаил Владимирович Подгаецкий[1], Александр и Борис

---

[1] Ошибочно назван в мемуарах епископа Митрофана (Зноско) «князем Долгоруким». Долгоруков Александр Николаевич (27.12.1872 г., Санкт-Петербург - 17.01.1948 г., Рабат (Марокко). Генерал-лейтенант. Участвовал в русско-японской войне, командир сотни в казачьем полку. Был ранен в бою и вернулся к учебе. В августе 1905 г. окончил Николаевскую академию, в том числе офицерский курс восточных языков. Участвовал в Первой мировой войне. В августе 1917 г. арестован в Ревеле матросами по делу Корнилова, потом освобожден. Прибыл в Киев, где был зачислен в армию Украинской державы. С 26 ноября 1918 г. – Главнокомандующий русскими добровольческими частями на Украине. В сентябре 1919 г. прибыл в Эстонию к командующему Северо-Западной армией генералу Родзянко. После отступления и роспуска Северо-Западной армии остался в эмиграции в Эстонии. В 1921 г. переехал во Францию, где участвовал в Рейхенгалльском монархическом съезде. В феврале 1924 г. поступил служащим в Societe Internationale Forestiere et Miniere du Congi, работал в Бельгийском Конго. В 1929 г. переехал в Марокко, где служил в Office Cherifien des Phosphates в Рабате, а затем бухгалтером в Omniun'Enterprises. В 1932-1938 гг. начальник отдела РОВС в Марокко. В романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» выведен под именем генерала Белорукова (Епископ Митрофан 1995: 165, 166; Список захоронений христианского кладбища в г. Рабат (Марокко)).

[2] Урусова Варвара Васильевна (06.06.1865 г., Москва – 27.02.1953 г., Касабланка (Марокко). Княгиня. В эмиграции - гражданка Франции. В годы Первой мировой войны возглавляла поезд «Красного Креста», который был создан Императрицей Александрой Федоровной. Во время Гражданской войны с двумя дочерями занималась организацией эвакуации больных и раненых на Кавказе и на Царицынском фронте. В Константинополе работала в комитете по устройству беженцев, прибывших из Крыма. В Марокко заведовала местной организацией «Красного Креста» и кассой взаимопомощи вплоть до своей кончины. Член правления общины «Община и православная русская церковь в Марокко». Дружила с супругой генерального резидента Французской Республики в Марокко маршала Лиотэ (Епископ Митрофан 1995: 165, 168, 172, 173. 186, 188, 189, 197, 206, 226; Незабытые могилы 2006; Архив Успенского храма в Касабланке, архив Воскресенского храма в Рабате. Не опубликовано. Фонд не описан; Полевые материалы Павла Александровича Снитко, вице-консула Генерального консульства России в Касабланке в 2003-2006 гг.).

[3] Алексинский Владимир Иванович (1910, ? – 1955, Париж). Сын Алексинского И.П. Работал лаборантом в мукомольном институте в Париже. В 1940 г. бежал из Франции в Марокко. В 1942 г. вступил в Африканский вольный отряд, а затем примкнул к войскам свободной Франции. Участвовал в боях в Северной Африке, Италии и Франции (Вестник Русских Добровольцев 1947; Материалы сайтов: http://www.sakharov-

Ганцелевичи (Pauline de Mazières 2010: 26). Выдающийся представитель российской эмиграции первой волны князь Дмитрий Георгиевич Амилахвари, который жил с семьей в Марокко с 1931 по 1940 гг., стал легендарной фигурой в войсках «Свободной Франции»[2].

«Русские марокканцы» были мобилизованы на разных этапах войны. Например, внук Льва Толстого после высадки союзных войск в Марокко в 1942 г. работал сначала в военном госпитале в Рабате, а затем – главным врачом госпиталя в Мекнесе[3]. Некоторые оставались аполитичными и продолжали служить во французской администрации протектората, как при вишистском правительстве, так и при де Голле[4]. Так или иначе, большинство эмигрантов из России оставались патриотами своей Родины. Такая моральная атмосфера преобладала среди русских в

center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=10745 (дата обращения – 04.06.2016); http://www.hubara-rus.ru/heroes.html (дата обращения – 04.06.2016).

[1] Подгаецкий Михаил Владимирович (? – 05.07.1977, Рабат (Марокко). Гражданин Франции. В 1914 г. с началом войны вместе с братом Дмитрием записался в армию добровольцем. Служил в Екатеринославском полку. Воевал в Добровольческой армии. Был трижды ранен. Эвакуировался на последнем корабле из Одессы в Константинополь. В эмиграционном лагере записался в Иностранный легион. Участвовал рядовым в Сирийской компании. В 1923 году М.В.Подгаецкого вместе с картографической командой отправили в Марокко для составления географических карт страны. В октябре 1925 г. он получает французское гражданство и демобилизуется. Решает остаться в Марокко. В 1939 г. с началом 2-й мировой войны французское правительство обратилось к бывшим легионерам призывного возраста встать в ряды армии. Михаил Владимирович вновь надел военную форму. В июле 1940 г. он был демобилизован. До конца жизни оставался в Марокко, никогда не помышлял уехать из этой страны. Работал архитектором при Королевском хаббусе (министерстве по управлению религиозной недвижимостью). Имел двоих детей – Андрея и Владимира. Жили с женой очень скромно в маленькой двухкомнатной квартире (Из списка захоронений христианского кладбища в г. Рабат (Марокко). Не опубликовано; Из бесед Н.В. Сухова с Кулаковой-Эль-Кинани Н.А. // Полевые материалы автора, 2005-2011 гг. Рабат (Марокко); По материалам краеведческого сайта: www.zubova-poliana.narod.ru (дата обращения – 04.06.2016).

[2] Амилахвари Дмитрий Георгиевич (1906, ? – 1942, Египет). В 15-летнем возрасте он вместе с родителями эмигрировал в Париж. В 1926 г. окончил военное училище Сен-Сир в звании младшего лейтенанта и был направлен в город Сиди-Бель-Аббес в Алжире, где приступил к службе в Иностранном легионе. В боях в Марокко против войск Рифского эмирата Амилахвари проявил отменную храбрость. Он любил повторять: «У нас, иностранцев, есть только один способ доказать Франции свою благодарность: умереть за нее». За героизм в Рифской войне 20-летнему Амилахвари сразу присвоили звание капитана. В 1934 году был назначен начальником школы профессиональной подготовки в Агадире. В 1938 году принял французское гражданство. После начала Второй мировой войны, в апреле 1940 года, легион, в котором служил Амилахвари, был переброшен в Норвегию и вошел в состав англо-французского экспедиционного корпуса. После призыва Шарля де Голля Амилахвари вместе со своими соратниками без колебания примкнул к генералу. В октябре 1942 года Амилахвари сражался в битве при Эль-Аламейне, вошедшем в историю как «второй Сталинград». Утром 24 октября осколком разорвавшегося снаряда он был тяжело ранен, а затем две пули попали ему в голову. Амилахвари похоронили с почестями в Эль-Аламейне на французском военном кладбище. По инициативе Шарля де Голля Амилахвари посмертно был награжден орденом Почетного легиона. В 2006 году во Франции широко отметили 100-летие со дня рождения Амилахвари, и одной из улиц Парижа присвоили его имя (Российское зарубежье 2008; Беляков 2010; По материалам сайта http://www.georgianpress.ru/tbilisi-week/our-past/5732-knyaz-amilahvari-geroy-francuzskogo-soprotivleniya.html (дата обращения – 04.06.2016).

[3] Сергей Михайлович Толстой (1911 г., имение Тарасовка Каширского уезда Тульской губернии – 1996 г., Париж). Родители – Толстой Михаил Львович и Александра Владимировна, урожденная Глебова. В 1937 г женился на Ольге Вырубовой. В 1942 г. в Рабате был свидетелем высадки союзников. После войны вернулся во Францию. Президент общества друзей Льва Толстого во Франции. Автор мемуаров и научных трудов по медицине. Издал в 1989 г. в Париже книгу «Дети Толстого», в которой рассказал о жизни отца, его детей и внуков (По материалам сайта семьи Толстых: http://tolstoys.ru/tree/descendants/42-tolstaya-a-m/ (дата обращения – 04.06.2016); Луконин 2001: 62, 63; Незабытые могилы 2006; Pauline de Mazières 2010: 26).

[4] Об этом крайне неохотно, но упоминала в беседах П.П. Шереметева (Полевые материалы автора, 2009-2010 гг., Рабат).

Марокко и в послевоенные годы, когда в страну из Европы «пришла» вторая сравнительно массовая волна российской эмиграции.

После второй мировой войны главным побудительным мотивом эмигрантов из России и Советского Союза к переезду из Европы в Марокко было стремление просто выжить. Обработка биографических данных эмигрантов второй волны в Марокко позволила сделать вывод, что 69% из них, т.е. большинство, были эмигрантами первой волны, осевшими в странах, освобожденных Советским Союзом, и в Восточной Германии. Они были вынуждены бежать от Красной Армии, справедливо опасаясь репрессий, и присоединились ко второй волне эмиграции.

Другая часть из прибывших в Марокко в 1946 – 1950 гг. (28%, по расчетам диссертанта)[1] представляли собой перемещённых лиц – освобожденных военнопленных, лиц, насильно вывезенных во время войны на работы в Германию и Австрию с оккупированных территорий или добровольно покинувших их вместе с отступавшими частями вермахта[2]. Среди них было много тех, кто состоял в антисоветских организациях, по разным причинам служил в частях РОА под командованием генерала Власова. Численность организованной русской эмиграции в Марокко можно оценить приблизительно в семьсот-восемьсот человек. При этом следует принимать во внимание данные, почерпнутые в мемуарах и архивных документах «неорганизованных» беженцев из Европы, свидетельствующие о том, что приток русских в Марокко после второй мировой войны превысил две тысячи человек.

Почти никто из вновь прибывших не знал местного языка — ни французского, ни тем более марокканского диалекта арабского. Но все постепенно научились, потому что, только освоив местные языки, подавляющее большинство эмигрантов могло выжить в условиях Марокко. Мужчины в основном нанимались на геодезические съемки – измеряли земельные угодья, строили плотины и дороги. Они выполняли работу, на которую никто из европейцев не соглашался — ведь никто не хотел жить «на террене», т.е. на изучаемом объекте, в пустыне, в армейской палатке без каких-либо удобств. Так русские второй волны, холостые и семейные, постепенно проникали вглубь страны, оседали в удаленных от побережья городах, что составляло известную проблему и для окормлявшего их священника РПЦЗ. «Две трети каждого месяца приходилось проводить в разъездах по Марокко, чтобы собрать в одну семью в 22-х пунктах, по всей стране разбросанных русских людей» (Епископ Митрофан 1965).

К середине 1950-х гг., когда уже можно говорить о сложившейся схеме расселения по стране русских, прибывших из послевоенной Европы, она имела следующий вид: Агадир – 1,7%, Азру (в горах под Фесом) – 0,6%, Бурназель – 40,5%, Мазаган (Джадида) – 1,2%, Марракеш – 7,5 %, Касабланка – 23,1%, другие пригороды

[1] Расчеты автора основываются на статистической обработке выявленных в процессе исследования биографических данных эмигрантов второй волны.

[2] Перемещенные лица – DP – Displaced Persons – ДиПи – иностранцы, насильно вывезенных на работы в Германию и Австрию. Летом 1945 таковых насчитывалось от шести с половиной до семи миллионов. Подавляющее большинство к лету 1946 г. вернулось на родину, но около миллиона отказалось «репатриироваться» (Enciclopedia 1960: 59).

Касабланки – 1,7%, Кенитра (Порт-Лиоте) – 1,7%, Ужда – 2,3%. Остальные проживали там, где была работа – в местечках, которые не всегда можно найти на карте современного Марокко.

Социальный состав второй волны эмиграции был неоднороден. Здесь было немало высокообразованных представителей инженерно-технических и творческих профессий[1]. В то же время было много людей со средним образованием, без особой квалификации, которым доставался низкооплачиваемый труд. Следует помнить, что послевоенная эмиграция была, вне всяких сомнений, сознательной политической оппозицией советскому режиму. В 1940-х годах положение эмигрантов второй волны осложнялось некоторыми дополнительными факторами: это были связи с Германией, статус перемещенных лиц или клеймо предателей страны-союзницы (Шлиппе 2003). Это во многом объясняет заметные различия гражданских и профессиональных судеб представителей двух встретившихся в Марокко эмиграционных волн.

Значительное влияние на способность адаптироваться на чужбине оказывало и внутреннее психологическое состояние части эмигрантов – бывших военнопленных. Кроме того, после всего пережитого в Советском Союзе (многие происходили из присоединенных в 1939 и 1940 гг. территорий), люди просто жили, они старались, в первую очередь, сохранить самое себя. Заново создавалась своя Церковь, свой двор, своя русская школа, все, что помогало сохранить психологическое равновесие. Соприкасаясь с французами и арабами по работе, они не вступали с ними в плотное общение, при первой возможности замыкались в своей среде.

Следует отметить, что разные категории эмигрантов, оказавшихся в Марокко после второй мировой войны, находясь в статусе беженцев, перемещенных лиц или апатридов, получали помощь от международных и местных государственных организаций. В первую очередь это была Международная организация помощи беженцам, директором марокканского отделения которой был член русской общины с 1948 г. некто Арендт[2]. Помощь русским беженцам и лицам без гражданства, каковой статус половина от их общего числа сохранила из чувства патриотизма до конца жизни[3], продолжала поступать от международных благотворительных организаций как минимум до начала 1970-х гг. В независимом Марокко такая помощь в виде продуктов питания распределялась через муниципальные комиссии национального сотрудничества, в том числе и «белым русским»[4].

Содействие в обустройстве повседневной жизни и трудоустройстве основного контингента русских эмигрантов, осевших в лагере Бурназель под Касабланкой,

---

[1] Данные получены диссертантом путем статистической обработки биографических сведений эмигрантов второй волны, извлеченных их архивных документов.

[2] IRO; R. Polchaninov, 6 Baxter Ave., New Hyde Park, NY 11040-3909 USA.

[3] Данные, полученные путем статистической обработки биографических сведений эмигрантов второй волны, собранных из архивных документов.

[4] Уведомления и накладные на получение продуктов, направленные обществу «белых русских» по адресу Успенского храма в Касабланке за 1966 – 1969 гг. (Архив Успенского храма в Касабланке. Фонд не описан. Не опубликовано).

оказывала и администрация протектората[1]. В то же время Мировой Еврейский Конгресс предоставлял на территории Марокко финансовую поддержку эмигрантам-евреям из Советского Союза (Вейцман 1981). Определенное содействие в организации жизни и карьеры эмигрантов оказывал и международный Красный крест, который выдавал, в частности, займы на обучение детей во французских частных школах (Шлиппе 2012). Вместе с тем, выживание и адаптация второй русской эмиграционной волны в Марокко были бы крайне затруднены, а в некоторых случаях невозможны, без содействия со стороны обосновавшихся в стране эмигрантов первой волны. Это подтверждают дошедшие до нас многочисленные слова признательности, прозвучавшие в письменных и устных воспоминаниях.

Эмигранты «второй» волны не могли бы решить проблему выживания, а затем воспитания и обучения подрастающего поколения без собственных организаций. Их объединяло стремление воспитать своих детей русскими, причем зачастую воинствующими антикоммунистами. Для этого кроме семейного воспитания и церкви в Марокко существовали молодежные русские организации, такие, как скауты, «Витязи». Представители эмигрантской молодежи, выросшей уже на чужбине, входившие в марокканскую группу НТС[2], уделяли большое внимание работе с русскими скаутами, состоявшими в ОРЮР[3]. Эта деятельность была обусловлена не столько любовью к детям, сколько сознанием того, что нельзя русской молодежи дать раствориться во французской среде. Одновременно в Марокко действовал отдел Национальной Организации Русских Разведчиков (НОРР) (Терзов 2009: 154). Серьёзную воспитательную роль играли церковный и светский хоры, которые регулярно гастролировали с концертами русской православной и светской музыки в разных городах Марокко.

Прибывшие в Марокко после второй мировой войны эмигранты не чувствовали себя равными французам, ощущали их доминирующее положение как «хозяев» этой страны. Психологические комплексы «беженцев», «перемещенных лиц», «коллаборационистов», с одной стороны, и стремление сохранить свою культурную самобытность, «русскость», оградить себя и своих детей от влияния французской культуры, с другой стороны, обусловили, на наш взгляд, выбор существенной частью эмигрантов второй волны стратегии пассивной автаркии (Терзов 2009: 154), что препятствовало её адаптации и, тем более, успешной интеграции в принимающее колониальное общество.

---

[1] Подтверждением тому является копия письма с благодарностью за гостеприимство и помощь, оказанные русским эмигрантам, адресованное Генеральному резиденту Французской Республики в Марокко генералу Жуану от имени русской общины и православной церкви в Марокко от 22 мая 1950 г. за подписью вице-президента ассоциации адмирала А. Русина (Архив Успенского храма в Касабланке. Фонд не описан. Не опубликовано).

[2] Целая группа членов НТС обосновалась в 1950-е гг. в Марокко, которое стало важным центром деятельности Союза. Группы Марокканского отдела существовали в Касабланке, Рабате, Марракеше, Сафи (От Минска до Касабланки).

[3] ОРЮР — Организация российских юных разведчиков — не политическая общественная скаутская организация, ставящая своей уставной целью общественное воспитание российских детей и молодежи в национальном и религиозном духе, основывающаяся на христианском миропонимании и приверженности к историческим ценностям русской культуры и государственности. Подробнее см.: Терзов 2009.

Весьма заметная часть эмигрантов второй волны вступала в тесный контакт с марокканцами, прежде всего, в силу своего существования в марокканской среде[1]. Наиболее активным было русско-марокканское взаимодействие в процессе совместной экономической деятельности. Русские и марокканцы работали вместе на геодезических съемках, при разработке полезных ископаемых, строительстве и т.п. Русские врачи лечили марокканцев в госпиталях[2].

В некоторых случаях наши соотечественники становились работодателями или непосредственными начальниками марокканского наемного персонала. Несмотря на общее утверждение «арабы к нам относились всегда хорошо» в повседневной жизни возникали конфликты, иногда с трагическим исходом, в основе которых лежали социокультурные различия двух сторон.

Тем не менее, вторая волна эмиграции из России смогла создать себе доброе имя в Марокко. Мемуары и материалы полевых исследований позволяют утверждать, что доброжелательное отношение марокканцев к русским сформировалось, в первую очередь, из-за отсутствия высокомерия со стороны последних, в результате стремления эмигрантов освоить местные наречия, как реакция на проявления свойственной русскому характеру широты души. По сути, это был отклик (зафиксированный повсеместно) на дружелюбие русских эмигрантов по отношению к марокканцам. В то же время обе контактирующие стороны отмечали определенные обычаи и особенности менталитета, сближавшие их.

Одной из характеристик русской эмигрантской общины в Марокко являлась её мобильность. В 1930 — 1940-е гг. в Марокко из Европы приезжали и уезжали обратно русские ученые, художники и артисты, родственники и друзья «русских марокканцев», но основной вектор миграции русских был направлен внутрь страны. В послевоенный период отчетливо наметилось движение в обратную сторону: из Марокко в страны Европы и Америки.

В первую очередь поехали достигшие студенческого возраста дети эмигрантов первой волны для получения высшего образования во Франции. Их родители стали покидать Марокко в пятидесятые годы с переходом борьбы марокканского народа за независимость в вооруженную фазу. В 1953 — 1955 гг. крупные города Марокко и особенно Касабланку захлестнула волна терроризма (Abitbol 2009: 540-546). Русские предприниматели и землевладельцы, государственные служащие и сотрудники частных фирм стали испытывать трудности в делах, связанные с саботажем рабочих и общей нестабильной ситуацией в стране[3]. Часть из них перебралась во Францию,

---

[1] «Ну, конечно, мы соприкасались с арабами. Прежде всего, мы там жили. Мы там учились вместе с ними. Я могла ходить за покупками, обыкновенный такой разговор по-арабски я все-таки понимала. Арабы к нам относились всегда хорошо. У меня никогда никаких проблем с ними не было. Никогда. И друзья арабские были. В школе. Но мало – это не было принято» (Из интервью О. Майерановой Н.К. Крыловой. 2008 г. Париж. Не опубликовано).

[2] Например, врач-акушер Микитюк. Работал в арабском госпитале в Касабланке. Внес 10 000 франков на строительство храма в Касабланке (Архив Успенского храма за 1957 г. Касабланка. Фонд не описан. Не опубликовано).

[3] «Но вообще они уезжали из-за очень неустойчивого положения в Марокко, потому что тогда арабы добивались своей автономности, и французы знали, что если они уедут, то и нам, европейцам, делать там нечего. Те, которые хотели уехать, сразу же собрались в Америку» (Комментарий И.Е. Евец к своему интервью, данном Н.К. Крыловой в 2009 г. Не опубликовано).

США, Бразилию и другие страны ещё до 1956 г. Будучи интегрироваными во французское колониальное общество, некоторые представители «старых русских» не смогли психологически принять вместе с так называемыми пье нуар[1] факт перехода власти к марокканцам[2].

Кроме того, в 1950 — 1960-х гг. наблюдается заметная естественная убыль численности русской общины первой волны, которая ясно прослеживается по церковным журналам регистрации смертей и квитанциям о захоронении, выданным местными бюро ЗАГС[3].

Для эмигрантов второй волны Марокко оказалось, по образному выражению Л. Оболенской-Флам, «полустанком» (Судьбы поколения 2006). Они в большинстве своем не ощущали принадлежности к этой стране. Среди причин их отъезда из Марокко превалировали экономические. Французы-работодатели покинули страну, оставив фабрики и мастерские, откуда «белых» сразу стали вытеснять марокканцы. Представители этой категории русских эмигрантов остро ощущали бесперспективность дальнейшей жизни для себя в Марокко и стремились вырваться в Европу или Америку.

Особенно массовым стал отъезд перемещенных лиц русского происхождения из Марокко после 1 сентября 1958 г., когда было объявлено об установлении дипломатических отношений между СССР и этой страной. К перечисленным причинам добавился страх репатриации в Советский Союз и репрессий, память о которых была ещё достаточно свежей. Исход русских первой и второй волн из Марокко продолжался до конца 1960-х гг. Таким образом, община «старых русских марокканцев» просуществовала около сорока лет, а сообщество Ди-Пи — не более пятнадцати.

Нельзя не сказать о тех русских эмигрантах, которые остались в Марокко после падения французского протектората. Некоторые их них продолжали свой бизнес, как, например, архитектор граф В.А. Игнатьев[4], другие восполнили собой острый дефицит квалифицированных кадров, возникший после отъезда французских специалистов, третьи не захотели менять страну проживания, будучи вполне обеспеченными на старости лет[5]. Именно этих людей встречали, начиная с середины 1960-х гг., жены марокканских выпускников советских вузов, первые граждане Советского Союза, прибывшие в Марокко на постоянное жительство. В

---

[1] Пье нуар – историко-культурный термин для описания группы марокканцев европейского (французского, испанского, а также иногда еврейского) происхождения, составлявших значительную часть населения Марокко в период французского протектората в 1912-1956 гг. После обретения Марокко государственно суверенитета основная масса европейского населения покинула страну.

[2] «Просто показалась эта перемена удивительная: местное население вдруг заполонило город. Конечно, людям с глубоко укорененной колониальной психологией это даже казалось отвратительным, и они с горечью на это смотрели» (Из бесед автора с П.П. Шереметевой, ПМА, 2010 гг., Рабат, Марокко. Не опубликовано).

[3] Архивы Воскресенского храма в Рабате и Успенского храма в Касабланке. Фонд не описан. Не опубликовано.

[4] Планы, экспликации и официальные документы, оформленные архитектором В.А. Игнатьевым, хранятся в архиве Российского центра науки и культуры в Рабате, директором которого в 2005-2012 гг. был автор.

[5] «Моя семья осталась, потому что в сущности некуда было ехать. Для моего отца, после того, как кончился протекторат, стало лучше в смысле работы. Он стал иностранец, как все остальные европейцы, включая и самих французов» (Крылова 2011: 42-48).

отличие от русской общины в Марокко первой половины XX века, которая сложилась из заброшенных в Африку осколков «первой» – послереволюционной – и «второй» – послевоенной – волн эмиграции из России, её преемница во второй половине XX в. состояла из людей, приехавших в эту страну добровольно, а в некоторых случаях – уже родившихся в ней.

С начала 1960-х гг. и до распада СССР в советских вузах, а также в средних специальных учебных заведениях, на различных курсах подготовки, повышения квалификации, учебно-производственных стажировках и т.д. обучалось в общей сложности более семи тысяч марокканцев[1]. Вернувшись на родину с дипломом о высшем образовании, многие выпускники приехали с уже сложившимися семьями, не только с женами, но зачастую уже с детьми, родившимися в годы учебы. Эта специфическая группа соотечественников (преимущественно – соотечественниц) стала главным источником пополнения русскоязычной общины в Марокко во второй половине XX века[2].

В 1970-1990-х гг. значительная доля знакомств происходила в учебных заведениях, библиотеках и общежитиях, т.е. местах так или иначе связанных с учебным процессом (Крылова 1996: 27-28). В качестве иллюстрации сказанного уместно привести выдержки из интервью «пионерок» советской эмиграции в Марокко Л.М. Рабаа (Тихомировой) и Э.Ф. Юсуфин: «С будущим мужем Абдельхаком она познакомилась в далеких 1970-х годах во Дворце пионеров на Ленинских горах, когда они были студентами. Людмила училась в Педагогическом институте им. Крупской, на романо-германском отделении, а ее избранник в Московском энергетическом институте. Молодые по благословению родителей — очному и заочному — вскоре поженились и плодом их любви стали два очень красивых сына» (Телятникова 2008). «Я познакомилась с будущим мужем в Москве, когда он был студентом первого курса МЭИ, а я, в то время как раз окончила курсы машинописи и стенографии со знанием английского языка и работала в одном московском издательстве. Муж был в составе первой группы марокканских студентов, прибывших в Москву на учебу»[3].

Студенты, отправлявшиеся учиться из Марокко в Советский Союз в 1960-е и 1970-е гг., в большинстве своем принадлежали к состоятельным слоям городской буржуазии. По возвращении на родину они гарантированно поступали на государственную службу или открывали свое дело, что обеспечивало относительное комфортное вхождение и «русских» жен в новую для них, абсолютно чуждую на первом этапе, культурную среду. Постколониальный период, во время которого осуществлялась «мароканизация» государственного аппарата и экономики, занял около трех десятилетий. Это обстоятельство определило относительную простоту адаптации женщин из СССР в Марокко.

---

[1] Информация о марокканских студентах, почерпнутая из статистических справок МИД и Министерства образования СССР, к которым автор имел доступ по роду своей службы, позволяет выполнить достаточно корректный подсчет их численности (ПМА, Рабат – Москва, 2008-2012 гг.).

[2] Хронологические рамки современной волны эмиграции: середина 1960-х – настоящий момент.

[3] Речь идет о середине 60-х гг. XX в. Источник: Ширинская 2012.

О том, как это происходило в провинциальном городе на границе с Алжиром, рассказала одна из них: «В течение первых пяти лет я жила по соседству с одними иностранцами. Между собой жены иностранных специалистов, а это были испанки, португалки, итальянки и француженки говорили по-французски. Я так же пошла на курсы французского языка и получила диплом «французский деловой»» (Юсуфин 2009). В результате развернувшегося в 1960-х гг. экономического сотрудничества между Советским Союзом и Марокко в стране находилось много командированных специалистов, входивших в круг общения молодых эмигранток[1], что также облегчало адаптацию последних. «Мне повезло, я как будто и не уезжала из Москвы, поскольку каждый день встречала кого-нибудь из семей русских специалистов на рынке, в магазине. В этом городе был кинотеатр, куда мы иногда ходили смотреть русские фильмы» (Юсуфин 2009). Дети в смешанных семьях, родившиеся на родине матери, подросшие в русскоязычной среде, также без особых проблем адаптировались в европейско-марокканской среде (Ширинская 2012).

Человека, говорящего по-русски, «советские гражданки» (как до недавнего времени их называли официальные представители СССР/России) могли неожиданно для себя встретить в государственных учреждениях и на предприятиях[2]. Это были эмигранты первой и второй волн, с которыми некоторые из вновь прибывшие смогли установить дружеские отношения. Благодаря этой связи поколений сегодняшние «русские марокканки» - а вместе с ними современные историки - имеют возможность больше узнать о российском присутствии в Марокко.

Но не всегда соотечественницы третьей волны попадали в европеизированную буржуазную среду. Зачастую семьи молодых специалистов обитали в районах города, где никогда не встретишь европейца[3]. Контраст между окраинами и центром города, например, в Касабланке, был очевиден. «Когда мы выходили из дома, чтобы дойти до автобусной остановки, нас окружала ватага мальчишек, которые, может быть, в первый раз видели женщину-иностранку на своей улице. И так же, как и в Москве, мы слышали вдогонку слова «чужестранка», «белая курица» …» (Ширинская 2012).

Успешной адаптации наших немногочисленных тогда соотечественниц в Марокко способствовал, с одной стороны, высокий статус, который они получали просто потому, что были европейками и «русскими», а с другой стороны, традиционное дружелюбие марокканцев, стремление семьи-клана сделать её жизнь приятной, толерантность населения страны к иноверцам, которой поражались русские путешественники ещё в XIX в. (Мусатова 1999: 142-149). Благодаря этому состоялось относительно комфортное проникновение выходцев из Советского Союза

---

[1] Термин «эмигрант» применим, по мнению автора, по отношению к добровольно переехавшим в другую страну советским гражданам, т.к. в период до 1992 г. у них практически не было возможности вернуться на родину и поддерживать с ней более или менее устойчивые контакты.

[2] «...очень много русских эмигрантов первой волны, которые занимали ключевые посты в административных структурах Марокко», - свидетельствует эмигрантка третьей волны (Раббаа 2008: 3).

[3] От французского слова populair – народный, здесь – «простонародный».

с их интернационалистским воспитанием в культуру принимающего общества при сохранении практически без потерь исходной культуры[1].

Подавляющее большинство соотечественниц, прибывших в страну в 1960 – 1970-е гг., подтверждают, что они не сталкивались с такими проблемами адаптации и интеграции в марокканское общество, с каким встретились жены марокканцев, приехавшие в более поздние периоды[2]. Можно предположить, что усложнение этих жизненно важных процессов во многом было связано с изменениями в социальном составе студентов, обучавшихся в советских/российских вузах. «Эпоха свинца» (См. подробнее: Versèrent 2006), которую характеризовал, в том числе, антикоммунизм во внутренней политике, сделал менее престижным советское высшее образование. С другой стороны, с конца 1970-х стал преобладать «классовый подход» при наборе абитуриентов-иностранцев в советские вузы: предпочтение отдавалось кандидатам с «рабоче-крестьянским» происхождением и рекомендацией от местной компартии[3].

Немаловажную роль сыграло смещение центров образования для иностранцев из Москвы и Ленинграда в провинциальные города и другие республики Советского Союза стало причиной заметных изменений в социальном и культурно-образовательном составе контингентов соотечественниц, переехавших в Марокко вместе со своими мужьями в более поздние периоды. Определенное значение для понимания характеристик советской и постсоветской эмиграции в Марокко, имеет география происхождения женщин.

До замужества многие из них проживали в небольших областных центрах, поселках городского типа, селах и деревнях. Это подтверждается статистикой консульского отдела посольства России в Марокко, по данным которого менее 45% женщин, постоянно проживающих в стране, были выходцами из таких городов, как Москва, Санкт-Петербург, Барнаул, Воронеж, Вологда, Владимир, Тверь, Калуга, Ростов-на-Дону и др. Остальные происходили из областных поселений городского типа или сел и деревень. 70% советских женщин в Марокко причисляли себя к русским и 22% – к украинцам; около 4% - татарки, 2% - армянки, выходцев из Белоруссии было и остается очень мало. Таким образом, можно отметить, что основную группу соотечественниц формировали представительницы славянской группы.

Многолетние полевые наблюдения за смешанными семьями в Марокко позволяют утверждать, что одним из сильнейших факторов эмиграции из СССР/России в XX веке являлось социальное-экономическое состояние страны. Самая массовая эмиграция наблюдалась в десятилетие после распада СССР, в период социально-экономического кризиса российского общества. В целом

[1] Иллюстрация к данному утверждению – в отрывке из интервью: «Религиозные марокканские праздники мы часто отмечаем в семье с мамой, братьями и сестрами мужа. А на русскую Пасху я кращу яйца – варю их в луковой шелухе или наклеиваю переводные картинки, пеку маленькие куличики в консервных жестяных баночках, покупаю в хороших кондитерских большие шоколадные яйца. Ну, и, конечно, готовлю творожную Пасху с буквами ХВ из темного изюма. В этот день мы ходим в гости к друзьям в смешанные семьи, где жена – русская» (Ширинская 2012).

[2] Записи бесед автора с соотечественницами, ПМА, 2008-2011.

[3] Компартия Марокко, стремясь избежать жестких репрессий со стороны властей, в 1968 г. изменила свое название на Партию прогресса и социализма (Versèrent 2006: 44-52).

надежды эмигрантов из Советского Союза на лучшую жизнь в Марокко воплотились в жизнь.

Анализ социально-политических процессов, проходивших в Марокко на протяжении десятилетий, позволяет утверждать, что в этой стране сложились макросоциальные факторы, сформировавшие достаточно комфортную для иммигрантов из СССР, а затем – России, адаптивную среду, способствующую выбору наиболее предпочтительной и успешной стратегии — интеграции. Со своей стороны, выходцы из СССР/России в целом обладали набором качеств и навыков, обеспечивающих в большинстве случаев их органичное вхождение в марокканское общество, прежде всего, на микросоциальном уровне.

Интересен опыт институционализации наших соотечественников в XX веке, о котором рассказала одна из активисток «Ассоциации советских женщин в Марокко»: «*В 80-х годах в столице Марокко была создана и действовала более 10 лет ассоциация русских женщин. Я была избрана секретарем ассоциации, оставалась на этом посту несколько лет… Могу сказать, что в то время, когда я была в комитете, наша ассоциация пользовалась большим уважением среди русскоязычных женщин. Мы тесно сотрудничали с генконсульством, нам разрешали пользоваться библиотекой, регулярно показывали советские фильмы на русском языке, а для русско-марокканских семей устраивали праздники – 8 Марта, 7 ноября, Новый год. Жена генерального консула каждый месяц устраивала для активных членов ассоциации чаепития, для нас выписывали газеты и журналы из СССР. Наши дети имели возможность бесплатно поехать в летние пионерские лагеря в СССР. А самое главное, наши дети подросли, и мы получили возможность отправлять их на учебу в престижные советские вузы. Учеба была не только бесплатной, но еще нашим детям выдавали неплохую для того времени стипендию. Уже в те годы в нашей ассоциации было более 100 человек. Впрочем, во время перестройки отношение консульских работников к нам изменилось. Библиотека закрылась, фильмы показывать перестали, нашим мужьям стало трудно получить визу в Россию, даже если они хотели поехать вместе с семьей. От нас отвернулись все, и, как результат, женщины тоже изменились. Перестали собираться вместе, не стало праздников для детей на Новый год, ничто нас уже больше не связывало. Во второй половине 80-х годов ассоциация прекратила свою работу*» (Юсуфин 2009).

В 1990-е гг. распад СССР и ослабление позиций России в мире привели к заметному понижению статуса «русских» в Марокко. Престиж России стал катастрофически падать. Российские дипломы о высшем образовании стали проверять, оказалось, что у некоторых выпускников они были фальшивые. Вновь прибывшим стало трудно найти работу по специальности. Тем не менее, под влиянием социально-экономических проблем на родине число женщин из России и стран СНГ в Марокко значительно увеличилось.

История русского присутствия в Марокко не ограничивается рубежами XX века. Русско-марокканские гуманитарные связи, развивавшиеся на протяжении столетия, продолжаются и имеют большое значение, в первую очередь, для нашей страны. Эмиграция из России объективно способствовала формированию положительного образа россиян, который заложил благоприятную основу для политических, экономических и культурных отношений, успешно развивающихся

между двумя странами и сегодня. Важным аспектом российско-марокканского межкультурного взаимодействия были и остаются русский язык и культура. Эмигранты первых двух волн стремились сохранить родной язык, в первую очередь, у своих детей. При этом на русском языке начинали говорить марокканцы, находившиеся с ними в постоянном контакте: слуги, рабочие, солдаты. Сегодня русский язык является едва ли не главным средством общения в марокканских смешанных семьях. На фоне билингвизма у детей из русско-марокканских семей сохранение русского языка стало стимулом для появления в 2000-е гг. новых общественных организаций соотечественников.

Вместе с тем, проблематика, связанная с историей русских в Марокко, требует дальнейшего изучения. В распоряжении автора находится массив необработанных архивных документов, проливающих свет на разнообразные аспекты существования русской общины в XX в. Современное русскоязычное сообщество продолжает эволюционировать в рамках марокканского социума и также требует постоянного мониторинга и анализа. Продолжение исследований по данной тематике имеет, по нашему мнению, большое научно-практическое значение.

ЛИТЕРАТУРА

Архив Успенского храма - Архив Успенского храма в Касабланке, генеалогический сайт / Электронный ресурс: http://genealogia.baltwillinfo.com/107/02.htm (дата обращения – 04.06.2016).

Беляков 2010 - *Беляков В.В.* Эль-Аламейн, или Русские солдаты в Северной Африке (1940-1945): Неизвестные страницы войны. М.: Русский путь, 2010.

БМС 1921 - Бизертинский морской сборник. 1921. Выпуск 12. № 7.

БМС 1922 - Бизертинский морской сборник. 1922. Выпуск 8. № 1.

Вейцман 1981 - *Вейцман Ф.* Без отечества. История жизни русского еврея. Тель-Авив, 1981.

Вестник Русских Добровольцев 1947 - Вестник Русских Добровольцев, Партизан и Участников Сопротивления во Франции. № 2. Париж, 1947.

Волков 2002 - *Волков С.В.* Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2002.

Волков 2004 - *Волков С.В.* Офицеры флота и морского ведомства. М.: Русский путь, 2004.

Горячкин и др. 2000 - *Горячкин Г.В., Гриценко Т.Г., Фомин О.И.* Русская эмиграция в Египте и Тунисе (1920-1939 гг.). М., 2000.

Епископ Митрофан 1965 - *Епископ Митрофан (Зноско).* Светлой памяти христолюбивого воина-пастыря. Нью-Йорк, 1965.

Епископ Митрофан 1995 - *Епископ Митрофан (Зноско).* Хроника одной жизни. К шестидесятилетию пастырского служения (IX.1935 – IX.1995). Нью-Йорк, 1995.

Крылова 1996 - *Крылова Н.Л.* Русские женщины в Африке. Проблемы адаптации. М.: РОССПЭН, 1996.

Крылова 2011 - *Крылова Н.Л.* «Африканская» ветвь Шереметевых: «Мы были маргиналы всех обществ» // Азия и Африка сегодня. 2011. № 1.

Луконин 2001 - *Луконин Ю.В.* Марокканские будни изгнанников. Российская диаспора в Африке 20-50-е годы. М., 2001.

Митрофан 1948 - *Митрофан, игумен.* Православный приход в г. Курибга (Марокко) // Журнал Московской Патриархии. 1948. № 4.

Мусатова 1990 - *Мусатова Т.Л.* Россия-Марокко: далекое и близкое прошлое. М., 1990.

Незабытые могилы 2006 - Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917-1999 гг. Т. 6-2. М., 2006.

От Минска до Касабланки - От Минска до Касабланки: судьба офицера Оровайского полка Е.В. Каликина / Электронный ресурс: http://kalikins.ru/Persons/persons13.htm (дата обращения – 04.06.2016).

Парчевский 1996 - *Парчевский К.К.* У рабатского самовара // Вокруг Света. 1996. № 1 (2664).

Путь моей жизни 1994 - Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994.

Раббаа 2008 - Тридцать лет спустя: как жили раньше. Из воспоминаний Л.М. Раббаа // Московский предприниматель. Спецвыпуск «Эхо Магриба». 2008. № 1.

Решетников 2010 - *Решетников Л.* Русский Лемнос. М., 2010.

Российское зарубежье 2008 - Российское зарубежье во Франции. 1919-2000. Биографический словарь. В 3 тт. / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2008.

Россия-Марокко 1999 - Россия-Марокко: история связей двух стран в документах и материалах (1777-1916). М., 1999.

Русская колония 2008 - Русская колония в Тунисе. 1920-2000. Сборник / Составитель К.В. Махров. М.: Русский путь, 2008.

Судьбы поколения 2006 - Судьбы поколения 1920-1930-х годов в эмиграции. Очерки и воспоминания. М., 2006.

Телятникова 2008 - *Светлана Телятникова.* Людмила Раба – «Среди мусульман не чувствую себя чужой» // Москвичка / Электронный ресурс: www.moscvichka.ru/article/2008_01/18.html (дата обращения – 11.12.2015).

Терзов 2009 - *Терзов А.С.* История и идеология русских эмигрантских молодёжных организаций на примере Национальной организации русских разведчиков (НОРР) // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2009. № 11 (15).

Ширинская 2003 - *Ширинская А.* Бизерта. Последняя стоянка. СПб., 2003.

Ширинская 2012 - *Ширинская Н.* Новый год в Марокко. Проект «Окно в Россию» на сайте радиостанции «Голос России». 23.10.2012 / Электронный ресурс: http://rus.ruvr.ru/2012_10_23/Novij-god-v-Marokko (дата обращения – 04.06.2016).

Шлиппе 2003 - *Шлиппе Ирина фон.* Кризис изгнания: поиски социальных и духовных решений в эмиграции. 2003 / Электронный ресурс: http://www.religare.ru/article29963.htm (дата обращения – 04.06.2016).

Шлиппе 2012 - *Шлиппе Ирина фон.* 27 стран в 27 лет – поиск стабильности. Выступление в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына 24 сентября 2012 г., Москва / Электронный ресурс: http://www.bfrz.ru/data/images/2012/news09/240912/DIPI/vecher/DP_IIA_fon_Shlippe_red.pdf (дата обращения – 04.06.2016).

Южанин 2008 - *Южанин М.А.* О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу / Электронный ресурс: http://2008.isras.ru/files/File/Socis/2007-05/Yuzhanin.pdf (дата обращения – 04.06.2016).

Юсуфин 2009 - Интервью Л. Баумгартен с Э. Юсуфин (президентом Ассоциации «Соотечественницы» в Марокко) на сайте Альянса русскоязычных женщин «Добродея» 16 июля 2009 / Электронный ресурс: http://dobrodeya.ucoz.de (дата обращения – 04.06.2016).

Abitbol 2009 - *Abitbol Michel.* Histoire du Maroc. Perrin, 2009.

Enciclopedia 1960 - Enciclopedia Britannica. 1960. V. 19.

IRO 2006 - International Refugee Organization // За свободную Россию, Сообщения местной организации НТС на Востоке США. 2006. № 78.

Pauline de Mazières 2010 - *Pauline de Mazières.* Histoires de Russes au Maroc. Fragement I. Tanger, 2010.

Versèrent 2006 - *Versèrent P.* Histiore du Maroc depuis l'indépendence. Paris, 2006.

REFERENCES

Abitbol 2009 - *Abitbol Michel.* Histoire du Maroc [History of Morocco], Perrin, 2009 [in French].

Arhiv Uspenskogo hrama - Arhiv Uspenskogo hrama v Kasablanke, genealogicheskij sajt [Archive of the Uspensky temple in Casablanca, the genealogical website], Electronic resource: http://genealogia.baltwillinfo.com/107/02.htm (Date of access – 04.06.2016) [in Russian].

Beljakov 2010 - *Beljakov V.V.* Jel'-Alamejn, ili Russkie soldaty v Severnoj Afrike (1940-1945): Neizvestnye stranicy vojny [El-Alameyn, or the Russian soldiers in North Africa (1940-1945): Unknown pages of war], Moscow, Russkij put' Publ., 2010 [in Russian].

BMS 1921 - Bizertinskij morskoj sbornik. 1921. Vypusk 12. № 7 [Bizertinsky sea collection. Release 12. № 7] [in Russian].

BMS 1922 - Bizertinskij morskoj sbornik. 1922. Vypusk 8. № 1 [Bizertinsky sea collection. Release 8. № 1] [in Russian].

Enciclopedia 1960 - Enciclopedia Britannica, 1960, V. 19 [in English].

Episkop Mitrofan 1965 - *Episkop Mitrofan (Znosko).* Svetloj pamjati hristoljubivogo voina-pastyrja [Light memory of the religous soldier pastor], New York, 1965 [in Russian].

Episkop Mitrofan 1995 - *Episkop Mitrofan (Znosko).* Hronika odnoj zhizni. K shestidesjatiletiju pastyrskogo sluzhenija (IX.1935 – IX.1995) [Chronicle of one life. To the sixtieth anniversary of vicarial service (IX.1935-IX.1995)], New York, 1995 [in Russian].

Gorjachkin i dr. 2000 - *Gorjachkin G.V., Gricenko T.G., Fomin O.I.* Russkaja jemigracija v Egipte i Tunise (1920-1939 gg.) [The Russian emigration in Egypt and Tunisia (1920-1939)], Moscow, 2000 [in Russian].

IRO 2006 - International Refugee Organization, in: Za svobodnuju Rossiju, Soobshhenija mestnoj organizacii NTS na Vostoke SShA [For free Russia, Messages of the NTS local organization in the east of the USA], 2006, № 78 [in Russian].

Jusufin 2009 - Interv'ju L. Baumgarten s Je. Jusufin (prezidentom Associacii «Sootechestvennicy» v Marokko) na sajte Al'jansa russkojazychnyh zhenshhin «Dobrodeja» 16 ijulja 2009 [L. Baumgarten's interview with E. Yusufin (the president of Sootechestvennitsy Association in Morocco) on the website of Alliance of Russian-speaking women of «Dobrodey» on July 16, 2009], Electronic resource: http://dobrodeya.ucoz.de (Date of access – 04.06.2016) [in Russian].

Juzhanin 2008 - *Juzhanin M.A.* O sociokul'turnoj adaptacii v inojetnicheskoj srede: konceptual'nye podhody k analizu [About sociocultural adaptation in the inoetnichesky environment: conceptual approaches to the analysis], Electronic resource: http://2008.isras.ru/files/File/Socis/2007-05/Yuzhanin.pdf (Date of access – 04.06.2016) [in Russian].

Krylova 1996 - *Krylova N.L.* Russkie zhenshhiny v Afrike. Problemy adaptacii [The Russian women in Africa. Adaptation problems], Moscow, ROSSPJeN Publ., 1996 [in Russian].

Krylova 2011 - *Krylova N.L.* «Afrikanskaja» vetv' Sheremetevyh: «My byli marginaly vseh obshhestv» [«African» branch of Sheremetev: «We were outcasts of all societies»], in: Azija i Afrika segodnja [Asia and Africa today], 2011, № 1 [in Russian].

Lukonin 2001 - *Lukonin Ju.V.* Marokkanskie budni izgnannikov. Rossijskaja diaspora v Afrike 20-50-e gody [Moroccan everyday life of exiles. The Russian diaspora in Africa the 20-50th years], Moscow, 2001 [in Russian].

Mitrofan 1948 - *Mitrofan, igumen.* Pravoslavnyj prihod v g. Kuribga (Marokko) [Orthodox parish to Kuribga (Morocco)], in: Zhurnal Moskovskoj Patriarhii [Magazine of the Moscow Patriarchy], 1948, № 4 [in Russian].

Musatova 1990 - *Musatova T.L.* Rossija-Marokko: dalekoe i blizkoe proshloe [Russia-Morocco: remote and near past], Moscow, 1990 [in Russian].

Nezabytye mogily 2006 - Nezabytye mogily. Rossijskoe zarubezh'e: nekrologi 1917-1999 gg. T. 6-2 [Not forgotten graves. Russian abroad: obituaries of 1917-1999. Volume 6-2], Moscow, 2006 [in Russian].

Ot Minska do Kasablanki - Ot Minska do Kasablanki: sud'ba oficera Orovajskogo polka E.V. Kalikina [From Minsk to Casablanca: destiny of the officer of Orovaysky regiment E.V. Kalikina], Electronic resource: http://kalikins.ru/Persons/persons13.htm (Date of access – 04.06.2016) [in Russian].

Parchevskij 1996 - *Parchevskij K.K.* U rabatskogo samovara [At a Rabat samovar], in: Vokrug Sveta [Round the world], 1996, № 1 (2664) [in Russian].

Pauline de Mazières 2010 - Pauline de Mazières. Histoires de Russes au Maroc. Fragement I [History of Russians in Morocco. Part 1], Tanger, 2010 [in French].

Put' moej zhizni 1994 - Put' moej zhizni. Vospominanija Mitropolita Evlogija (Georgievskogo), izlozhennye po ego rasskazam T. Manuhinoj [Way of my life. The memoirs of the Metropolitan Eulogius (Georgiyevsky) stated according to his stories of T. Manukhina], Moscow, 1994 [in Russian].

Rabbaa 2008 - Tridcat' let spustja: kak zhili ran'she. Iz vospominanij L.M. Rabbaa [Thirty years later: as lived earlier. From L.M. Rabbaa's memoirs], in: Moskovskij predprinimatel'. Specvypusk «Jeho Magriba» [Moscow businessman. Special issue «Echo of Maghrib»], 2008, № 1 [in Russian].

Reshetnikov 2010 - Reshetnikov L. Russkij Lemnos [Russian Lemnos], Moscow, 2010 [in Russian].

Rossija-Marokko 1999 - Rossija-Marokko: istorija svjazej dvuh stran v dokumentah i materialah (1777-1916) [Russia-Morocco: history of communications of two countries in documents and materials (1777-1916)], Moscow, 1999 [in Russian].

Rossijskoe zarubezh'e 2008 - Rossijskoe zarubezh'e vo Francii. 1919-2000. Biograficheskij slovar'. V 3 tt. / Pod obshh. red. L. Mnuhina, M. Avril', V. Losskoj [The Russian abroad in France. 1919-2000. Biographic dictionary. In three volumes / Under edition L. Mnukhin, M. Avril, V. Losskaya], Moscow, 2008 [in Russian].

Russkaja kolonija 2008 - Russkaja kolonija v Tunise. 1920-2000. Sbornik / Sostavitel' K.V. Mahrov [The Russian colony in Tunisia. 1920-2000. Collection / Originator K.V. Makhrov], Moscow, Russkij put' Publ., 2008 [in Russian].

Shirinskaja 2003 - *Shirinskaja A.* Bizerta. Poslednjaja stojanka [Bizerte. Last parking], St. Petersburg, 2003 [in Russian].

Shirinskaja 2012 - *Shirinskaja N.* Novyj god v Marokko. Proekt «Okno v Rossiju» na sajte radiostancii «Golos Rossii». 23.10.2012 [New year in Morocco. «The Window to Russia» project on the website of Voice of Russia radio station. 23.10.2012], Electronic resource: http://rus.ruvr.ru/2012_10_23/Novij-god-v-Marokko (Date of access – 04.06.2016) [in Russian].

Shlippe 2003 - Shlippe Irina fon. Krizis izgnanija: poiski social'nyh i duhovnyh reshenij v jemigracii. 2003 [Exile crisis: searches of social and spiritual decisions in emigration. 2003], Electronic resource: http://www.religare.ru/article29963.htm (Date of access – 04.06.2016) [in Russian].

Shlippe 2012 - *Shlippe Irina von.* 27 stran v 27 let – poisk stabil'nosti. Vystuplenie v Dome russkogo zarubezh'ja im. A. Solzhenicyna 24 sentjabrja 2012 g., Moskva [27 countries in 27 years – stability search. Performance in the House of the Russian abroad of A. Solzhenitsyn on September 24, 2012, Moscow], Electronic resource: http://www.bfrz.ru/data/images/2012/news09/240912/DIPI/vecher/DP_IIA_fon_Shlippe_red.pdf (Date of access – 04.06.2016). [in Russian]

Sud'by pokolenija 2006 - Sud'by pokolenija 1920-1930-h godov v jemigracii. Ocherki i vospominanija [Destinies of generation of the 1920-1930th years in emigration. Sketches and memoirs], Moscow, 2006 [in Russian].

Teljatnikova 2008 - *Svetlana Teljatnikova.* Ljudmila Raba – «Sredi musul'man ne chuvstvuju sebja chuzhoj» [Lyudmila Raba – «Among Muslims I do not feel the stranger»], in: Moskvichka [Muscovite], Electronic resource: www.moscvichka.ru/article/2008_01/18.html (Date of access – 11.12.2015) [in Russian].

Terzov 2009 - *Terzov A.S.* Istorija i ideologija russkih jemigrantskih molodjozhnyh organizacij na primere Nacional'noj organizacii russkih razvedchikov (NORR) [History and ideology of the Russian emigre youth organizations on the example of the National Organization of the Russian Intelligence Agents (NORIA)], in: Izvestija PGPU im. V.G. Belinskogo [News of PGPU V.G. Belinsky], 2009, № 11 (15) [in Russian].

Vejcman 1981 - *Vejcman F.* Bez otechestva. Istorija zhizni russkogo evreja [Without fatherland. History of life of the Russian Jew], Tel Aviv, 1981 [in Russian].

Versèrent 2006 - *Versèrent P.* Histiore du Maroc depuis l'indépendence [The history Morocco after obtaining independence], Paris, 2006 [in French].

Vestnik Russkih Dobrovol'cev 1947 - Vestnik Russkih Dobrovol'cev, Partizan i Uchastnikov Soprotivlenija vo Francii. № 2 [The messenger of the Russian Volunteers, Guerrillas and Participants of Resistance in France. № 2], Paris, 1947 [in Russian].

Volkov 2002 - *Volkov S.V.* Oficery rossijskoj gvardii. Opyt martirologa [Officers of the Russian guard. Experience of a passional], Moscow, Russkij put' Publ., 2002 [in Russian].

Volkov 2004 - *Volkov S.V.* Oficery flota i morskogo vedomstva [Officers of fleet and sea department], Moscow, Russkij put' Publ., 2004 [in Russian].

Сухов Николай Вадимович – Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Россия).
Nikolay Sukhov – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Officer
of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: mail@histformat.com

УДК 94(47)

УКРАИНИЗАЦИЯ И КОРЕНИЗАЦИЯ: РАЗЛИЧИЕ И СХОДСТВО ПРОГРАММ

Васильев И.Ю.
Научно-исследовательский центр традиционной культуры
«Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия)
e-mail: ivasee@mail.ru
SPIN-код: 8437-3902

Авторское резюме

В статье анализируется национальная политика большевиков на Украине в довоенный период. «Коренизация» рассматривается не как программа, а как «кейс» с несколькими программами, где программы в отношении восточных славян отличны от таковых в отношении неславянских народов. Недопустима излишняя схематизация и недоучёт исторической судьбы конкретного этноса на конкретной территории. Необходимо помнить о специфике отдельных макрорегионов. В разных местностях разделение украинизации, белорусизации и коренизации может работать (или даже не работать) по-разному.

Ключевые слова: казачество, Украина, СССР, коренизация, украинизация.

UKRAINIZATION AND INDIGENIZATION: DIFFERENCES AND SIMILARITIES

Igor Vasilyev
The research center of traditional culture
«The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia)
e-mail: ivasee@mail.ru

Abstract

The article focuses on the Bolsheviks' national policies in Ukraine in the prewar period. «Indigenization» is viewed not as a single program, but rather as a «bundle» of them, in which the programs related to the Eastern Slavs were different from those related to non-Slavic peoples. Excessive schematization, as well as underestimation of the historical fate of a particular ethnic group in a particular area, is inadmissible. The specifics of individual macro-regions must not be forgotten. In different localities Ukrainization, Belarusization and indigenization could work (or not work) differently.

Keywords: Cossacks, Ukraine, USSR, indigenization, Ukrainization.

* * *

Принято считать, что советская украинизация была составной частью коренизации – программы по повышению статуса и привлечения к социалистическому строительству не русских народов СССР. Известный специалист по национальному вопросу в Советском Союзе Терри Мартин считал украинизацию составной частью коренизации (Мартин 2011: 377-402). Такого же мнения

придерживалась крупнейший знаток проблемы украинизации по Советскому союзу в целом Е.Ю. Борисёнок (Борисёнок 2006: 67-69). Т.П. Хлынина, специалист в области коренизации на Северном Кавказе, так же в своё время определяла политику украинизации как часть коренизации, в том числе и позже 1925 года. Однако этот исследователь, опираясь на глубокое знание фактического материала, в последние годы жизни весьма способствовал корректировки устоявшиеся догм (Хлынина 1998: 30-31). Точки зрения на украинизацию как часть коренизации придерживался и автор этих строк (Васильев 2010: 23). Но она явно нуждается в уточнении.

Политика коренизации фактически началась практически сразу после прихода к власти большевиков (Материалы 1936: 598-607, 698-704). Она опиралась на серьёзные тенденции, наметившиеся ещё на рубеже XIX - XX веков. Связанных с резким ростом и увеличением влияния национальных интеллигенций в Российской империи, а также укреплением левой русской интеллигенции, настроенной на сотрудничество с национальными интеллигенциями, на целенаправленное просвещение и развитие нерусских народов России. Но где украинцам отводилось далеко не первое место в отличии от более «отсталых» народов. Коренизация в большей степени подразумевала обращение к быту, хозяйству, образу жизни широких масс национальных меньшинств, особенно считавшихся «отсталыми». Украинизация – к культурно-идеологической сфере, сфере приложения сил образованной и политически активной части населения (Алпатов 2000: 35-38, 160; Сергеев 2013).

И тем не менее, лично Х.Г. Раковскому и украинским национал-коммунистами принадлежит важнейшая роль в провале сталинского плана «автономизации». Т.е., республики не стали входить на правах автономий в состав РСФСР. Они объединились в СССР как отдельные субъекты. Раздавались громкие призывы к равенству Украины с РСФСР (Рыбас 2010: 179-180). Так что роль И.В. Сталина, не смотря на занимаемый им пост наркома национальностей, в процессе коренизации была ординарной и даже отчасти страдательной.

Первоначально, до 1924-1925 гг. украинизация развивалась в рамках «коренизационного движения и политики коренизации. Уже 22 апреля 1920 г. было принято решение о создание национальных школ для этнических меньшинств (ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 92. Л. 14). Работу с украинцами специально не выделяли. Она шла в рамках нацменработы (ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 571. Л. 1-10). Например, украиноязычная газета «Селянка беднота» указывалась в одном перечне с эстонскими, армянскими и венгерскими газетами (ЦДНИКК. Ф.1. Оп. 1. Д. 177. Л. 1-2).

Однако в первой половине 1920-х годов украинцев далеко не всегда включали в состав «национальных меньшинств». Они не включались в процесс «коренизации». Например, в 1924 – 1925 годах власти Туапсинского района не осмысляли украинцев как национальное меньшинство (ЦДНИКК. Ф. 652. Оп. 1. Д. 150. Л. 19; ЦДНИКК. Ф. 652. Оп. 1. Д. 97. Л. 1-2). По мнению исследователя И.Г. Иванцова, аналогичная ситуация имела место и в Сочинском районе (Иванцов 2009: 86). Тоже самое имело место и в Темрюкском районе в те же годы. Хотя украинцев там было немало. И они «замечались» властями. Но не осмыслялись как национальное меньшинство

(ЦДНИКК. Оп. 1. Д. 47. Л. 1-2). Иногда подобный подход имел место уже вначале 1930-х годов. В 1931 году нацменами в Белореченском районе считались армяне и греки. И именно их считалось необходимым просвещать, прежде всего принимать в партию и комсомол. Об украинцах не говорилось ничего (ЦДНИКК. Ф. 1550. Оп. 1. Д. 18. Л. 1-2; ЦДНИКК. Ф. 1550. Оп. 1. Д. 58). В 1930 году в Крымском районе нацменами считались греки, армяне и шапсуги. Именно по отношению к ним реализовывалась национальная политика партии (Мирный 1924: 4).

В 1924 году о слабой «украинской работе» в Туапсинском районе писала газета «Красное знамя». Одновременно «украинская работа» не отделялась от работы с другими национальными меньшинствами (Борисёнок 2006: 5, 86).

С середины 1920-х годов разворачивается многоэтапное наступление на традиционный уклад жизни восточнославянского крестьянства, самоорганизацию, неподконтрольную коммунистам и опасную для них (Куняев 2014: 481-482). Украинизация и белорусизация, выделение их сторонников и противников, стала способом внесения раскола в эту социальную среду.

Но с середины 1920-х годов постепенно разворачивается самостоятельная программа украинизации. Важную роль в поддержке процесса украинизации союзным центром имела международная составляющая. Власти стремились оторвать украинцев от украинской националистической эмиграции, дискредитировать пропаганду, которую вели в отношении украинцев страны Антанты и, в особенности, Польша. СССР стремился привлечь на свою сторону украинцев, живущих в Польше, в Чехословакии и Румынии (Чирва 1929: 3; Ручка 1929: 3).

Собственно «сталинской» составляющей в украинизации было кадровое выдвиженчество. Так, начиная с 1925 г., украинизация государственного аппарата на территории Украины стала активно использоваться для выдвижения молодых кадров, лояльных власти (ЦДНИКК. Ф. 3654. Оп. 1. Д. 79. Л. 2). Этот процесс имел место и на Кубани. И здесь украинизация активно использовалась для привлечения молодых кадров из рабоче-крестьянской среды. Так, при наборе в Краснодарский педагогический институт предпочтение отдавалось украинцам из семей рабочих, батраков и крестьян-бедняков. И именно в этот период на Кубани был взят курс на планомерную украинизацию, озвученный на II Кубанской окружной партийной конференции (Письмо 1929: 4).

Сам И.В. Сталин весьма опасался национальных притязаний украинской коммунистической элиты. И, как оказалось в последствии, не зря… Однако генеральный секретарь был верен принципу, принесшему успех большевикам: использовать опасное и враждебное в своих целях (Рыбас 2010: 247).

Однако важнейшей начала причиной украинизации стало желание И.В. Сталина использовать национально ориентированных коммунистов Украины в своей борьбе с Троцким и Зиновьевым. А украинские национал-коммунисты старались использовать И.В. Сталина для укрепления собственных позиций и позиций культурного и политического украинизма. Так же, как и московские лидеры, они были заинтересованы в пропаганде советской версии украинства на международной арене.

Фактор общих с относительно слабым центром интересов активно использовал видный украинский партийный деятель Н. Скрыпник. Его сторонники, такие как А.Я. Шумский и П.Ф. Гринько, В.П. Затонский постепенно усиливали своё влияние после начала в 1923 г. «коренизации». (А.Я. Шумский и П.Ф. Гринько были выходцами из небольшевистских партий) (Подлинная история 2010: 213). Эти партийные деятели отстаивали позицию широкой самостоятельности союзных республик СССР в ущерб центру. На XII съезде ВКП(б) они прямо выступали за сохранение союзными республиками основных атрибутов независимых государств.

Свою роль играл и слабость социальной базы большевиков. Власти видели опасность для себя в сословной и национальной розни. Особое опасение вызывало сословное самосознание казаков. Его во многом и собирались подменить национально-украинским. В этом были солидарны как «москвичи», так и «киевляне». При этом Сталин изрядно опасался киевских национал-коммунистов (Мельников 1991: 7-13).

Уже начиная с дореволюционного периода украинские социал-демократы активно сотрудничали с Л.Д. Троцким (Борисёнок 2006: 107). Друг и соратник Троцкого с 1910 г., Х.Г. Раковский возглавлял правительство Украины и был членом Политбюро ЦК КП(б)У с 1919 по 1923 г. Как раз занимая эти посты, он максимально активно контактировал с Л.Д. Троцким. Х.Г. Раковский самым решительным образом поддерживал «местный национализм» в среде коммунистов. Выступал за децентрализацию и национализацию компартий (Борисёнок 2006: 17, 70).

Курс на тотальную украинизацию на Украине был взят уже в 1923 г. Во многом это было платой за перевод из республики Х.Г. Раковского. Украинские коммунисты, среди которых было немало бывших членов национал-коммунистических партий (боротьбистов, борьбистов, укапистов), ратовали за присоединение к УССР обширных районов с преобладающим украинским населением, и/или развитие на них украинской национальной культуры. В сферу их интересов входила Кубань и некоторые другие регионы РСФСР. Очередные уступки национал - коммунистам были сделаны в 1926 г. (Например, перевод в Москву Кагановича). К маю 1928 г. был достигнут компромисс. Кубань и другие регионы решили оставить в составе РСФСР, но провести на её территории полномасштабную украинизацию (Кульчицкий 2008; Белый 1994: 89).

Ценой развёртывания украинизации на территории РСФСР Сталиным была получена поддержка украинской парторганизации в борьбе как с левым, так и с правым уклоном. Была сорвана агитация видным троцкистом Х.Г. Раковским в пользу своей программы, которую тот пытался вести в Харькове в ноябре 1927 г. На первые роли на Украине стал выдвигаться ярый противник Раковского Н.А. Скрыпник (Мельников 1991: 17). Последний сменил в роли «локомотива украинизации» видного украинского национал-коммуниста А.Я Шумского. Был взят курс на тотальную украинизацию языковой среды Украины, перевод на украинский язык образования, делопроизводства, пропаганды и пр. (Рыбас 2010: 248-249, 381). Очень важную роль мнение украинской партийной организации сыграла и в победе Сталина над Бухариным. «Сталин купил украинцев тем, что убрал с Украины Кагановича» - говорил последний в 1928 г. (Рыбас 2010: 284, 289).

Украинские национал-коммунисты декларировали, что украинизация может использоваться как повод для внедрения советской власти и идеологии в повседневную жизнь сельских кубанцев (Харченко 2008: 3). Очередной шевченковский юбилее, например, 1926 года – для популяризации решений съездов партии по национальному вопросу (ЦДНИКК. Ф. 3654. Оп. 1. Д. 79. Л. 2, 4). Среди украинизационных мероприятий значится антирелигиозная пропаганда, работа по активизации женского движения и бедноты (ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 28, 32). Целью украинизации официально объявлялось создание коммунистической, пролетарской украинской культуры в преддверии массовой пролетаризации кубанских селян, переходу их к образу жизни, характерному для индустриального общества (ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 309. Л. 6).

Начиная с 1928 г. украинизация принимает всё более агрессивные формы, становится принудительной и всеобщей для Северокавказского края (Мирук 1996: 174). 17 июля 1928 г. в Краснодаре состоялось совещание советских, партийных и общественных деятелей, посвященное украинизации Кубани. На нём был заслушан доклад комиссии ВЦИК и ЦКК, проводившей анкетирование населения. Выяснялись различия в культуре и укладе жизни Кубани и УССР, отношение к украинизации различных социальных групп. На совещании было высказано предложение ускорить украинизацию. Состоявшаяся в это же время окружная учительская конференция проходила в напряженной атмосфере, часто возникали споры о целесообразности и объёмах украинизации (Екатеринодар 1993: 525).

9 августа 1928 г. бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) постановило в месячный срок разработать план и методы сплошной украинизации. Последняя прежде всего предполагало массовый перевод на украинский язык делопроизводства, пропаганды и партийной работы (ЦДНИРО. Ф. 7. Оп.1. Д. 658. Л. 9). Эти мероприятия и их решения относились именно к украинизации, а не к нацменработе вообще. Характерно, что в разгар украинизации её и собственно «нацменработу» разделяли. Хотя и считали сходными кампаниями, проходящими в некоем общем русле. Например, в тот период коренизацию и украинизацию разделяли в Кущёвском районе. Отдельно выделяли украинскую и «нацменовскую» литературу (ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 1). В 1931 году такая же ситуация имела место и в Северском районе. Отдельно выделяли украинизацию. Отдельно работу с нацменами (ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 711. Л. 3). На практике в районах сплошной украинизации директивно пытались украинизировать не только русских, но некоторых нацменов. Например, немцев. Эта практика в 1931 году вызвала гневную отповедь со стороны Северо-Кавказского крайисполкома (Иванцов 2009: 69).

Противоречивость соотношения «коренизации» и «украинизации» проявилось в том, кого включали в число студентов - нацмен во Всесоюзном техникуме мясной промышленности. Практически все они были представителями народов Северного Кавказа. И только один Яков Кислун был украинцем (ЦДНИКК. Ф. 1364. Оп.1. Д. 21. Л. 46-47).

При этом всё же не стоит чрезмерно «разводить» украинизацию с коренизацией. Обе программы реализовывались в едином русле советской национальной политики того времени. Теоретическим основание для

украинизации, как и коренизации, считались решения по национальному вопросу XII и XIII съездов партии (ГАКК. Ф. Р-291. Оп. 1. *Д.* 48. *Л.* 7-9). Именно делегаты краевого совещания уполномоченных по нацменделам, прошедшего в июне 1930 г. в Ростове-на-Дону, занимались проверкой уровня реализации программы украинизации (ЦДНИКК. Ф. 3654. Оп. 1. *Д.* 79. *Л.* 4). Развёртывание кампании украинизации способствовало и включению кое- где украинцев число нацмен. В 1925 году украинцы не числились в числе нацмен города Кропоткин. А в 1927 году уже числились наряду с татарами и армянами (ЦДНИКК. Ф. 17 24. Оп. 1. *Д.* 76. *Л.* 2; ЦДНИКК. Ф. 17 24 Оп. 1. *Д.* 48. *Л.* 1).

И в целом планы украинизации во многом оставались на уровне деклараций (ЦДНИКК. Ф. 1863. Оп. 1. *Д.* 62. *Л.* 4 об, 16). Уже в 1930 году в одном из самых украинских Славянском районе отмечалась слабая реализация планов по украинизации, зачастую их фактическое невыполнение. В том же году Краснодарском городском райкоме партии украинизация так же рассматривалась в целом как строка в отчётности, а не реальное дело. Это не удивительно, если учесть, что среди делегатов XIII районной партконференции украинцев было 6% (ЦДНИКК. Ф. 6186. Оп. 1. *Д.* 355. *Л.* 19, 45).

Примечательно, что в период наивысшей активности украинизации — 1930 — 1932 годах делалась попытка «деукраинизировать» саму украинизацию. Идея обеспечения национальных прав украинцев нивелировалась и объявлялась незначимой. Основной задачей украинизации прямо постулировалось пропагандистское обеспечение выполнения промфинплана и сплошной коллективизации (Красное знамя. 1932. № 210: 4).

Из украинской литературы Кубани изгонялись собственно украинские национальные мотивы. И подменялись сиюминутно — пропагандистскими. По этой причине, например, подвергался нападкам известный украинский кубанский поэт О. Кирий (ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 1. *Д.* 19. *Л.* 4-5; ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 1. *Д.* 12. *Л.* 15, 18; ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 1. *Д.* 16. *Л.* 4; ЦДНИКК. Ф. 1369. Оп. 1. *Д.* 95. *Л.* 8; ГАКК. Ф. Р-109. Оп. 1. *Д.* 2. *Л.* 23; Ф. Р-109. Оп. 1. *Д.* 8. *Л.* 1-12; Стругова 1999: 84).

Примечательно, что уже в середине столетия, уже после завершения как украинизации, так и активной коренизации за пределами союзных республик и автономий, на Кубани продолжали функционировать культурные и хозяйственные структуры, созданные в период реализации этих программ. Например, украинский театр и дом культуры «Нацмен» с кинотеатром в Краснодаре, колхоз «Нацмен» в Горячеключевском районе (Лола 1932).

Таким образом, в первый период советской украинизации, в 1920-1925 гг., украинизация проходила в рамках «общей работы» по укреплению статуса национальных меньшинств и привлечению их к коммунистическому строительству. При этом нередко украинцы оказывались неохваченными «нацменработой». Особенно на территориях, где проживали неславянские национальные меньшинства.

В связи с этим украинизация таких регионов РСФСР, как Кубань была выделена в особую программу, по форме и смыслу сходную с коренизацией. Однако не вполне ей тождественную. Более обширную по охвату. С учётом украинизации

значительной части сферы образования, культурной работы, органов власти и пропаганды украинизация фактически затрагивала всё восточнославянское население отдельных территорий. Одновременно её реализовывали порой недостаточно последовательно и во многом декларативно. К тому же коренизация была следствием «общепрогрессивных» тенденций, характерных для значительной части левой общественности и национальной интеллигенции. Украинизация же была следствием конкретной политической игры И.В. Сталина и украинских национал – коммунистов, противостояния аналогичной зарубежной пропаганде. А также стремлением большевиков в целом внести раскол в среду восточнославянского крестьянства накануне ликвидации его векового уклада. Особенно это касалось казачества.

Последний период украинизации отмечен как наиболее последовательными мерами по её реализации, так и «деукраинизацией» украинизации. Объявлением её служебной мерой для облегчения пропаганды коллективизации, претензиями к интеллигентам – украинофилам с партийно-советской точки зрения.

Представляется небесполезным рассматривать «коренизацию» не как программу, а как «кейс» с несколькими программами, где программы в отношении восточных славян отличны от таковых в отношении неславянских народов. При оценке этих программ необходимо исходить как из предшествующей им этноисторической ситуации, так и из сравнительно отдалённых последствий. Исходя из этого, коренизацию в отношении неславянских народов нужно разделять на коренизацию в отношении коренных народов, получивших автономию (фактически – государственность) местных коренных этносов, таковой не получивших. А так же этносов, традиционно проживающих в диаспоре, этносов, имеющих государственность в виде союзных республик СССР, имеющих государственность за пределами СССР (восстановление государственности вплоть до середины XX в. включительно). Исторические последствия коренизации в отношении этих народов были весьма различными. Например, получившие автономию на данной территории успешно развивались и укреплялись. У не получивших историческая судьба оказалась менее благополучной. Некоренные народы впоследствии подвергались депортациям, активно принимали участие в миграционных и ассимиляционных процессах. Причём депортации, эмиграция и ассимиляция были более характерны для этносов с государственностью за пределами СССР. Для этносов с государственностью в виде союзных республик в большей степени характерна ассимиляция старожильческих групп/семей при общем увеличении присутствия за счёт новых мигрантов. Т.е., при оценке последствий политики коренизации в отношении данного этноса преимущественное значение имеет получение/неполучение им автономии в пределах СССР того времени не ниже уровня автономной области. Что в гораздо меньшей степени имеет отношение к итогам украинизации и белорусизации за пределами Украины и Белоруссии.

Также необходимо предостеречь от излишней схематизации и подчеркнуть необходимость учёта исторической судьбы конкретного этноса на конкретной территории. Особенно необходимо помнить о специфики отдельных регионов (макрорегионов)! В разных местностях указанное выше разделение украинизации,

белорусизации и коренизации может работать (или даже не работать) по-разному. Например, при сравнительно малочисленном неславянском населении в Центрально Черноземье украинизация здесь, описанная К.С. Дроздовым (Дроздов 2010: 82-84), в большей степени сливалась с коренизацией как таковой.

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов 2000 - *Алпатов В.М.* 150 языков и политика: 1917-2000. М., 2000.

Белый 1994 - *Белый Д.Д.* Малиновый клин. Киев, 1994.

Борисёнок 2006 - *Борисёнок Е.Ю.* Феномен советской украинизации. М., 2006.

Васильев 2010 - *Васильев И.Ю.* Украинское национальное движение и украинизации на Кубани в 1917-1932 годах. Краснодар, 2010.

Дроздов 2010 - *Дроздов К.С.* Украинизация в России 1923-1932 гг.: цели, методы, результаты (на примере губерний Центрального Черноземья) // Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития: материалы Международной научно-практической конференции. Киев; Москва; Уфа: Издательство Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова, 2010.

Екатеринодар 1993 - Екатеринодар – Краснодар. Два века в датах, событиях, воспоминаниях. Краснодар, 1993.

Иванцов 2009 - *Иванцов И.Г.* Актуальные вопросы истории Кубани в документах комиссии внутрипартийного контроля ВКП(б). 1920 – начало 1930-х годов. Краснодар, 2009.

Кульчицкий 2008 - *Кульчицкий С.* Смертельный водоворот. Рождение и гибель украинской Кубани. 2008 / Электронный ресурс: http://day.kyiv.ua/ru/article/istoriya-i-ya/smertelnyy-vodovorot (дата обращения – 29.05.2016).

Куняев 2014 - *Куняев С.С.* Николай Клюев. М., 2014.

Лола 1932 - *Лола М.* Вступительная статья и др. // Наступ. Краснодар. 1932. № 2.

Мартин 2011 - *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. М., 2011.

Материалы 1936 - Материалы X съезда ВКП(б). М., 1936.

Мельников 1991 - *Мельников В.Е.* Раковский против Сталина. М., 1991.

Мирный 1924 - *Мирный Х.* Нацменьшинства // Красное знамя. 1924. № 15. 25 января.

Мирук 1996 - *Мирук М.В.* Кубанское казачество и украинизация Кубани: опыт и уроки (1921-1932 гг.) // Кубанское казачество: три века исторического пути. Краснодар, 1996.

Письмо в редакцию 1929 - Письмо в редакцию // Красное знамя. 1929. № 150.

Подлинная история 2010 - Подлинная история РСДРП – РКП(б) – ВКП(б). Без умолчаний и фальсификаций. Краткий курс. СПб., 2010.

Ручка 1929 - *Ручка.* О приёме украинцев в Краснодарский педагогический институт // Красное знамя. 1929. № 151.

Рыбас 2010 - *Рыбас С.Ю.* Сталин. М., 2010.

Сергеев 2013 - *Сергеев С.М.* Интернационалисты вольные и невольные. 2013 / Электронный ресурс: http://www.apn.ru/publications/article29941.htm (дата обращения – 29.05.2016).

Стругова 1999 - *Стругова М.Р.* Украинский театр в Краснодаре в первой половине XX века (по материалам Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника) // Первые кубанские литературно-исторические чтения памяти Ф.А. Щербины. Краснодар, 1999.

Харченко 2008 - *Харченко В.* Мы начинали на хохлацком и первый трактор был «Фордзон» // Зори. 2008. 1 мая.

Хлынина 1998 - *Хлынина Т.П.* Политика украинизации Кубани: 1920-е – 1930-е годы // Дикаревские чтения. Вып. 4. Белореченск, 1998.

Чирва 1929 - *Чирва К.И.* Готовьтесь в désinститут // Красное знамя. 1929. № 151.

REFERENCES

Alpatov 2000 - *Alpatov V.M.* 150 jazykov i politika: 1917-2000 [150 languages and policy: 1917-2000], Moscow, 2000 [in Russian].

Belyj 1994 - *Belyj D.D.* Malinovyj klin [Crimson wedge], Kiev, 1994 [in Russian].

Borisjonok 2006 - *Borisjonok E.Ju.* Fenomen sovetskoj ukrainizacii [Phenomenon of the Soviet Ukrainization], Moscow, 2006 [in Russian].

Chirva 1929 - *Chirva K.I.* Gotov'tes' v pedinstitut [Prepare in teacher training college], in: Krasnoe znamja [Red banner], 1929, № 151 [in Russian].

Drozdov 2010 - *Drozdov K.S.* Ukrainizacija v Rossii 1923-1932 gg.: celi, metody, rezul'taty (na primere gubernij Central'nogo Chernozem'ja) [Ukrainization in Russia 1923-1932: the purposes, methods, results (on the example of provinces of the Central Chernozem region)], in: Ukrainistika v Rossii: istorija, sostojanie, tendencii razvitija: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Ukrainistika in Russia: history, state, development tendencies: materials of the International scientific and practical conference], Kiev; Moscow; Ufa, Izdatel'stvo Ufimskogo filiala MGGU im. M.A. Sholohova Publ., 2010 [in Russian].

Ekaterinodar 1993 - Ekaterinodar – Krasnodar. Dva veka v datah, sobytijah, vospominanijah [Ekaterinodar – Krasnodar. Two centuries in dates, events, memoirs], Krasnodar, 1993 [in Russian].

Harchenko 2008 - *Harchenko V.* My nachinali na hohlackom i pervyj traktor byl «Fordzon» [We began on Ukrainian and the first tractor was «Fordzon»], in: Zori [Dawns], 2008, 1 maja [in Russian].

Hlynina 1998 - *Hlynina T.P.* Politika ukrainizacii Kubani: 1920-e – 1930-e gody [Policy of an Ukrainization of Kuban: the 1920th – the 1930th years], in: Dikarevskie chtenija. Vyp. 4 [Dikarevsky readings. Release 4], Belorechensk, 1998 [in Russian].

Ivancov 2009 - *Ivancov I.G.* Aktual'nye voprosy istorii Kubani v dokumentah komissii vnutripartijnogo kontrolja VKP(b). 1920 – nachalo 1930-h godov [Topical issues of history of Kuban in documents of the commission of inner-party control of All-Union Communist Party (bolsheviks). 1920 – beginning of the 1930th years], Krasnodar, 2009 [in Russian].

Kul'chickij 2008 - Kul'chickij S. Smertel'nyj vodovorot. Rozhdenie i gibel' ukrainskoj Kubani [Deadly whirlpool. Birth and death of the Ukrainian Kuban], 2008, Electronic resource: http://day.kyiv.ua/ru/article/istoriya-i-ya/smertelnyy-vodovorot (Date of access – 29.05.2016) [in Russian].

Kunjaev 2014 - *Kunjaev S.S.* Nikolaj Kljuev [Nikolay Klyuev], Moscow, 2014 [in Russian].

Lola 1932 - *Lola M.* Vstupitel'naja stat'ja i dr. [Introductory article, etc.], in: Nastup [Approach], Krasnodar, 1932, № 2 [in Russian].

Martin 2011 - *Martin T.* Imperija «polozhitel'noj dejatel'nosti». Nacii i nacionalizm v SSSR [Empire of «positive activity». The nations and nationalism in the USSR], Moscow, 2011 [in Russian].

Materialy 1936 - Materialy X s’ezda VKP(b) [Materials X of congress of All-Union Communist Party (bolsheviks)], Moscow, 1936 [in Russian].

Mel'nikov 1991 - *Mel’nikov V.E.* Rakovskij protiv Stalina [Rakovsky against Stalin], Moscow, 1991 [in Russian].

Mirnyj 1924 - *Mirnyj H.* Nacmen'shinstva [Ethnic minorities], in: Krasnoe znamja [Red banner], 1924, № 15, 25 janvarja [in Russian].

Miruk 1996 - *Miruk M.V.* Kubanskoe kazachestvo i ukrainizacija Kubani: opyt i uroki (1921-1932 gg.) [Kuban Cossacks and Ukrainization of Kuban: experience and lessons (1921-1932)], in: Kubanskoe kazachestvo: tri veka istoricheskogo puti [Kuban Cossacks: three centuries of a historical way], Krasnodar, 1996 [in Russian].

Pis'mo v redakciju 1929 - Pis'mo v redakciju [The letter in edition], in: Krasnoe znamja [Red banner], 1929, № 150 [in Russian].

Podlinnaja istorija 2010 - Podlinnaja istorija RSDRP – RKP(b) – VKP(b). Bez umolchanij i fal'sifikacij. Kratkij kurs [True story of RSDRP – RCP(b) – All-Union Communist Party (bolsheviks). Without umolchaniye and falsifications. Short course], St. Petersburg, 2010 [in Russian].

Ruchka 1929 - *Ruchka.* O prijome ukraincev v Krasnodarskij pedagogicheskij institut [About reception of Ukrainians in the Krasnodar teacher training college], in: Krasnoe znamja [Red banner], 1929, № 151 [in Russian].

Rybas 2010 - *Rybas S.Ju.* Stalin [Stalin], Moscow, 2010 [in Russian].

Sergeev 2013 - *Sergeev S.M.* Internacionalisty vol'nye i nevol'nye [Internationalists free and involuntary], 2013, Electronic resource: http://www.apn.ru/publications/article29941.htm (Date of access – 29.05.2016) [in Russian].

Strugova 1999 - *Strugova M.R.* Ukrainskij teatr v Krasnodare v pervoj polovine XX veka (po materialam Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arheologicheskogo muzeja-zapovednika) [The Ukrainian theater in Krasnodar in the first half of the 20th century (on materials of the Krasnodar state historical and archaeological memorial estate)], in: Pervye kubanskie literaturno-istoricheskie chtenija pamjati F.A. Shherbiny [First Kuban literary and historical readings of memory of F.A. Shcherbina], Krasnodar, 1999 [in Russian].

Vasil'ev 2010 - *Vasil'ev I.Ju.* Ukrainskoe nacional'noe dvizhenie i ukrainizacii na Kubani v 1917-1932 godah [The Ukrainian national movement and an Ukrainization in Kuban in 1917-1932], Krasnodar, 2010 [in Russian].

Сокращения:

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края
ЦДНИКК – Центр документации новейшей истории Краснодарского края
ЦДНИРО – Центр документации новейшей истории Ростовской области

Васильев Игорь Юрьевич – Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры «Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия).
Igor Vasilyev – Candidate of Historical Sciences, Senior research associate of the Research center of traditional culture «The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia).
E-mail: ivasee@mail.ru

УДК 911.374.7

ВЛИЯНИЕ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ГРУПП НА ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО РУССКОГО СЕВЕРА В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ НАРОДНИКА С.А. ПРИКЛОНСКОГО)

Кузнецова Н.Ю.
Петрозаводский государственный университет
Россия, 185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33
e-mail: foliage.07@mail.ru
ResearcherID: B-5121-2016
SPIN-код: 9617-3299

Авторское резюме

В статье анализируется взгляд публициста и народника С.А. Приклонского на традиционное общество Русского Севера (Олонецкая губерния) в его основной работе «Народная жизнь на Севере». С.А. Приклонский отмечал, что в Олонецкой губернии во второй половине XIX века в обществе присутствовали различные религиозные группы, самыми крупными из которых были православные и староверы. Особый интерес народник проявил к изучению общности старообрядцев. На основе материалов С.А. Приклонского можно сделать вывод о том, что карельское крестьянство испытывало сильное влияние старообрядческого населения в крае.

Ключевые слова: С.А. Приклонский, народники, традиционное общество, старообрядчество, религиозные группы, Русский Север, Олонецкая губерния.

THE IMPACT OF OLD BELIEVERS RELIGIOUS GROUPS ON THE TRADITIONAL SOCIETIES OF THE RUSSIAN NORTH IN THE LAST THIRD OF THE 19th CENTURY (FROM SERGEY PRIKLONSKY'S RESEARCH)

Natalia Kuznetsova
Petrozavodsk State University
33 The Lenin Avenue, Petrozavodsk, 185910, Russia
e-mail: foliage.07@mail.ru

Abstract

The article examines the views of the prominent publicist, populist and researcher of Karelia, Sergey Priklonsky (1846-1886), on the traditional society of the Russian North (the Olonets governorate), as expressed in his main work «People's Life in the North». Priklonsky noted that in the second half of the 19th century there were various religious groups in the Olonets governorate, the largest of which were Orthodox and Old Believers. The communities of the Old Believers were of particular interest to the researcher. From the works of Sergey Priklonsky it can be concluded that the Karelian peasantry was strongly influenced by the Old Believers population in the governorate.

Keywords: Sergey Priklonsky, the Narodniks, traditional society, Old Believers, Old Ritualists, religious groups, Russian North, Olonets governorate.

* * *

На Русском Севере во второй половине XIX века удивительным образом сочетались настоящее и прошлое, человек и природа, история и религия. По мнению академика Д.С. Лихачёва, восхищавшегося этим краем, именно в нём можно было наблюдать русскую историю – «самую значительную, самую трагическую в прошлом и самую философскую» (Лихачев 2004: 3).

С Русским Севером оказалось напрямую связано такое великое и одновременно трагическое событие для русской истории, как Раскол. Северные же территории были связаны с политической ссылкой, считавшиеся одним из её центров, и потому по праву именовавшиеся «Русской Сибирью». При этом на Русском Севере были открыты миру русские былины и финский эпос, изучена особая песенная традиция местного населения. Именно поэтому северные губернии, в частности Олонецкая, оказались богаты на путевые очерки, статьи, записки путешественников, статистические обзоры и краеведческие статьи. В большинстве из них авторы не только комплексно подходили к описанию территории (описывая историю, статистическую и экономическую ситуацию, природу и культуру края), но и выделяли для себя некоторые особенности региона. В частности, многих из авторов второй половины XIX века, запечатлевших в своих произведениях Олонецкую губернию, этот край привлекал как один из крупнейших центров староверия в Российской империи. Кроме того, изучением старообрядчества, как особого явления в традиционном русском обществе, занимались многие исследователи (Каптерев 1912; Костомаров 1922; Пругавин 1905). Но опыт народников второй половины XIX в., связанным с анализом данной проблемы, оказался одним из самых результативных.

Представители народничества – идеологии, которая появилась в Российской империи в 60-х годах XIX века, позиционировали себя как течение, главной целью которого было «сближение» интеллигенции с народом, поиск своих корней и места в этом мире. Их книги, очерки и исследовательские материалы представляются предпочтительными для изучения обозначенной проблемы по ряду причин:

- особенности получения информации;
- особенности анализа информации;
- особенности восприятия и передачи информации.

Таким образом, народники, основываясь чаще всего именно на личном опыте, который стал возможным благодаря нескольким «хождениям в народ», а также ссылке, в которой побывали практически все народники, и используя, как правило, широкий круг источников в своих исследованиях, изучали старообрядчество. А местом ссылки для них избирались окраины империи (чаще всего таким местом становился именно Русский Север), где можно было воочию наблюдать за народной жизнью. А отсутствие предвзятости по отношению к старообрядчеству, в отличие от историков церкви и прогосударственных исследователей того периода, отличало исследовательский взгляд представителей народничества. Поэтому именно в

материалах народников впервые прослеживается объективность в освящении религиозных групп в традиционном обществе Русского Севера.

Сергей Алексеевич Приклонский, известный народник и публицистики второй половины XIX века, который поставил своей целью изучение и описание русского народа для наилучшего понимания его интеллигенцией и высшими кругами. С.А. Приклонский провёл почти 10 лет (с 1869 по 1879 гг.) в статусе чиновника в Канцелярии губернатора Олонецкой губернии, а после окончания службы вернулся в Москву и продолжил исследования народной жизни, используя материал, накопленный ещё в годы службы. Заметки, очерки и статьи данного автора были позднее изданы в 1888 году книгой «Народная жизнь на Севере». В данной работе С.А. Приклонский очень детально сумел описать как положение дел в крае, так и дать независимую характеристику крестьянства губернии в 1860-е – 1870-е гг., а также коснуться важного религиозного вопроса.

Цель статьи состоит в анализе взгляда народника С.А. Приклонского на влияние такой религиозной группы, как староверы, на традиционное карельское общество Русского Севере. Представляется важным выделить особенности восприятия и описания информации у данного автора, так как его личность сочетала в себе и государственного чиновника, и народника. Для этого необходимо решить следующие исследовательские задачи:

- подробно проанализировать книгу С.А. Приклонского «Народная жизнь на Севере», и выявить моменты, где автор описывает интересующую нас проблему;
- выделить материалы, информацией из которых пользовался С.А. Приклонский при создании текста; попытаться оценить их новизну и важность для изучения истории края;
- попытаться сформулировать взгляд С.А. Приклонского на проблему – влияние старообрядчества на традиционное карельское общество на Русском Севере.

С.А. Приклонский, происходивший из другого региона и назначенный на службу в Олонецкую губернию, представлял собой «стороннего наблюдателя», который в отличие от местного чиновничества, не был ни с кем связан личными отношениями и мог объективно и беспристрастно описывать ситуацию и высказывать своё мнение о ней. Практически в каждой из одиннадцати глав книги, главной темой которой являются, безусловно, земельные отношения в крестьянской среде, встречается информация об особенностях описываемого края: «особые» территории Олонецкой губернии (например, Заонежье: Кузнецова 2015: 140-147), коренное население данной территории (карелы: Кузнецова 2014: 106-110), земельная реформа в крае (Кузнецова 2015: 208-211) и, конечно же, северное старообрядчество и его влияние на жизнь местного населения.

Источники, сведениями из которых пользовался С.А. Приклонский при создании текста, можно разделить на несколько групп: официальные документы канцелярии олонецкого губернатора (переписка чиновников, официальные донесения, статистические данные), данные периодической печати (статьи из Олонецких губернских ведомостей), литературу самих старообрядцев («История

Выговской старообрядческой пустыни» И. Филиппова) и личные записи, полученные посредством наблюдения, разговоров с местными жителями во время экспедиционных поездок по губернии.

Подробно изучив Выговский монастырь, С.А. Приклонский использовал в качестве источника информации один из основных источников по истории Выговского общежительства – книгу Ивана Филиппова «История Выговской старообрядческой пустыни». Также он использовал при исследовании указанной темы архивные материалы (официальные донесения, переписка чиновников, статистические данные) по истории Выгореции, которые хранились в канцелярии олонецкого губернатора. На сегодняшний день часть материалов С.А. Приклонского хранится в Российском государственном архиве литературы и искусств (РГАЛИ) в личном фонде другого народника А.С. Пругавина (РГАЛИ: Ф. 2167 Оп. 1 Ед. хр. 59).

Такой ценный источник, как периодическая печать, в частности, использование в своих исследованиях данных газеты «Олонецкие губернские ведомости» («ОГВ»), поставило работы С.А. Приклонского на высокий уровень. В указанном периодическом издании, печатавшемся в Олонецкой губернии почти восемьдесят лет (1838-1917), были опубликованы данные, освещавшие широкий спектр событий из различных областей жизни края: экономика, образование и деятельности промышленных предприятий, этнография, фольклор и история губернии. В том числе С.А. Приклонский нашёл там и сведения о старообрядчестве в Олонецкой губернии. Автор одним из первых начал вводить эти материалы в научный оборот.

В тексте С.А. Приклонского выделяется несколько тем, связанных со староверами:

- воздействие старообрядчества на образование в Олонецкой губернии;
- влияние на образ жизни и быт местного населения;
- роль староверия в монастырской жизни края.

Монастыри

Важно отметить, что, как и во всей книге, в сюжетах о старообрядчестве в крае центральное место занимает не только вопрос о вере, а и всё тот же вопрос о земле. Особенно отчётливо данный факт прослеживается в сюжете о роли старообрядчества в монастырской жизни края. Например, С.А. Приклонский подробно освещает деятельность крупнейшего центра староверов-беспоповцев на Русском Севере — Выговского монастыря. Исследование истории первых старообрядцев, поселившиеся на р. Выг, по мнению С.А. Приклонского, наглядно подтверждало несколько фактов: во-первых, доказывало удалённость и необитаемость этих земель, и, во-вторых, в полной мере описывало всю сложность и тяжесть «предстоявшей первым землепашцам <…> борьбы с природой» (Приклонский 1884: 88). Автор находит у И. Филиппова подтверждение тому, что самым распространённым у первых поселенцев-старообрядцев на Выге орудием земледельческого труда была мотыга или «копарюга», что для освоения подсеки

малыми силами часто использовался огонь. То есть, С.А. Приклонский в своих данных о первых старообрядцах на р. Выг изучает, в первую очередь, именно их экономический уклад.

Образование

С.А. Приклонский, рассматривая вопрос об образовании в Олонецкой губернии, отмечал, что старообрядчество оказало сильнейшее влияние и на эту область. В частности, автор отмечает, что очень часто «во главе староверов стояли сельские богачи», которых народ воспринимал «как своих вождей и руководителей» и потому этот самый народ «на севере 200 лет отстаивал староверие» (Приклонский 1884: 235). То есть большая часть «сельских богачей» (которые по мнению С.А. Приклонского были основными поборниками развития образования), ратовавших за распространения образования в народ, по мнению автора, относилась именно к старообрядческой части населения.

Он указывал, что образование у старообрядцев состояло из нескольких ступеней: сначала «староверческие «мастера» и «мастерицы»» обучали грамоте крестьянских детей, ориентируясь на религиозную сторону образования. Затем образовательная практика могла быть продолжена в старообрядческих центрах, которые всегда являлись не только местами культа, но и местами распространения культуры; а в дальнейшем человек мог и сам стать наставником (при условии, что он придерживался старообрядчества) и сам мог обучать желающих. Обучающие грамоте крестьянских детей «староверческие «мастера» и «мастерицы», согласно выводам автора, стали основоположниками народной школы в Олонецкой губернии (Приклонский 1884: 317). Правительство Николая I в 40-е гг. XIX в. уничтожило крупнейший центр поморского старообрядчества, тем самым ещё более замедлив распространение в народе грамотности, так как альтернативы крестьянам на тот момент предложено не было. Именно старообрядческие наставники часто были «основными источниками обучения», а церковноприходские и земские школы были открыты лишь в 60-е гг. и 70-е гг. XIX в. соответственно. Автор указывал, что, совершая поездки по губернии в период чиновничьей службы, не раз слышал от самих старообрядцев, что именно правительственные меры борьбы «с расколом» повлияли на упадок грамотности в народе (Приклонский 1884: 318).

Однако С.А. Приклонский здесь же полагал, что грамотность в народной среде распространялась слишком медленно, так как старообрядческие наставники ориентировались на религиозную сторону образования. Возможно, С.А. Приклонский не совсем точно разобрался с особенностями отношений в крестьянской среде, где приверженцы РПЦ делились на две категории: первые не отдавали своих детей в обучение к старообрядцам, вторые, наоборот, могли воспользоваться такой возможностью.

Таким образом, распространение грамотности зависело и от распространения старообрядчества на обозначенной территории, и от настроений населения, а не только от односторонности получаемого образования.

Культура и быт

Что касается влияния старообрядчества на жизнь и быт местного населения, то С.А. Приклонский находит у того же И. Филиппова интересные сведения о благотворительности в старообрядческой среде, которая ставила мирского человека в один ряд с подвижниками староверия. Например, он приводит читателю историю крестьянина Аверкия (который, исходя из источника информации, старообрядца), который сначала на собственные средства устроил мост в своей деревне, а затем, когда поселился в Выговском общежительстве, устроил мост через реку Выг (Приклонский 1884: 249). В этом сюжете С.А. Приклонский увидел важный для понимания особенности старообрядчества момент: любовь к труду и стремление к благотворительности, а также ценность этих действий в глазах общины. Старообрядце мог «прославиться» среди местного населения не только духовными подвигами, но и подвигами трудовыми.

В вопросе о распространении старобрядчества в крае и отстаивании здесь его интересов С.А. Приклонский делает интересное заключение. А именно, он указывает, что «во главе староверов стояли сельские богачи», которых народ воспринимал «как своих вождей и руководителей» и потому этот самый народ «на севере 200 лет отстаивал староверие» (Приклонский 1884: 235). В данном утверждении сочетаются несколько фактов: во-первых, автор признаёт, что именно обеспеченные члены крестьянской старообрядческой общины являлись её лидерами, во-вторых, он отмечает, что не только и не столько духовная составляющая, вероятно, стала основополагающей в столь широком распространении старообрядчества в Олонецкой губернии. Безусловно, руководящая административная роль самых крепких крестьян-хозяев была характерна для крестьянского мира всегда. Но С.А. Прклонский приводит читателю важный факт для размышления о том, что в распространении старообрядчества на карельской земле, возможно, сыграл важную роль экономический фактор, а не только религиозные взгляды и удалённость этой территории от центра, столь выгодная для старообрядцев.

Важным влиянием на местное население старообрядчества С.А. Приклонский считает повсеместно распространённую чистоплотность. На личном опыте, совершая инспекционные поездки по губернии, в которых ему часто приходилось бывать или останавливаться в домах крестьян, автор отмечал, что «чем сильнее и живее староверческое влияние» было в деревне, «тем чистоплотнее содержался дом», в котором он оказывался (Приклонский 1884: 238). То есть данную особенность — стремление крестьян поддерживать в домах чистоту, иногда доходившую «до чего-то феноменального» - С.А. Приклонский приписывает именно влиянию старообрядчества, воспитания прежде всего женщин «в поморских скитах», «в Лексинском и Даниловском староверческих монастырях». Это стремление к чистоте, указывает автор, особенно поразило его в бедных домах, где часто пол и стены могли быть «покрыты прогнившими дырами», но при этом «ни следа грязи» не было в этой почти развалившейся избе. Вероятно, С.А. Приклонский такой вывод сделал, так как довольно часто встречал такие или сходные примеры, совершая поездки по губернии, и это даёт основание полагать, что, во-первых, со старообрядческим

населением он мог контактировать достаточно часто, и, во-вторых, С.А. Приклонский мог наблюдать среди карельского населения широкое распространение «староверческих традиций».

Значимую особенность, которая практически всегда являлась характеристикой именно старообрядческого карельского населения, — трезвость — автор, видимо, переносит на всех карельских крестьян, указывая, что «олончане — народ трезвый, самый непьющий» (Приклонский 1884: 242). И здесь автор, по-видимому, вновь столкнулся с перенесением и укоренением старообрядческих традиций в народ. С подобным фактом столкнулся в первой половине XIX. Э. Лённрот в Беломорской Карелии (Лённрот 1985; Шикалов 2014: 10).

Кроме того, С.А. Приклонский отмечает, что в быту старообрядцев в Олонецкой губернии были широко распространены предметы духовной культуры, созданные в Выговском монастыре. В частности, автор указывает, что, совершая поездки по краю, часто видел «в домах у олонецких карел» картины «работы <…> поморских иконописцев (Приклонский 1884: 259). Это были не иконы, а именно картины, созданные в одном из крупнейших старообрядческих центров Русского Севера, а значит нёсшие не только культурную, но и духовно-воспитательную функцию. По мнению С.А. Приклонского, аллегорическое изображение должно было напоминать зрителю о «мрачности и безнадёжности» современного мира, каким его видели поморские насельники, и о «царстве света и радости», которое наступить в будущем (Приклонский 1884: 259-260). И данный старообрядческий взгляд на современный мир представлялся автору вполне реальным и обоснованным, так как народ платил «слишком дорогую цену» за «свет цивилизации», который ему несла интеллигенция.

Таким образом, народник Сергей Алексеевич Приклонский в книге «Народная жизнь на Севере» сделал вывод о том, что представители религиозной группы старообрядцев оказывали влияние на традиционное карельское общество в Олонецкой губернии в трёх областях: на образование, на образ жизни и быт, на монастырскую жизни края. Особо автор подчёркивал, что в распространении староверия в Олонецкой губернии, вероятнее всего, сыграл значительную роль именно экономический фактор. Старообрядческих хозяйства были одними из самых крепких в этом сложном для земледелия крае, что не могло не добавлять авторитета их владельцам, а значит и привлекать внимание к их религиозным взглядам, тесно переплетавшимся с бытовыми традициями. Также население довольно часто перенимало лучшие старообрядческие традиции (трезвость, отказ от курения, стремление к чистоте и т.д.). То есть часто не только и не столько религиозные взгляды и удалённость территории от центра играли важную роль в распространении старообрядчества, а их положительные характеристики с точки зрения местного сообщества способствовали этому.

Публицистический талант С.А. Приклонского оценили по достоинству его современники и потомки. Помимо чёткости в изложении материала, а также вынесении на всеобщее обсуждение злободневных обществу тем несомненным достоинством автора был тот факт, что С.А. Приклонский знал и понимал устройство государственных учреждений, их работу и административный порядок в

целом, что стало возможным благодаря десятилетней службе в канцелярии олонецкого губернатора. С.А. Приклонский подошёл к написанию книги с объективных позиций, выделив как положительные, так и отрицательные моменты влияния на традиционное карельское общество старообрядчества, подробно описав проблемы и пробелы в знаниях по указанной проблеме, которые существовали у чиновничества и интеллигенции. Всё это позволяет считать материал С.А. Приклонского, наряду с другими известными работами краеведов, исследователей и путешественников, побывавших в Олонецкой губернии, ценным источником, освещавшим в том числе и вопросы о влиянии религии на местное сообщество. Его работа даёт возможность дополнить уже имеющуюся информацию о крае, жизни местного населения и его реакции на сосуществование со специфической религиозной группой староверов.

ЛИТЕРАТУРА

Иванова 2013 - *Иванова Л.* Законы «лесного царства»: народные традиции экологического воспитания // Карельская семья во второй половине XIX – начале XXI в.: этнокультурная традиция в контексте социальных трансформаций. Петрозаводск, 2013. С. 180-210.

Камкин 1992 - *Камкин А.* Православная церковь на Севере России: очерки истории до 1917 года. Вологда, 1992. 164 с.

Каптерев 1912 - *Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович (Репринт издания 1912 года). М., 1996. 533 с.

Касторнов 2002 - *Касторнов С.Н.* Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX – начала XX вв.: Сравнительный анализ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Орел, 2002. 310 с.

Костомаров 1992 - *Костомаров Н.И.* Деятели русской церкви в старину. Мюнхен, 1922. 117 с.

Кузнецова 2015 - *Кузнецова Н.Ю.* Заонежье глазами С.А. Приклонского // Церковь Преображения Господня: 300 лет на заонежской земле: Материалы Всеросийской научной конференции, приуроченной к 300-летию Преображенской церкви на острове Кижи. Петрозаводск, 2015. С. 140-147.

Кузнецова 2015 - *Кузнецова Н.Ю.* Земельная реформа и её итоги в Олонецкой губернии: взгляд С.А. Приклонского в книге «Народная жизнь на Севере» // Россия как традиционное общество: история, реалии, перспективы. Уфа, 2015. С. 208-211.

Кузнецова 2014 - *Кузнецова Н.Ю.* Монастыри Русского Севера в исследованиях А.С. Пругавина и С.А. Приклонского // Научный электронный журнал CARELICA. 2014. № 1 (11). С. 42-50.

Кузнецова 2014 - *Кузнецова Н.Ю.* Образ жителя Олонецкой губернии второй половины XIX века в книге С.А. Приклонского «Народная жизнь на Севере» // Карелы: осмысление исторического опыта: материалы научно-практической конференции. Петрозаводск, 2014. С. 106-110.

Лихачев 2004 - *Лихачев Д.С.* Русский Север // Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. М.; Архангельск, 2004. С. 3-4.

Леннрот 1985 - *Леннрот Э.* Путешествия Элиаса Лённрота: путевые заметки, дневники, письма, 1828-1842 / перевод с финского В.И. Кийранен и Р.П. Ремшуевой. Петрозаводск, 1985. 320 с.

Приклонский 1884 - *Приклонский С.А.* Народная жизнь на Севере. М., 1884. 367 с.

Пругавин 1905 - *Пругавин А.С.* Раскол и сектантство в русской народной жизни. М., 1905. 95 с.

Пулькин 1999 - *Пулькин М.* Православие в Карелии (XV – первая треть XX в.). М., 1999. 205 с.

РГАЛИ - Российский государственный архив литератур и искусств. Ф. 2167. Оп. 1. Ед. хр. 59. «Записки и письма по истории Выгорецких скитов, присланные Пругавину А.С. Приклонским С.А.».

Сурхаско 1987 - *Сурхаско Ю.* Проявления двоеверия в традиционной семейной обрядности карел // Православие в Карелии: история и современность: атеистические очерки. Петрозаводск, 1987. С. 55-64.

Шикалов 2014 - *Шикалов Ю.Г.* О стереотипах вообще и о финских стереотипах Карелии в частности // Язычники, православные, сектанты, лютеране?: Религиозная ситуация в Беломорской Карелии (вторая половина XIX – начало XX века). Петрозаводск, 2014. С. 7-13.

Шикалов 2014 - *Шикалов Ю.Г.* О карельской картине мира // Язычники, православные, сектанты, лютеране?: Религиозная ситуация в Беломорской Карелии (вторая половина XIX – начало XX века). Петрозаводск, 2014. С. 82-86.

REFERENCES

Ivanova 2013 - *Ivanova L.* Zakony «lesnogo carstva»: narodnye tradicii jekologicheskogo vospitanija [Laws of «a forest kingdom»: national traditions of ecological education], in: Karel'skaja sem'ja vo vtoroj polovine XIX – nachale XXI v.: jetnokul'turnaja tradicija v kontekste social'nyh transformacij [The Karelian family in the second half of XIX – the beginning of the XXI century: ethnocultural tradition in the context of social transformations], Petrozavodsk, 2013, pp. 180-210 [in Russian].

Kamkin 1992 - *Kamkin A.* Pravoslavnaja cerkov' na Severe Rossii: ocherki istorii do 1917 goda [Orthodox church in the north of Russia: history sketches till 1917], Vologda, 1992, 164 p. [in Russian].

Kapterev 1912 - *Kapterev N.F.* Patriarh Nikon i car' Aleksej Mihajlovich (Reprint izdanija 1912 goda) [Patriarch Nikon and tsar Alexey Mikhaylovich (Reprint of the edition of 1912)], Moscow, 1996, 533 p. [in Russian].

Kastornov 2002 - *Kastornov S.N.* Narodniki-reformisty o social'nyh i obshhestvenno-politicheskih problemah Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv.: Sravnitel'nyj analiz. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Populists reformists about social and social and political problems of Russia of the second half of XIX – the beginnings of the XX centuries: Comparative analysis. The thesis for degree of the candidate of historical sciences], Orel, 2002, 310 p. [in Russian].

Kostomarov 1992 - *Kostomarov N.I.* Dejateli russkoj cerkvi v starinu [Figures of the Russian church in old times], Munich, 1922, 117 p. [in Russian].

Kuznecova 2014 - *Kuznecova N.Ju.* Monastyri Russkogo Severa v issledovanijah A.S. Prugavina i S.A. Priklonskogo [Monasteries of the Russian North in researches Ampere-second. Prugavin and S.A. Priklonsky], in: Nauchnyj jelektronnyj zhurnal CARELICA [Scientific electronic magazine CARELICA], 2014, № 1 (11), pp. 42-50 [in Russian].

Kuznecova 2014 - *Kuznecova N.Ju.* Obraz zhitelja Oloneckoj gubernii vtoroj poloviny XIX veka v knige S.A. Priklonskogo «Narodnaja zhizn' na Severe» [Image of the inhabitant of the Olonets province of the second half of the XIX century in the book S.A. Priklonsky «National life in the north»], in: Karely: osmyslenie istoricheskogo opyta: materialy nauchno-prakticheskoj konferencii [Karelians: judgment of historical experience: materials of scientific and practical conference], Petrozavodsk, 2014, pp. 106-110 [in Russian].

Kuznecova 2015 - *Kuznecova N.Ju.* Zaonezh'e glazami S.A. Priklonskogo [Zaonezhye S.A. Priklonsky's eyes], in: Cerkov' Preobrazhenija Gospodnja: 300 let na zaonezhskoj zemle: Materialy Vserosijskoj nauchnoj konferencii, priurochennoj k 300-letiju Preobrazhenskoj cerkvi na ostrove Kizhi [Church of the Transfiguration: 300 years on the zaonezhsky earth: Materials of the All-Russian scientific conference dated for the 300 anniversary of Church of the Transfiguration on the island of Kizhi], Petrozavodsk, 2015, pp. 140-147 [in Russian].

Kuznecova 2015 - *Kuznecova N.Ju.* Zemel'naja reforma i ejo itogi v Oloneckoj gubernii: vzgljad S.A. Priklonskogo v knige «Narodnaja zhizn' na Severe» [Land reform and its results in the Olonets province: S.A. Priklonsky's look in the book «National Life in the North»], in: Rossija kak tradicionnoe obshhestvo: istorija, realii, perspektivy [Russia as traditional society: history, realities, prospects], Ufa, 2015, pp. 208-211 [in Russian].

Lennrot 1985 - *Lennrot Je.* Puteshestvija Jeliasa Ljonnrota: putevye zametki, dnevniki, pis'ma, 1828-1842 / perevod s finskogo V.I. Kijranen i R.P. Remshuevoj [Elias Lönnrot travel: traveling notes, diaries, letters, 1828-1842 / translation from Finnish V.I. Kiyranen and R.P. Remshuyeva], Petrozavodsk, 1985, 320 p. [in Russian].

Lihachev 2004 - *Lihachev D.S.* Russkij Sever [Russian North], in: Gemp K.P. Skaz o Belomor'e. Slovar' pomorskih rechenij [Gemp K.P. The narration about Belomorye. Dictionary of the Pomor set phrases], Moscow; Arhangel'sk, 2004, pp. 3-4 [in Russian].

Priklonskij 1884 - *Priklonskij S.A.* Narodnaja zhizn' na Severe [National life in the north], Moscow, 1884, 367 p. [in Russian].

Prugavin 1905 - *Prugavin A.S.* Raskol i sektantstvo v russkoj narodnoj zhizni [Split and sectarianism in the Russian national life], Moscow, 1905, 95 p. [in Russian].

Pul'kin 1999 - *Pul'kin M.* Pravoslavie v Karelii (XV – pervaja tret' XX v.) [Orthodoxy in Karelia (XV – the first third of the XX century)], Moscow, 1999, 205 p. [in Russian].

RGALI - Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatur i iskusstv. F. 2167. Op. 1. Ed. hr. 59. «Zapiski i pis'ma po istorii Vygoreckih skitov, prislannye Prugavinu A.S. Priklonskim S.A.» [Russian state archive of literatures and arts. Fund 2167. Inventory 1. Unit of storage 59. «Notes and letters on the stories of Vygoretsky monasteries sent to Prugavin A.S. Priklonskim S.A.»] [in Russian].

Shikalov 2014 - *Shikalov Ju.G.* O karel'skoj kartine mira [About the Karelian picture of the world], in: Jazychniki, pravoslavnye, sektanty, ljuterane?: Religioznaja situacija v Belomorskoj Karelii (vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka) [Pagans, Orthodox Christians, sectarians, Lutherans?: A religious situation in Belomorskaya Karelia (the second half of XIX – the beginning of the XX century)], Petrozavodsk, 2014, pp. 82-86 [in Russian].

Shikalov 2014 - *Shikalov Ju.G.* O stereotipah voobshhe i o finskih stereotipah Karelii v chastnosti [About stereotypes in general and about the Finnish stereotypes of Karelia in particular], in: Jazychniki, pravoslavnye, sektanty, ljuterane?: Religioznaja situacija v Belomorskoj Karelii (vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka) [Pagans, Orthodox Christians, sectarians, Lutherans?: A religious situation in Belomorskaya Karelia (the second half of XIX – the beginning of the XX century)], Petrozavodsk, 2014, pp. 7-13 [in Russian].

Surhasko 1987 - *Surhasko Ju.* Projavlenija dvoeverija v tradicionnoj semejnoj obrjadnosti karel [Manifestations a dvoyeveriya in traditional family ceremonialism the Karelian], in: Pravoslavie v Karelii: istorija i sovremennost': ateisticheskie ocherki [Orthodoxy in Karelia: history and present: atheistic sketches], Petrozavodsk, 1987, pp. 55-64 [in Russian].

Кузнецова Наталья Юрьевна – Аспирант Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия).
Natalia Kuznetsova – Postgraduate student of Institute of History, Political and Social Sciences of Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).
E-mail: foliage.07@mail.ru

УДК 94(430)(093)

РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК: НЕМЦЫ В РОССИИ: НЕМЕЦКИЙ МИР САНКТ-ПЕТЕРБУРГА / ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ ДИТТМАР ДАЛЬМАНН И ГАЛИНА СМАГИНА. СПБ.: РОСТОК, 2015. 687 с.

Богдан В.-И.Т.
Российская академия художеств
Россия, 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, 21
e-mail: veronica_bogdan@mail.ru

Авторское резюме

В рецензии рассматривается сборник статей, изданный под редакцией известных ученых Диттмара Дильманна и Г.И. Смагиной, посвященный вопросам изучения вклада немцев в различные области развития культуры, науки и образования Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: немцы в России, немецкий мир Санкт-Петербурга, российско-немецкий диалог, немецкие колонисты в России.

BOOK REVIEW: THE GERMANS IN RUSSIA: GERMAN WORLD OF ST. PETERSBURG / RESPONSIBLE EDITORS DITTMAR DAHLMANN AND GALINA SMAGINA. ST. PETERSBURG: ROSTOK, 2015. 687 p.

Veronica Irina Bogdan
Russian academy of Arts
21 The Prechistenka Street, Moscow, 119034, Russia
e-mail: veronica_bogdan@mail.ru

Abstract

A review of a collection of articles published under the editorship of famous scientists Dittmar Dilmanov and Galina Smagina, devoted to the study of the German contribution to the development of various fields of culture, science and education in St. Petersburg.

Keywords: the Germans in Russia, the German world of St. Petersburg, the Russian- German dialogue, the German colonists in Russia.

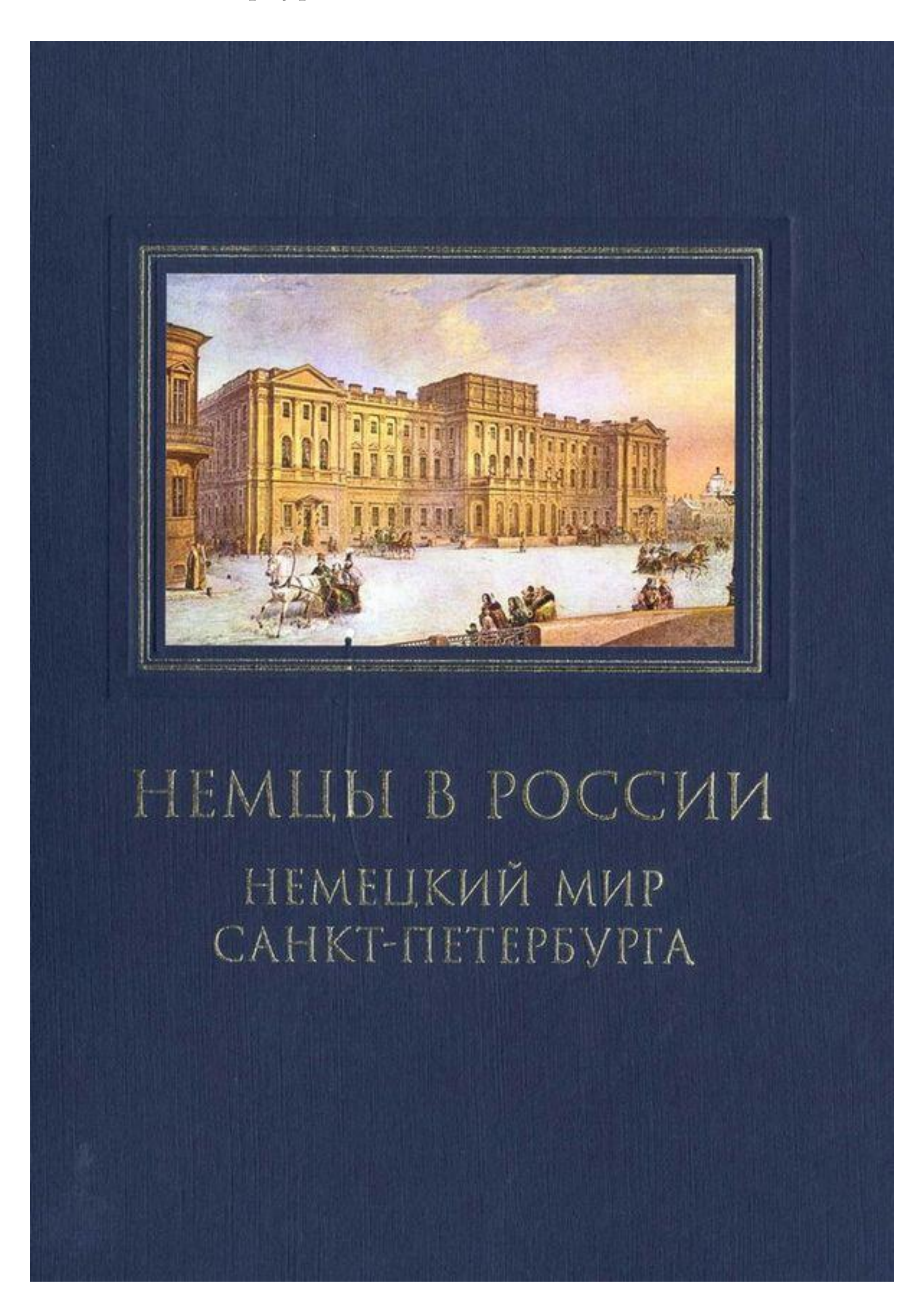
* * *

Актуальность материалов сборника «Немецкий мир Санкт-Петербурга» и современной проблематики русско-немецкого межкультурного диалога очевидна, ибо обусловлена исторической связью двух стран, а также перспективами контактов в различных сферах отношений.

Сборник «Немецкий мир Санкт-Петербурга» – уникальный том исследований, статей и воспоминаний, основанный на редких архивных материалах, многие из

которых публикуются впервые. Это пример нового взгляда на опыт взаимовлияния России и Германии, базирующийся на изучении духовных традиций.

Сборник «Немецкий мир Санкт-Петербурга» является одиннадцатым по счету и продолжает серию книг, подготовленных по материалам международного семинара «Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи» (Немцы 1998; Немцы в России 1998; Немцы в России 1998а; Немцы в России 1999; Немцы в России 2000; Немцы в России 2001; Немцы в России 2003; Немцы в Санкт-Петербурге 2005; Миллер 2007; Немцы в России 2011). В основу издания легли доклады, сделанные российскими и немецкими учеными на научных конференциях, проходивших в Санкт-Петербурге.

Семинар «Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи» был основан весной 1990 года (Об истории и деятельности семинара см. статью: Смагина 2011: 469-489). Его организаторами многие годы являются Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН и Библиотека Академии наук. В работе семинара принимают участие представители многих гуманитарных и ряда естественнонаучных академических институтов, сотрудники ведущих гуманитарных и творческих вузов, библиотек, архивов и музеев Санкт-Петербурга, а также исследователи из других городов России и Германии, занимающиеся немецкой темой в разных аспектах.

В сборник вошли сорок статей, отражающих многообразие контактов двух стран в различные периоды истории. Книгу можно разделить на четыре раздела.

Первый раздел – «Просвещенный благотворитель принц П.Г. Ольденбургский (к 200-летию со дня рождения) – посвящен деятельности принца Петра Георгиевича Ольденбургского (1812 – 1881), чей вклад в культурное наследие и жизнь Санкт-Петербурга трудно переоценить. В статьях затронута реформаторская деятельность принца в сфере образования, рассказывается об истории основанного им Детского приюта и Гимназии, о Женском институте принцессы Терезы, супруги принца Петра Георгиевича, о Гимназии имени принцессы Е.М. Ольденбургской, а также о врачах – российских немцах, в разное время добросовестно служивших в Детской больнице имени К.А. Раухфуса, построенной на средства П.Г. Ольденбургского и о работе этих учреждений в настоящее время.

Большой интерес представляет статья Э.А. Анненковой, посвященная жизненному пути дочери принца Ольденбургского – великой княгине Александре Петровне. Основав Свято-Покровский женский монастырь в Киеве и приняв иночество, Александра Петровна воплотила в жизнь идею «живого монашества», заключавшуюся в оказании реальной помощи больным, старикам, сиротам, в предоставлении возможности детям из беднейших семей получить бесплатное начальное образование. Статья написана на основе новых архивных материалов.

Во втором разделе сборника на конкретных примерах рассмотрен вклад немецких ученых, педагогов, врачей, архитекторов и представителей других творческих профессий в развитие науки, культуры и образования Российской империи. В статьях речь идет об истории возникновения Немецкого театра в Санкт-Петербурге, об орга́нах лютеранской церкви св. Петра, о самоотверженной работе врачей-немцев в Мариинской больнице и их участии в Отечественной войне 1812 года, о педагогической деятельности В.А. Эртеля – одного из воспитателей цесаревича Александра Николаевича. Особенно убедительны статьи, основанные на новых материалах, раскрывающие роль отдельных личностей в развитии научных и художественных сфер Петербурга: о Фридрихе Брюлло – профессоре Императорской Академии художеств, представителе знаменитой династии художников Брюлловых; о Ф.П. Литке – выдающемся ученом, мореплавателе, президенте Императорской Академии наук, одном из основателей Русского Геграфического общества, об историке А.Г. Брикнере, о петербургском химике Ф.К. Бейльштейне и других деятелях.

Российско-немецкому культурному диалогу посвящен третий раздел книги. В нем собраны статьи, освещающие социокультурные взаимодействия российских и немецких деятелей в самых различных сферах общения. Затрагивается история появления колокололитейных мастеров из Германии на Руси в XI–XVII вв.; обрисован образ России, представленный на страницах гамбургских журналов; дан анализ контактов немецких и российских ученых в области физиологической химии и социальной гигиены; рассмотрены некоторые аспекты германско-советской/российской научной школы в области хантоведения. Авторы обратились к особенностям современного российско-немецкого диалога по воспитанию трудных подростков, описывают восприятие русскими немецких городов.

В библиографическом обзоре «В поисках русских следов в немецких городах», охватывающем период с 1990-х по 2011 год, рассказано о пути в Германию российских путешественников, среди которых были ученые, государственные и общественные деятели, купцы и военные, студенты и стажеры, гости и туристы, переселенцы, а также союзники и противники в периоды войн. Автор приводит много фактов, свидетельствующих о стремлении к духовному сближению, осуществляющемся через знакомства и встречи людей, осознание прошлого.

Важная тема затронута в статье «Российско-немецкий диалог в области воспитания трудных подростков».

Отдельная глава отведена разделу «Люди и судьбы», в которую включены статьи о жизни и быте немецких колонистов в России, о дипломатической службе баронов Будбергов и Кноррингов. Авторы описывают драматические, порой трагические, а иногда счастливые судьбы своих героев или предков, людей различного происхождения и социального статуса.

Одна из статей посвящена судьбе немецкой принцессы Фредерики-Шарлотты-Марии Вюртембергской (великой княгини Елены Павловны), супруги великого князя Михаила Павловича. Принцесса вошла в историю России не только как покровительница искусств и наук, основавшая Русское музыкальное общество, Петербургскую консерваторию, Крестовоздвиженскую общину сестер милосердия, но и как сторонница отмены крепостного права.

Рижский род купцов Беров достиг больших высот на государственной службе в Российской империи. Прибыв в Россию в самом начале екатерининской эпохи, Беры хорошо адаптировались, получили дворянство и дали государству несколько поколений крупных чиновников и офицеров. Среди успешных представителей рода Беров были два сенатора, заместитель министра финансов, губернский прокурор, вице-губернатор, высшие чиновники Министерства двора и уделов, тайные и статские советники, секретари посольств и высшие офицеры.

В этом же разделе опубликован материал о трагической судьбе немецкого рабочего-коммуниста Арно Адольфовича Плантенера (1909–1938). В 1931 году он эмигрировал в СССР, прибыл в Ленинград. Работал наборщиком в типографии им. Володарского, где печатали газету «Rote Zeitung», выходившая на немецком языке. Он увлекся литературным творчеством, переводил на немецкий язык произведения А.С.Пушкина, А.М. Горького, С.Я. Маршака и других. В ноябре 1937 года арестован и обвинен в шпионаже в пользу Германии, а в январе 1938 года – расстрелян. С.

Брокманн (Плантенер) на основе писем отца из Ленинграда, адресованных родственникам в Германии, сделала попытку восстановить страницы его жизни. Дочь поделилась и собственными воспоминаниями, а также семейными фотографиями. Важным дополнением к этому является статья Г.И. Смагиной о А.А. Плантенере, написанная на основе следственного дела из Архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ФСБ) по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (№ П-28307).

В заключительной части книги представлены рецензии на новую литературу по тематике сборника.

Для одиннадцатого тома «Немцы в России», как и для предыдущих выпусков, характерны большое тематическое и хронологическое разнообразие материалов, участие в издании ученых разных специальностей и авторов из многих городов России и Германии. Сборник включает исследования, основанные в большинстве случаев на новых источниках и материалах. В издание вошло 208 иллюстраций, часть которых публикуется впервые.

Публикация сборника осуществлена при финансовом содействии Уполномоченного по делам культуры и средств массовой информации Федерального правительства на основании решения Федерального парламента Германии и Философского факультета Рейнского Университета имени Фридриха Вильгельма в Бонне.

ЛИТЕРАТУРА

Миллер 2007 - Г.Ф. Миллер и русская культура / Ответственные редакторы Д. Дальманн, Г.И. Смагина. СПб.: Росток, 2007.

Немцы 1998 - Немцы и развитие образования в России / Ответственный редактор Г.И. Смагина. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998.

Немцы в России 1998 - Немцы в России: проблемы культурного взаимодействия / Ответственный редактор Л.В. Славгородская. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998.

Немцы в России 1998а - Немцы в России: люди и судьбы / Ответственный редактор Л.В. Славгородская. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998.

Немцы в России 1999 - Немцы в России: петербургские немцы / Ответственный редактор Г.И. Смагина. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.

Немцы в России 2000 - Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи / Ответственный редактор Г.И. Смагина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.

Немцы в России 2001 - Немцы в России: российско-немецкий диалог / Ответственный редактор Г.И. Смагина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.

Немцы в России 2003 - Немцы в России: три века научного сотрудничества / Ответственный редактор Г.И. Смагина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

Немцы в России 2011 - Немцы в России: встречи на перекрестке культур / Ответственные редакторы Д. Дальманн, Г.И. Смагина. СПб.: Росток, 2011.

Немцы в Санкт-Петербурге 2005 - Немцы в Санкт-Петербурге: наука, культура и образование / Ответственный редактор Г.И. Смагина. СПб.: Росток, 2005.

Смагина 2011 - *Смагина Г.И.* Семинар «Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи: 20 лет деятельности» // Немцы в России: встречи на перекрестке культур. СПб.: Росток, 2011. С. 469-489.

REFERENCES

Miller 2007 - G.F. Miller i russkaja kul'tura / Otvetstvennye redaktory D. Dal'mann, G.I. Smagina [G.F. Miller and Russian culture / Editor-in-chief D. Dalmann, G.I. Smagina], St. Petersburg, Rostok Publ., 2007 [in Russian].

Nemcy 1998 - Nemcy i razvitie obrazovanija v Rossii / Otvetstvennyj redaktor G.I. Smagina [Germans and a development of education in the Russia / Editor-in-chief G.I. Smagina], St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 1998 [in Russian].

Nemcy v Rossii 1998 - Nemcy v Rossii: problemy kul'turnogo vzaimodejstvija / Otvetstvennyj redaktor L.V. Slavgorodskaja [Germans in Russia: problems of cultural interaction / Editor-in-chief L.V. Slavgorodskaya], St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 1998 [in Russian].

Nemcy v Rossii 1998a - Nemcy v Rossii: ljudi i sud'by / Otvetstvennyj redaktor L.V. Slavgorodskaja [Germans in Russia: people and Destiny / Editor-in-chief L.V. Slavgorodskaya], St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 1998 [in Russian].

Nemcy v Rossii 1999 - Nemcy v Rossii: peterburgskie nemcy / Otvetstvennyj redaktor G.I. Smagina [Germans in Russia: St. Petersburg Germans / Editor-in-chief G.I. Smagina], St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 1999 [in Russian].

Nemcy v Rossii 2000 - Nemcy v Rossii: russko-nemeckie nauchnye i kul'turnye svjazi / Otvetstvennyj redaktor G.I. Smagina [Germans in Russia: Russian-German scientific and cultural ties / Editor-in-chief G.I. Smagina], St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2000 [in Russian].

Nemcy v Rossii 2001 - Nemcy v Rossii: rossijsko-nemeckij dialog / Otvetstvennyj redaktor G.I. Smagina [Germans in Russia: Russian-German dialogue / Editor-in-chief of G.I. Smagina], St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2001 [in Russian].

Nemcy v Rossii 2003 - Nemcy v Rossii: tri veka nauchnogo sotrudnichestva / Otvetstvennyj redaktor G.I. Smagina [Germans in Russia: three centuries of scientific cooperation / Editor-in-chief G.I. Smagina], St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2003 [in Russian].

Nemcy v Rossii 2011 - Nemcy v Rossii: vstrechi na perekrestke kul'tur / Otvetstvennye redaktory D. Dal'mann, G.I. Smagina [Germans in Russia: meetings at the intersection the Cultures / Editor-in-chief D. Dalmann, G.I. Smagina], St. Petersburg, Rostok Publ., 2011 [in Russian].

Nemcy v Sankt-Peterburge 2005 - Nemcy v Sankt-Peterburge: nauka, kul'tura i obrazovanie / Otvetstvennyj redaktor G.I. Smagina [Germans in St. Petersburg: science, culture and Education / Editor-in-chief G.I. Smagina], St. Petersburg, Rostok Publ., 2005 [in Russian].

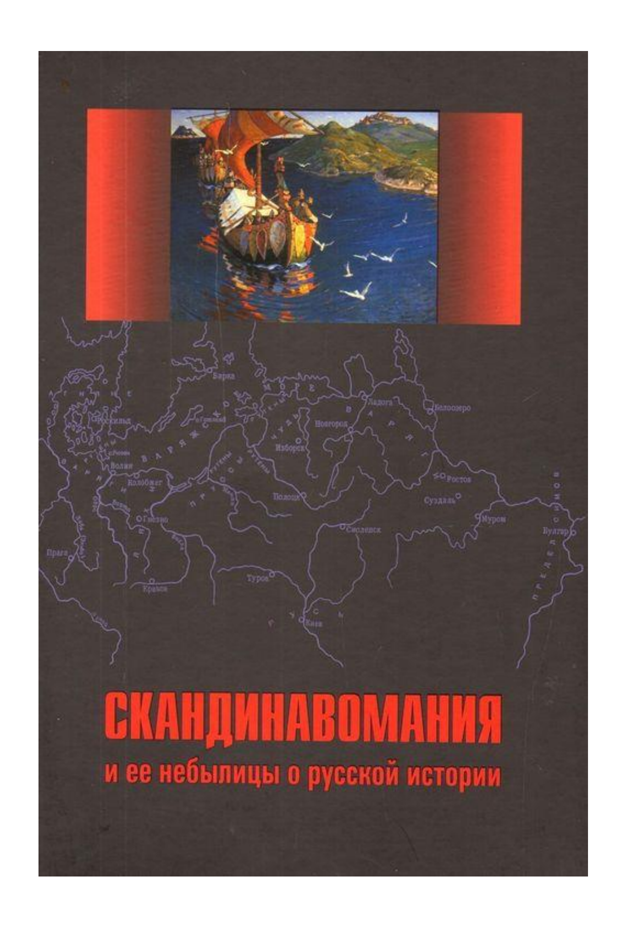
Smagina 2011 - *Smagina G.I.* Seminar «Nemcy v Rossii: russko-nemeckie nauchnye i kul'turnye svjazi: 20 let dejatel'nosti» [A seminar «Germans in Russia: Russian-German scientific and cultural ties: 20 years of activity»], in: Nemcy v Rossii: vstrechi na perekrestke kul'tur [Germans in Russia: meetings at the intersection of cultures], St. Petersburg, Rostok Publ., 2011, pp. 469-489 [in Russian].

Богдан Вероника-Ирина Трояновна – Кандидат искусствоведения, заместитель директора по научной работе Научно-исследовательского музея при Российской академии художеств, член-корреспондент Российской академии художеств (Москва, Россия).
Veronica Irina Bogdan – PhD, Vice Director for research of the Scientific Research Museum of the Russian Academy of Arts, Corresponding Member of the Russian Academy of Arts (Moscow, Russia).
E-mail: veronica_bogdan@mail.ru

ИЗГНАНИЕ НОРМАННОВ ИЗ РУССКОЙ ИСТОРИИ

ВЫПУСК 4: СКАНДИНАВОМАНИЯ И ЕЁ НЕБЫЛИЦЫ О РУССКОЙ ИСТОРИИ

В четвертом сборнике серии «Изгнание норманнов из русской истории» публикуются работы норманистов и антинорманистов разных поколений по варяго-русскому вопросу, часть из которых давно забыта нашей наукой или вовсе ей неизвестна, как, например, монография А. Л. Шлецера «Опыт изучения русских летописей». Для специалистов и всех, кто интересуется родной историей.

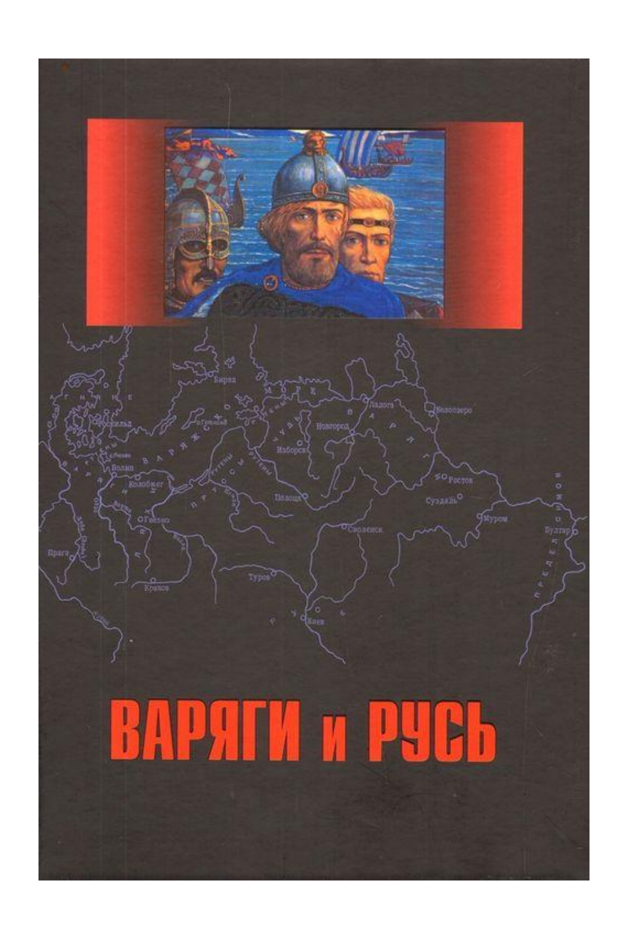

Издательство: Русская панорама
Год издания: 2015
Место издания: Москва
Язык текста: русский
Редактор/составитель: Фомин В.В.
Тип обложки: Твердый переплет
Формат: 170х240 мм (70х100 1/16)
Вес: 905 гр.
Страниц: 480
Тираж: 1000 экз.
ISBN: 978-5-93165-376-1

СОДЕРЖАНИЕ 4 ВЫПУСКА:

ВЫПУСК 5: ВАРЯГИ И РУСЬ

В пятом выпуске серии «Изгнание норманнов из русской истории» публикуются новые монографии крупнейших современных антинорманистов В.В. Фомина и Л.П. Грот, а также работы немецких историков Й. Геррмана и А. Пауля. Для специалистов и всех, кто интересуется родной историей.

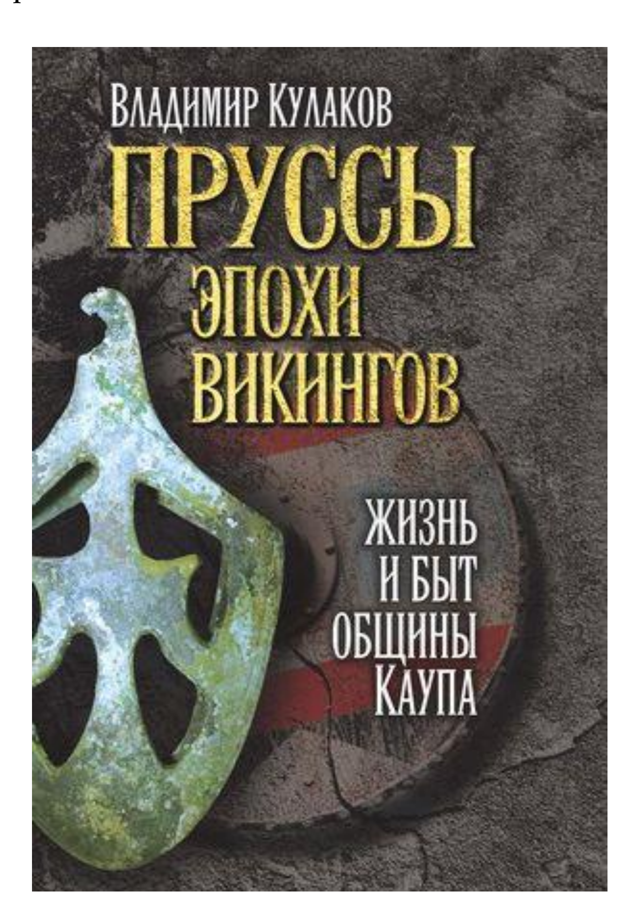

Издательство: Русская панорама
Год издания: 2015
Место издания: Москва
Язык текста: русский
Редактор/составитель: Фомин В.В.
Тип обложки: Твердый переплет
Формат: 170х240 мм (70х100 1/16)
Вес: 930 гр.
Страниц: 504
Тираж: 1000 экз.
ISBN: 978-5-93165-377-8

СОДЕРЖАНИЕ 5 ВЫПУСКА:

В.И. КУЛАКОВ
ПРУССЫ ЭПОХИ ВИКИНГОВ: ЖИЗНЬ И БЫТ ОБЩИНЫ КАУПА (М.: КНИЖНЫЙ МИР, 2016, 352 стр.)

Земля хранит бесчисленное множество тайн. Пусть уже открыты острова далёкой Океании и Великий Северный морской путь. Задолго до нас были завоёваны раскалённые просторы пустыни Такла-Макан и покорены седые от вековых снегов вершины Анд. На нашу долю, да и многим будущим поколениям, достанет открытий. В сущности, земля, которую попирают наши ноги, это - своеобразная машина времени. Сняв определённый пласт грунта, можно оказаться на уровне, на котором наши предки жили много сотен, а то и тысяч лет тому назад. Перед нами - книга, посвященная раскопкам одного из самых таинственных памятников археологии земли древних пруссов - могильника в урочище Кауп. Немецкие учёные в предвоенные годы лишь затронули край этого интереснейшего могильника, основной массив погребений которого был раскопан уже в наши дни. Немаловажно отметить, что данная книга - первое монографические издание на русском языке, посвященное опыту описания материальной культуры пруссов по результатам раскопок памятника археологии эпохи викингов.

Правила публикации в журнале

В соответствии с требованиями ВАК и наукометрических баз данных РИНЦ и Scopus в международном научном журнале «Исторический формат» вводятся следующие правила публикации.

Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Плата за публикацию в международном научном журнале «Исторический формат» не взимается. Авторский гонорар не выплачивается, не оплачивается рецензирование статей. Для обеспечения широкого доступа материалы журнала размещаются в Интернете: на сайте журнала, в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», в наукометрической базе данных РИНЦ и т.д.

Авторы статей, принятых к публикации высылают на электронный адрес редакции скан-копию бланка согласия, в котором дают разрешение на редактирование статьи, включение ее в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу указанных прав третьим лицам, при условии соблюдения их неимущественных авторских прав, извлечение из статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора/правообладателя, аннотации, библиографические материалы и пр.) с целью включения в базы данных РИНЦ и Scopus, и подтверждение, что материал ранее не был опубликован и не находится на рассмотрении и/или не принят к публикации в каком-либо ином издании. Бланк согласия должен быть подписан автором и заверен в организации, в которой он работает или обучается.

В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать поступившие статьи. Журнал не публикует авторские материалы, ранее напечатанные в других изданиях; материалы, не соответствующие тематике журнала; статьи, не содержащие новой информации либо содержащие фактологические, исторические или иные ошибки, которые не могут быть исправлены; статьи, содержащие утверждения и гипотезы, прямо противоречащие установленным научным фактам; литературно-художественные и публицистические произведения любого содержания, в том числе и на научную тему; любую информацию и объявления, не имеющие непосредственного отношения к научной деятельности; материалы, содержащие сведения, которые составляют государственную либо коммерческую тайну; материалы, содержащие оскорбления, клевету либо заведомо ложные сведения в отношении граждан и организаций.

Порядок сдачи материала:

Статья оформляется в соответствии с требованиями к оформлению материалов и высылается вместе со скан-копией заверенного бланка согласия на электронный адрес редакции: mail@histformat.com

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, IvanovStatya, IvanovBlank). Рукописи принимаются к рассмотрению непрерывно в течение года. Материал не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы, список литературы и прочие компоненты статьи), сообщения – 0,5 п.л., рецензии – 0,2 п.л.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию. Внутреннее рецензирование осуществляется редколлегией. Внешнее рецензирование научных материалов обеспечивается автором предоставленного материала и осуществляется специалистом соответствующего профиля, имеющим ученую степень доктора или кандидата наук. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

Требования к оформлению материалов:

Редколлегия журнала «Исторический формат» принимает только материалы, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму (формат Word, файл с расширением .doc .docx .rtf). Статья должна быть оформлена строго в соответствии общими требованиями к оформлению научных публикаций и тщательно вычитана.

Рукописи, направляемые в журнал, должны содержать следующие разделы:

1. Индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи, ФИО автора(ов), сведения об авторе, адресные данные (полное юридическое название организации, адрес организации, адрес электронной почты всех или одного автора), авторское резюме и ключевые слова на русском языке, адрес электронной почты. Объем аннотации должен включать от 100 до 250 слов. Ключевых слов и словосочетаний должно быть не более 10.
3. Те же данные, указанные на английском языке, в той же последовательности, что в п. 2. Авторское резюме на английском языке (Abstract) может отличаться от русского аналога, но обязательно должно быть максимально подробным, чтобы выполнять функцию независимого от статьи источника информации. Информация резюме на английском должна быть понятна и интересна англоязычному читателю, который мог бы без обращения к полному тексту получить наиболее полное представление о тематике и уровне исследования.
4. Полный текст статьи, оформленный в соответствии с действующими требованиями журнала, примечания, список использованной литературы (название «Литература»), список литературы в романском алфавите (название «References»).

Параметры оформления статьи: выравнивание – по ширине листа; первая строка – отступ 1,25; межстрочный интервал – одинарный; шрифт – Times New Roman; размер – 14; без автоматической расстановки переносов.

Иллюстрации (фотографии, рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) должны иметь сквозную нумерацию согласно их положению в тексте и дополнительно прилагаться в виде отдельных файлов. Иллюстрации предоставляются в форматах tif или jpeg (разрешением не менее 300 dpi).

При оформлении статьи используется «гарвардский стиль» – оформление библиографии, когда список литературы выстроен в алфавитном порядке, а отсылка в тексте оформляется через фамилию автора (или фамилия первого автора, если авторов несколько), год издания и по необходимости номер страницы.

5. Список литературы с последующей английской транслитерацией. Автоматизировать процесс транслитерации можно, воспользовавшись программным обеспечением, которое доступно по адресу http://translit.ru (в раскрывающемся списке «Варианты» выбирать BGN). После автоматического транслитерирования необходимо вручную проверить правильность полученного результата и внести необходимые коррективы. Транслитерированные ссылки должны содержать только значащие для аналитической обработки элементы (ФИО авторов, название первоисточника, выходные данные). В списке литературы названия работ на языках, использующих нелатинизированные алфавиты, должны быть переведены на английский и заключены в квадратные скобки; названия источников должны быть транслитерированы, в конце следует указать язык оригинала в квадратных скобках. В случае цитирования книги название издательства (если это название учреждения) должно быть переведено на английский язык, во всех остальных случаях — транслитерировано, место издания — переведено.

Примером оформления публикации может служить любая статья в последнем опубликованном номере журнала. Просим авторов обратить на это внимание и следовать принятым правилам оформления материалов.

* * *

международный научный журнал

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

2016, № 2

* * *

ЭЛЕКТРОННОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Дата выхода номера: 20.07.2016
Формат 210x297
Электронный файл PDF
Гарнитура «Palatino Linotype»

Издатель: Редакция журнала «Исторический формат»

* * *

Email редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: http://histformat.com/

ISSN 2411-9415